

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ
ПРАЗДНИКИ
В ЭЛЛАДЕ И СЕВЕРНОМ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

КИЕВ

2009

Книга представляет первый опыт комплексного изучения праздников в Элладе и в античных городах Северного Причерноморья в VI-I вв. до н. э. Актуальность темы исследования заключается в том, что древние государственные праздники консолидировали людей перед лицом отеческих богов, составляли структурообразующий фактор общественного бытия и являлись неотъемлемой частью религии и культуры античного общества. Работа построена на изучении литературных и эпиграфических источников, к ней широко привлечены памятники материальной культуры, в первую очередь произведения изобразительного искусства. Автор описывает основные праздники Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и некоторых боспорских городов, выявляет генетическое сходство этих праздников со многими торжествами в Элладе, впервые обобщает разнообразные свидетельства об участии граждан из городов Северного Причерноморья в крупнейших праздниках Аполлона в Милете, Дельфах и на острове Делосе, а также в Панафинях и Элевсинских мистериях.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций; она написана для историков, археологов, музейных работников, студентов и всех интересующихся античной историей и культурой.

*«Единение людей, равно как и воспитание чувств,
лучше прочего происходит посредством праздника»*

Жюль Мишле

ВВЕДЕНИЕ

Праздник – одна из важнейших форм общественной жизни и культуры любого народа. В древности регулярные и экстраординарные праздники играли гораздо более важную роль, чем в новое время. Теперь разнообразные светские праздники, по большей части, превратились в декоративный элемент быта города и деревни, а в античности любые праздники всегда так или иначе были связаны с религией. Они консолидировали людей перед лицом почитаемых отеческих богов и составляли структурообразующий фактор общественной жизни. Современные ученые признают, что изучение того, как проводились праздники и как относились к ним все члены общества, характеризует народ не меньше, чем исследование его политической, экономической или военной истории¹.

Жизнь древних государств состояла из череды будней и праздников. О значении последних не раз писали античные авторы. Вот как об этом размышлял Страбон (X, 3, 9; С. 467): «Общим для греков и варваров является обычай совершать священные обряды, соединяя их с праздничным отдыхом... Ведь отдых отвлекает ум от человеческих занятий и обращает подлинно свободный ум к божественному».

У греков и римлян не существовало регулярных свободных от работы дней, какими стали воскресенья в христианских странах, а функцию отдыха выполняли праздники. Платон в «Законах» (II, 653 d) подчеркнул именно это их значение: «Боги из сострадания человеческому роду, рожденному для трудов, установили в замен передышки от этих трудов божественные празднества». Праздники выстраивались в определенный иерархический ряд, и главные отмечались всей общиной; участие в таких торжествах являлось важнейшим средством самоопределения гражданина греческого полиса.

¹ Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 295.

Будни заполнялись работой, исполнением общественных обязанностей, домашними заботами; в такие дни все греки ели умеренно и носили простую одежду, в которой граждане не отличались от многих неполноправных жителей города¹. Праздник противостоял повседневности как время радости и перерыва в работе, как возможность отвлечься от жизненных трудностей и семейных неприятностей. Участники праздника получали психологическую разрядку, ощущали полноту жизни, надевали лучшие наряды, зачастую специально сделанные для этого (Dem. XXI, 16, 22), ели более обильную и вкусную пищу, пили лучшее вино, допускали большую свободу нравов.

Социальная роль праздника состояла в консолидации граждан, проявлявшейся в совершении разнообразных ритуалов в честь божеств. На время праздника создавалась иллюзия равенства членов общины, благодаря совместному проведению шествий, жертвоприношений, участию в танцах, пении, коллективных застольях и активному общению всех собравшихся на торжество. Праздники напоминали о значимых событиях в жизни государства, например, о военных победах, а также играли существенную роль передачи культурных традиций из поколения в поколение².

В науке об античности тема праздников затрагивалась в основном в связи с исследованиями религии греков и римлян³. Специально греческим праздникам посвящены монографии лишь об Олимпийских играх⁴ и о всевозможных торжествах в Аттике⁵: в первую очередь о драматиче-

¹ *Geddes A.G.* Rags and Riches. The Costume of Athenian Men in the Fifth Century // *Classical Quarterly*. 1987. V. 37. № 2. P. 326..

² *Топоров В.Н.* Праздник // *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 1988. С. 329–331; *Шангина И.* Предисловие // *Русский праздник*. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001. С. 5–9.

³ Приведем основные работы, касающиеся роли праздников в религии древних греков: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб, 1899; эта книга переиздана в петербургском издательстве «Алетейя» в 1997 г.; *Farnell L.R.* Cults of the Greek States. V. 1–5. Oxford, 1896–1907; *Nilsson M.P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Leipzig, 1906; Idem. Geschichte der Griechischen Religion. Bd. 1–2. München, 1955–1966; *Burkert W.* Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, 1977.

⁴ Этим играм посвящено множество научных и популярных работ. См. библиографию в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

⁵ *Mommsen A.* Die Feste der Stadt Athen in Altertum. Leipzig, 1898; *Deubner L.* Attische Feste. Berlin, 1932; *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London, 1977; *Simon E.* Festivals of Attica. An archaeological Commentary. Oxford, 1983.

ских агонах на праздниках Диониса¹, а также о праздновании Великих Панафиней² и Элевсинских мистерий³. Такой выбор объясняется наличием разнообразных сведений именно об этих праздниках в античной литературе, в надписях и в отражении памятников изобразительного искусства.

В отечественном антиковедении изучение праздников занимает скромное место. До сих пор лучшим обобщающим трудом в этой области остаются главы, посвященные праздникам, в написанной более столетия назад книге В. В. Латышева «Очерк греческих древностей»⁴, в которой ученый использовал все достижения науки того времени. Кроме того, есть отдельные книги об Олимпийских играх и афинских Великих Дионисиях, но их авторы повествуют в основном не об этих праздниках в целом, а об организации атлетических и драматических агонов, представлявших лишь часть торжеств⁵.

О праздниках в античных городах Северного Причерноморья кратко говорится в работах, посвященных религии⁶ или всестороннему изучению истории того или иного государства, в основном Ольвии⁷. Более подробно тема праздников затронута в диссертации О. А. Ручинской «Общественная жизнь в античных городах Северного и Западного Причерноморья» (Харьков, 1996). Однако в этом исследовании описываются не конкретные праздники, а совершение обрядов, характерных для многих греческих торжеств, поэтому и глава с упоминанием праздников называется «Культовые обряды в общественной жизни античных

¹ Bieber M. The History of Greek and Roman Theater. Princheton, 1961; Picard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athen. Oxford, 1969.

² См. изданные под редакцией Дж. Нейлс сборники: Goddes and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. New-Jersey, 1992; Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Madison, 1996.

³ Новосадский Н.И. Элевсинские мистерии. М., 1887; Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996; Mylonas G.E. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; Kerényi K. Die Mysterien von Eleusis. Zürich, 1962.

⁴ См. прим. 3 на предыдущей странице.

⁵ Варнеке Б.В. История античного театра. М., -Л., 1940; Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970; Шанин Ю.В. Олимпийские игры в поэзии эллинов. Киев, 1980; Он же. Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001.

⁶ Русяева. А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1998.

⁷ Русяева А.С. Религиозные празднества // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 555–570; Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб., 2000. С. 49–62; Мельпомена в Пантикапее. Под редакцией Н. Федосеева. Керчь, 2001. С. 25–50.

государств Северного и Западного Причерноморья», и там нет рассказа о проведении того или иного определенного праздника.

Известный русский литературовед М. М. Бахтин писал, что между читателем и автором литературного сочинения происходит диалог, и чем талантливее писатель, тем на большее количество вопросов читатель может получить ответ. Нужно лишь суметь правильно поставить вопрос, и тогда на него будет дан ответ, потому что в выдающихся произведениях заложены многие пласты смыслов; поэтому каждое поколение исследователей может в трудах классиков открывать новые для нас знания¹. Подобный подход плодотворен при изучении не только письменных, но и археологических источников. До сих пор им редко и мало ставили вопросов об античных праздниках в Северном Причерноморье, но, мне кажется, они могут дать достаточно много ответов, освещающих эту сторону жизни государств на северном краю греческой ойкумены. Чтобы добыть такие знания, необходимо не только всесторонне рассмотреть археологические находки, но и сопоставить их с литературными, эпиграфическими и изобразительными памятниками Эллады; ведь культура этих государств была провинциальной частью античной цивилизации.

Итак, читателю представляется первый опыт комплексного изучения праздников в античных городах Северного Причерноморья, а также всех известий о посещении местными жителями праздников в Элладе. Хронологические рамки исследования охватывают VI–I вв. до н. э.; они включают время от основания греческих колоний на северном берегу Понта Евксинского вплоть до римского периода, во многом отличавшегося от предыдущей эпохи. На рубеже нашей эры появилось множество новых, особенно восточных культов, поэтому стали широко справлять отличные от прежних праздники, а в связи с распространением христианства на закате античности в корне изменилась вся система праздников, отношение к ним и характер их проведения.

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Праздники составляли важнейшую, если не главную часть, религии и были неременным компонентом ежедневной жизни эллинов, состоявшей в мирное время из определенного чередования будничных и праздничных дней. Греки не выработали каких-либо абстрактных религиозных догм и не создали канонических священных текстов, как Библия у христиан или Коран у мусульман¹, их вера выражалась главным образом в действиях, производившихся чаще всего во время праздников². Таковы были жертвоприношения и возлияния, пение гимнов, культовые танцы под музыку духовых и струнных инструментов, приношения даров, торжественные процессии, мусические, атлетические и конные состязания в честь богов. Подобные церемонии повторялись на множестве праздников, отличаясь одна от другой разными особенностями их проведения во всех государствах Эллады и в ее колониях. Эти общие черты праздников выражены в речи оратора Элия Аристиды (XXIX, 4): «Нам предстоит справлять празднества в честь Диониса, Афродиты и всех прочих богов. Мы будем совершать возлияния, приносить жертвы, петь пеаны, и постараемся ничего не упустить из того, что повелевает нам благочестие».

Греки верили, что боги незримо присутствуют на праздниках, и их благосклонное отношение к людям зависит от правильно сделанных жертвоприношений, а также от художественного качества музыки, пения танцев и разнообразия всевозможных агонов, посвященных честуемому божеству. Поэтому хорошо организованный праздник оказывался залогом доброго отношения богов к тем, кто устроил торжество. Эта мысль воплощена в замысле знаменитого фриза Парфенона: там олимпийские боги радостно созерцают процессию на главном городском празднике Панафиней; через весь город афиняне идут к храму с песнями и танцами, они ведут жертвенных животных, несут в дар Афине новый роскошный пеплос, демонстрируют искусство верховой езды и управления колесницами.

¹ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 7.

² Neils J. Panathenaia. An Introduction // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. New -Jersey, 1992. P. 13.

Во время праздников греки приостанавливали все общественные и частные дела, не назначали заседаний судов и государственных органов, освобождали детей от учебных занятий, а женщинам, обычно находившимся в пределах своего дома, разрешали покидать его для участия в празднике. В праздничные дни все надевали свои лучшие наряды, украшали голову лентами и цветами, а главные исполнители различных церемоний, жрецы, певцы, танцоры, музыканты и др. в особо торжественных случаях облачались в специально сшитые, не похожие на будничные одежды и венчали голову золотыми венками или диадемами.

Установление культа богов и соответственно праздников с исполнением определенных ритуалов считались у эллинов одной из первостепенных задач при основании новых поселений. Эта черта греческой колонизации отразилась уже в «Одиссее» Гомера, описавшего переселение феаков на новые земли:

*... божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
Храмы богам их воздвиг, разделил их поля и участки.*

(Od. VI, 7-10; перевод В.А. Жуковского)

Таким образом, греки включали устройство религиозных празднеств в число столь же необходимых и первоочередных дел, как постройка жилищ, оборонительных сооружений и раздел земли внутри и вокруг города. Сразу же часть земель отводилась под теменосы, священные участки, на которых справляли праздники. Теменосы постоянно благоустраивали, украшая их храмами, алтарями и статуями. Это хорошо прослеживается на примере археологических остатков Центрального теменоса Ольвии. Там в VI в. до н. э. на священном участке Аполлона Дельфиния находились примитивные культовые сооружения и специально выращенная священная роща; в V в. до н. э. ольвиополиты поставили небольшой храм и алтарь из известняка, а в IV в. до н. э. вместо старого построили вдвое больший храм и новый алтарь, облицованный мрамором¹.

Каждый греческий полис тратил большие средства на организацию государственных праздников. Для этого строились и обновлялись театры и стадионы, храмы и алтари, нанимались учителя хоров и актеров, а также тренеры атлетов, изготовлялись особые нарядные одежды и украшения, заказывались дорогостоящие призы (треножники, золотые

¹ Карасев А.Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 32–85.

Глава I. Основные черты древнегреческих праздников

венки, расписные вазы и др.), покупались жертвенные животные, вино, оливковое масло и прочее, необходимое для праздничных церемоний. Недаром Демосфен (IV, 35) сказал, что на главные афинские праздники Панафиней или на Великие Дионисии расходуется больше денег, чем на военный морской поход.

Всякий крупный праздник сопровождался торжественным шествием (πομπή) граждан с пением и танцами; процессию часто сопровождали всадники и колесницы (рис. 2). Наряду со взрослыми дети и подростки участвовали в различных церемониях, так что праздник активно входил в жизнь греков с малых лет. Как правило, праздничные состязания хоров и атлетов начинались с выступлений детей, в основном мальчиков. Так было и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствует надпись из Горгииппии (КБН. 1137): там на празднике в честь Гермеса состязались мальчики 12–15 лет¹. В античности хор пел лишь в унисон и в октаву, поэтому для его подготовки требовалось немного репетиций. Количество детей в таких хорах колебалось от 6 – 8 до нескольких десятков человек². Девочки и девушки иногда также пели хором на праздниках; напомним, к примеру, Парфении, написанные Алкманом для подобных девичьих хоров в Спарте.

Почти на всех древнегреческих праздниках мужчины занимали ведущее положение, но многие торжества не обходились без женщин. Девочки с раннего возраста начинали участвовать в праздничных церемониях в честь женских божеств. Об этом упоминается в комедии Аристофана «Лисистрата» (ст. 661–665): в семь лет четыре афинские девочки становились аррефорами, они помогали женщинам, ткавшим пеплос для статуи богини Афины, и шли в торжественной процессии на празднике Скирофория; в десять лет несколько девочек готовили муку для особого хлеба, приносившегося в дар Афине; кроме того, на празднике Артемиды Бравронии девочки в оранжевых платьях изображали медведиц. Наконец, взрослые девушки становились канефорами (носительницами корзин). Одетые в нарядные длинные пеплосы и плащи они составляли часть процессии, двигавшейся к алтарю, и несли, как правило на голове, корзины с предметами, необходимыми для жертвоприношения (ножи, соль, венки и др.). Их выбирали из лучших семей, и это считалось большой честью³.

¹ Берзин Э.О. Горгииппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 115.

² Алмазова Н.А. Детские хоры на греческих празднествах. ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Сборник статей в честь проф. А.И. Зайцева. СПб., 1997. С. 138–139.

³ Roccas L. J. The Kaneforos and her festival Mantel in Greek Art // AJA. 1995. V. 99. № 4. Р. 641–660.

В одной ольвийской надписи упомянута женщина, носившая культовую утварь во время праздничных процессий¹, а в нимфейском святилище Деметры обнаружены фрагменты культовой корзины для священных предметов². В главах о праздниках Аполлона, Афины и Деметры будет рассказано о грандиозных праздничных шествиях в Милете, Афинах и на острове Делосе, которые видели жители античных городов Северного Причерноморья. У себя дома на местных праздниках они тоже устраивали многолюдные процессии; одна из них на херсонесском празднике Парфении упомянута в декрете в честь полководца Диофанта; его деяния глашатай прославлял во время торжественного шествия (IPE I². 352).

Греческие праздники начинались в определенные сроки и имели определенную периодичность; исключение составляли лишь экстраординарные праздники по случаю какого-то отдельного выдающегося события, к примеру, военной победы. Многие праздники проходили ежегодно, другие – раз в два года, например, Истмийские и Немейские игры, а знаменитые Олимпиады и Пифийские игры – раз в четыре года. Реже встречались праздники с более длительными интервалами, так Херила в Дельфах отмечалась раз в восемь лет (Plut. Quaest. Graec. 12).

Продолжительность праздников была различной. Одни укладывались в один день, другие, в основном главные государственные и общегреческие торжества, длились по несколько дней. Известно, что в Афинах Апатурии занимали три дня, Фесмофории – пять, Панафинеи – восемь, праздник Карнейя в Спарте проходил девять дней, а Посейдона на острове Эгина чествовали шестнадцать дней.

Праздники следовало справлять в строго назначенные дни. Это подчеркнул Демосфен (IV, 35), говоря о том, что, кто бы ни занимался проведением Панафинеи и Дионисий, они всегда совершаются в назначенные им сроки, хотя для них «требуется столько хлопот и приготовлений, сколько вряд ли идет на что-либо иное». Ведь греки верили, что изменение издавна установленных сроков праздников равносильно оскорблению божества. Например, агон драматургов во время Великих Дионисий в Афинах начинался десятого числа месяца Элафоболіона, и когда в 270 г. до н. э. почему-то представления пришлось отложить на четыре дня, было принято постановление считать эти дни вставными в месяц, так что праздничная церемония началась в положенное ей число Элафоболіона³. Такая строгая периодичность послужила поводом

¹ *Виноградов Ю.Г.* Ольвийская элита императорской эпохи // Гиперборей. 1996. Т. 2. С. 132.

² *Худяк М.М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 46. Табл. 41, 2.

³ *Биккерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С. 31.

Глава I. Основные черты древнегреческих праздников

к тому, что праздники оказались надежными вехами для определения дат тех или иных действий в общественной и частной жизни. Во многих государствах смену магистратов приурочивали к времени одного из главных праздников, члены Афинского морского союза привозили свои взносы к Великим Дионисиям и т.п.

В разных греческих государствах справляли не одинаковое количество праздников, но всюду они занимали значительное число дней в году. Афины отличались особенно многочисленными праздниками. Как писал Ксенофонт (*Ath. Pol.* III, 9), их было вдвое больше, чем в других государствах; особенно много праздничных дней падало на начало весны в Антестерионе, и в этом месяце некоторые родители не отправляли детей в школу, чтобы сэкономить на плате учителю (*Theophr. Char.* 30). Афиняне гордились большим количеством своих праздников, и это отразилось в знаменитой речи Перикла, записанной Фукидидом (II, 38): «Более чем какой-нибудь другой народ мы доставляем отдых душе человека, внося в обрядность нашей религии ежегодные состязания и торжества, ... радостность которых изгоняет уныние» (перевод Ф. Ф. Зелинского). Некоторые города стремились превзойти даже Афины: по свидетельству Страбона (VI, 3, 4; С. 280), в дни расцвета Таранта, находившегося в Южной Италии, там праздничных дни превышали по количеству будничные.

Сейчас почти ничего не известно относительно сроков и продолжительности античных праздников в Северном Причерноморье. Лишь названия некоторых месяцев указывают на проведение в них соответствующих праздников, о чем пойдет речь в главе о календаре. Еще можно сказать, что по несколько дней длились местные праздники, сопровождавшиеся музыкальными, атлетическими и конными состязаниями.

Одна из особенностей религии и культуры греков состояла в проведении общегреческих празднеств, называвшихся панэгериями, то есть всенародными собраниями¹. Эллы отправлялись на панэгерии, чтобы поклониться божеству и посмотреть на праздничные церемонии. Некоторых из них приглашали участвовать в шествиях и жертвоприношениях, а представители разных государств выступали на мусических, атлетических и конных состязаниях. Собравшиеся вместе граждане многих городов именно здесь ощущали свое этническое единство.

Главными панэгериями были Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры. Перечисляя их, античные авторы всегда называют первыми Олимпийские. Эллы не отменяли их даже в самые тяжелые

¹ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 133–138.

времена. Геродот (VIII, 26) рассказал, как персы, воюя с греками в V в. до н. э., с удивлением узнали, что их противники «справляют Олимпийский праздник и смотрят атлетические и конные состязания». Особенно удивительным для варваров оказалось то, что за победу полагается не ценный приз, а венок из оливковых ветвей.

Торжества проходили у святилища бога или героя, к нему шли многолюдные процессии и совершались жертвоприношения, затем несколько дней посвящалось агонам, занимавшим на многих праздниках большую часть времени. Организация шествий, жертвоприношений и сопровождавших их ритуалов, а также игр осуществлялись тем государством, на территории которого собиралась панэгерия. Область, где шел праздник, считалась в это время священной, поэтому никто не имел права вторгаться туда с оружием. Конечно, варвары не соблюдали этого правила, да и греки неоднократно им пренебрегали. Например, в 420 г. до н. э. спартамцам запретили участвовать в Олимпиаде, потому что они во время священного перемирия осадили город Лепрею в Элиде, где были назначены игры.

В эллинистический период во многих городах появились праздники, привлекавшие греков из разных частей ойкумены. В Северном Причерноморье такими были Ахиллеи – игры на Ахилловом Дроме, проходившие под патронатом Ольвии. Имеются свидетельства о том, что ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне наряду с гражданами многих государств посещали многолюдные праздники Аполлона на Делосе, Панафинеи, Пифийские и Истмийские игры, Сотерии в Дельфах, Элевсинские и Самофракийские мистерии¹.

Исократ в «Панегирике» (IV, 43), высоко оценивая значение подобных празднеств, сказал об этом так: «Справедливо хвалят основателей панэгерий за переданный нам обычай заключать перемирие, прекратив обычные раздоры, собираться в одном и том же месте; после совместных обетов и жертвоприношений, мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства. Пребывание здесь полезно и простым людям, и атлетам: когда собираются эллины, одни показывают свои дарования, другие наслаждаются этим зрелищем. Равнодушным не остается никто»².

Наряду с церемониями, посвященными собственно празднику, во время панэгерий проходили ярмарки, ораторы обращались к народу с

¹ См. об этом в главах, посвященных праздникам Аполлона, Афины, мистериям, спортивным и музыкальным агонам.

² Перевод К.М. Колобовой: Исократ. Панегирик //ВДИ. 1965. № 4. С. 221.

Глава I. Основные черты древнегреческих праздников

речами, поэты читали свои произведения, проводились дипломатические переговоры посланцев из разных городов. Здесь встречали старых друзей, заводили новые знакомства, заключали торговые сделки и стремились узнать новости из разных концов ойкумены. Множество паломников жили во временных бараках и палатках, между ними сновали уличные торговцы с едой и разнообразными товарами, жонглеры и акробаты собирали зрителей на свои представления. Об этом говорил Дион Хрисостом (VIII, 9), описывая, как киник Диоген посетил Истмийские игры в IV в. до н. э.: «В ту пору всякий мог слышать у храма Посейдона, как орут и переругиваются толпы жалких софистов, как сражаются между собой их так называемые ученики, как множество поэтов распевают свои стихи, как множество писак читают вслух свои нелепые сочинения и слушатели восхваляют их, как множество фокусников показывают разные чудеса, множество гадателей истолковывают знамения, как бесчисленные риторы извращают законы, как немалое число мелких торговцев продают всякую всячину»¹.

У эллинов центральными ритуалами всех праздничных торжеств были жертвоприношения и возлияния на алтарях тех богов, в честь которых справляли праздник. Поэтому свои празднества в ряде случаев они называли словом *θύσία*, то есть жертвоприношение. Именно так Диодор Сицилийский (Bibl. XII, 25), опираясь на какой-то местный источник, обозначил не известный сейчас по названию боспорский праздник, на который спешил из Синдики в свою столицу царь Евмел и погиб в 304/303 г. до н. э., выпрыгнув из повозки, которую понесли испуганные кони.

Для большинства древних народов связь богов с людьми осуществлялась через жертву и приношение даров. Принимая их, боги, по мнению греков и римлян, в ответ могли исполнить просьбы людей, сделавших подношение. Хранилищем многих подношений служил античный храм; он считался домом бога, и его олицетворением была стоящая в храме статуя². Дары размещали на жертвенных столах, образцы которых найдены в Пантикапее³ и в Китее (КБН. 942), а также на стенах целлы и в приделах храма. Среди них находились весьма ценные вещи как по материалу (золото, серебро, драгоценные камни), так и по мастерству исполнения, поэтому греки приходили в храмы специально посмотреть

¹ Перевод М.Е. Габарь-Пассек в кн. Поздняя греческая проза. М. 1960. С. 87.

² Семина К.А. О феномене раннегреческого храма // ВДИ. 1996. № 4. С. 124–132.

³ Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 101. Рис. 14.

на редкости, о чем известно из сочинений древних авторов, больше всего из «Описания Эллады» Павсания. В результате многие античные храмы превращались в своеобразные музеи, где среди разнообразных приношений эллины видели прекрасные произведения монументального и прикладного искусства. При богатых храмах для хранения приношений строились здания сокровищниц (рис. 18).

По надписям известно, что в ольвийских храмах находились золотые и серебряные статуэтки богини Ники, золотые венки, ожерелья, пояса, серебряные чаши и треножники (IPE I². 80, 82, 83, 85, 86, 89, 91, 93, 96-98, 100, 101, 105, 106, 107; HO. 69, 79, 80, 83). Среди ольвийских археологических находок есть серебряный позолоченный медальон II в. до н. э. с изображением Афины. Подобные медальоны украшали центр чаши, из которой совершались возлияния на праздничных церемониях¹.

На приношениях богам и героям зачастую писали имена дарителей (Her. I, 51; Dem. XXII, 72). В тексте одного афинского декрета цитируются надписи на золотых венках, которые боспорские цари неоднократно посвящали в храм Афины после Панафинейских праздников (МИС. 3). В городах Северного Причерноморья найдено немало керамических сосудов с прочерченными на них посвящениями божеству и с именем дарителя, но чаще в тексте посвящения указано лишь имя бога².

Говоря об античном храме, следует напомнить его кардинальное отличие от современных церквей, мечетей и синагог, куда люди собираются на молитву и на религиозные праздники. У эллинов эти обряды проходили вне храма на открытом воздухе у алтарей. Их помещали перед фасадом храма, но зачастую для почитания божества сооружали только алтарь на священном участке теменосе. Там во время праздников звучали гимны, прославлявшие богов и напоминавшие разные эпизоды мифов о них. Поэтому гимны в древности играли роль, сходную с той, какую в христианской литургии выполняет предварительно читаемый отрывок из Евангелия³.

Археологи открыли множество алтарей, немых свидетелей праздничных церемоний; самый знаменитый из них огромный мраморный алтарь найден в Пергаме; он сооружен в начале II в. до н. э. для праздника Никефории и украшен сценами борьбы богов и гигантов. Описание

¹ Штительман Ф.М. Медальон с изображением Афины из Ольвии // СА. 1965. № 4. С. 223–227.

² См., например: Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., 1953. № 24, 30, 86, 125, 251; Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С 68–69. Рис. 49, 50.

³ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 276.

Глава I. Основные черты древнегреческих праздников

этого и многих других алтарей сохранилось в сочинениях античных писателей, имеется также немало их изображений на вазах и рельефах.

В городах Северного Причерноморья алтари появились в VI в. до н. э.¹, то есть вскоре после основания колоний. По своему виду они не отличались от подобных сооружений в Элладе². На больших главных алтарях жертвоприношения приносили во время государственных праздников³. К настоящему времени лучше всего сохранились два подобных алтаря в Херсонесе и в Ольвии. Херсонесский алтарь, сооруженный в IV в. до н. э., имел прямоугольную форму и был посвящен главной богине города Артемиде с эпиклезой Дева. Его мраморную облицовку украшали розетки, букрании и гирлянды листьев (рис. 3), высота составляла около 2 м, длина – более 2,5 м, ширина – 1,3 м.⁴

Алтарь на Центральном теменосе Ольвии появился уже в VI в. до н. э., в следующем столетии там поставили каменный алтарь несколько больших размеров, а цоколь прежнего использовали в качестве площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношения. На краю алтаря высилась статуя, вероятно, Аполлона⁵. Сложенный из прекрасно обработанных известняковых плит этот алтарь почти полностью сохранился до наших дней (рис. 4), так как в III в. до н. э. его засыпали слоем земли, на котором возвели новый, отделанный мрамором. Вероятно, он был самым красивым сооружением такого рода за всю историю Ольвии, но от него уцелели лишь мелкие мраморные обломки с резным, тонко выполненным орнаментом⁶. На другом ольвийском теменосе открыт алтарь меньших размеров; облицованный известняковыми плитами он стоял на платформе из двух каменных блоков, образовавших с одной стороны две ступени, на которые поднимался жрец при совершении обрядов во время праздников в III–II вв. до н. э. (рис. 5)⁷. Там же найдены остатки алтарей разного времени.

¹ Пичикян И.Р. Культурная античная архитектура европейского и азиатского Боспора // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 93; Русаева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. С. 131–132.

² Масленников А.Н. Традиционные алтари с памятников хоры европейского Боспора // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5. С. 171.

³ К. Явис, рассмотревший все типы греческих алтарей, назвал подобные алтари церемониальными. Yavis C.G. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis, Missouri, 1949. P. 55, 96.

⁴ Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 198.

⁵ Карасев А.Н. Указ соч. С. 73–112.

⁶ Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 81.

⁷ Русаева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 132.

В греческих городах всегда находилось много сравнительно небольших алтарей прямоугольной, реже круглой формы, сделанных из одного каменного блока¹. Обе разновидности подобных известняковых алтарей открыты на Западном теменосе Ольвии, а в Херсонесе и на Боспоре найдено несколько мраморных образцов². На стенках круглого алтаря из Пантикапея выдающийся скульптор V в. до н. э. изобразил праздничное шествие женщин в длинных хитонах и плащах³.

Хорошее представление об алтарях такого типа дают миниатюрные алтарики, называемые в научной литературе арулами⁴; по образцам настоящих их делали из глины, известняка и мрамора и ставили в нишах стен частных домов, а также посвящали в святилища богов, о чем свидетельствуют места их находок. Подобные приношения наряду с местными жителями делали и приезжие. Надпись IV в. до н. э. на небольшом каменном алтарике из Гермонассы гласит, что гражданин Гераклеи принес его в дар Афродите⁵. Как и настоящие алтари, арулы нередко украшены рельефами (рис. 6)⁶; таковы привозной мраморный алтарик и местный терракотовый из Ольвии, сходные находки известны в Херсонесе и на Боспоре⁷. На некоторых арулах сжигали ароматические вещества, производя таким образом воскурения богам. О подобных ритуалах в Северном Причерноморье свидетельствуют следы горения на двух терракотовых алтариках, найденных на азиатской части Боспора⁸.

В некоторых греческих святилищах сооружались существовавшие с глубокой древности примитивные алтари из кучи камней или галек. Остатки двух таких алтарей эллинистического времени открыты на Западном теменосе Ольвии⁹. На краснофигурной пелике из кургана

¹ *Yavis C.G.* Op. cit. P. 55, 56.

² *Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 46; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 166–170; *Русяева А.С.* Указ. соч. С. 132–133.

³ *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 18. С. 39; *Пичикян И.Р.* Указ. соч. С. 170.

⁴ *Yavis C.G.* Op. cit. P. 171.

⁵ *Финогенова С.И.* Исследования Гермонассы // АО 2000 г. М., 2001. С. 143.

⁶ *Круглов А.В.* Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. М., 2000. С. 284.

⁷ ОАК 1908. С. 75. Рис. 49–53; *Леви Е.И.* Терракоты Ольвии // ТС. 1970. С. 46. № 39; *Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса // ТС. 1970. С. 74–75. *Бабинов Ю.А.* Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 19–25; *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 94. Рис. 57, 8–9.

⁸ *Сокольский Н.И.* Указ. соч. С. 94.

⁹ *Русяева А.С.* Указ. соч. С. 133.

Глава I. Основные черты древнегреческих праздников

Бакса близ Пантикапея алтарь подобного типа изображен в сцене жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса (рис. 7)¹.

Эллины совершали приношения богам двух видов. Жертвы, предназначавшиеся для временного наслаждения божества, состояли из разных напитков, мяса, плодов, специально приготовленных блюд и печений. Вклады же, остававшиеся в святилище в качестве его собственности, служили для надобностей культа (например, сосуды для возлияний) и для украшения храма. К последним относились статуи, рельефы, треножники, венки, парадное оружие и др.

Принесение жертв первого вида отвечало представлениям греков о том, что боги питаются ароматом сжигаемого мяса, испарениями жидкостей, которыми совершаются возлияния, и вдыхают запах курений из мирра, ладана и других ароматических веществ. Возлияние могло быть самостоятельным актом, но обычно оно сопровождало жертвоприношение. Возлияния чаще всего делали чистым вином, не смешанным с водой, кроме того в определенных случаях использовали молоко, воду, мед и различные их смеси. На ольвийской стеле римского времени (IRE I². 101) прочерчена фигура молодого человека около алтаря, в одной руке он держит ветвь (по-видимому, пальмовую), а в другой – сосуд для возлияний (рис. 8).

Для возлияния брали плоскую керамическую или металлическую чашу. Во время праздничных церемоний жрец наливал туда жидкость из кувшина, чаще всего имевшего форму ойнохой. Возлияние совершалось либо на землю, либо на жертвенник, а иногда на фимиатерий, сосуд из которого исходил благовонный дым-фимиам². При этой церемонии звучала музыка «спондеического стиля», исполнявшаяся на аулосе. Наименование музыки такого рода произошло от названия чаши для возлияний – *σπονδεῖον*³.

Воскурения всевозможными ароматическими веществами, по мнению греков, доставляли удовольствие и богам, и людям, в то же время благовонный дым заглушал неприятные запахи от горения шерсти и костей жертвенных животных. Для этого ритуала использовали душистые травы, листья и шишки, а при более дорогих обрядах, особенно на главных праздниках, употребляли смолы и камеди, привезенные из Южной

¹ Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 108. Рис. 52. Передольская А.А.. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 47. Рис. 1.

² Кувшинова Е.Н. К вопросу об изображении возливающих богов в античном искусстве // Жертвоприношение. М., 2000. С. 223–224.

³ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 59.

Аравии, Северной Африки и даже из Индии. Античные авторы упоминают о курении преимущественно ладаном, а также нардом, корицей, миррой, шафраном и некоторыми другими веществами. Об использовании дорогих благовоний во время праздников в Северном Причерноморье свидетельствует надпись из Фанагории, в которой говорится о воскурении ладана перед жертвоприношением (КБН. 1005).

Воскурение совершалось с помощью нагревания ароматического вещества тлеющими углями или раскаленными камешками, положенными на треножник или на арулу, либо в курильницы-фимиатерии, сделанные из металла или керамики. Последние имели разные формы и обычно состояли из резервуара с крышкой, куда помещали угли и ароматическое вещество, а в стенках или на крышке имелись отверстия для выхода благовонного дыма. Некоторые бронзовые и серебряные курильницы, пожертвованные в храмы, представляли выдающиеся произведения прикладного искусства (Нер. IV, 162)¹. Воскурения сопровождали праздникам в античных городах Северного Причерноморья с первых лет их существования. Здесь найдено немало местных и привозных курильниц; их употребляли при частных, домашних и общественных жертвоприношениях, о чем свидетельствуют места их находок². Среди наиболее древних образцов назовем два, обнаруженных на Центральном теменосе Ольвии: это редкая расписная родосско-ионийская курильница и серолощенная с отверстием в виде фасада храма; обе датируются третьей четвертью VI в. до н. э.³ Ольвийские эллинистические курильницы местного производства расписывали разноцветными орнаментами и гирляндами из ветвей и листьев⁴. Из позднеэллинистических курильниц отметим фимиатерий в виде головы быка, найденный на Тамани⁵.

Прекрасный образец такого рода импортных изделий эллинистического времени куплен в 1903 г. у торговца древностями; считается, что эта керамическая курильница найдена при грабительских раскоп-

¹ *Wiegand K.* Thyamateria // *Bonner Jahrbücher.* №122. 1912. S. 1–97. Tabl. 3, 4.

² *Зайцева К.И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // ТГЭ. 1962. №3. С. 184–190; *Марченко И.Д.* Новые данные об античном святилище близ Фанагории // Сборник статей «50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина». М., 1962. С. 22–28; *Сокольский Н.И.* Указ. соч. С. 94. Рис. 56, 57; *Рубан В.В.* Раннеэллинистические фимиатерии из Нижнего Побужья // Новые археологические исследования на Одессщине. Киев, 1984. С. 108–110.

³ *Леви Е.И.* Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. 1972. №130. С. 47; *Она же.* Раскопки ольвийской агоры и теменоса // КСИА. 1978. № 156. С. 42–43.

⁴ *Зайцева К.И.* Указ. соч. С. 186, 192.

⁵ *Сокольский Н.И.* Указ. соч. С. 94. Рис. 57, 7.

ках Ольвии, но, возможно, она находилась и в каком-то другом городе Северного Причерноморья¹. Большая цилиндрическая курильница высотой около 40 см. изготовлена во II в. до н. э.; она имеет конусообразную крышку и стенки, покрытые двумя рельефными поясами: нижний состоит из гирлянд, а более широкий верхний украшен изображениями масок и женщин в длинных хитонах, их поднятые руки как бы поддерживают верхнюю часть курильницы. Ее внутренность разделена на две части плоской перегородкой с круглым отверстием в центре. В верхнем ярусе помещался вставной сосуд с ароматическим веществом, а в нижнее отделение клали тлеющие угли; душистый дым выходил через три небольших отверстия в крышке. Остатки нагара и сильная копоть на днище, стенках и вставном сосуде свидетельствуют о долговременном использовании этой курильницы.

Многие граждане и иностранцы делали разнообразные вклады для проведения праздников. Моряки, прибывшие в Нимфей из Египта в III в. до н. э., подарили в святилище Афродиты по несколько хоев вина и масла². В надписи из Фанагории говорится о сделанном несколькими лицами пожертвовании для праздника масла для светильников и смеси вина с медом (КБН. 1005). Акт смешения вина с водой или с медом составлял часть церемонии жертвоприношения (Plato. Phileb. 61b) и сопровождался молитвой богам; затем жрецы и другие участники жертвоприношения при определенных ритуалах пили вино или смеси с ним³.

Частные жертвоприношения совершались по случаю домашних праздников, например, рождения ребенка или свадьбы, а также для того, чтобы очиститься от какого-либо греха, чтобы умиловить либо поблагодарить то или иное божество. После жертвоприношения устраивали праздничный обед для родственников или для друзей (Xen. Mem. II, 3, 11).

Среди бескровных жертв особенно распространенными были приношения первых созревших злаков и плодов, а также всевозможных печений. Бедные люди, будучи не в состоянии приобрести жертвенных животных, дарили богам печения, имевшие форму этих животных. Из животных в жертву чаще всего приносили коров, овец, коз, свиней и петухов. На двух мраморных рельефах из Ольвии изображены жертвопри-

¹ Зайцева К.И. Культовые чаши V–I вв. до н. э. // ТГЭ. 1997. № 28. С. 51.

² Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 267.

³ Там же. С. 268.

ношения барана (НО, 72) и кабана¹. Для приношения небесным богам брали животных со светлой шерстью, а для подземных богов с темной, обязательно здоровых, без телесных недостатков. Самцов обычно жертвовали мужским, а самок – женским божествам². Часть мяса и внутренностей животного обертывали жиром и сжигали на жертвеннике, поливая его маслом и воскуряя благовония. Оставшиеся части получали жрецы и участники жертвоприношения. Деметре обычно приносили в жертву свинью, Дионису – козла, Посейдону – лошадь, Асклепию – петуха.

Во время главных праздников все граждане участвовали в застольях, и ели пищу, приготовленную из туш жертвенных животных. Следы подобных пиров обнаружены при раскопках античных городов Северного Причерноморья. Около крупного святилища в небольшом боспорском городке Китее найдены горшки, кастрюли и кости животных. На последних нет следов горения, поэтому можно заключить, что это остатки праздничной трапезы, а не сожженных на алтаре жертв³. Светильники, находившиеся вместе с названными предметами, по-видимому, указывают на то, что пиры длились и после наступления сумерек, а обломки амфор напоминают об обильном питье вина.

На территориях обоих ольвийских теменосов найдено много костей жертвенных животных. Они находились в специальных ямах, ботросах, куда закапывали отслужившие приношения божествам и износившуюся храмовую утварь⁴. Ведь греки считали, что все, пожертвованное богу, нельзя уносить с его священного участка, а грабителей священных предметов наказывали смертью⁵.

Во время крупных государственных праздников совершались общественные жертвоприношения с большим количеством убиваемых животных. В Афинах на ежегодном празднике в память победы при Марафоне приносили в жертву 500 коз, а на Делосе в IV в. до н. э. для панэллинского праздника в честь Аполлона закупили 109 быков⁶. Жертвенные животные приобретались либо за счет государства, либо на деньги местных и приезжих благотворителей. В III в. до н. э. родосец

¹ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 143. Рис. 72.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Раздел 3, глава 11. СПб., 1997. С. 84–87.

³ Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 71–72.

⁴ Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 68–69, 82–83.

⁵ Латышев В.В. Указ. соч. С. 15.

⁶ Там же. С. 87.

Гелланик, вероятно, торговавший с Ольвией, оплатил ольвийское общественное жертвоприношение (IRE I². 30), а на рубеже II- I вв. до н. э. гераклеец Фрасимед украсил какое-то празднество в Херсонесе «пышнейшими жертвами» (IRE I². 357).

Перед началом жертвоприношения наступало благоговейное молчание, затем раздавалась музыка, заглушавшая стоны животных. Их подвели к алтарю в праздничной процессии и часто украшали венками или гирляндами из цветов и листьев. Иллюстрацией этого могут служить золотые подвески и рисунки на вазах IV в до н. э. из Пантикапея. Подвески исполнены в виде головы быка, лоб которого увенчан листьями плюща с виноградной гроздью посередине¹. Плющ и виноград считались священными растениями Диониса, поэтому надо полагать, что изображенный бык посвящен этому богу. На краснофигурной ойнохое нарисовано жертвоприношение быка с гирляндой цветов на шее, а в роли жрицы там выступает богиня Ника². На упомянутой выше пелике со сценой жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса изображен увенчанный венком юноша в нарядной одежде, он подводит к алтарю быка с венком, надетым на рога, в то время как другой служитель культа совершает возлияние на центр алтаря со сложенными на нем дровами для сжигания жертвы (рис. 7).

При приближении животного к алтарю его заставляли кивнуть головой как бы в знак согласия стать жертвой. Жрецы следили, чтобы предназначенные для жертвоприношения животные были обязательно здоровыми, красивыми и чистыми. Иногда храмы содержали стада таких элитных животных и продавали их, получая доход для нужд святилища. В одной ольвийской надписи последней четверти III в. до н. э. сохранился перечень цен на разные виды жертвенного скота: за быка платили 1200, а за овцу или козу по 300 медных ольвийских монет (IRE I². 76). Некоторые исследователи считают такие цены чрезвычайно высокими и полагают, что в них включен скрытый налог в пользу храма или государства³. В.П. Яйленко, сравнив ольвийские цены с подобными на острове Косе, пришел к выводу, что они не слишком завышены и не сильно отличались от подобных расценок в других греческих городах⁴.

¹ ГЗ. С. 160. № 100.

² ДБК. Табл. 61; UKV. № 305.

³ *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С.101; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 206–207.

⁴ *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм. Экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 278.

Из черепов некоторых жертвенных животных изготавливали букрании, особые украшения для храмов. Черепа специально обрабатывали, иногда оставляя на лбу часть шкуры, затем вешали на них гирлянды из листьев и цветов или виноградные гроздья и в таком виде помещали на стену храма. В ботросе на Центральном теменосе Ольвии найдены семь бычьих черепов с плоско срезанной задней стороной для плотного прилегания к стене и с просверленными отверстиями на лбу и на рогах для укрепления гирлянд¹. Изображения букраниев часто украшали рельефы алтарей и других посвященных богам сооружений. Фриз из букраниев с гирляндами опоясывал алтари в Афинах и Херсонесе (рис. 3), а в Ольвии они были вырезаны на мраморной капители колонны, поддерживавшей треножник². При раскопках Ольвии найдено много свинцовых моделей букраниев (рис. 9), использовавшихся для каких-то религиозных ритуалов³.

Мы располагаем некоторыми сведениями о том, что греки Северного Причерноморья приносили в дар богам для украшения храмов и для ритуальных церемоний. Остатки этих предметов найдены в ботросах на обоих теменосах Ольвии. Там лежали многочисленные обломки керамических сосудов, на многих начертано граффито с посвящением богу и именем дарителя. Самые ранние из них относятся к архаическому периоду; таков обнаруженный на Западном теменосе фрагмент чернофигурного кратера, расписанного в середине VI в. до н. э. известным афинским мастером Лидосом. На венчике сосуда имеется надпись с посвящением Матери богов от Артемиды, дочери Гипасия; возможно, она служила жрицей этой богини⁴. На Центральном теменосе некий Тихон посвятил Аполлону Дельфинию чернофигурный килик, украшенный изображениями животных⁵. В конце VI в. до н. э. ольвиополиты подносили Зевсу и Афине мраморные блюда и краснофигурные килики, расписанные лучшими афинскими мастерами. Эти килики, вероятно, специально приобрели для пожертвования в храм, поскольку в то время посуда с недавно появившейся краснофигурной росписью еще не ис-

¹ *Леви Е.И.* Указ. соч. С. 83. Рис. 77.

² *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 142; *Сорокина Н.П.* Мраморная капитель из Ольвии // *Культура античного мира.* М., 1966. С. 259.

³ *Зайцева К.И.* Ольвийские культовые свинцовые изделия // *Культура и искусство античного мира.* М., 1971. С. 84–106.

⁴ *Русяева А.С., Дятроптов П.Д.* Новый кратер Лідоса з Ольвії // *Археологія.* 1994. № 2. С. 143–144.

⁵ *Леви Е.И.* Указ. соч. С. 68. Рис. 49.3.

пользовалась в повседневной жизни¹. Среди приношений встречались и очень скромные, например, чернолаковая солонка с надписью “Зевсу”².

На праздничных церемониях употреблялись подаренные божеству сосуды, среди них выделялись очень дорогие из золота, серебра и бронзы. О таких сосудах на праздниках в Северном Причерноморье известно из декрета Протогена: ольвиополиты отдали их в заклад, когда во второй половине III в. до н. э. государство испытывало серьезные финансовые трудности; Протоген выкупил дорогие священные сосуды за 100 золотых и, вероятно, спас их от переплавки, потому что ростовщик уже собирался отдать их ювелиру (IPE I². 32).

По греческому обычаю, храмы в Северном Причерноморье украшались венками и гирляндами из живых цветов и ветвей, а также из драгоценных металлов. В надписи III в. до н. э. говорится о таком венке ценой 5 золотых в ольвийском храме Афродиты (НО. 68). Было принято посвящать лавровые венки Аполлону, Зевсу – дубовые, Дионису – плющевые и виноградные, Афине – оливковые, Деметре – венки из злаков. Не все эти растения имелись в Северном Причерноморье. Здесь греки сумели акклиматизировать виноград, но их усилия выращивать лавр и мирт, хотя бы в небольшом количестве для религиозных церемоний на праздниках, не увенчались успехом (Theophr. Hist. Plant. IV, 5, 3). Вероятно, на главные праздники в период судоходства привозили необходимые растения из более южных государств; к этой мысли склоняет рисунок на одной боспорской фреске с изображением пальмовых ветвей в руках двух человек, стоящих у алтаря³.

Во время праздников эллины в торжественной обстановке вручали награды победителям мусических, атлетических и конных агонов, а также награждали венками граждан и иностранцев, оказавших особые услуги государству. Об этой черте греческого праздника свидетельствуют многие надписи из Тиры, Ольвии и Херсонеса. Почетные награды, представленные чаще всего венками и треножниками, нередко жертвовали тому богу, в честь которого проводился праздник. Косвенное свидетельство о таком обычае в Северном Причерноморье содержится в ольвийской надписи римского времени (НО. 68), а также в находках фрагментов постаментов для треножников на Западном теменосе⁴.

¹ Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 175–187.

² Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 21.

³ АДЖ. Табл. 55, 2.

⁴ Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии... С. 133.

В храмы часто приносили терракотовые статуэтки, которые во множестве найдены на обоих теменосах в Ольвии. Государство и состоятельные граждане ставили возле храмов статуи. Постаменты некоторых таких статуй с посвящениями разным богам обнаружены при раскопках Ольвии, Херсонеса и Боспора¹. В III в. до н. э. на Центральном теменосе Ольвии стоял также характерный для эллинов посвященный памятник – мраморная колонна высотой более 2 м с капителью из листьев пальм и аканфов, между которыми изображены букрании; на этой капители высился бронзовый треножник².

Жрецы принимали деятельное участие в праздничных ритуалах, а в театре и на стадионе во время сопровождавших многие праздники состязаний они сидели на почетных местах. В отличие от современных священников в функции античных жрецов не входило религиозно-нравственное воспитание молодежи или произнесение проповедей. Обязанности жрецов разделялись на литургические и административные. К первым относилось исполнение разных обрядов на праздниках, а ко вторым – забота о содержании святилища, о хранении храмовой утвари, распоряжение доходами святилища, сдача в аренду принадлежащих ему угодий и др.³ Жрецы пользовались личной неприкосновенностью, так как считались представителями божества.

У греков и римлян не существовало особой религиозной касты жрецов. Их функции имели право исполнять полноправные граждане, не запятнанные никакими неблагоприятными проступками, а помощниками могли быть священные рабы, называвшиеся гиеродулами. Из надписей Северного Причерноморья известны имена множества местных жрецов и одно имя гиеродула Сотериха при храме Девы, главной богини Херсонеса (IPE I². 457); наверное, и другие крупные храмы на северных берегах Понта владели такими рабами, и они принимали участие в подготовке и проведении праздников.

В зависимости от традиций того или иного культа жрецами становились лица либо выбранные на определенный срок, подобно разным магистратам, либо должность передавалась по наследству, а иногда даже покупалась⁴. В Ольвии ежегодно избирали жреца Аполлона, верховного бога этого полиса; как и в ряде других греческих государств, именем такого жреца называли год, сходную роль играл жрец Артемиды Партенос

¹ *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // *Херсонесский сборник*. Вып. 10. Севастополь, 1999. С. 121–158.

² *Сорокина Н.П.* Указ. соч. С. 261.

³ *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 54.

⁴ Там же. С. 52–53.

в Херсонесе. Хорошо известно, что на Элевсинских мистериях жрецами служили только представители родов Эвмолпидов и Кериков; возможно, жрецы на праздниках, справлявшихся в Северном Причерноморье по образцу Элевсинских, тоже принадлежали к определенным родам. По-видимому, наследственной была должность жреца Зевса в Ольвии, ведь по надписям известно, что ее в течение нескольких веков занимали представители местного аристократического рода Еврисибиадов¹. В разное время один и тот же человек мог служить жрецом разных богов. В III в. до н. э. ольвиополит Агрот, сын Дионисия, был жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Керы (IPE I². 189; NO. 68, 70).

Со своими обязанностями жрец знакомился перед вступлением в должность, получая необходимые знания от предшественников, а также из документов святилища. В надписи римского времени из Фанагории содержится частично сохранившийся устав о порядке жертвоприношений на одном из местных праздников; там говорилось, как именно должен действовать жрец, но, к сожалению, эта часть текста сильно повреждена (КБН. 1005).

Жрецы играли ведущую роль во время жертвоприношения. Тогда они облачались в особые одеяния, преимущественно белого цвета, считавшегося наиболее приятным богам (Plat. Leg. XII, 956a), а на голову надевали нарядную повязку, либо венок из листьев или ветвей растения, посвященного чествуемому богу. Некоторое представление о таких парадных одеяниях дают изображения богов, например, Аполлона в длинном роскошном хитоне (тип Аполлона-кифареда). В такой одежде он представлен на терракотовой статуэтке V в. до н. э. местной работы, найденной на азиатской стороне Боспора².

Боспорские жрицы в торжественных случаях надевали расшитые золотыми бляшками одеяния и множество украшений. В конце IV в. до н. э. на азиатской части Боспора в кургане Большая Близница похоронили жрицу в полном парадном уборе. Сначала ученые называли ее жрицей Деметры, но теперь полагают, что инвентарь погребения не дает точного ответа, какому именно из нескольких женских божеств она служила³. Калаф с изображением битвы амазонок (некоторые исследователи считают их аримаспами) с грифонами венчал голову женщины, под ним находилась стленгида – начальник с оттиснутыми на нем волнистыми

¹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 206.

² Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 61–62.

³ ОАК 1865. С. 15–34; Гайдукевич. В.Ф. Боспорское царство. М.,–Л., 1949. С. 214, 287–289; ГЗ. С. 187–195; 267–271. № 119–130; 202–208.

пряжами волос, а по бокам калафа свисали височные подвески. На их крупных дисках изображена Фетида на морском коне; она держит в руках доспехи, выкованные Гефестом для ее сына Ахилла. Уши жрицы украшали серьги тончайшей ювелирной работы, шею обвивали два изящных ожерелья, на руках находились по браслету и несколько перстней; на двух из них изображена Афродита.

Одежда и покрывало для головы и плеч были расшиты множеством бляшек разных форм и размеров. На них оттиснуты изображения Деметры, Коры, Геракла, Афины, Гелиоса, Медузы, сфинксов, грифонов и разных животных; на многих бляшках представлены девушки, танцующие священную пляску. Все перечисленные украшения сделаны из золота. Они вместе с одеждой из дорогой ткани составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться лишь размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью на празднике, но и редким блестящим нарядом, сияющим золотом.

По большей части функции жрецов исполняли мужчины, и лишь в некоторых культах первенствующее место принадлежало жрицам. В лапидарных надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора упоминаются жрецы разных богов (ИРЕ I². 32, 42, 104, 139-144, 155, 189, 191, 192, 194, 201, 202, 357-361, 384, 386, 410, 414, 415, 698, 699, 700; КБН. 6, 25, 974, 1044; НО. 26, 29, 68, 70) и значительно реже жрицы, которые служили здесь Деметре, Артемиде и Кибеле (ИРЕ I². 190, 192, 237; КБН. 6а, 8, 14, 21, 1040). Сведения о местных жрецах содержатся также в граффити, такова, например, надпись III в. до н. э. на канфаре из Ольвии: «Гейрогейтон Гефесту, исполнив обязанности жреца, посвятил»¹. Среди граффити находится древнейшее свидетельство о жрецах в Северном Причерноморье: в письме, прочерченном на стенке керамического сосуда, жрец Метрофан в третьей четверти VI в. до н. э. написал о разрушении святилищ на периферии Ольвии².

Кроме жрецов забота о проведении праздников лежала на избранных специально для этого лицах, называвшихся агонотетами. Они следили за соблюдением намеченной программы, за порядком присуждения призов и внесением имен победителей в специальные списки. Обычно агонотетами избирали состоятельных граждан, потому что зачастую отпущенных государством средств не хватало, кроме того, многие агонотеты, вкладывая свои деньги в устройство ярких зрелищ, завоевы-

¹ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 79.

² Русаева А.С. Религия и культы... С. 204.

вали таким способом популярность в своем городе¹. Демосфен в речи «О венке» (XVIII, 118) с гордостью напомнил афинянам, что, будучи агонотетом, он внес на нужды жертвоприношений 100 мин. Во время праздника агонотет устраивал многолюдные приемы гостей. Плутарх в «Застольных беседах» (VIII, 4, 1) рассказал, как агонотет Соспид на Истмийских играх «проводил праздничные приемы, угощая многих иногородних и едва ли не всех граждан», кроме того он позвал домой близких друзей на симпозион в узком кругу.

Практика избрания агонотетов существовала и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют три надписи эллинистического времени из Гермонассы (КБН. 1039), Нимфея и Тиры². Там сохранились имена двух боспорских агонотетов – гражданина Гермонассы Местора, сына Гиппосфена, и гражданина Нимфея Теопротида, сына Мегакла. Исполнив свои обязанности, они сделали посвящения богам, в честь которых устраивали праздник. В третьей частично уцелевшей надписи из Тиры говорилось об обязанности агонотетов следить за объявлениями о наградах во время праздника. Вероятно, имя агонотета включалось в частично уцелевший каталог победителей на каком-то празднестве римского времени в Херсонесе (НЭПХ. 127).

В заключение следует сказать еще об одной особенности греческих праздников. Для праздничных зрелищ эллины первыми создали стационарные сооружения; это были театры с совершенной акустикой, способные вместить всех граждан города, а также стадионы и ипподромы с определенными дистанциями для всевозможных видов соревнований и местами для зрителей. В эллинистическое время театр входил в число обязательных общественных зданий всякого сколько-нибудь заметного города. Там во время праздников греки собирались следить за состязаниями хоров, поэтов, драматургов и музыкантов. О праздничных концертах певцов и музыкантов, а также о драматических представлениях в Северном Причерноморье речь пойдет в главе, посвященной театру, а о стадионах и ипподромах в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

Перечисленные сооружения указывают на развивающуюся особенность античных праздников эллинистического времени, которая приобрела законченную форму в римский период и процветает до наших дней. Сначала у греков, как и у прочих древних народов, в празднике в той или иной роли активно действовали все члены общины; затем они

¹ Jones A.H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 234–235.

² Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. №4. С. 112.; Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М, 2001. Вып. 4. С. 368–371.

постепенно разделяются на зрителей и тех, кто совершает различные ритуалы, участвует в мусических, атлетических и конных агонах. В результате появились профессиональные актеры, музыканты, танцоры, мимы, спортсмены и даже постановщики праздников. Таким образом, формируется одно из основных отличий от старых фольклорных празднеств, которое до сих пор характеризует почти все современные общественные праздники: теперь деятельные участники в меньшинстве, а основную массу образуют зрители, наблюдающие предложенные им концерты, спектакли, спортивные состязания, парады, фейерверки и другие зрелища.

ГЛАВА II. ПРАЗДНИКИ АПОЛЛОНА

Милетские поселения в Северном Причерноморье в начальный период существования справляли сходные празднества, повторявшие многие ритуалы, принятые в метрополии. Со временем государства на северных берегах Понта пошли по разным путям своего исторического развития, и это в частности сказалось на характере широко распространенных здесь праздников Аполлона.

Колонисты перед отъездом на новую родину обращались к оракулу Аполлона¹. Ведь греки почитали этого бога в качестве основателя городов и предводителя экспедиций, выводивших колонии, поэтому ему давали соответствующие эпikleзы Археget и Ктист. Эллина по большей части отправлялись к Дельфийскому оракулу², но милетяне в VI в. до н. э. получали напутствие у Аполлона Филесия (Дружелюбного), называвшегося также Дидимским³. Его святилище располагалось в местности Дидимы недалеко от Милета, и там жрецами служили видные граждане города. В середине VI в. до н. э. в Дидимах был сооружен один из лучших храмов того времени⁴. Близ него из расщелины в скале вытекал источник, и оттуда, как и в Дельфах, поднимались одурманивающие испарения, приводившие жреца в экстаз, во время которого он произносил веления бога⁵.

В архаический период Дидимский оракул славился не только среди греков. Свои пожертвования Аполлону присылали сюда египетский фараон Нехо и лидийский царь Крез, причем последний передал в Дидимы такие же дары, как в Дельфы (Her. I, 92; II, 159). В 494 г. до н. э. персы разрушили храм (Her. VI, 19); его заново выстроили только в IV в. до н. э., и тогда оракул возобновил свои прорицания.

¹ *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 26–39.

² *Parke M.W., Wormell D.E.* The Delphic Oracle. Oxford, 1956. V. 2. P. 30–45.

³ *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 28–29.

⁴ *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. М., 1984. С. 91–92.

⁵ *Akurgal E.* Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. Istanbul, 1969. P. 222–226. В. Буркерт в статье «Аполлон-Дидим и Ольвия» (ВДИ. 1990. № 2. С. 159) писал, что жрец вдыхал не пары, а пил воду из источника.

Давно признано, что на северные и западные берега Понта культ Аполлона Врача перенесен из Милета, и по характеру он близок Аполлону Дидимскому¹. Предполагается, что в VII–VI вв. до н. э. дидимские жрецы учредили особый культ Аполлона для колонистов, переселявшихся на северные и западные берега Понта. Новая ипостась Аполлона с эпиклезой Врача (*Ἰατρός* или в ионийской форме *Ἰήτρως*), генетически связанная с Аполлоном Дидимским, включила в себя черты бога, имевшего в метрополии эпиклезы Гиперборейский и Стрелок. Изображения Врача получили те же атрибуты (лук и стрела), которые характерны для Аполлона Дидимского, а дидимские жрецы, вероятно, определили основные праздничные ритуалы в его честь.

Колонисты считали Аполлона Врача покровителем основанных ими городов и защитником от всяческих несчастий². Он часто упоминается в надписях из раскопок античных государств на северных и западных берегах Черного моря, но ни разу не встречается в эпиграфических памятниках за их пределами. В сохранившихся литературных источниках, бесчисленное количество раз писавших об Аполлоне, его эпиклеза Врач названа лишь у двух поэтов: в «Птицах» Аристофана (ст. 584) и в поэме «Александра» Ликофрона (ст. 1207, 11377), любившего использовать древние и мало известные варианты мифов. Эпиклеза *Ἰατρός* переводится на русский язык обычно как Врач, потому что таково наиболее распространенное значение этого слова. Однако, в эпиклезе заключен более широкий круг представлений о боге. Начиная с Гомера, античные авторы писали об Аполлоне как о боге-целителе, защитнике от болезней и всяческих зол и отмечали существовавшие в разных городах эпитеты бога, близкие по смыслу эпиклезе Врач: Пеоний, Апотропей и др. (Ном. II. XVI, 528–531; Eur. Alc. 92; Soph. Oed. R. 154; Paus. I, 3, 4).

Сначала во всех колониях Северного Причерноморья ритуалы праздников Аполлона Врача исполнялись примерно одинаково по заветам метрополии. Но с течением времени каждый праздник приобретал особые черты, присущие тому или иному городу; у боспорян он долго оставался самым пышным государственным праздником, а в Ольвии уже в V в. до н. э. утеряти свое первенствующее место.

Вскоре после появления колоний на берегах Боспора Киммерийского, вероятно, на рубеже VI–V вв. до н. э. несколько независимых полисов создали военно-политический союз для защиты своих экономических интересов и для совместных усилий при угрозе вторжения местных

¹ Толстой И.И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. 1904. Январь. Отд. Классической филологии. С. 12–13.

² Русяева А.С. Указ. соч. С. 31–40; Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 213.

Глава II. Праздники Аполлона

племен. Центром объединения стал Пантикапей, и здесь одновременно возникла религиозная амфикифия этих городов¹. Со временем первоначально равноправные полисы оказались подвластными пантикапейским правителям, и в результате на обеих сторонах Керченского пролива образовалось Боспорское царство².

Союзы, именовавшиеся у греков амфикифиями (амфикифиями назывались жители окружающих областей, соседи), характерны для архаического и классического периодов античной истории. Наиболее знамениты амфикифии на Делосе и в Дельфах при храмах Аполлона. Первоначально члены амфикифий собирались на общие празднества и защищали свой главный храм и находившиеся там сокровища. Праздничные собрания использовались также для совещаний на животрепещущие политические темы и для урегулирования разных спорных вопросов; со временем эта функция стала приобретать все более важное значение.

Образцом для боспорской амфикифии скорее всего послужили амфикифии на Делосе, куда издавна на праздники собирались ионийцы, и союз, объединявший 12 ионийских городов на родине колонистов, где в святилище Панионион проходили их общие религиозные празднества, упомянутые Геродотом (I, 148). Граждане многих окрестных городов собирались в Пантикапее на главный государственный праздник Аполлона Врача. Древнейшим боспорским памятником с упоминанием этого бога в настоящее время является пантикапейское граффито рубежа VI–V вв. до н. э.³ Деятельность амфикифии в V в. до н. э. подтверждается, чеканкой местных монет с легендой АПОΛ⁴, а также возведением в это время на акрополе Пантикапея крупнейшего в Северном Причерноморье храма (рис. 10). По мнению современных исследователей, один

¹ Толстиков В.П. К проблемам образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 46–47.

² Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 193–197; Виноградов Ю.Г. Исторические судьбы полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 404–420; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в V–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 63–70; Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111–128.

³ Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 69.

⁴ Зубар В.М. Виникнення воєнного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Киммерійського // Український історичний журнал. № 5. 1997. С. 46–49; Фролова Н.А. О проблеме чеканки монет с надписью АПОΛ // Боспорский сборник. № 5. М., 1995. С. 205–212.

Пантикапей не мог оплатить строительство столь большого сооружения, поэтому его возвели на средства всех членов амфикинии¹.

Архитектурные остатки пантикапейского храма позволяют в общих чертах представить его размеры и внешний облик (рис. 11). Монументальное здание достигало высоты 14 м; его фасад украшали 6 колонн, и скорее всего, они окружали все сооружение, то есть это был периптер. Наверное, к скульптурному декору храма V в. до н. э. принадлежит уцелевший фрагмент мраморного фриза, исполненного одновременно с сохранившимися архитектурными деталями здания. Центр композиции фриза занимает Аполлон, рядом с ним находятся фигуры Гермеса, Артемиды и нимфы. Пространство около храма заполняли посвященные скульптуры, надписи и дары богу². Вероятно, боспоряне во время торжественных шествий на акрополь и жертвоприношений Аполлону перед его храмом стремились в меру сил воспроизвести ритуалы, принятые в Дидимах: многолюдные процессии, обильные жертвоприношения и состязания, в которых участвовали граждане городов, вошедших в амфикионию³.

С древнейших времен и до конца эллинистического периода Аполлон Врач занимал ведущее положение в пантеоне богов Пантикапея и всего европейского Боспора, поэтому его праздники были главными государственными торжествами.

Династия Спартокидов, долго правившая на Боспоре, считала Аполлона Врача своим покровителем. В надписях V–IV вв. до н. э. упоминаются члены царской семьи и представители боспорской аристократии, занимавшие должности жрецов этого бога (КБН. 6, 10, 25). Они играли важнейшую роль на праздниках Аполлона, следя за правильным проведением ритуалов и совершая жертвоприношения, а по окончании срока жречества ставили посвященные статуи Аполлону, которые украшали теменосы у его храмов в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе. От этих статуй сейчас уцелели лишь постаменты с посвященными надписями.

Менее пышные, чем в Пантикапее, праздники Аполлона Врача проходили в других боспорских городах. Граффити VI–V вв. до н. э. с посвящениями этому богу найдены в Мирмекии, Феодосии, Патрее⁴, они

¹ Пичикян И.Р. Указ. соч. С. 156–170.

² Блаватский Г.Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1948 гг. // МИА. 1957. № 56. С. 33; Пичикян И.Р. Указ. соч. С. 168–170, 177.

³ Дидимские ритуалы кратко описаны в древних надписях. Moretti L. *Inscrizioni agonistiche Greche*. Roma, 1973. P. 126. N 49.

⁴ Сударев Н.И. Указ. соч. С. 215–216.

Глава II. Праздники Аполлона

указывают на существование святилищ Аполлона, у которых проводились празднества. Лапидарные надписи IV–II вв. до н. э. из Фанагории и Гермонассы (КБН. 974, 985, 1037, 1044) свидетельствуют о распространении главного пантикапейского культа и на азиатской стороне Боспора.

Кроме Боспора в Северном Причерноморье праздники Аполлона Врача справляли также в Борисфене, Ольвии и Тире. О последней имеется немного эпиграфических и материальных источников доримского времени, и среди них есть надпись III в. до н. э. с посвящением Аполлону Врачу¹. Таково единственное указание на то, что в Тире, как и в других милетских колониях Северного Причерноморья, почитали этого бога и справляли соответствующие праздники.

Посвятительные граффити говорят о том, что уже в первой четверти VI в. до н. э. в Борисфене отмечали праздники Аполлона Врача и приносили дары в его святилище². На плечике толстостенного расписного сосуда VI в. до н. э. прочерчена надпись «Я принадлежу Аполлону Врачу»; по мнению В.П. Яйленко, это храмовая маркировка, и она свидетельствует о наличии архаического святилища бога в Борисфене. В другом граффито рубежа VI–V вв. до н. э. сообщается о выделении святилищу Аполлона двадцатой части от каких-то доходов или добычи³. Поэтому можно узнать о некоторых источниках средств, на которые содержалось святилище и проводившиеся там праздники.

Праздники Аполлона Врача появились в Ольвии вскоре после ее основания. Косвенные свидетельства о них имеются среди археологических памятников, найденных на Западном теменосе города; в первую очередь это остатки храма Аполлона Врача, который ольвиополиты называли Ἰατρίον⁴. Древнейшее здание было сооружено из дерева и сырцового кирпича в первой трети VI в. до н. э., а на рубеже VI–V вв. до н. э. появился новый более обширный храм, простоявший целое столетие. С. Д. Крыжицкий сделал реконструкцию здания, некогда украшенного привезенными из Милета расписными терракотовыми деталями и увенчанного крупным известняковым акротерием (рис. 12). Этот небольшой антовый храм ионийского типа с двумя колоннами по фасаду имел ширину 7 метров и вдвое большую длину⁵.

¹ Карышковский П.О. Надписи Тиры // ВДИ. 1959. № 4. С. 116.

² Русаева А.С. Указ. соч. С. 31.

³ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 289–290.

⁴ Русаева А.С. Указ. соч. С. 33.

⁵ Крыжицкий С.Д. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии (опыт реконструкции) // ВДИ. 1998. № 1. С. 170–190.

Таким образом, мы имеем представление о двух храмах Аполлона Врача в Пантикапее и в Ольвии, перед которыми проходили главные жертвоприношения богу и другие торжества. Кроме того, известен в общих чертах облик особо почитавшейся в Ольвии архаической статуи Аполлона Врача. Скульптура хранилась в городе много столетий, она существовала еще во II в. н. э., потому что ее изображение чеканилось на ольвийских монетах этого времени. Аполлон был представлен во весь рост, одной рукой он держал прислоненный к ноге лук со стрелой, а в другой – какой-то круглый предмет. По форме калафа, венчавшего голову бога, статуя датируется началом или серединой VI в. до н. э.¹ Традиция долго хранить и поклоняться древним скульптурам богов вообще характерна для античности. Известно, например, как радовались милетяне, когда в 295 г. до н. э. удалось возвратить в Дидимское святилище похищенную персами статую Аполлона, исполненную Канахом в конце VI в. до н. э. (Paus. I, 16, 3; II, 10, 4; Curt. Ruf. 28–35). Множество древних кумиров продолжало существовать в римское время; их подробно описали Плиний в «Естественной истории» и Павсаний в своем сочинении о достопримечательностях Эллады.

В IV в. до н. э. Западный теменос Ольвии украсила бронзовая статуя Аполлона Врача, исполненная афинским скульптором Стратонидом по заказу ольвиополита Леократа; от нее уцелел теперь лишь постамент с надписью (НО. 65). Скульптура появилась на этом теменосе, когда главные государственные праздники отмечали уже на другом священном участке и у иных храмов.

Во второй половине VI в. до н. э. в Ольвию прибыла новая волна милетских колонистов. Возможно, их возглавлял жрец Аполлона Дельфиния, покинувший родину вместе с группой соотечественников из-за политических неурядиц и подчинения Милета власти персов. Культ Аполлона Дельфиния, как писал Страбон (IV, 1, 4), был общим для всех ионян. Он занимал ведущее положение в пантеоне Милета, и там его святилище с большим храмом находилось у Львиной бухты².

Почитатели Аполлона Дельфиния влились в гражданскую общину Борисфена и Ольвии, о чем свидетельствуют граффити с посвящением богу, и постепенно этот культ оттеснил на второй план Аполлона Врача и его праздники³. Гораздо меньшее количество почитателей Аполлона Дельфиния из новой волны колонистов поселилось на Боспоре. О них

¹ Карышковский П.О. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 31.

² Rhem A. Milet. I, 3. Delfinion. 1913. S. 406–409.

³ Русяева А.С. Указ. соч. С. 42–43.

Глава II. Праздники Аполлона

известно по посвятителным граффити V в. до н. э. из Тиритаки¹ и надписи IV в. до н. э. из Гермонассы (КБН. 1038); там в отличие от Ольвии праздники Дельфиния справляли были гораздо скромнее, чем местные торжества Аполлона Врача.

Ольвийские праздники Аполлона Дельфиния проходили на Центральном теменосе города (рис. 13, 14). Сюда, начиная с третьей четверти VI в. до н. э. ольвиополиты приносили свои дары богу; из них сохранилось несколько обломков киликов с посвящениями Аполлону Дельфинию². В начале V в. до н. э. здесь построили храм. По размерам он вдвое уступал пантикапейскому храму Аполлона Врача и внешне напоминал милетский Дельфинион: он имел те же размеры и сходную ориентацию на восток. Около его фасада находились два жертвенника, стояли votivные статуи и декреты, высеченные на стелах³.

В архитектуре ольвийских культовых зданий V в. до н. э. заметны черты архаизации; это перекликается с нашими знаниями об особой любви ольвиополитов к древним сказаниям о героях и дает основание предполагать, что здесь долго сохранялись в неприкосновенности многие черты культурной и религиозной жизни, заимствованные из метрополии при выводе колонии⁴. Поэтому можно думать, что празднества Аполлона Дельфиния, справлявшиеся перед его храмом в классический период, имели многие архаические черты. В IV в. до н. э. ольвиополиты на месте старого воздвигли новый более крупный и богато украшенный храм⁵. Тогда, вероятно, главный государственный праздник Аполлона приобрел более пышный характер, свойственный подобным торжествам эпохи эллинизма, а дань древним ритуалам отдавали на Западном теменосе, где продолжали чтить Аполлона Врача.

Ольвийский праздник Аполлона Дельфиния сопровождался торжественной процессией, возлияниями и жертвоприношениями перед храмом бога, пением хоров и танцами, сходными с теми, о которых известно по надписям из милетского Дельфиниона⁶. Торжества проходили так же, как в Милете и других городах, весной во время открытия сезона мореплавания, потому что греки считали Дельфиния покровителем мо-

¹ Емец И.А., Чевелев О.Д. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник. М., 1995. № 16.

² Русяева А.С. Указ. соч. С. 42.

³ Пичикян И.Р. Указ. соч. С. 178–184.

⁴ Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964. С. 89.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Bilabel F. Die Ionische Kolonisation. Leipzig, 1920. S. 81.

реходов¹. Эта эпиклеза Аполлона так разъяснялась в гомеровском гимне (II, 315–317):

*Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию.*

Перевод В. В. Вересаева

Кроме покровительства мореплаванию Дельфиний, по мнению ольвиополитов, был организатором и покровителем их государства. Не случайно дельфин занял первостепенное место в символике Ольвийского полиса. В VI–V вв. до н. э. здесь обращались монеты в виде дельфинов (рис. 15), затем дельфин наряду с орлом, символом Зевса, вошел в эмблему Ольвии, которая чеканилась на монетах с последней трети V в. до первой половины II в. до н. э. (рис. 16, 17)².

В Милете организация культовых действ в честь Аполлона находилась в ведении жрецов, возглавлявших союз мольпов. Подобный союз образовался и в Ольвии; о его деятельности в V в. до н. э. известно по нескольким посвячительным надписям Аполлону Дельфинию (НО. 55, 58, 60, 167). В ольвийский союз вошли представители аристократических родов, ведущих происхождение от издавна живших Милете предков. Верховный жрец ольвийских мольпов, как и в метрополии, становился жрецом–эпонимом, то есть его именем назывался год и датировались государственные документы. При раскопках милетского Дельфиниона найдены списки подобных эпонимов, начиная с 523 г. до н. э.³ К сожалению, подобных списков не оказалось среди множества уцелевших надписей, которые ольвиополиты так же, как милетяне, ставили около своего храма Аполлона Дельфиния.

Мольпы чествовали Аполлона на совместных пиршествах, упомянутых в милетских надписях. Вероятно, подобные симпозионы устраивались также в Ольвии, и местные мольпы, приезжая в метрополию, посещали там эти торжественные трапезы. Они проходили в специально отведенном для них доме; еду и вино предоставляли все члены союза, кроме отдельных освобожденных от подобной обязанности. Во время симпозиона, как и на праздниках Аполлона Дельфиния, пение играло особо важную роль. Мольпы исполняли гимны в честь своего бога, считавшегося непревзойденным певцом и музыкантом; знаменательно, что

¹ Кобылина М.М. Милет. М., 1965. С. 76.

² Карышковский П.О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80–98; Русаева А.С. Религия и культы... С. 65–70.

³ Rhem A. Op. cit. № 122.

Глава II. Праздники Аполлона

наименование самих мольпов образовано от слова *μολπή*, означающее у Гомера только пение или пение в сопровождении пляски¹.

Древнейшие музыкальные и спортивные агоны в Северном Причерноморье, по-видимому, появились на праздниках Аполлона. Ведь в гомеровском гимне (I, 149–150), созданном в период колонизации северных берегов Понта, говорится, что где бы ни собрались ионийцы, «они услаждают Аполлона пением и пляской». самого бога греки часто изображали с лирой или кифарой, ставшими его наиболее частыми атрибутами. Музыка на праздниках Аполлона в основном исполнялась на этих инструментах. Их изображения чеканились на монетах Ольвии (рис. 99), Херсонеса, Пантикапея и Тиры. В Ольвии в мастерской коро-пласта, изготовлявшего посвященные статуэтки, можно было приобрести фигурку Аполлона, играющего на кифаре², подобные статуэтки делали также на Боспоре³.

Аполлон, по рассказам греков, чаще других богов принимал участие в различных состязаниях, получая первенство и в мусических, и в атлетических соревнованиях (Plut. Symp. VIII; 4, Mor. 724. В-С). Поэтому с архаического периода праздники Аполлона постоянно включали различные агоны. Греки считали бога непревзойденным исполнителем на лире и кифаре, все знали предание о наказании Марсия, вызвавшего Аполлона на музыкальное состязание и потерпевшего поражение (Нег. VII, 26; Хер. Anab. I, 2, 8). Иллюстрации мифа на двух краснофигурных вазах из Херсонеса и Пантикапея⁴ подтверждают знакомство с этим мифом эллинов, живших в Северном Причерноморье. По преданию, Аполлон побеждал на Пифийских и Олимпийских играх, одолевал в кулачном бою Ареса, в беге – Гермеса, стрелял из лука и метал диск (Paus. V, 7, 10; XIII, 5, 38). Вероятно, не случайно какой-то ольвиополит посвящал Аполлону чернофигурный килик с изображением борцов⁵.

Кроме уже названных главных праздников в государствах Северного Причерноморья отмечали и другие праздники Аполлона. В Борисфене в VI в. до н. э. справили грандиозное по возможностям колонистов празднество в честь Аполлона Дидимского, принеся ему в жертву 70

¹ Карышковский П.О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42–51.

² Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 83.

³ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 61–62.

⁴ ДБК. Табл. 57; ОАК 1904. С. 68; LIMC. Bd. 6. S. 371–372. N 31, 34.

⁵ Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л., 1964. С. 145.

быков¹. Вероятно, как было принято у греков, большую часть туш раздали гражданам, и праздник, по обычаю, завершился большим пиром. Сохранившийся единственный эпиграфический документ с упоминанием жертвоприношения Аполлону Дидимскому не позволяет узнать, был ли регулярным в Борисфене праздник с такими большими жертвами, или его провели по случаю какого-то выдающегося события.

Наверное, в упомянутом празднестве наряду с борисфенитами участвовали колонисты из нескольких поселений Нижнего Побужья. Именно этим можно объяснить столь большое количество жертвенных животных, которых в таком числе затруднительно было предоставить одному скромному поселению на Березани². В связи с этим стоит напомнить, что для крупных жертвоприношений греки зачастую собирали скот из разных городов, привлекая их к участию в празднике. Например, каждый город, входивший в состав Афинского морского союза, доставлял на Панафинеи корову и двух овец (IG I². 57, 63, 66)³. Вероятно, так поступали и на праздниках Аполлона Врача в Борисфене и Пантикапее.

Греки чтили Аполлона как покровителя календаря, и одна из основных функций последнего состояла в указании определенных сроков празднеств в честь разных божеств⁴. Названия многих месяцев в календарях разных греческих полисов произошли от справлявшихся в них праздников. Наименование трех аполлоновских праздников отразилось в месяцах Таргелион, Кианепсион и Боэдромион. Они входили в милетский календарь, по которому первоначально вели счисление все милетские колонии Северного Причерноморья. Кроме того, Аполлону посвящались каждый первый день нового месяца, его середина и 20-е число⁵.

В месяце Таргелионе, приходившемся на рубеж апреля и мая, справлялись одноименные празднества Аполлона и его сестры Артемиды. Этот

¹ Эта жертва Аполлону Дидимскому записана на березанском граффито VI в. до н. э. *Русяева А.С.* Милет – Дидимы– Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 26.

² О небольшом количестве населения Борисфена в VI в. до н. э. свидетельствует найденное там граффито. См. *Русяева А.С.* Указ. соч. С.14; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 78.

³ *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 128; *Shapiro H.* Democracy and Imperialism. The Panathenaia in Age of Pericles // *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon.* Madison, 1996. P. 222.

⁴ *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 33.

⁵ *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd. 1. S. 644–647.

Глава II. Праздники Аполлона

месяц упомянут в надписях Боспора¹ и Ольвии (IPE I². 44)². Граффито V в. до н. э. определенно свидетельствует о проведении Таргелий в Ольвии и даже указывает их даты: первого и седьмого числа одноименного месяца. Праздник начинался в новолуние, и затем его отмечали через семь суток в день рождения Аполлона, появившегося на свет на день позже Артемиды. 7-го Таргелиона в Милете и, наверное, в его колониях Северного Причерноморья было принято пить неразбавленное вино (Parthen. IX, 5).

В большинстве ионийских городов Таргелии справляли как весенний праздник плодородия, очищения и молитв о будущем урожае. Жертвенная каша *θάρυελος*, сваренная из разных зерен и злаков, дала название всему празднику. В первый день Таргелий проводили очищение, а во второй совершали жертвоприношения. Для очищения по городу проводили несколько преступников, которые в это время, как предполагалось, вбирали в себя всю нечесть, затем их убивали или изгоняли из государства, и таким способом община избавлялась от скопившейся скверны³. Во время Таргелий хоры мальчиков и взрослых мужчин состязались в исполнении гимнов в честь Аполлона. В Милете церемонии Таргелий проходили у храма Аполлона Дельфиния; ведущую роль в них играли мольбы, а животное для жертвоприношения оплачивалось за государственный счет⁴. Наверное, сходные ритуалы проводили в милетских колониях Северного Причерноморья.

Другой распространенный у ионийцев праздник Кианепсии отмечался 7-го Кианепсиона и по милетскому календарю соответствовал теперешнему концу сентября. Подобно Таргелиям, название произошло от особо приготовленного в этот день блюда из чечевицы, бобов и разных овощей. Такое приношение совершалось Аполлону в его ипостаси бога, способствовавшего созреванию плодов и злаков. Кианепсии также знаменовали поворот к зиме и срок, когда Аполлон отправлялся на несколько месяцев в страну сказочно счастливых гипербореев.

¹ Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 87.

² Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 38.

³ Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1932. S. 179; Simon E. Festivals of Attica. An Archaeological Commentary. 1983. P. 86; Parke H.W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 226.

⁴ Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 148.

В конце лета в месяце Боздромионе справляли праздник Аполлона, чтимого в роли помощника и защитника в битвах, поэтому участники торжественного шествия шли в полном вооружении¹.

В Херсонесе, единственной дорической колонии Северного Причерноморья, праздники Аполлона занимали скромное положение, а главная роль здесь отводилась Деве, ипостаси Артемиды. На херсонесских посвяtitельных граффити имя Аполлона обычно стоит рядом с его сестрой Артемидой и их матерью Лето². Вероятно, не случайно среди уцелевших херсонесских скульптур отсутствуют изображения Аполлона³. Предполагается, что в Херсонесе отмечался праздник Аполлона Делосского, потому что делосцы входили в состав первых колонистов, а в эллинистический период существовали особо тесные религиозные связи между Херсонесом и Делосом⁴.

В эллинистический период распространились празднества, устраивавшиеся на проценты от средств, пожертвованных в святилище того или иного бога⁵. Так поступили херсонеситы, пожертвовав Аполлону Делосскому 4000 драхм; на проценты от этой суммы на Делосе в III в. до н. э. ежегодно в месяце Ленеоне справлялся праздник Херсонесии. Его наименование образовано от названия города так же, как и у других подобных празднеств, проходивших на острове, например, Атенийи и Ромайи. Херсонесии входили в число весьма многочисленных праздников, которыми в древности славился Делос. Ведь в античности этот небольшой остров в основном имел значение важнейшего религиозного центра, куда совершали паломничество эллины со всех концов ойкумены⁶.

По преданию, Аполлон и Артемида родились на Делосе, поэтому там особо чтили обоих богов. Многие граждане из разных городов Северного Причерноморья присутствовали на знаменитом во всем греческом мире празднике Аполлона в его делосском святилище, о чем известно из ряда надписей. Судя по эпиграфическим памятникам, в эллинистический период херсонеситы посещали Делос чаще других гра-

¹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 130.

² Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 86–88, 105, 106.

³ См. книгу Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

⁴ Тюменев А.И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 265; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М., 1999. С. 120; Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 105.

⁵ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 271–272.

⁶ Лопухова О.Б. Делос во II в. до н. э. // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 224, 237–239.

ждан Северного Причерноморья; некоторые из них, оказавшие особые услуги государству и святилищу, удостоивались венчания венками на местных праздниках (МИС. 22). В одном недавно найденном почетном декрете записано, что во II в. до н. э. херсонесит Аполлонид трижды награждался венком¹.

Ольвиополиты и боспоряне также посещали делосские праздники и делали приношения в храм Аполлона. В перечнях даров святилища упоминаются чаша, подаренная боспорским царем Перисадом в 269 г. до н. э. и три серебряные чаши весом по 100 драхм, поднесенные херсонеситами (МИС. 25–28). Сохранились также делосские проксении, данные гражданам Ольвии и Пантикапея (МИС. 21, 23, 24); среди прочих привилегий они получали право занимать передние почетные места во время праздничных агонов (МИС. 21).

Традиция ионийцев из разных городов отмечать вместе на Делосе весенний праздник Аполлона существовала еще в эпоху архаики (Ном. Нумн. II, 146–162). В классический период Аполлонии стали грандиозным панэллинским праздником, справлявшимся раз в четыре года; на него эллины собирались много столетий вплоть до первых веков нашей эры².

Аполлонии славились агонами и в первую очередь музыкальными. Особо почетное место отводилось хорам с танцами юношей, девушек и мужчин. Они приезжали из многих городов и в случае победы получали в награду треножник³. Певцы выступали в венках и специально изготовленных к празднику одеждах; хористы стремились затмить соперников не только своим мастерством, но также внешним видом, для чего благодетели тратили немалые средства. Во второй половине V в. до н. э. хор из Афин произвел потрясающее впечатление; выдающийся политический деятель и полководец Никий приобрел для певцов роскошные одеяния и венки, а также построил мост к Делосу от островка Рении, к которому пристал афинский корабль. Зрители, собравшиеся на праздник, с восхищением смотрели, как богато наряженный хор с пением вступал на Делос по мосту, убранному коврами и венками (Plut. Nic. 3).

В эллинистический период мусические агоны на Аполлониях дополнились драматическими состязаниями, включавшими главным образом современные комедии, реже трагедии. Здесь разыгрывали те же пьесы и выступали те же актеры, которые участвовали в афинских Ленеях и

¹ *Farnoux D.* Delos // *Bulletin de Correspondance Hellenique*. T. 115. 1991. P. 722. Fig. 4.

² *Нильссон М.* Указ. соч. С. 136.

³ *Ringwood I.* Local Festivals at Delos // *AJA*. V. 37. № 3. 1933. P. 452.

дельфийских Сотериях¹. Поэтому гости из Северного Причерноморья могли видеть лучших исполнителей и знакомиться с произведениями самых популярных драматургов своего времени. После музыкальных агонов проводились атлетические и конные состязания, их победители получали пальмовые ветви и призовые серебряные чаши (IG. II. 814, 816; Plut. Thes. 21).

Не менее прославленный в греческой ойкумене праздник Аполлона проходил в его святилище близ Дельф (рис. 18); в этом «общем очаге Эллады» устраивались Пифийские игры в память о победе бога над чудовищем Пифоном², и во время музыкального агона исполнялась песнь-ном на эту тему (Hom. Hymn. II, 115–196; Callim. Hymn. II, 100–104; Ovid. Met. I, 446–447). В государства Северного Причерноморья прибывали корабли со священными послами феорами, они приглашали граждан на дельфийские праздники и объявляли точную дату их начала (МИС. 12). К назначенному сроку греческие города отправляли священное посольство во главе с архифеором, иногда членами таких посольств бывали боспорские цари. Это можно предположить потому, что в почетном постановлении дельфийцев в честь царя Перисада и его жены Камассарии говорится, что они сами и их предки постоянно почитали дельфийского Аполлона (МИС. 15). В каталоге дельфийских проксенов II в. до н. э. назван херсонесит Гимн, по-видимому, исполнявший обязанности архифеора (МИС. 14). Вместе с посольством прибывали граждане, собирающиеся принять участие в агонах.

Кроме Пифийских игр греки с северных берегов Понта посещали дельфийские Сотерии (игры спасения) в честь Аполлона и Зевса. Их учредили в 278 г. до н. э. в память о разгроме галатов, грозивших разорить Дельфы, и о помощи богов, помогавшим грекам победить. Учитель хора боспорянин Исил числился в списке участников Сотерий 272 г. до н. э. (МИС. 11). По этому и нескольким другим сохранившимся спискам можно представить программу музыкальных агонов на Сотериях: там состязались рапсоды, мужские и детские хоры, сольные певцы, кифаристы, авлеты и комические актеры.

¹ Ibidem. P. 455.

² Так объясняли название игр сами эллины, но вернее праздник получил наименование по местности Пифо, где он проводился с древнейших времен; ведь именно так были названы другие главные общегреческие игры в Олимпии Немее и на Истме. См. *Шарнина А.Б.* Пифийские игры в Дельфах // *ΜΟΥΣΕΙΟΝ*. Сборник статей к 70-летию проф. А.И. Зайцева. СПб., 1997. С. 69–70. О Пифийских играх см. в главе «Спортивные и музыкальные агоны».

Гости привозили в Дельфы разнообразные дары. В торжественной обстановке какого-то праздника херсонеситы во главе с послами Формионом и Гераклидом совершили жертвоприношение Аполлону и Афине в 100 голов скота и после этого отдали местным гражданам мясо, оставшееся после жертвы. Об этом с благодарностью говорилось в постановлении о даровании городу Херсонесу промантеи (права вне очереди обращаться к дельфийскому оракулу), и проксений херсонесским архонтам и двум их послам (МИС. 13).

Наряду с крупными государственными и частными дарами небогатые люди в меру своих возможностей делали скромные пожертвования в храм, и их также отмечали в дельфийских надписях. Так, один херсонесит сделал взнос в размере всего двух оболов (МИС. 10); может быть, он был рядовым членом команды корабля, доставлявшего гостей на праздник.

Как правило, греческие колонии поддерживали тесные религиозные связи с метрополией. С древнейших времен граждане городов Северного Причерноморья регулярно посещали милетские праздники Аполлона. Боспор и Ольвия на протяжении многих столетий имели постоянные контакты с милетским Дельфинионом и Дидимским святилищем, посылая туда своих представителей на главные праздники. Не случайно при раскопках Дельфиниона обнаружен декрет об исополитии Милета и Ольвии (Syll.³ 286); в нем говорится, что граждане этих городов на равных основаниях могут участвовать в жертвоприношениях, агонах и других праздничных церемониях. Ольвиополиты безусловно пользовались этим, посещая метрополию. На милетских праздниках Аполлона иногда присутствовали боспорские цари и их послы. Сохранились надписи II в. до н. э. о подношениях в Дидимейон от Перисада III и Камасарии. Царь подарил золотую чашу весом в 200 статеров, а дар царицы несколько уступал в весе – 187 статеров (МИС. 38, 39).

Отдельные сообщения древних авторов, тексты некоторых надписей и материалы археологических раскопок позволяют представить, как милетяне весной в месяце Тавреоне отмечали праздник Аполлона, называвшийся Διδόμεια. Корпорация певцов и танцоров устраивала торжественную процессию из Милета в Дидимы. В определенных местах шествие останавливалось для исполнения хоров: первый пеан Аполлону звучал у ворот Милета, затем хор пел у святилища Гекаты, на холме нимф и у статуй Гермеса и Хареса. Праздничная процессия двигалась по проложенной в лесистой местности священной дороге, вымощенной щебнем, а в римское время, выложенной камнем. Долгий путь тянулся 180 стадиев вплоть до ворот святилища Аполлона, стоявшего на высоком месте,

откуда открывался широкий вид на окрестности. Вдоль дороги близ святилища и на подступах к храму стояли посвященные скульптуры. В архаический период они представляли лежащих львов и торжественно восседающих мужчин и женщин, изображавших людей, совершивших посвящения богу.

Участники праздника, войдя в ворота святилища, попадали на улицу длиной 250 м, подводившую к боковой стороне храма Аполлона, они обигали его и завершали свой поход у главного фасада. Здесь совершались жертвоприношения на круглом алтаре, проходили состязания хоров, бег с факелами и другие соревнования. Зрители сидели на ступенях храма и на специально построенных для этого уступах подпорной террасы¹.

Итак, с архаического вплоть до начала римского времени праздники Аполлона играли ведущую роль в милетских колониях Северного Причерноморья. Ольвийский храм Аполлона Дельфиния и пантикапейский храм Аполлона Врача занимали господствующее положение в панораме города, открывавшейся перед взором мореходов, прибывавших сюда из многих государств Причерноморья и Средиземноморья. В первые века существования колоний праздничные ритуалы в честь бога копировали принятые в Милете церемонии. Наиболее яркие свидетельства этого найдены при раскопках Ольвии. Там на Центральном теменосе построили храм Аполлона Дельфиния по образцу милетского; на теменосе Аполлона почитали Зевса, что напоминает о культе этого бога в Дидимском святилище на празднике Боэгия (Callim. Fr. 36). Вдоль ольвийской священной дороги для праздничных шествий стояли сделанные милетскими мастерами скульптуры львов, сходные с аналогичными изваяниями на пути в Дидимейон².

В римский период праздники Аполлона Врача на Боспоре и Аполлона Дельфиния в Ольвии утратили свою роль ведущих государственных торжеств. После возобновления жизни Ольвии, прерванной из-за разрушения города гетами, местный пантеон сильно изменился, и взамен Аполлона Дельфиния первенствующее место заняла другая ипостась этого бога – Простат³.

Еще более радикальные перемены в системе праздников произошли на Боспоре. Стремясь превратить в единое целое страны, входившие в

¹ Nilsson M.P. Die griechische Feste von religiösen Bedeutung. Leipzig, 1906. S. 177; Кобылина М.М. Указ. соч. С. 110–111; 114–117.

² Русаева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 159–160.

³ Русаева А.С. Религия и культы... С. 50.

Глава II. Праздники Аполлона

его владения, Митридат VI Эвпатор ввел на Боспоре македонский календарь и летосчисление, принятое в Понте и Вифинии¹. Это должно было повлечь за собой настоящую революцию в системе государственных праздников, отмечавшихся в строго определенные числа прежнего календаря². Торжества в честь Аполлона Врача утратили свое главенствующее положение, что подтверждается весьма малым количеством свидетельств о культе этого бога в римское время.

¹ *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

² Ср. главу «Праздники, календарь и определение времени».

ГЛАВА III. ПРАЗДНИКИ АРТЕМИДЫ

В гимне Каллимаха «К Артемиде» (III, 124–132) описаны несчастья людей, разгневавших сестру Аполлона; ведь только у тех, кому она покровительствует, созревают хорошие урожаи, растут стада и роженицы благополучно разрешаются от бремени. Любимое занятие Артемиды – охота в горах и созерцание танцев и хороводов на праздниках в ее честь (Horn. Hymn. 18–20; Callim. Hymn. III, 180–182; 264, 265; Paus. VI, 2, 6–9). Поэтому во всех греческих государствах справлялись те или иные праздники этой богини.

В Милете, как и во многих ионийских городах, Артемиде поклонялись с древнейших времен (Callim. Hymn. III, 225–227). Поэтому уже в первые десятилетия после переезда греков на новую родину в милетских колониях Северного Причерноморья появились праздники Артемиды, воспроизводившие ритуалы, принятые в метрополии. Судя по архаическим изображениям богини, колонисты представляли ее охотницей с традиционными атрибутами: луком со стрелами и ланью, ее священным животным¹.

Разнообразные эпиклезы богини (в Ольвии, например, их насчитывается шесть)² указывают на многообразие ее празднеств в Северном Причерноморье. Праздники Артемиды Агротеры в Фанагории проходили около ее храма (КБН. 1014), а праздники Артемиды Эфесской справляли в Борисфене, Ольвии, Керкинитиде и в ряде городов Боспора.

В Пантикапее найдена одна из самых древних греческих надписей в Северном Причерноморье. В середине VI в. до н. э. некий Сон преподнес в дар Артемиде Эфесской бронзовое ситечко для процеживания вина и написал посвящение на его ручке³. Это косвенно свидетельствует о су-

¹ Такой мы видим Артемиду на терракоте рубежа VI–V вв. до н. э. из Пантикапея. См. *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 48.

² *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 106–107.

³ Фрагмент бронзового предмета с надписью был обнаружен В.Д. Блаватским во время раскопок Пантикапея и предположительно определен им как часть треножника, см. *Блаватский В.Д.* Пантикапей М., 1964. С. 52. Позднее М.В. Трейстер (Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА. 1990. № 197. С. 40) убедительно доказал, что это часть ситечка для процеживания вина. Надпись на нем впервые опубликована в

Глава III. Праздники Артемиды

ществовании святилища богини, около которого справляли ее праздники. О том же говорят надписи IV в. до н. э. из Пантикапея, Гермонассы и Горгииппии (КБН. 6 а, 11, 1040, 1114). В двух из них названы жрицы Артемиды Эфесской; они посвящали богине алтари и статуи и, безусловно, совершали ритуалы, принятые на ее праздниках. Вероятно, эти ритуалы напоминали те, которые проводили около самого знаменитого греческого храма Артемиды в Эфесе. Там находилась древняя своеобразная статуя богини со множеством женских грудей. Ее упрощенная копия, воспроизведенная на терракоте из Ольвии, указывает на то, что в этой колонии, как и на Боспоре, поклонялись Артемиде в такой ипостаси¹. Праздники Артемиды Эфесской также отмечали в Керкинитиде около ее святилища, там найдены два граффити с посвящениями богине на килике и скифосе V в. до н. э.² О том же свидетельствует близкая по времени надпись на чернолаковой солонке из раскопок Борисфена³.

В древности эфесский храм причисляли к семи чудесам света; множество эллинов из разных концов ойкумены прибывало туда на праздники, сопровождавшиеся музыкальными, атлетическими и конными агонами. Паломники приезжали целыми семьями и приносили богине всевозможные дары и жертвы (Dion. Hal. IV, 25). На рубеже III–II вв. до н. э. Антипатр Сидонский, видевший все семь чудес, счел храм Артемиды Эфесской самым замечательным и написал такую эпиграмму:

*Видел я стены твои, Вавилон, на которых просторно
И колесницам; видел Зевса в Олимпии я,
Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса
И пирамиды – дела многих и тяжких трудов;
Знаю Мавсола гробницу огромную. Но лишь увидел
Я Артемиды чертог, кровлю вознесший до туч,*

статье Н.П.Розановой «Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.» (ВДИ. 1960. № 3. С. 130–132). И хотя Блаватский сомневался в том, что там читается слово «Эфесская», Ю.Г. Виноградов при повторном изучении надписи поддержал чтение, предложенное Розановой, и датировал надпись серединой VI в. до н. э. См. Виноградов Ю.Г. Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. 1974. № 4. С. 60–61. Эта датировка поддержана в упомянутой статье Трейстера.

¹ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С.78.

² Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды в VI–II вв. до н. э. Киев, 1990. С. 142; Он же. Керкинитиды. Симферополь, 1992. С. 48.

³ Яйленко В.П. Греческая колонизация. М., 1982. С. 90. № 100.

*Все остальное померкло пред ним; вне пределов Олимпа
Солнце не видит нигде равной ему красоты.*

АР. IX, 58. Перевод Л. Блуменау

Весьма вероятно, что среди паломников бывали и греки из Северного Причерноморья, в первую очередь с Боспора, так как там памятники с именем Артемиды Эфесской встречаются вплоть до эллинистического времени. В других городах на северных берегах Понта они исчезают значительно раньше, при том что свидетельства об Артемиде с иными эпikleзами там достаточно многочисленны.

В ионийских колониях женщины играли заметную роль на праздниках Артемиды. Выше упоминались ее жрицы на Боспоре, а на постаменте утраченной скульптуры эллинистического времени сохранилось имя ольвийской жрицы Тимо (IRE I². 190), ее муж Эпикрат поставил в святилище Артемиды статую в память о служении богине своей супруги. Вероятно, в том же святилище находилась частично уцелевшая мраморная скульптура III в. до н. э.; Артемида изображена в традиционном образе охотницы в коротком хитоне с колчаном, висевшем на ремне у нее за спиной¹.

Наверное, в Северном Причерноморье, как и повсюду в Греции, праздники Артемиды сопровождались женскими хороводами и танцами². Среди последних известны прилий и пиррихий, исполнявшиеся с оружием в руках под музыку аулосов³. Женщины постоянно делали приношения богине. Жительница Керкинитиды Хедея посвятила Артемиде чернофигурный килик, а ольвийские коропласты для приношений в святилище изготавливали терракотовые фигурки богини-охотницы⁴. Поклонницы Артемиды носили украшения с ее изображениями и обязательно надевали их во время праздников богини. Таковы, например, золотые серьги из Нимфея, представляющие Артемиду сидящей на скачущей лани, одной рукой она держится за рог животного, а другой сжимает факел⁵. Бронзовые и золотые перстни с изображением Артемиды

¹ Штительман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977. Рис. 63.

² Laurer L. The Dance in Ancient Greece. Seattle and London, 1967. P. 105.

³ Poursat J.K. Les representation de dans armée dans la ceramique attique // Bulletin de correspondance hellenique. 1968. P. 614.

⁴ В Ольвии найдена глиняная форма местного производства для таких фигурок. См. Русяева А.С., Сон Н.О. Терракотова форма з зображенням Артеміді // Археологія. 1995. №4. С. 138–140..

⁵ ГЗ. С. 173. № 110.

из боспорских некрополей могли украшать наряд женщин и мужчин на праздниках богини¹.

Праздники в Херсонесе Таврическом существенно отличались от справлявшихся в милетских колониях Северного Причерноморья. Ведь Херсонес единственный в этом районе был заселен дорийцами и потому жил по не похожему на милетский дорийскому календарю, заимствованному из его метрополии Гераклеи Понтийской. Этот календарь оставался в античном Херсонесе неизменным, как можно заключить по названиям месяцев в надписях римского времени. Соответственно сроки праздников и их характер здесь были иными, чем у ионийцев. О своем дорийском происхождении херсонеситы твердо помнили и через много столетий после основания колонии; во II в. н. э. в гимне в честь Гермеса они просили милости бога «ко всем населяющим славный город дорян» (IRE I². 436).

Главный государственный праздник Херсонеса был посвящен Артемиде с эпиклезой Партенос (непорочная дева); херсонеситы постоянно называли свою богиню одной эпиклезой, опуская ее имя. В XIX и в начале XX веков исследователи считали херсонесскую Партенос греческой Артемидой, которую греки называли наряду с Афиной богиней-девственницей². Затем до середины XX в. стало господствующим утверждение, что Партенос имела определенные черты главной богини тавров, упомянутой Геродотом (IV, 103) с именем Дева; высказывалось даже предположение, что пантеон херсонеситов возглавляла местная таврская богиня³. Теперь эта точка зрения утеряла своих сторонников, потому что отсутствуют убедительные свидетельства о сколько-нибудь

¹ Античная художественная бронза. Л., 1973. С. 35. № 110, 114; *Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 90. № 39; ГЗ. С. 193. № 125; *Русяева А.С., Русяева М.В.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 150–151.

² *Кене Б.В.* Описание музеума кн. В.В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Т. 1. С. 122; *Хирст Дж.* Ольвийские культы // ИАК. № 27. С. 112–115; *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Симферополь, 1912. С. 18.

³ *Латышев В.В.* Гражданская присяга херсонесцев // Повтiкi. СПб., 1909. С. 158–159; *Он же.* К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь профессора В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 206–214; *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918. С. 116–117; *Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. № 65. 1918. С. 195–197; *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.,–Л., 1953. С. 238–247; *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 32; *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 78 и др.

заметном влиянии верований соседних племен на религию жителей Херсонеса¹.

Колонисты избрали Артемиду главным божеством своей новой родины и даже рассказывали легенду, что именно она основала их город (Mela II, 3). Артемиду с эпиклезой Партенос олицетворяла для херсонеситов их постоянную покровительницу (IPE I². 352); они клялись ее именем на верность отчизне (IPE I². 401), верили, что богиня в критические моменты является на помощь городу (IPE I². 343, 344, 352), чеканили ее изображения на своих монетах (рис. 19). В ее честь постоянно справляли главный праздник и особыми торжествами отмечали победы, одержанные «благодаря принимающей на себя заботы богине»². Херсонеситы называли также Артемиду Спасительницей, веря в ее помощь при нападениях врагов, и приносили благодарственные жертвы на посвященных ей алтарях (НЭПХ. 125).

В перипле Псевдо-Скимна (ст. 826–831) сказано, что в при выводе колонии на место будущего Херсонеса вместе с гераклеотами участвовали уроженцы острова Делос. Долгое время датой возникновения города считался 421 г. до н. э., но теперь убедительно доказано на основании письменных источников и новых археологических материалов, что появление Херсонеса на Таврическом полуострове следует отнести к гораздо более раннему времени, а именно к последней четверти VI в. до н. э.³

Вероятно, с самого начала главный праздник Артемиды имел как дорийские, так и ионийские черты, отражая вкусы первых колонистов. Дорийские черты вносили выходцы из Гераклеи, а ионийские – уроженцы Делоса. По преданию, на Делосе родились Аполлон и Артемиду, и там отмечались известные во всей Элладе праздники этих богов. И в дальнейшем на характер херсонесских праздников влияли постоянные

¹ Мещаряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 118–119; Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // История античного общества. Горький, 1979. С. 46; Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1992. С. 38; Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 67–166. Более подробно историография вопроса о верховной богине Херсонеса приведена в статье: Латина О.В. Херсонесская Партенос (историографический аспект) // Акра. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 70–86.

² Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² № 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 121.

³ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 91–129.

Глава III. Праздники Артемиды

контакты с метрополией и тесные связи с Делосом, о которых свидетельствуют надписи эллинистического времени (МИС. 22, 25, 26, 27, 29, 30, 31).

Почитание Артемиды с эпиклезой Партенос и ее праздники получили в Херсонесе особую окраску. Став верховным божеством города, богиня наряду с исконными чертами охотницы и покровительницы всего живого приобрела статус защитницы города, поэтому среди ее храмовых изображений в Херсонесе наряду с традиционным образом охотницы появились статуи Партенос в башенной короне, о чем речь пойдет ниже.

Херсонесские Партении – единственный главный государственный праздник в Северном Причерноморье, официальное название которого сейчас точно известно, так как оно записано в декрете Диофанта (IRE I². 352). Там говорится о решении Совета и Народа увенчать полководца золотым венком за победу над скифами и провозгласить об этом во время торжественного шествия (πομπή) на празднике Партений (Παρθέναια). Значит в Херсонесе, как и в других греческих демократических государствах, главный праздник включал церемонию провозглашения о наградах особо заслуженных соотечественников и иностранцев. Херсонеситы устраивали торжественную процессию по городу, и во время ее движения глашатай громко читал постановление. Сам лауреат, вероятно, шел в первых рядах шествия, а все не включенные в процессию жители сходились смотреть на нее и провожать к теменосу богини, где шествие оканчивалось у алтаря Партенос перед ее храмом. К сожалению, археологам пока не удалось обнаружить точное местонахождение этого здания.

Эллины обычно называли святилища по имени чтимого там бога или героя, либо по их эпиклезам или эпитетам, отражающим ипостась или характеристику божества. Например, древние авторы упоминают несколько Герайонов, храмов Геры в Олимпии, на острове Самосе и других частях Эллады (Her. I, 70; Thuc. III, 68; Paus. II, 11, 1; 16, 2; V, 15, 7; VI, 1, 19; VII, 44, 5; IX, 44), или ряд Гераклеянов, святилищ Геракла на Пелопоннесе и в Фивах (Paus. III, 15, 5; IV, 30, 1; VII, 5, 5; IX, 1, 4). Храм Зевса в Мегарах именовался Олимпийеом по эпитету этого бога Олимпийский (Paus. I, 40, 43; 41, 1), а храм Аполлона Дидимейского близ Милета называли Дидимеюном (Plut. Pomp. 24). Во всех случаях это прилагательное среднего рода, при котором подразумевалось слово (ἴρον), а во множественном числе среднего рода подобные прилагательные означали праздники, справлявшиеся при святилище. Таковы были Герайи (τὰ Ἡραῖα) в Олимпии и Коринфе (Paus. II, 24, 2; V, 16, 2) или Аполлонии (τὰ Ἀπολλώνια) на Делосе (IG. 11². 105; МИС. № 22).

Колонисты, поселившиеся в Северном Причерноморье, стали называть свои храмы в русле этой общегреческой традиции, на что указывают прямые и косвенные свидетельства письменных и эпиграфических источников. Древнейшее из них относится к храму Иатроон Аполлона Врача в Ольвии. В главе о праздниках Аполлона уже упоминалось о граффито Ἰατρίων на черепице с крыши этого храма, построенного в последней четверти VI в. до н. э.

На Боспоре, особенно в его азиатской части, широко почитали Афродиту Уранию Апатуру. Её святилища называли Апатурионами, а праздники около них Апатуриями. Это был праздник фратрий, который отмечали в Афинах и в большинстве ионийских городов (Her. I, 147; And. I, 126; Xen. HG. I, 78; Dem. XXXIX, 4; Theophr. Char. 35), в число которых вошли и милетские колонии в Северном Причерноморье. Античные авторы упоминают два Апатуриона на азиатской части Боспора: храм в Фанагории (Strab. XI, 2, 10; Steph. Bys. s.v. Apatourion) и загородное святилище (Strab. XI, 2, 10; Plin. NH. VI, 18; Ptol. V, 8, 2). Оно находилось между Фанагорией и Гермонассой на берегу залива, который, согласно ссылке Стефана Византийского на Гекатея Милетского, именовался Апатуром. Вероятно, это была одна из бухт современного Таманского залива, на дне которого теперь оказались остатки святилища¹. На основании упомянутого сообщения Гекатея можно заключить, что древнейший Апатурион появился на Таманском полуострове уже в архаическое время.

Приведенные аналогии позволяют с достаточной уверенностью считать, что херсонеситы называли свой главный храм Партеноном, так как праздник именовался Партениями. Такое наименование носили некоторые храмы Артемиды и в других греческих городах; один из них назван в надписи из Магнесии на Меандре (Syll³. 695).

Древнейшее эпиграфическое свидетельство о главном херсонесском храме относится к III в. до н. э. В почетном декрете в честь историка Сирика Сирика (IOSPE I². 344) записано, что каменную стелу с текстом постановления следует установить в преддверии храма Партенос. Но первый херсонесский храм Артемиды с эпиклезой Партенос появился раньше, вероятно, на рубеже V–IV вв. до н. э., потому что с этого времени можно определенно говорить об утверждении культа этой богини

¹ *Тохтасьев С.Р.* Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 141; *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор по данным письменной традиции // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 135–136.

как возглавляющей пантеон города¹. Не случайно изображением ее профиля украшены первые выпуски местных монет, датирующихся 390–380 гг. до н. э.²

Херсонесский Партеон занимал центральное положение в городе много столетий; его неоднократно перестраивали, а затем разрушили во время борьбы за установление христианства. В житии епископа Капитона рассказано, как в построенных по его велению печах сгорели мраморные детали и скульптуры святилища верховной херсонесской богини, а известь, полученная из пережженного мрамора, пошла на строительство церкви во имя апостола Петра, сооруженного на месте прежнего храма. Если верить данным жития Капитона, эти события произошли в первой половине 325 года³, так что мы имеем уникальный для Северного Причерноморья случай указания конечной даты существования главной святыни античного города. Археологам не удалось обнаружить остатков упомянутых языческого и христианского храмов, которые, по-видимому, были построены на месте современного Владимирского собора на территории Херсонесского археологического заповедника.

Страбон в «Географии» (VII, 4; С. 308) упомянул о находившемся в храме ксоане богини. Греки особо почитали ксоаны, древнейшие деревянные изображения божеств, и чем древнее была святыня, тем большим почетом она пользовалась. Херсонеситы безусловно связывали с ксоаном Артемиды местные мифы о богине, и, наверное, на такие сюжеты местные поэты писали гимны для исполнения на праздниках⁴. В этих мифах отражалось бытовавшее во всем эллинском мире представление о пребывании в Таврике Артемиды и ее жрицы Ифигении еще во времена Троянской войны, то есть задолго до основания Херсонеса. Предание оправдывало в глазах херсонеситов их исконное право владения землями на Таврическом полуострове так же, как ольвийские рассказы о Геракле в Скифии или боспорский вариант мифа о борьбе Афродиты с гигантами на Таманском полуострове⁵.

Подробнее всего сюжет известного всем грекам мифа сохранился в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Эллы рассказывали о том,

¹ Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. С. 32.

² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1977. № 1–7.

³ Латышев В.В. Жития святых епископов Херсонских // Записки императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. 8. № 3. С. 41.

⁴ О том, что местные поэты слагали подобные гимны, свидетельствует херсонеская надпись с несколькими стихотворными строками гимна Гермесу (IPE P². 436).

⁵ Ср. главу «Праздники Афродиты».

как для возможности отправить корабли на войну с троянцами следовало принести в жертву Артемиде дочь предводителя войска Агамемнона; в последний момент на жертвенном костре богиня заменила девушку ланью, своим священным животным, а Ифигению перенесла в Таврику и сделала своей жрицей в местном храме. Через несколько лет, по пророчеству Аполлона, туда прибыли Орест и Пилад и вместе с Ифигенией похитили из храма древний идол Артемиды, некогда «упавший с неба», отвезли в Аттику и, как сообщил Еврипид, поместили его в храм богини в Алах Арафенидских. В ряде других греческих храмов в Аргосе, Лаодикее и даже в колониях южной Италии древние ксоаны также считались привезенными из Таврики. Это объяснялось распространенной эпиклезой Артемиды Тавропола, в основе своей означавшей покровительницу животных, в частности быков (ταύροι), но первоначальное значение забылось, а народная этимология связала эпиклезу богини с наименованием далекой почти сказочной Таврики на краю греческой ойкумены. Таким образом, определение Тавропола стали понимать как эпитет богини, которой поклоняются в Таврике (Eur. Iph. Taur. 1153–1157; Callim. Hymn. III, 173–174; Diod. Sic. IV, 44)¹.

Херсонеситы несомненно знали миф, отразившийся в трагедии Еврипида и во многих произведениях изобразительного искусства². На Таврическом полуострове существовал свой собственный вариант сказания, и в нем скорее всего говорилось, что древний идол богини не был похищен, и именно он находится в херсонесском храме в виде ксоана, упомянутого Страбоном. Насколько местные мифы могли кардинально отличаться от общеизвестных вариантов, видно по рассказывавшемуся на Боспоре мифу о гигантомахии Афродиты Апатуры, о чем пойдет речь в главе о праздниках этой богини.

Ни описание храма Артемиды в трагедии Еврипида, ни его изображение на вазах не имеют никакого отношения к реальному храму Партенос в Херсонесе или в его окрестностях³. Но некоторые рисунки на вазах дают приблизительное представление, как выглядел ксоан Артемиды. На итальянском кратере IV в. до н. э. из московского Музея изобразительных искусств вазописец нарисовал обобщенный тип такой древней де-

¹ Толстой И.И. Указ. соч. С.194.

² Philippart H. Iconographie de l'Iphigénie en Tauride d'Euripide // Revue Belge de Philologie et Histoire. 1925. V. 4. P. 5–33; Sechan L. Etudes sur la tragédie grecque dans ses rapports avec la céramique. Paris, 1967. P. 385.

³ Скржинская М.В. Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988. С. 178–174.

ревянной скульптуры (рис. 20). Он поместил Ифигению внутрь храма и около нее поставил доходящую ей до талии статую неподвижно стоящей Артемиды с опущенными вдоль тела руками. Слева к храму приближается Орест, а справа сидит сама богиня Артемида, беседующая со своим братом Аполлоном. Плохо сохранившееся изображение небольшого ксоана Артемиды можно рассмотреть на амфоре из Эрмитажа, расписанной одним из лучших итальянских художников конца IV в. до н. э. Мастер нарисовал убегающих из храма Ореста, Пилада и Ифигению, которая левой рукой прижимает к груди похищенный священный идол (рис. 21).

Кроме древнего ксоана в Херсонесе стояли и другие более совершенные скульптуры верховной богини города. На нескольких разных выпусках монет римского времени представлена одна и та же, наверное, особо почитавшаяся статуя Артемиды из ее главного святилища. А. Н. Зограф на основании этих изображений предложил реконструкцию общего вида этой скульптуры: богиня стояла в длинном хитоне, ее голову увенчивала башенная корона, в правой руке она держала дротик, а в левой – лук. По заказу херсонеситов статую выполнил мастер пергамской школы в III–II вв. до н. э., и она находилась в городе несколько столетий¹. Изображенная на монетах второй четверти III в. до н. э. Партенос, сидящая на троне, возможно, так же воспроизводит облик какой-то херсонесской статуи².

Многие херсонеситы имели у себя дома небольшие изображения верховной богини, а также дарили их в ее святилища. Таковы посвященный рельеф с Артемидой, преследующей лань, небольшая мраморная статуя богини в длинном одеянии с колчаном за спиной и ее терракотовая статуэтка³. Отпечатки гемм на глиняных грузилах показывают, что херсонеситы носили перстни с изображением Артемиды⁴.

Подобно жертвоприношению на любом греческом празднике, жертвоприношение Партенос считалось центральным и важнейшим ритуалом во время ее государственных торжеств. Оно совершалось на ее главном алтаре на акрополе города; этот алтарь упомянут в декрете Диофанта, где сказано о постановке его статуи около алтарей Партенос

¹ Зограф А.Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 353–360.

² Русяева А.С., Русяева М.В. Указ. соч. С. 117.

³ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. № 78, 80. Рис. 45, 51; ИАК. № 42. 1911. С. 122. Рис. 23.

⁴ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 81.

и Херсонаса (IPE I². 353). Вероятно, той же богине приносили жертвы на самом большом и богато украшенном из сохранившихся херсонесских алтарей; его поставил Пасиад, сын Артемидора, исполнявший должность сакрального базилевса.

Именем таких базилевсов в Херсонесе называли годы, датировали документы и монеты. Деятельность этих царей-эпонимов была тесно связана с культом Партенос; некоторые из них одновременно (IPE I². 414, 415) или по окончании срока должности (IPE I². 410) становились жрецами верховной богини. Херсонесские базилевсы, подобно многим эпонимным магистратам в других греческих государствах, не обладали высшей гражданской властью; их деятельность в основном сосредотачивалась на религиозной жизни полиса и в частности на организации празднеств, которые они полностью или частично оплачивали из своих средств. Поэтому обязанности херсонесских сакральных базилевсов исполняли лишь богатые граждане¹.

На рубеже IV–III вв. до н. э. к числу состоятельных херсонеситов безусловно принадлежал Пасиад, подаривший городу роскошный алтарь, облицованный мрамором и украшенный резными розетками и букриями, соединяющими гирлянды из листьев и цветов арацеи (рис. 3). В уцелевшей части надписи читается имя дарителя алтаря, а в утраченной части стояло имя Партенос, которой посвящался жертвенник². На нем в торжественной обстановке праздника в присутствии самого Пасиада принесли первую жертву богине. Ей совершали жертвоприношения и на других алтарях, меньших по размеру. Таков вырезанный из блока местного балаклавского мрамора алтарь III в. до н. э. с посвящением Партенос от Гиппоклида за свою дочь (IPE I². 409)³. Стоит отметить также четырехугольный мраморный алтарь, посвященный богине в ее ипостаси Сотейры (спасительницы); это был дар гражданки Херсонеса Аркесо. Близкий по времени алтарю Пасиада он имел сходный декор: по две розетки сверху каждой стороны, а под ними букриями и перевитая лентой гирлянда из лавровых листьев (НЭПХ. 125).

Исполнение функций жреца Партенос относилось в Херсонесе к весьма почетным государственным должностям; в первые века нашей эры эти жрецы за богиню первыми скрепляли печатью государственные

¹ Кадеев В.И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. № 145. 1976. С.11.

² Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 198–206.

³ Соломоник Э.И. Указ соч. С. 85.

Глава III. Праздники Артемиды

документы (НЭПХ, 111, 112)¹. Жрецы Партенос занимали видное место на ее празднествах и, конечно, принимали деятельное участие в их организации. Имена некоторых из них сохранились в надписях. Например, в IV в. до н. э. Антибион, «состоя жрецом Партенос», посвятил ей статую своего отца, а в римское время некий Гиппоклид сделал посвящение за Газурия, «жречествовавшего Партенос» (IRE I². 410, 412).

Кроме главного праздника херсонеситы проводили и другие торжества в честь богини. Ее именем называли находившийся недалеко от города мыс Партений (совр. Фиолент) и поместили там святилище богини. Туда, наверное, по распространенному у греков обычаю, устраивались по праздникам торжественные шествия. Напомним для примера процессии к лежащим за городом святыням из Милета в Дидимы на праздник Аполлона или шествия из Афин в Элевсин на мистерии Деметры и Коры.

Херсонеситы чтили также Артемиду в числе божественной триады вместе с Лето и Аполлоном. Вероятно, праздники в их честь справляли у особого святилища, на существование которого указывают несколько фрагментов сосудов с посвящениями одновременно всем трем богествам или только Артемиде и Аполлону². В их честь проводили также частные празднества и устраивали домашние святилища³. Скорее всего, общественные праздники приходились на месяц Латойос, наименование которого произведено от имени Лето (Λατώ в произношении дорийцев)⁴.

О датах праздников Артемиды в Херсонесе не известно ничего определенного. Один из местных месяцев назывался Эвклеем (IRE I². 361). Его наименование могло быть образовано от эпиклезы Артемиды Эвклеи, что значит Славная, и тогда в этом месяце проходил праздник богини. Павсаний (IX, 17) упоминает храм Артемиды Эвклеи в Беотии, а Плутарх (Arist. 20) – в Платеях, но не стоит забывать, что с этой эпиклезой также чтили Зевса (Bach. I, 6), поэтому есть вероятность, что месяц посвящался главному олимпийскому богу. Более определенно мож-

¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 107–108.

² Соломоник Э.И. О культе Артемиды в Херсонесе // Археологические исследования на Украине. Вып. 1. С. 155–157; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 86–88.

³ Золотарев М.И. О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговете на Понта. Варна, 1998. С. 63–69.

⁴ Месяц Латой назван в двух херсонесских надписях, опубликованных в статьях: Суров Е.Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 155; Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ. 1994. С. 44.

но назвать время праздников Артемиды в милетских колониях, потому что там существовал месяц Артемисион, соответствующий современным второй половине февраля – первой половине марта, и тогда должны были чествовать богиню.

Итак, праздники Артемиды справляли во всех государствах Северного Причерноморья, но только в Херсонесе они занимали главенствующее положение среди прочих религиозных торжеств.

ГЛАВА IV. ПРАЗДНИКИ АФРОДИТЫ

Праздники Афродиты принадлежат к числу древнейших на северных берегах Понта. Колонисты, прибывшие сюда из Милета, соблюдали ритуалы, принятые у святилища Афродиты Урании (Небесной), существовавшего в их метрополии уже в VII в. до н. э. Там на скалистом холме над морем высился архаический храм и алтарь богини, остатки которых найдены археологами в конце XX в.¹ Храм Афродиты славился за пределами Милета в эллинистическое время, как можно заключить по стихам из идиллии Феокрита «Прялка» (XVIII, 4). В ней поэт обращается к Зевсу с просьбой, чтобы его морское путешествие в Милет прошло благополучно, когда он отправится к другу в «славный Нелеев град, где в зеленой тени меж тростников виден Киприды храм»².

Афродита олицетворяла богиню любви и красоты, которой подвластно все живое: звери, люди и боги, за исключением девственных Афины, Артемиды и Гестии (Ном. Нумн. IV, 1–44). Рожденная из морской пены Афродита считалась также покровительницей мореходов, и ее храмы часто строили на возвышенности у морского побережья; так их поставили в Милете и в боспорских городах Китее и Нимфее³. В народной этимологии имя Афродиты производилось от слова *ἄφρος* – пена. Это отражено в гомеровском гимне (VI, 3–10) при описании рождения богини из морской пены около Кипра:

*Тогда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
Влажною силой своею. И Оры в золотых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой.
Голову ей увенчали сработанным тонко
Чудно прекрасным венцом и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;*

¹ Senff R., Heinz M., Pigur M. Die Grabungen auf Zeytintepe. V.v. Graeve. Milet 1991. Vorbericht über die Arbeiten des Jahres 1991 // *Istambuler Mitteilungen*. 1992. № 42.

² Перевод М.Е. Грабарь-Пассек в кн. *Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы*. М., 1958. С. 129.

³ Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81; Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище // *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 2002. С. 101.

*Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили.¹*

Два замечательных аттических фигурных лекифа конца V в. до н. э., найденные в Фанагории и в Пантикапее, иллюстрируют стихи древнего поэта². Афродита представлена в створках перламутровой раковины, плывущей по голубым волнам. На голове богини золотая диадема, шею окружают два золотых ожерелья, а грудь обвита крупными золотыми бусинами, нанизанными на тонкую ленту (рис. 22). Это одно из множества изображений богини на предметах античного искусства, найденных в Северном Причерноморье, показывает, что здесь знали миф о рождении Афродиты из моря.

На Боспоре, в Борисфене и в Ольвии сейчас известны места, где проходили праздники Афродиты. Ее древнейший теменос с храмом и алтарем открыт на Березани³. Там в середине VI в. до н. э. борисфениты выстроили небольшой антовый храм в традициях милетской архитектуры (рис. 23)⁴. На его развалинах обнаружен набор посвячительных терракот, аналогичный найденному у храма богини в Милете⁵. Это косвенно свидетельствует о сходстве праздника в колонии с его образцом в метрополии.

В Ольвии праздники Афродиты проходили на Западном теменосе и в святилище, находившемся в юго-восточной части города. От последнего уцелела яма-ботрос, куда зарывали поврежденные и вышедшие из употребления ритуальные предметы и дары. Среди них оказались фрагменты трех сосудов V в. до н. э. с надписями-посвящениями Афродите и редчайшая терракотовая плитка с рельефным раскрашенным изображением женской фигуры на синем фоне. Женщина в коротком красном хитоне, украшенном белым орнаментом, танцует перед ложем, аккомпанируя пляске стуком находящихся в ее руках кроталов. Вероятно, это изображение танца, исполнявшегося на празднике Афродиты. Судя по характерным небольшим отверстиям в верхней части плитки, она висела в святилище, пока не разбилась, и тогда ее отправили в ботрос⁶.

¹ Перевод В.В. Вересаева в кн.: Эллинские поэты. М., 1963. С. 105.

² ОАК 1870–71. С. 11–12; 52–54; *Фармаковский Б.В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. 1. Пг., 1921. С. 6–19; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 58. № 43.

³ *Назаров В.В.* Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 156–160.

⁴ *Крыжицкий С.Д.* Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 2001. № 1. С. 165–175.

⁵ *Назаров В.В.* Указ. соч. С. 162.

⁶ *Крапивина В.В.* Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // Боспорский феномен. СПб., 2002. Ч. 2. С. 24–27.

Глава IV. Праздники Афродиты

Другое святилище Афродиты находилось в северо-восточной части Западного теменоса. Уже в VI в. до н. э. оно имело ограду, в V в. до н. э. ольвиополиты поставили там монументальный алтарь для жертвоприношений, а в IV–III вв. до н. э. построили портик и новые алтари¹. Посвятительные граффити и некоторые изображения свидетельствуют, что здесь справляли праздники в честь Афродиты и Гермеса, считавшегося ее мужем в некоторых вариантах мифов о богине. В дар богам приносили изготовленные в местной мастерской свинцовые рельефы с фигурами Афродиты, Гермеса и их сына Приапа; их считали покровителями семьи². Недавно в Ольвии найдена форма для отливки подобных рельефов³. Семь ботросов на территории святилища показывают, сколь многочисленные посвящения подносились этим богам, и говорят о популярности праздников в их честь среди ольвиополитов.

В Элладе Афродита и Гермес зачастую составляли единую пару богов. В эпиграмме, включенной в надпись с острова Книда, Гермес сообщает, что он «явился сюда как спутник Афродиты» (SEG. 861), а Павсаний (VIII, 31, 3), описывая достопримечательности Мегалополиса в Аркадии, упоминает в святилище Афродиты два древних ксоана, представлявших деревянные изваяния богини и Гермеса. Возможно, такой культ с соответствующими праздниками существовал и на Боспоре. Там найдены мраморное изображение Гермеса (двулика герма), посвященная боспорянином Демархом Афродите Урании в IV в. до н. э. (КБН. 1111), а также расписные вазы с фигурами Афродиты, Гермеса и Эрота, которого, как и Приапа, иногда называли их сыном (Cic. De nat. Deor. 23, 59–60)⁴. К перечисленным изображениям следует добавить фигуры этих богов, вырезанные на инталиях, и терракотовые статуэтки⁵; все они

¹ Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С. 129–130.

² Петровська Е.О. Потрійна свинцева герма з розкопок Ольвії 1955р. // Археологія. 1957. № 11. С. 154–156; Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 116.

³ Крапівіна В.В., Буйських А.В., Крутілов В.В. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ, 1998. С. 86.

⁴ ДБК. С.131; UKV. № 395; Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1953 г. // КСИИИМК. 1956. № 6. С. 112. Рис. 5,3; Zervoudaki E.A. Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. 1968. Bd. 3. S.34. 70.

⁵ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 83; Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 55–56; Неверов О.Я. Античные геммы из собрания Эрмитажа. Л., 1976. № 30, 31.

указывают на то, что во время местных праздников Афродиты вспоминали ее мифических сыновей Приапа и особенно часто Эрота, ставшего в эллинистический период постоянным спутником богини.

Главные праздники Афродиты на Боспоре посвящались богине с эпиклезой Урания. Они проходили в нескольких боспорских городах, а самые многочисленные, собиравшие участников из разных частей государства, справляли в главном ее святилище на азиатской части Боспора. В ряде боспорских надписей Афродита Урания имеет определение «владычица Апатура» (КБН. 31, 35, 75, 971, 1111); так называлось место на Таманском полуострове, где находилось ее святилище. Подобными сакральными наименованиями обладали широко почитавшиеся в Ольвии Ахилл, властитель острова Левки (Pind. Nem. IV, 49; IPE I². 326, 672), и Мать богов, владычица Гилеи¹. Возможно, милетские колонисты, отправляясь к северным берегам Понта, призвали Афродиту Уранию в свои помощницы и на новой родине продолжали поклоняться ей как покровительнице мореплавания².

Святилище Афродиты Апатуры на азиатской стороне Боспора упоминается в сочинениях нескольких античных авторов (Strab. XII, 2, 10; Plin. NH. VI, 18; Ptol. V, 8, 2; Steph. Byz. s. v. Ἀπατούριον). Сведения в словаре Стефана Византийского, по его собственным словам, почерпнуты из «Землеописания» Гекатея Милетского и поэтому относятся к рубежу VI – V вв. до н. э. Гекатей писал о заливе Апатур; он получил свое наименование от находившегося около него святилища и был одной из бухт современного Таманского залива, называвшегося в древности Корокондамским озером. К настоящему времени бухта и остатки святилища, по-видимому, исчезли вследствие интенсивного процесса абразии берегов. Исходя из разноречивых данных античных источников, современные исследователи локализуют святилище в окрестностях Фанагории или Гермонассы³.

В классический и в эллинистический периоды праздники Афродиты Урании, владычицы Апатура, справляли во многих городах Боспора;

¹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С.145. См. об этом также в главе «Мистерии» в разделе о Кибеле.

² Русяева А.С. Афродита Урания – патронесса милетско-понтийской колонизации // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. 1. С. 17–21.

³ Свод научной литературы о локализации святилища Афродиты см. в статьях: Тохтасьев С.Р. Апатур. История боспорского Святилища Афродиты // ВДИ. 1986. № 2. С. 131–141; Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 134. В работе Зубарева (с. 135–136) утверждается, что святилище находилось недалеко, как от Фанагории, так и от Гермонассы в районе поселка Приморский.

Глава IV. Праздники Афродиты

достоверно известно о филиалах главного святилища в Пантикапее и в Фанагории, где стоял храм богини (Strab. XI, 2, 10; С 495)¹. В фанагорийском святилище находился храм Афродиты и посвященные ей статуи (КБН. 971, 972). Пантикапейские почитатели Афродиты объединялись в религиозные союзы-фиасы, в функции которых входило и устройство праздников.

Из надписи II в. до н. э. можно узнать, что один такой союз возглавлял синагог Феокрит, сын Деметрия, в фиас входили Паппий, Стратон, Каллистрат и другие, чьи имена плохо сохранились или вовсе утрачены, и поэтому невозможно установить количество его членов (КБН. 75). Они посвятили Афродите Урании Апатуре стелу с рельефным изображением богини на фронте, венчающем памятник (рис. 24). Вероятно, рельеф повторяет скульптурное украшение фронтона какого-то боспорского храма Афродиты². Эта стела, наверное, наряду с другими подобными украшала пантикапейское святилище, где проходили праздники Афродиты. В начале надписи сказано, что члены фиаса сделали свое посвящение за царя Перисада, его мать царицу Камасарию и ее мужа Аргота. По предположению В. П. Яйленко, фиас, появившийся на Боспоре еще в конце IV в. до н. э., поддерживал культ правящего монарха, а ритуалы и празднества этого культа находились под эгидой пантикапейского храма Афродиты Урании Апатуры³.

Археологические материалы из боспорского города Кепы на Таманском полуострове показывают, что там со времени возникновения города вплоть до I в. до н. э. культ Афродиты был ведущим⁴, и соответственно праздники богини были главными городскими торжествами. Здесь археологи нашли одно из лучших в Северном Причерноморье мраморных изваяний Афродиты (рис. 25) и фрагмент находившегося в святилище сосуда с именем жреца богини Мольпагора. В конце VI в. до н. э. по его вине разбился килик, посвященный Афродите, и тогда он принес взамен два килика, о чем написал на ножке одного из них⁵. Наверное, из этого сосуда Мольпагор совершал возлияния на празднике богини, во время которого как жрец играл ведущую роль.

¹ Розанова Н.П. Посвятительные надписи Фанагории как источник по топографии города // ВДИ. 1949. № 3. С. 170.

² Харко Л.П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. №13. 1946. С. 140.

³ Яйленко В.П. Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 236.

⁴ Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепях // ВДИ. 1973. № 4. С. 91.

⁵ Там же. С. 90.

В эпоху эллинизма мужчины из царского рода, как уже говорилось выше, играли ведущую роль на праздниках Аполлона, а женщины, связанные узами родства с правящей боспорской династией, становились жрицами Афродиты и исполняли различные ритуалы на ее праздниках. Одно из свидетельств об этом содержится в посвящении Афродите на мраморной базе статуи из Кеп. В. П. Яйленко наиболее удачно восстановил частично утраченную там надпись: «(такая-то, дочь такого-то) исполнявшая обязанности жрицы, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Левкона, Афродите». Здесь имеются в виду Перисад I и его внук Спарток IV, правивший в начале III до н. э.; сама же надпись сделана в последние годы царствования Перисады, умершего в 310 г. до н. э.¹

Другая жрица Афродиты из царского рода участвовала в праздниках богини в Нимфее. Она упомянута в граффито, начертанном на стенах местного святилища богини². Большой культовый архитектурный ансамбль на трех террасах склона возвели в первой половине III до н. э. с расчетом, чтобы святилище было видно из нимфейской гавани и с кораблей, приближающихся с моря³. Здесь Афродиту почитали как покровительницу мореплавания, поэтому ее поклонники рисовали на стенах святилища разнообразные суда, писали просьбы о счастливом плавании и отмечали даты выхода кораблей в море. На праздники Афродиты несли фиалки, а вино для жертвоприношений доставляли не только местные жители, но и приезжие⁴.

В центральном святилище боспорского города Китея Афродиту тоже чтили в ее морской ипостаси; поэтому ей приносили в дар раковины, устрицы, мидии и убивали во время жертвоприношений морских чаек⁵. А в Пантикапее на праздниках бога морей Посейдона вспоминали также Афродиту в ее морской ипостаси (КБН. 30).

Поклонники Афродиты носили перстни с ее изображением; их обязательно надевали при торжественных нарядах, в которых шли на праздники богини. Несколько подобных перстней с резными инталиями обнаружены в боспорских некрополях⁶. Серебряный перстень IV в. до н. э. с изображением Афродиты вместе двумя эротами, найденный в женском

¹ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 229.

² Там же. С. 234–235.

³ Грач Н.Л. Указ. соч. С. 81.

⁴ Там же. С. 80–81; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 230–233; 259–260.

⁵ Молева Н.В. Указ. соч. С. 100.

⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.,–Л., 1949. С. 288.; Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 30, 31.

Глава IV. Праздники Афродиты

погребении¹, а также ряд посвященных граффити IV–II вв. до н. э.² указывают, что в Херсонесе также проводили праздники этой богини. Возможно, в эллинистический период херсонеситы построили храм Афродиты, но определенное свидетельство о таком храме сохранилось лишь для римского времени (IPE I². 440).

В конце II–I в. до н. э. праздники Афродиты на Боспоре становились все менее значимыми; на какое-то время их вообще перестали справлять даже в Апатуре, ставшим, по словам Плиния (NH. IV, 18), почти заброшенным, а в Кепях святилище богини лежало в руинах. Вероятно, исчезновению этих праздников способствовала деятельность Митридата Эвпатора, который ввел на Боспоре новый календарь и тем самым изменил всю систему главных местных праздников, сделав ее аналогичной существовавшей в Понте и Вифинии³. Ближайшие преемники Митридата на Боспоре также были родом из Понта и продолжали поддерживать новую систему праздников. Положение изменилось в I в. н. э.; тогда святилище Апатур возродилось и просуществовало до конца античности⁴, а прежние праздники Афродиты вновь появились и в других боспорских городах, о чем свидетельствует надпись из Гермонассы о восстановлении портиков святилища Афродиты Апатуриады (КБН. 1045).

Эпиклеза Афродиты Апатура встречается не только в боспорских надписях, но и в посвященных граффити Борисфена и Ольвии⁵, что указывает на существование в милетских колониях Северного Причерноморья праздника Апатурий. Его отмечали афиняне и почти все ионийцы; Геродот (I, 147) писал, что из ионийцев лишь жители Эфеса и Колофона не празднуют Апатурии. В милетском календаре месяц Апатурион приходился на октябрь – ноябрь, поэтому праздник с соответствующим названием в Северном Причерноморье справляли осенью, ведь здешние милетские колонии пользовались календарем метрополии⁶.

Название праздника Апатурии первоначально, по-видимому, означало «совместный общий праздник отцов фратрии»⁷. Можно с большой

¹ Гриневич К.Э. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // Херсонесский сборник. №1. Севастополь, 1926. С. 36.

² Граффити античного Херсонеса. Киев, 1975. С. 37. № 384–388.

³ Перл Г. Эры Вифинского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

⁴ Тохтасьев С.Р. Указ соч. С. 143.

⁵ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 103.

⁶ См. главу «Праздники, календарь и определение времени».

⁷ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1992. С. 134; Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 88.

долей вероятности предположить, что принятое у ионийцев деление общества на родовые филы, внутри которых выделялось несколько фратрий (братств), существовало также в полисах Северного Причерноморья по крайней мере в начальный период их жизни. Сохранились сведения о филах в некоторых милетских колониях; например, в Истрии названия фил совпадали с милетскими¹. Все члены фратрии полагали, что они происходят от одного предка. В классический период фратрии стали утрачивать свое политическое значение, но сохраняли роль организации граждан по родственному и религиозному принципу. Некоторые праздники, в том числе Апатурии, каждая фратрия отмечала по отдельности, а на многие государственные торжества фратрии или целые филы выделяли своих представителей на праздничные агоны; чаще всего состязались хоры, составленные из детей и взрослых граждан, принадлежавших к разным филам.

Проведение Апатурий давало повод для ежегодных встреч всех членов фратрии, которые могли жить в разных частях государства. О том, как проходил праздник, известно в основном по его описаниям в Афинах². Там Апатурии справляли осенью в месяце Пиапесионе в течение трех дней. Сначала члены фратрии собирались на совместную праздничную трапезу, а на другой день совершали жертвоприношения. Последний день посвящался детям и подросткам, отцы представляли фратрии детей, родившихся в законном браке после предыдущих Апатурий, и каждый совершал жертвоприношение по определенным для данной фратрии правилам. В таких случаях обычно приносили в жертву овцу или козу, а затем вносили имя ребенка в особые списки; они служили основанием для официального принятия мальчика в равноправные члены братства после совершеннолетия, когда его вновь представляли фратрии и совершали традиционное жертвоприношение. Если кто-нибудь оспаривал законность происхождения ребенка и протестовал против его членства в фратрии, то этот человек отводил от алтаря жертвенное животное, и путем голосования решалось, можно ли внести данного ребенка в список.

Третий день афинских Апатурий включал также состязание мальчиков, читавших наизусть стихи разных поэтов, за что лучшие декламаторы получали награды (Plat. Tim. 21 b). Еще один обряд этого дня состоял в том, что подростки определенного возраста переходили из положения детей в разряд юношей эфебов, обязанных служить в ополчении родины. Они подносили Гераклу большой сосуд с вином и посвящали отрече-

¹ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein, New-Jork. 1983. S. 98, 103.

² Латышев В.В. Указ. соч. С. 134; Parke H.W. Op. cit. P. 88–92..

Глава IV. Праздники Афродиты

занный локон своих волос (символ выхода из детства) тому божеству, которому посвящались Апатурии. В разных греческих полисах это были Зевс, Афина, Дионис, а в Северном Причерноморье – Афродита.

В Элладе, а также на Боспоре греки считали, что наименование праздника происходит от слова обман – *ἀλγή*, и объясняли его происхождение различными рассказами о неких хитростях-обманах, давших повод для названия Апатурий. Таков был, например, миф об обмане, принесшем победу будущему афинскому царю Меланфу в поединке с беотийцем Ксанфом, в память о чем будто-бы справлялись афинские Апатурии¹. Краткое изложение сюжета боспорского храмового мифа включено в «Географию» Страбона (XI, 2, 10): «Когда на Афродиту здесь напали гиганты, она позвала на помощь Геракла и спрятала его в какой-то пещере; затем, принимая гигантов поодиночке, она отдавала своих врагов Гераклу, чтобы он коварно с обманом убил их». Вероятно, на праздниках боспоряне исполняли написанные на этот сюжет гимны и, может быть, даже разыгрывали драматические сцены, как на других греческих празднествах.

Боспорский миф является вариантом широко известного предания о борьбе богов и гигантов. Его содержание неоднократно анализировалось в научной литературе²; наиболее убедительной представляется интерпретация, предложенная Г. А. Кошеленко: исследователь связал местный рассказ с основными концепциями греческого мировоззрения и выделил в нем специфические локальные черты³.

Миф о борьбе богов и гигантов, закончившийся гибелью последних, рассказывали во всей греческой ойкумене. Судя по изображениям на привозных аттических чернофигурных вазах⁴, этот миф в классическом варианте (Apollod. Bibl. I, 6, 1–2) издавна знали в городах Северного Причерноморья. Однако, его локальная боспорская ветвь сильно отличается от основной версии, так как противниками гигантов выступает не группа богов во главе с Зевсом и Афиной, а только одна Афродита.

¹ Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Боспорский сборник. М., 1992. № 2. С.154–155; *Deubner L. Attische Feste*. Berlin, 1956.S.232; *Parke H.W.* Op. cit. P. 90.

² Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос //ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117. В этой статье дана библиография и история вопроса.

³ Кошеленко Г.А. Указ. соч. С. 147–160.

⁴ Сидорова Н. А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985. С. 27– 30. № 16; Скуднова В.М. Античный некрополь Ольвии. Л., 1988. № 50, 8; Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикалея // Труды Гос. Эрмитажа. № 28. СПб.,1997. С. 32. Рис. 15.

Она не играла заметной роли в прочих более широко распространенных вариантах; из сохранившихся литературных источников нельзя даже понять, с каким из гигантов сражалась Афродита, а в сцене гигантомахии на рельефах Парфенона богиня занимает скромное место¹.

Для расправы с гигантами богам оказалась необходимой помощь Геракла. Он участвует и в боспорском мифе, но победа достается ему не в жестокой битве, многократно изображенной античными художниками, а в результате обманных действий Афродиты. Как считали боспоряне, хитрая уловка богини дала повод для ее эпиклезы Апатура, понимавшейся по похожему звучанию слова в значении «обманчивая».

В процессе колонизации у греков появлялись мифы о том, что на освоенных ими землях некогда жили или совершали подвиги эллинские боги или герои. Таким образом оправдывалось право эллинов на владение новыми территориями². Среди главных персонажей подобных мифов часто присутствовал Геракл, ставший своеобразным символом колонизации, борцом с варварами и героем, обозначившим границы расселения греков по всему миру³. Из северопричерноморских мифов такого рода лучше всего известно записанное Геродотом (IV, 8–10) предание о происхождении скифов от брака Геракла со змееной богиней⁴.

К числу подобных мифов относится и боспорский рассказ об Афродите и Геракле. Здесь в роли местного хтонического начала выступают гиганты, а уничтожившие их богиня и герой утверждают право эллинов на земли у Боспора Киммерийского. По мнению Г. А. Кошеленко, в мифе также отразились институты того ионийского общества, из которого вышли боспоряне: организация граждан по фратриям и древние ритуалы перехода из одной возрастной группы в другую⁵.

Многочисленные изображения Афродиты, найденные в Северном Причерноморье, показывают, какой эту богиню представляли местные греки. В VI–V в. до н. э. ее всегда изображали одетой в длинный хитон и гиматий; она либо стоит, либо сидит на троне, иногда летит на лебеде. В Нижнем Побужье и на Боспоре найдено немало привозных архаических

¹ *Vian F.* La guerre des géants. Paris, 1952. P. 92, 98, 142, 208, 209, *Gantz T.* Early Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, 1993. P: 451.

² *Malkin I.* Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987. P. 371.

³ *Jourdan-Annequin C.* Héraclès aux portes du soir. Mythe et histoire. Paris, 1989. P. 374.

⁴ Интерпретацию мифа и научную литературу о нем см. в кн. *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С.48–52.

⁵ *Кошеленко Г.А.* Указ. соч. С.157.

Глава IV. Праздники Афродиты

статуэток Афродиты с голубем, служившие приношениями богине¹. Чаще всего это фигурные лекифы, использовавшиеся во время праздничных ритуалов: на голове статуэтки находится горлышко, в которое наливали благовония. На лице Афродиты играет так называемая архаическая улыбка, длинные волосы локонами выются вдоль шеи и спины; одна рука опущена, а другая придерживает на груди голубя – символ неба и эпиклезы богини Урания. Редкий образец статуэтки Афродиты Урании IV в. до н. э. найден в Китее: голову богини венчает калаф с надетой на него диадемой, к этому сложному головному убору прикреплены крылья большой птицы, наверное, лебедя².

В традиционном виде Афродита Урания Апатура продолжала существовать в воображении боспорян и в эллинистический период, когда в Элладе иконографический образ богини претерпел значительные изменения. Афродита Урания, летящая на лебеде, представлена на круглой золотой подвеске конца IV – начала III в. до н. э., найденной при раскопках дома на Елисаветовском городище на Нижнем Дону³. Судя по низкому качеству оттиска рельефа, он исполнен с помощью многократно использовавшейся формы, так что перед нами предмет массового производства. Афродита представлена сидящей боком на лебеде с распростертыми крыльями; она одета в хитон и развевающийся во время полета плащ, который придерживает одной рукой. Медальон имеет петельку для подвешивания, поэтому его могли либо носить в качестве украшения, либо подарить в святилище и повесить на стенку рядом с другими дарами.

Тот же сюжет украшает верхнюю часть упомянутой выше стелы II в. до н. э., посвященной богине членами ее фиаса в Пантикапее: Афродита сидит на летящем лебеде, держа в руке скипетр, справа находится небольшая фигурка Эрота, а по бокам две Ники (рис. 24). Вероятно, это одно из многих вольных повторений скульптуры, исполненной в мастерской Фидия⁴.

С конца V в. до н. э. и особенно в период эллинизма Афродита во всей греческой ойкумене стала в первую очередь олицетворять богиню

¹ Кобылина М.М. Указ. соч. С. 39; Русяева А.С. Терракоты с изображением Афродиты // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 165–166; Назаров В.В. Указ. соч. С. 162.

² Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище... С. 98.

³ Вахтина М.Ю. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елисаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА № 194. 1988. С. 92–95.

⁴ Вальдгауэр О.Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 212–213.

любви и красоты. Знаменитые скульпторы и живописцы начали ее изображать сначала полуобнаженной, затем и совершенно нагой. Особенно прославилась мраморная статуя Праксителя, стоявшая в храме на острове Книде. Плиний (NH. XXXVI, 20), назвавший ее лучшей скульптурой в мире, писал, что многие отправлялись на Книд только для того, чтобы увидеть это гениальное произведение. Глядя на статую, все понимали, почему в знаменитом мифе о суде Париса Афродита победила Афину и Геру. Философ Платон под впечатлением от творения Праксителя написал две эпиграммы:

*В Книд чрез пучину морскую пришла Киферея-Киприда,
Чтобы взглянуть на свою новую статую там,
И, осмотрев ее всю, на открытом стоящую месте,
скрикнула: «Где же нагой видел Пракситель меня?»*

*Нет, не Пракситель тебя, не резец изваял, а сама ты
Нам показалась такой, как ты была на суде¹.*

Не меньшей славой пользовалась картина Апеллеса, нарисовавшего Афродиту Анадиомену (выходящую из моря). Леонид Тарентский (III в. до н. э.) так описал эту картину:

*Киприду, вставшую из лона вод
И мокрую еще от пены, Апеллес
Не написал здесь, нет! – воспроизвел живой,
Во всей ее пленительной красе. Смотри:
Вот руки подняла, чтоб выжать волосы,
И взор уже сверкает страстью нежною,
И – знак расцвета – грудь кругла, как яблоко.
Афина и жена Кронида говорят:
«О Зевс, побеждены мы будем в споре с ней»².*

Вдохновленный картиной Апеллеса, скульптор Полихарм сделал статую Афродиты Анадиомены. Как и произведение Праксителя, она в разнообразных вольных копиях воспроизводилась в течение нескольких столетий. Особенно часто эти изваяния повторяли в мелких статуэтках и рельефах, широко распространенных почти во всех греческих государствах, в том числе и в Северном Причерноморье. Среди них круглый терракотовый медальон из Китея иллюстрирует слова Леонида Тарентского о том, что Апеллес нарисовал богиню в момент, когда она, выйдя из моря, выжимала мокрые волосы³.

¹ Перевод Л. Блуменау в кн.: Греческая эпитафия. М., 1960. С. 58.

² Там же. С. 128.

³ Молев Е.А., Молева Н.А. Терракотовые статуэтки Китейского городища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 255–256.

Глава IV. Праздники Афродиты

Традиционный образ Афродиты Анадиомены представлен на импортной терракотовой статуэтке из пантикапейского некрополя¹. В Ольвии и на Боспоре найдены различные варианты Анадиомены, достаточно далеко отступившие от оригинала и изображающие ее на фоне покрывала или раковины². Многочисленные статуэтки Афродиты с дельфином (символом моря) у ног также относят к типу Анадиомены³. Обнаженная богиня обычно имеет разнообразные украшения: серьги, ожерелья, ленты, скрепленные на груди круглым медальоном, браслеты на руках, а иногда и на ногах.

Изменения в образе Афродиты не могли не отразиться на характере ее культа и праздников в ее честь. Наверное, богиню с эпиклезой Γλυκεῖα (сладкая, милая или приветливая) прославляли как олицетворение любви и красоты на ее ольвийском празднике, во время которого совершались жертвоприношения на посвященном ей алтаре (НО. 69). При этом ольвиополиты продолжали справлять праздники Афродиты как покровительницы мореплавания (НО. 68; IPE I². 168), имевшей эпиклезы Πόντια (морская) и Εὐπλοῖα (обеспечивающая счастливое плавание). В III в. до н. э. ольвийский жрец Афродиты Понтии Агрот поставил мраморный алтарь и украсил святилище посвященным богине золотым венком (НО. 68).

Итак, праздники Афродиты проходили во всех греческих государствах Северного Причерноморья, но особо важную роль они приобрели на Боспоре. Там женщины из царского рода становились жрицами богини, а культ боспорских царей осуществлялся под ее эгидой. Афродита Урания Апатура была патронессой широко распространенного у ионийцев праздника Апатурий, справлявшегося в Ольвии и на Боспоре, начиная с архаического периода. Лапидарные надписи и граффити указывают на то, что на многих праздниках Афродиту прославляли как покровительницу мореплавания. Терракоты, фрагменты каменных скульптур и изображения на ювелирных украшениях свидетельствуют, что в Северном Причерноморье, как и во всем греческом мире, Афродиту считали богиней любви и красоты. Это, наверное, особенно в эллинистический период, отражалось и на характере ее празднеств, приобретавших новые черты по сравнению с теми, которые принесли колонисты из метрополии.

¹ ИАК. № 49. 1904. Рис. 35.

² Кобылина М.М. Указ соч. С. 79; Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71.

³ Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 54.

ГЛАВА V. МИСТЕРИИ

Мистерии – праздник посвященных в таинства

Каждый гражданин греческого государства мог стать деятельным участником большинства праздников, а наблюдать за праздничными церемониями не возбранялось никому. Но определенную группу праздников справляли только посвященные в таинства, и лишь им позволялось видеть действия на торжествах, называвшихся мистериями и оргиями. Наименование мистерий, произведенное от глагола *μύειν* (закрывать, смыкать), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным¹. Слово оргия, родственное слову *ἔργον* (дело), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действа, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза.

Мистерии и оргии сопровождали культы разных богов, чаще всего Диониса, Деметры и Коры, а также Матери богов или Кибелы². Эллинам почитали за счастье приобщение к мистериям; об этом пел хор в трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 72–74). Геродот (IV, 78) описал находившихся в состоянии экстаза поклонников Диониса, шествовавших по улицам Ольвии. Страбон, подтверждая свой рассказ стихами Пиндара и Еврипида, говорил о схожести обрядов на праздниках Кибелы и Диониса. Их сопровождали шествия и буйные пляски под звуки аулосов, «шум трещоток, звон кимвалов, гром тимпанов, крики одобрения, ликования, топот ног» (Strab. X, 3, 13; С. 469).

В состоянии экстаза, особенно во время ночной части празднеств при свете факелов, мисты приходили в неистовство и пренебрегали обычными нормами поведения. Распушенность нравов во время мистерий упоминается в комедиях Менандра «Суд» (ст. 315–321) и Плавта «Клад» (ст. 36), а безумное поведение вакханок, поклонниц Диониса, отразилось в

¹ В единственном числе слово *μυστήριον* имело значение тайна (Plat. Theaet. 156 a), а во множественном *μυστήρια* – празднество, доступное посвященным в него, которых называли мистами.

² В этом разделе рассмотрены все известные в Северном Причерноморье мистерии, за исключением относящихся к Дионису, потому что они включены в главу о дионисийских празднествах.

античной литературе их постоянным определением «неистовствующие». На эту сторону мистерий особенно настойчиво указывали христианские авторы, критикуя язычество. Сами греки и римляне осуждали грубость и распущенность, сопровождавшие некоторые мистерии, и пытались бороться с такими обрядами даже с помощью законов (Cic. De leg. II, 36).

Празднование разных мистерий имело некоторые общие черты. На основных церемониях имели право присутствовать только посвященные. В отличие от прочих празднеств, проходивших под открытым небом, главный ритуал посвящения в мистерии совершался в специально построенных помещениях. Сейчас их вид и размеры известны по раскопкам в Элевсине и на острове Самофракия¹. Плутарх, многое знавший о ритуалах мистерий, рассказал, что они начинались со странствования посвящаемых во мраке, затем следовало переживание чего-то ужасного перед самым обрядом посвящения, а после него наступало блаженство: все озарялось чудесным светом, раскрывался мирный прекрасный пейзаж, слышались песнопения, появлялись хороводы и представляли какие-то замечательные явления (Plut. De anim. Fr. 6, 2).

Главные составные части мистерий состояли из трех элементов: δρόμενα, λεγόμενα, δεινύμενα, то есть из действий, для которых требовалось знание соответствующих мифов, из нечто рассказанного и из демонстрации священных предметов и символов (Plut. Mor. 352 c). В результате, как писал Диодор Сицилийский (V, 49, 6), посвященные в мистерии становятся лучше в нравственном смысле. Телесные очищения, необходимые при совершении любых мистерий, рассматривались в качестве символа требования нравственной чистоты посвященных в таинства².

В основе праздника лежал священный миф о рождении жизни, смерти и воскресении божества. На сюжет этого мифа перед мистами разыгрывались мимико-драматические представления с песнями и танцами, имевшими символический и аллегорический смысл. Посвященным давали лицезреть священные символы и вкушать священную пищу. Приобщение к таинствам происходило постепенно. Сначала претенденты подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой ступени посвящения. Высшей же ступени

¹ Mylonas G.E. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New-York, 1953.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 196.

достигали не все мисты; она включала полное созерцание божества, которое, как считали, доставляло величайшее блаженство, поэтому таких мистов называли эпонтами – созерцателями.

Одни и те же ритуалы получали у посвященных разного уровня различные толкования; с повышением ступени посвящения все сложнее и символичнее становилось понимание увиденного на таинствах. Это хорошо иллюстрируется в трактате Плутарха «Об Осирисе и Исиде» (Plut. Mor. 304–383), в котором рассказано о египетских мистериях. Греки отождествляли своих богов с местными, а философы пришли к заключению, что «нет ни варварских и эллинских, ни южных и северных богов, но как Солнце, Луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого все созидającego Разума, и для единого всем распоряжающегося Промысла, и для благотворных во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия» (Plut. De Osir. 67. Перевод Н. Трухиной).

На первой ступени посвящения Осирис отождествлялся с Нилом, Исида с плодородной землей, Тифон – с засухой. Потом Исида и Осирис символизировали основополагающие принципы плодородия и упорядоченности, а Тифон – энергию дисгармонии и разрушительности. Затем Осирис и Тифон олицетворяли мировые начала Добра и Зла, а на последней ступени Осирис означал сверхчувствительный творящий логос, Исида – тяготеющую к нему теорию¹.

О том, как проходили мистерии, известно немного, потому что мисты давали клятву не разглашать поверенные им тайны и не рассказывать об обрядах. Непосвященным запрещалось даже знать имена многих богов, которым поклонялись во время мистерий (Strab. X, 3, 21; С. 473). За разглашение тайн мистерий строго наказывали, обрекая даже на смертную казнь. Выразительный пример такого рода известен по рассказам о Диагоре Мелосском, прозванном Безбожником (Cic. De nat. Deor. I, 2, 63; III, 37, 89). Он учился у Демокрита и во второй половине V в. до н. э. долго жил в Афинах. В молодости Диагор был верующим человеком, принял посвящения в Элевсинские, Самофракийские и другие мистерии, писал гимны и дифирамбы богам. После того, как его предал самый верный друг и не понес за это кары от богов, Диагор разуверился в существовании божеств, принялся осмеивать веру в них и разглашать в своих сочинениях доверенные ему тайны мистических культов. Афинский суд приговорил Диагора к смерти, назначив награду за

¹ Трухина Н. Вступительная статья к трактату Плутарха «Об Осирисе и Исиде» // ВДИ. 1977. № 3. С. 248.

его голову, а труды безбожника распорядился сжечь. Диагору пришлось бежать в Коринф, где он, вероятно, и умер в конце V в. до н. э.

Рассказы о Диагоре показывают, что в античности посвящение в одни мистерии не исключало участия в других. Павсаний (IV, 1, 7) сообщает, что живший в IV в. до н. э. афинянин Метап слыл «знатоком разных таинств и всяческих оргастических служений»; он участвовал в усовершенствовании таинств по элевсинскому и самофракийскому образцу в Мессене и Фивах.

Некоторые мистерии совершались небольшим кругом посвященных, войти в который могли лица, отвечавшие строго определенным требованиям, например, представители определенных родов, или граждане только одного государства, или исключительно мужчины, либо одни женщины. Наряду с замкнутыми существовали широко доступные мистерии для граждан и гражданок любых греческих полисов, а иногда и для неполноправных членов общества. К таким мистериям принадлежали самые известные в античном мире празднества – Элевсинские и Самофракийские (Ael. Aristid. Panath. 189). Во время первых чествовали Деметру и ее дочь Кору, во время вторых – Кабиров и других божеств, которых объединяли названием самофракийских. Жители Северного Причерноморья, как будет показано ниже, приобщались к этим мистериям.

Элевсинские мистерии – панэллинский праздник

Элевсинские мистерии выросли из древнего земледельческого культа, восходящего к микенской эпохе. Главным содержанием мистерий был миф о богине плодородия Деметре и ее дочери Коре, которую похитил бог подземного царства и против воли сделал своей женой¹. Эта супружеская пара имела у греков по два имени: бога называли Аидом и Плутоном, его супругу – Корой и Персефоной. Все четыре имени использовал боспорский поэт, сочиняя эпитафию для надгробия

¹ Об Элевсинских мистериях существует огромная научная литература. Назовем лишь несколько основных работ, в которых отражено современное состояние исследования элевсинских культов и раскопок святилища; *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996; *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 58–88; *Сергеева С.Н.* Элевсинские мистерии. К проблеме мистерияльных культов в античном обществе. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. СПб., 1998; *Кереньи К.* Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000; *Mylonas G.E.* Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 55–72; *Clinton K.* Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.

Феофилы, безвременно умершей на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. (КБН. 130). Однако в надписях, касающихся Элевсинских мистерий, говорится лишь о Плутоне и Коре¹, поэтому в этом разделе будут употребляться только эти имена.

Содержание элевсинского мифа подробнее всего изложено в пятом гомеровском гимне, обращенном к Деметре. Аполлодор (Bibl. I, 5) записал миф более сжато и с существенными отличиями в деталях, а у многих античных писателей кратко упоминаются отдельные эпизоды мифа с расчетом на то, что его сюжет всем знаком.

Греки рассказывали, что Кора вместе с подругами собирала на лугу цветы. Внезапно земля разверзлась, и Плутон появился на колеснице. Он схватил Кору и быстро умчал, так что никто не мог сказать, куда она исчезла. Деметра искала дочь днем и ночью, освещая дорогу факелом. В образе старухи она странствовала по миру, пока не пришла в Элевсин. Здесь Деметра нашла приют в доме местного царя и стала нянчить его маленького сына. Погруженная в свое горе богиня плодородия перестала заботиться о растениях, все вокруг увяло, люди и животные стали голодать. Тогда Зевс распорядился вернуть матери Кору, но обязал ее одну треть года проводить с супругом в его подземном царстве. Поэтому Деметра каждый год грустит в разлуке с дочерью, и тогда жизнь растений зимой замирает.

Существует иное мнение о времени года, отведенного для пребывания Кору у Плутона. Кора, в переводе с греческого – Дева, вероятно, олицетворяла зерно. В Греции оно хранилось в подземных погребах после июньского обмолота урожая до нового сева в октябре. Дева-Зерно сходила в июне в подземное царство и выходила оттуда через четыре месяца, когда открывали погреба и доставали зерно для нового посева. А перед ним праздновали мистерии, прославлявшие возвращение Девы-Зерна и ее соединение с Матерью Зерном².

Покидая Элевсин, Деметра, по верованиям эллинов, повелела выстроить там храм и показала, как справлять мистерии, посвященные ей и Коре. Богиня приобщила к тайнствам нескольких элевсинских граждан. Среди них были Эвмолп (в некоторых вариантах мифа он стал элевсинским царем) и Керик; с тех пор высшие жреческие должности на мистериях могли занимать только их потомки. Деметра особо отличила Триптолема, также вошедшего в круг первых посвященных. Богиня подарила ему колосья пшеницы и колесницу, запряженную крылатыми

¹ Clinton K. Sanctuary of Demeter and Kora at Eleysis // Greek Sanctuaries. New Approaches. London–New–York, 1993. P. 113.

² Нильссон М. Указ. соч. С. 71–72.

змеями, и велела объезжать разные земли, обучая людей земледелию. В одном варианте мифа, использованном Овидием в «Метаморфозах» (V, 645–662), рассказывалось, что среди стран, которые посетил Триптолем, была Скифия. Поэтому поселившиеся там эллины могли считать, что они и их соседи получают хлеб из зерна, происходящего от первого посева, совершенного здесь Триптолемом.

Во время Элевсинских мистерий посвящаемым разъясняли смысл жизни и смерти. Мисты символически отождествлялись с новыми зернами, выросшими в результате посева и гибели старых; возрождение зерна в новом урожае указывало на возможность воскресения после смерти и существования в ином духовном обличье в потустороннем мире.

Небольшой город Элевсин, лежавший на расстоянии 22 км от Афин (рис. 26), вошел в состав Афинского государства в VI в. до н. э., и вскоре мистерии, издавна совершавшиеся в местном святилище, завоевали популярность во всей Аттике. Затем, со второй половины V в. до н. э., времени наивысшего расцвета Афин, и до конца античности Элевсинские мистерии славилась по всему древнему миру. Множество паломников ежегодно прибывали в Афины, желая приобщиться к знаменитым таинствам и провести здесь «самые светлые и радостные дни года» (Plut. Phoc. 28).

Сначала к мистериям допускали только афинских граждан и гражданок, затем это право распространилось на всех полноправных членов любого греческого полиса, а позже на римлян и даже на неполноправное население. Требовалось лишь формально быть усыновленным (или удочеренной) афинянином, знать греческий язык, чтобы понимать обряд, свято хранить поверенные тайны и засвидетельствовать, что жизнь посвящаемого не запятнана пороками и преступлениями.

Посвящаемые в Элевсинские мистерии были более или менее состоятельными людьми. Ведь им надлежало внести определенную сумму, шедшую на нужды святилища и его служителей. В конце IV в. до н. э. плата составляла 15 драхм, что соответствовало среднему заработку ремесленника за 10 дней¹. Для приезжих траты оказывались еще большими, так как к взносу прибавлялись собственные расходы на поездку.

Во время бесчисленных войн греки и римляне никогда не разрушали Элевсин. За свою многовековую историю святилище пострадало лишь дважды: в 480 г. до н. э. при нашествии персов и в 166 г. н. э. при нападении костобоков. В 396 г. вестготский король Аларих разорил Элевсин, и тогда перестали совершаться мистерии, вызывавшие протест у адептов все шире распространявшегося христианства. Однако некоторые иссле-

¹ Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 61.

дователи полагают, что в христианских обрядах многое заимствовано у элевсинских, и до сих пор в современной литургии «течет элевсинская кровь»¹.

Античные авторы неоднократно восторженно писали об Элевсинских мистериях. Пиндар (fr. 115) и Софокл (fr. 719 Dindorf) называли посвященных счастливыми в этой, а главное – в загробной жизни. Ведь считалось, что в потустороннем мире всех ждут мучения и страдания, и лишь посвященные в таинства получают там блаженное существование (Soph. Fr. 719; Plat. Phaed. 69). Элий Аристид в «Элевсинской речи» (XXII, 2) именовал Элевсин святыней всей земли и самым блистательным из святилищ. Цицерон в диалоге «О законах» (II, 36) утверждал, что из всего исключительно ценного, созданного Афинами, самое лучшее – Элевсинские мистерии; благодаря им, люди, по природе дикие и жестокие, перевоспитываются в духе человечности и мягкости, познают основы жизни и учатся жить с радостью и умирать с надеждой на лучшее.

Элевсинии неразрывно связаны с культом плодородия и с образами умирающей и воскресающей растительности. Ранней весной перед посевом в Антестерионе (февраль-март) в аттической области Агры праздновали Малые мистерии, посвященные Персефоне (Orig. Contr. haer. V, 165). На празднике совершалось посвящение, необходимое для дальнейшего приобщения к Элевсинским таинствам. Участники мистерий назывались мистами, а новообращенные неофитами, что буквально означает «только что посаженный» (плод, семя, злак). Неофит малых мистерий мог стать элевсинским мистом не раньше, чем на следующий год, то есть по истечении 18 месяцев.

По некоторым сведениям, число посвящаемых в таинства во время расцвета Элевсинских мистерий составляло от 500 до 3000 человек. Последняя цифра относится к римскому времени. Особенно много желающих принять посвящение съезжалось каждый четвертый год, когда празднества справлялись с особой пышностью².

За 55 дней до Малых и Великих Элевсинских мистерий эллины объявляли священное перемирие для того, чтобы всем дать возможность вовремя и безопасно прибыть в Аттику (CIG. I, 1)³. Такие перемирия сопровождали любому панэллинскому празднеству, но их неоднократно нарушали. Лишь элевсинское перемирие, по словам Элия Аристида,

¹ Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 27.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 204; Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 191.

³ Латышев В.В. Указ. соч. С. 204

соблюдалось неукоснительно, и «только во время Элевсиний вся Эллада наслаждалась здоровьем» (Ael. Aristid. XXII, 7).

Ежегодное празднование Элевсиний в месяце Боедромионе приходилось на конец нашего сентября – начало октября и длилось 10–12 дней. Праздник разделялся на две части; он начинался в Афинах, затем торжественное шествие направлялось в Элевсин, и там главная часть мистерий совершалась в святилище.

Церемонии в Афинах и движение процессии в Элевсин не относились к числу тайных, и потому начальные дни праздника более или менее подробно описаны у античных авторов. Основная же часть мистерий известна в самых общих чертах, потому что мисты давали обет хранить в тайне все, что видели и слышали в Элевсинском святилище. О таинствах сейчас можно составить некоторое представление из тенденциозных рассказов раннехристианских авторов, а также по изображениям на вазах и рельефах и по руинам, раскопанным в Элевсине.

Г. Милонас, много лет проводивший археологические исследования в Элевсине и читавший у древних авторов все, что касалось Элевсинских мистерий, писал: «Много ночей я стоял на ступенях Телестериона (зала посвящений), купаясь в волшебном-серебряном сиянии луны, и надеялся услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну. Элевсинские мистерии разгадать невозможно»¹.

Противоположной точки зрения придерживается Д. Лауэнштайн. В монографии «Элевсинские мистерии» он подробно описал все, что якобы происходило перед глазами мистов, а также истолковал смысл священных гимнов и драматических представлений. Отдавая должное многим его интересным догадкам, следует сказать, что исследователь излишне увлекся собственными домыслами, с которыми во многих случаях трудно согласиться; ряд текстов древних писателей, на которые опирается Д. Лауэнштайн, вряд ли имеют хоть какое-то отношение к Элевсинским мистериям.

Суммируя изыскания современных ученых, можно кратко следующим образом описать порядок празднования Элевсинских мистерий, не затрагивая сокровенной сущности их ритуалов².

¹ *Mylonas G.E. Op. cit. P. 231.*

² Работы, на основании которых выполнено нижеследующее описание Элевсинских мистерий, перечислены в прим. 1 на с. 75. Отмечу, что сообщения античных авторов неясно определяют последовательность некоторых ритуалов празднества, поэтому их порядок сейчас устанавливается по-разному. В этом вопросе я придерживаюсь мнений В. Парке и К. Клинтона.

За два дня до праздника конный отряд афинских эфебов (юношей, проходивших военную подготовку) направлялся в Элевсин. Жрецы и жрицы выходили из святилища, неся с собой священные предметы, сложенные в особые круглые коробки-кисты, перевязанные пурпурными лентами. Вместе с кистами, наверное, выносили также одну или несколько священных статуй элевсинских богов. Жрецы погружались в повозку, и эфебы сопровождали их в Афины. Они прибывали туда 14 Боздромиона и помещали священные предметы в Элевсинион, храм Деметры у подножия Акрополя.

Пятнадцатое число, первый день праздника, должно было приходиться на полнолуние. На агоре в Пестрой стое, расписанной картинами знаменитых художников (Paus. I, 15), архонт-басилевс, верховный жрец Афин, принимал иерофанта и дадуха, двух главных элевсинских жрецов, и давал им разрешение пригласить народ на праздник Элевсинских мистерий. Глашатай из рода Кериков призывал мужчин и женщин, желающих принять посвящение, публично назвать свои имена. Тогда любой мог опротестовать включение в кандидаты недостойных лиц. Глашатай напоминал, что все кандидаты должны знать греческий язык, не быть причастными к преступлениям, не иметь судимости и быть старше 19 лет.

Предварительно кандидаты в мисты подавали в афинский Элевсинион письменное прошение. Жрецы сверяли их имена по афинскому списку граждан (напомним, что иногородние должны были быть усыновлены местными гражданами), по судебной книге и, наконец, по перечню элевсинских мистов. Ведь считалось полезным принять посвящение по меньшей мере дважды, чтобы перейти от низшей к высшей ступени познания таинств и стать «эпоптом» (созерцателем). Из последних выделялись мистагоги, которые руководили неофитами во время мистерий.

В первый день праздника кандидаты узнавали, допущены ли они к таинствам. Получив положительный ответ, они вносили заранее определенную сумму денег и совершали положенные жертвоприношения. Если выяснялось, что кто-то, не внесенный в список неофитов, даже случайно увидел какую-то часть таинств, его за это казнили (Liv. XXXI, 41).

Во время мистерий рядовые участники надевали черные одежды, символизирующие скорбь Деметры. Во II в. н. э. цвет одежд изменился на белый по желанию императора Марка Аврелия. Он дошел до высшей ступени посвящения в мистерии и много сделал для Элевсинского святилища после его разорения костобочами в 166 г. Белый цвет одежд соответствовал настроению заключительной радостной части праздника, на которой тогда делался особый акцент. Среди однообразно одетых

мистов главные жрецы и жрицы выделялись своим нарядным костюмом. Иерофант одевался в роскошное пурпурное облачение, украшенное узорами, а на голову возлагал миртовый венок. Длинные волосы второго по значению жреца-дадуха (факелоносца) обвязывались нарядной лентой (Lys. VI, 51; Plut. Alcib. 22; Athen. I, 21). Этот жрец, по крайней мере, в классический период, носил длинные волосы и особый костюм не только во время мистерий; поэтому, как писал Геродот, персы, увидев дадуха среди сражающихся, приняли его за царя.

Утром 16-го раздавался клич: «Мисты, к морю!» (Hesych. s. v. *halade mystai*), и каждый, взяв живого поросенка, отправлялся на берег Фалерского залива. Там мисты омывались в море и купали поросят. Затем этих животных, символизировавших плодородие, приносили в жертву Деметре в афинском храме элевсинских богинь.

17-го числа в Пестром портике мистам разъясняли заповеди первосвященника Триптолема; в них, в частности, говорилось, что до окончания мистерий нельзя убивать животных и есть мясо, в жертвы же следует приносить лишь плоды и зерна. В этот день, начиная с 420 г. до н. э., справлялся праздник Эпидаврии в честь бога Асклепия – великого целителя и утешителя в болезнях и несчастьях. Согласно преданию, Асклепий прибыл в Афины из Эпидавра, где находилось его знаменитое святилище¹, и принял посвящение в Элевсинские мистерии.

Может быть, 17-го Боэдромиона опоздавшие приезжие еще могли войти в число кандидатов в мисты. Следующие два дня готовилась праздничная процессия в Элевсин. 19-го эфебы сопровождали жрецов, доставлявших обратно в Элевсинское святилище то, что они привозили в афинский Элевсион.

20-го Боэдромиона из Дипилонских ворот в Элевсин выступала торжественная процессия (рис. 26). Мисты шли по священной дороге, красочно описанной Павсанием (I, 39). К шествию присоединялось множество любопытных, которым это не возбраняли. Впереди в сопровождении жрецов двигалась увенчанная миртом статуя Иакха, ее нес мист, называемый иакхагогом. Остальные мисты постоянно выкликали имя этого божества; их головы украшали миртовые венки, и на плечи они опирали большие связки мирта, обвязанные шерстяными лентами. Процессия двигалась размеренно и неоднократно останавливалась у храмов и алтарей для совершения предписанных ритуалов. Недалеко от Элевсина, переходя по мосту через приток реки Кефис, мисты перебра-

¹ Археологи обнаружили в святилище Эпидавра остатки великолепного храма IV в. до н. э., а также фундаменты круглого здания Толоса и большой театр, прекрасно сохранившийся до наших дней.

сывались шутками вольного содержания; они так и назывались «мостовыми шутками» (Hesych. s. v. *gephygismoí*). Шествие завершалось в Элевсине вечером при свете факелов. И в следующие дни факелы играли заметную роль при совершении таинств.

День 21-го отводился отдыху, а тайные ритуалы начинались вечером и длились до 23-го числа. Сначала юноши и девушки из старинных элевсинских родов танцевали и пели печальные песни, создавая мистам нужное настроение. Мисты рассаживались на каменных ступенях квадратного зала посвящений в здании, называвшемся Телестерионом. В V в. до н. э. его решили значительно расширить и поручили перестройку знаменитому архитектору Иктину, создателю Парфенона (Strab. IX, 1, 12; С. 395). Восемь рядов сидений располагались по всем четырем сторонам огромного зала размером 54 x 54 м.; верхняя часть постройки была беломраморной, а нижняя – из сине-черного элевсинского камня¹.

Зрители смотрели представление о странствованиях Деметры в поисках Коры. В сумраке раздавались вопли богинь, и им вторили сопереживавшие мисты (Aristid. XIX, 422; Procl. Comm. Plat. Rep. I, 125, 20). Заключительное представление, наоборот, окрашивалось радостью: Кора возвращалась к Деметре, и богиня отправляла Триптолема учить людей земледелию. В какой-то момент появлялись божественные мисты Геракл и Дионис, а также разыгрывалась драма на тему священного брака Деметры и рождения ребенка, наверное, Плутоса (Hippol. Ref. V, 9).

Наибольшей тайной окутаны для нас главные обряды мистерий, относящиеся к категории созерцания. Известно лишь, что мистам что-то говорилось, при этом нечто делалось и демонстрировались какие-то предметы. Избранный пожизненно верховный жрец именовался иерофантом, то есть показывающим святыни. Его главная обязанность состояла в предоставлении мистам возможности созерцать тайные предметы. Наверное, тогда жрец пел или говорил нараспев; ведь он обязательно принадлежал к роду Эвмолпидов, а имя его родоначальника Эвмолп означает «прекрасно поющий»².

29-го Боздромиона, в последний день праздника, совершался обряд племохои (Athen. XI, 496). Жрецы выливали воду в устроенное в земле отверстие из двух особых глиняных сосудов, называвшихся племохоями, из одного сосуда вода лилась на запад, из другого – на восток. Обряд сопровождался произнесением таинственных заклинаний; возможно, в них входили слова «орошай и зачинай», упомянутые в связи с мистериями в комментарии Прокла к диалогу Платона Тимей (V, 239 с).

¹ Винпер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 215.

² Нильссон М. Указ. соч. С. 59–60.

Элевсинская часть праздника раз в два года оканчивалась малыми, а раз в четыре года большими атлетическими, конными и музыкальными состязаниями, длившимися, по-видимому, четыре дня¹. Пиндар (Ol. IX, 98–99), перечисляя игры, на которых Эфармост Опунтский завоевывал призы в борьбе, назвал состязания в Элевсине. Они, по свидетельству Паросской хроники, считались учрежденными ранее Панафинейских. Элевсинские победители получали в награду пшеницу, выросшую на священном Рарийском поле, которое, по преданию, впервые засеял Триптолем².

Многие столетия обряды Элевсинских празднеств старались тщательно исполнять по древнейшим образцам, но все же мистерии претерпевали изменения. Как уже упоминалось, в V в. до н. э. в праздник включили чествование Асклепия и причислили его к элевсинским мистам; в IV в. до н. э. Дионис стал играть выдающуюся роль среди элевсинских божеств; во II в. н. э. изменился цвет одежды мистов, и, наверное, больше внимания стало уделяться заключительной радостной части мистерий. Безусловно, происходили и существенные изменения в толковании элевсинских тайных символов, и каждое новое поколение интерпретировало их в соответствии со своим мироощущением.

Участие жителей Северного Причерноморья в Элевсинских таинствах

До сих пор ученые в основном писали о влиянии элевсинского культа на религию Боспора и Ольвии³ и лишь кратко упоминали, что некоторые жители Северного Причерноморья, вероятно, были посвящены в Элевсинские мистерии⁴. Мы же сосредоточим внимание на том, чтобы показать, как памятники изобразительного искусства и некоторые

¹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 209.

² Новосадский Н.И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 138.

³ Стефани Л. Объяснения некоторых вещей, найденных в 1868 году в Южной России // ОАК 1869. С. 12, 18; Ростовцев М.М. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 372; Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46–92; Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 62, 66, 68; Масленников А.А. Две терракоты из Крымского Приазовья // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 134–135; Русяева А.С. Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском царстве // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы Вторых боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 122–127.

⁴ Передольская А.А. Указ. соч. С. 83; Русяева А.С. Указ. соч. 1992. С. 128.

надписи свидетельствуют о посвящении в Элевсинские таинства греков, населявших северные берега Понта Евксинского.

С последней трети V в. до н. э. можно уверенно говорить о связях античных городов Северного Причерноморья с Элевсинским святилищем. Сохранился декрет 418 г. до н. э., в котором афиняне призывали своих союзников и прочих эллинов присылать в Элевсин десятину урожая, заявляя, что об этом пророчествовал Дельфийский оракул (Syll.³ I, 83). От исполнения этого предписания не следовало уклоняться северопричерноморским городам, входившим в число афинских союзников. Это были Нимфей, Ольвия, возможно, Тира, Никоний и некоторые другие¹. Обычай посылать в Элевсин плоды первого урожая из разных греческих государств сохранялся много столетий после распада Афинского морского союза, о чем упоминал Элий Аристид (XXII, 4), прославленный оратор II в. н. э.

Исократ в «Панегирике», написанном в 380 г. до н. э., утверждал, что большинство эллинских полисов доставляет в Элевсин часть урожая, а тех, кто уклоняется от этого, Пифия неоднократно призывала вносить свою долю жатвы (Isocr. IV, 31). Надо полагать, что в IV–III вв. до н. э., когда дружественные отношения Афин и Боспора переживали свой наивысший расцвет, боспоряне неуклонно выполняли требование дельфийского оракула.

Афины оказывали влияние на многие стороны политической, экономической, культурной и религиозной жизни всех городов в Северном Причерноморье². Письменные и эпиграфические источники свидетельствуют, что в IV–III вв. до н. э. многие ольвиополиты и боспоряне посещали Афины, а некоторые жили там продолжительное время даже с семьями³. Боспорские цари и купцы имели постоянных представителей в Афинах, здесь учились молодые люди, желавшие получить образование в лучших риторских или философских школах, а также находили приют политические изгнанники (Isocr. XVII, 5; Dem. XXXIV, 37; Diog.

¹ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 105; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 45; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С.133.

² Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.

³ См. упоминание о семье боспорянина Лампида в речи Демосфена «Против Формиона» (XXXIV, 37); о том же свидетельствуют найденные в Афинах надгробия незамужних дочерей боспорян (МИС. 60, 61, 64).

Laert. IV, 47)¹. Все они наблюдали разные афинские празднества и имели возможность стать элевсинскими мистами.

В эллинистическую и римскую эпохи разные правители стремились приобщиться к Элевсинским мистериям. В 304 г. до н. э. афинян потрясло требование македонского царя Деметрия Полиоркета совершить его посвящение сразу же от низшей ступени до высшей, что, согласно священным законам, занимало более года (Plut. Demetr. 26). Многие римские императоры, начиная с Августа, принимали посвящение в Элевсине². Вероятно, в числе посвященных были и боспорские цари. К такому заключению можно придти на основании двух надписей II и III вв. н. э. В них цари Реметалк Второй и Третий названы ведущими свой род от Геракла и Эвмолпа, сына Посейдона (КБН. 53, 980).

Эвмолп, один из главных персонажей Элевсинских таинств, предстает в изобразительном искусстве царственной фигурой, символизирующей культ мистерий³. В гомеровском гимне Деметре (IV, 475) он назван среди первых четырех элевсинских граждан, посвященных самой богиней в таинства, а Плутарх (De exil. 17) и Лукиан (Demaпax, 34) написали, что Эвмолпа почитали как основателя Элевсинских мистерий. Этим объяснялось, почему верховный жрец мистерий обязательно принадлежал к роду, восходящему к Эвмолпу. Эвмолпиды, наверное, были потомками древней царской династии, ее члены некогда отправляли родовой культ, смысл которого заключался в обеспечении плодородия зерна, брошенного в землю.

У греков существовало несколько сказаний об Эвмолпе, и, как часто бывает в фольклоре, одни не согласовывались с другими. Поэтому в записях античных авторов даже упорядоченные древними писателями предания оказываются противоречивыми. Например, по версии Гигина (Fab. 46) и Аполлодора (Bibl. III, 15, 4), Эвмолп погиб на войне элевсинцев с афинянами. Павсаний же рассказывает, что убили его сына (Paus. I, 38, 3). Греки называли Эвмолпа сыном Посейдона и Хионы, дочери северного ветра Борея. Эвмолп царствовал во Фракии; вместе со своим войском он решил выступить против Афин на стороне элевсинцев. Последние потерпели поражение и по мирному договору обязались во всем подчиняться Афинам, сохранив лишь ведущее положение в мистериях. Главная роль в них оказалась у Эвмолпа. Именно он, по преданию, посвятил в мистерии Геракла и Диоскуров, первых некоренных жителей

¹ Скржинская М.В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–143.

² Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 46–48.

³ Clinton K. Op. cit. 1992. P. 96.

Элевсина (Paus. I, 5, 2; 38, 3–4; II, 14, 3; Apollod. Bibl. III, 15, 4; Ael. Aristid. XXII, 4; Stob. Florid. III, 39, 33).

Анализируя надписи с упоминанием о происхождении боспорских царей от Эвмолпа, ученые акцентируют внимание на том, что боспорские правители возводили свой род к мифическому царю Фракии. Действительно, начиная с династии Спартокидов, пришедших к власти в 438 г. до н. э., немало царей носили фракийские имена, поэтому упомянутые надписи привлекаются в качестве подтверждения фракийских корней Спартокидов и династии, правившей на Боспоре в римский период¹.

Мне представляется важным подчеркнуть иные ассоциации, возникавшие у греков при имени Эвмолпа. Даже не посвященные в Элевсинские таинства знали о важной роли этого героя в мистериях. О нем говорилось в широко известном гомеровском гимне Деметре, упоминалось в разных не тайных сказаниях, поэтому его имя неоднократно встречается у мифографов (Hygin. Fab. 46, 157, 273; Apollod. Bibl. III, 15, 4) и поэтов (Theocr. XXIV, 110).

Вероятно, легендарная генеалогия боспорских царей появилась во времена расцвета связей Северного Причерноморья с Афинами в IV в. до н. э. Тогда цари Боспора участвовали в наиболее крупных афинских праздниках. Каждые четыре года они получали золотые венки на Панафинях (МИС. 3), их имена звучали среди награжденных в театре на Великих Дионисиях (МИС. 4), их статуи и почетные декреты украшали афинскую агору, Акрополь и Пирей (МИС. 42; Dem. XX, 36; Dein. I, 43).

Трудно представить, чтобы боспорские цари, многим из которых афиняне даровали гражданство в своем государстве, не воспользовались возможностью принять участие в знаменитом на всю греческую ойкумену празднике и не приобщались к мистериям, сулившим счастье в этом, а, главное, в загробном мире. Введение в родословную героя Эвмолпа, с одной стороны, указывало на царственных фракийских предков боспорских правителей, с другой – роднило их с одним из главных героев Элевсинских таинств и со старинным родом Эвмолпидов, а также давало какие-то дополнительные привилегии на Элевсиниях. Можно высказать осторожное предположение о корнях подобной родословной. Вероятно, в классический период, когда действовало правило, чтобы посвящаемого в таинства усыновлял местный гражданин, боспорский царь таким образом породнился с Эвмолпидами. Он сделал это не случайно, пото-

¹ Жебелев С.И. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 167; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.;Л., 1949. С.56, 324; Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 85.

му что подобным образом оказалось возможным обосновать родство со знаменитыми фракийцами и одновременно с эллинами, и даже через Эвмолпа с богом Посейдоном.

Став членами рода Эвмолпидов, боспорские цари получали право исполнять жреческие обязанности иерофанта. Возможно, они пользовались этим правом у себя на родине, становясь жрецами Деметры и Коры и справляя праздники по элевсинскому образцу. Так, например, поступал император Адриан, совершая таинства на своей вилле в Тиволи (Aug. Vict. 14, 4).

Сохранение памяти о происхождении от Эвмолпа в римское время говорит, на мой взгляд, о том, что некоторые боспорские правители первых веков нашей эры принимали посвящение в Элевсинские мистерии. Судя по именам, новая династия имела фракийские корни, и через Эвмолпа удавалось показать ее родство с древними Спартокидами. Участвуя в мистериях, цари, называвшие себя «друзьями цезарей», подражали римским императорам, многие из которых, как уже говорилось, принимали посвящения в мистерии.

Для подкрепления предложенной гипотезы напомним, что император Адриан, достигнув высшей ступени посвящения, сам совершал в Элевсине таинства как верховный жрец-иерофант, а для этого ему следовало стать членом рода Эвмолпидов. Известно также, что Люций Вер считался членом семьи Эвмолпидов, а Марк Аврелий – даже главой Кериков, второго рода, из которого дозволялось выбирать Элевсинских жрецов¹.

Две ольвийские надписи ясно указывают на знакомство местных эллинов с Элевсинскими мистериями. В V в. до н. э. некий Ксантипп принес чернолаковый килик в качестве посвятительного дара в ольвийский храм Деметры. На донышке сосуда он прочертил посвящение элевсинским богам Деметре, Персефоне и Иакху. Издатель граффито А. С. Русяева предположила, что афинянин Ксантипп решил во время пребывания в Ольвии сделать приношение элевсинским богам. Основанием для такого заключения послужило то обстоятельство, что в ольвийской ономастике имя Ксантипп встречалось до сих пор лишь один раз и принадлежало афинскому гражданину². Однако Ю. Г. Виноградов показал, что посвящение написано ионийским шрифтом и, судя по допущенным ошибкам, начертано самим посвятителем³. Следовательно, он говорил не на атти-

¹ Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 47–48.

² Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 48.

³ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VI–I вв. до н. э. М., 1989. С. 129–130.

ческом, а на ионийском диалекте, господствовавшем в Ольвии; поэтому, скорее всего, Ксантипп был ольвиополитом и участвовал в каких-то ритуалах, исполнявшихся по образцу элевсинских.

Другая надпись, исполненная на каменной плите во II в. до н. э. (рис. 27), гласит, что Посидей, сын Дионисия, построил (или восстановил) ольвийскую оборонительную стену и совершил посвящение триаде элевсинских богов Деметре, Коре и Плутону, а также Демосу¹. Подобные плиты устанавливались в праздничной обстановке, и при этом совершалось жертвоприношение названным в надписи богам. До сих пор не давалось объяснения, почему к знаменитой триаде элевсинских богов добавлен Демос. По моему мнению, надо учесть, что во время Элевсинских мистерий приносили жертву Афине Демократии (SIG. II, 471)², которая символизировала государство, праздновавшее мистерии. Вспоминая об этом в Ольвии, Посидей заменил Афины Демократию Демосом, олицетворявшим его родное государство. Это позволяет думать, что Посидей не только имел представление о празднике Элевсинских мистерий, но и сам был посвящен в их таинства.

Наряду с надписями некоторые памятники изобразительного искусства свидетельствуют о причастности жителей Северного Причерноморья к Элевсинским мистериям. Вообще расписные вазы и рельефы играют важнейшую роль в современных знаниях о мистериях³, которые в силу их тайного характера почти не описаны в сочинениях античных авторов.

В 1858 г. А. Е. Люценко произвел раскопки огромного Павловского кургана близ Керчи⁴. Там в деревянном саркофаге покоилась молодая женщина в парадном одеянии, ее наряд дополняли разнообразные золотые украшения. Рядом с саркофагом стояли три аттические вазы: чернолаковая ойнохойя, фигурный лекиф в виде амазонки и расписная пелика так называемого роскошного стиля с изображением многочисленных персонажей.

В «Отчете Императорской Археологической комиссии» за 1859 г. академик Л. Стефани подробно описал предметы из Павловского кургана; он уделил особое внимание пелике, определив сюжет ее росписи как иллюстрацию Элевсинских мистерий⁵. С тех пор эта ваза посто-

¹ *Лейтунська Н.О.* Новий напис з Ольвії // *Археологія*. 1990. № 3. С. 117–122.

² *Сергеева С.Н.* Указ. соч. С. 14–15.

³ *Bianchi U.* The Greek Mysteries. Leiden, 1976. P. 8–20; *Clinton K.* Op. cit. 1992.

⁴ *Люценко А.Е.* Археологические разыскания 1858 г. в окрестностях Керчи // ОАК 1859. СПб., 1862. С. 6–15.

⁵ *Стефани Л.* Описание вещей, открытых при археологических разысканиях 1858 г. в окрестностях Керчи // ОАК 1859. СПб., 1862. С. 32–118.

янно привлекает внимание исследователей¹. Ведь, несмотря на новые открытия за прошедшие полтора столетия, остается справедливым вывод Л. Стефани о том, что находка из Павловского кургана занимает ведущее место среди художественных произведений с изображением Элевсинских мистерий².

Пелика изготовлена в Афинах в середине IV в. до н. э.³ Она расписана в краснофигурной технике, многие детали были выделены теперь утраченными красками и обильной позолотой. Остатки последней сохранились на головных уборах и украшениях, на факелах и связках мирта в руках некоторых персонажей, на крыльях колесницы Триптолема и Эрота, на роге изобилия – атрибуте Плутоса. Благодаря этой пелике мастер, расписавший вазу, называется сейчас Элевсинским, и его кисти принадлежат еще несколько сосудов из раскопок в разных греческих городах⁴.

Центральную часть композиции на одной стороне пелики занимают Деметра, Кора и стоящий между ними обнаженный мальчик Плутос с рогом изобилия (рис. 28). Деметра, одетая в хитон и гиматий, изображена сидящей, ее голову венчает роскошный калаф с рельефными узорами, на шее – ожерелье, а на руке, держащей высокий посох, – браслет. Кора стоит, опираясь на невысокую колонку и придерживая рукой большой горящий факел. Она представлена полуобнаженной, плащ закрывает ее ниже пояса; голову богини украшает венок, а шею бусы. Рядом с Корой

¹ Назовем основные исследования, в которых интерпретируется сюжет росписи пелики из Павловского кургана: *Стефани Л.* Указ. соч. С. 31–35, 52–56; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 255; *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага, 1966. С. 68. № 278; *Кереньи К.* Указ. соч. С. 176–177; *Farnell L.R.* The Cults of the Greek States. Oxford, 1907. P. 245–246; *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Leipzig-Berlin, 1934. S. 40–42. № 368; *Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. P. 1476, 1; *Metzger H.* Recherches sur l'imagerie athénienne. Paris, 1965. P. 40. № 35; *Simon E.* Neue Deutung zweier eleusinischen Denkmäler der IV. Jahrh. v. Chr. // *Antike Kunst.* 1966. № 9. P. 72–82; *Bianchi U.* Op. cit. P. 8; *Schwarz G.* Triptolemos Ikonographie einer Agrar und Mysteriengottheit. Horn-Graz, 1987. V, 134; *Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Bd. 1–8. München, 1981–1997. S.v. Aphrodite 1371; Demeter 404; Dionysos 528; Eubouleus 7; Heracles 1403; Ploutos 9; *Robertson M.* The Art of Vase-Painting in Classical Athens. Cambridge, 1992. P. 283–284; *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 81–82.

² *Кереньи К.* Указ. соч. С. 176; *Bianchi U.* Op. cit. P. 8.

³ Ученые вслед за К. Шефолдом обычно датируют эту вазу 340–330 гг. до н. э. (UKV. № 368; *Clinton K.* Op. cit. P. 134), однако в последнее время некоторые исследователи склоняются к более ранней дате: 360–350 гг. до н. э. (*Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. СПб., 1995. С. 167).

⁴ *Schefold K.* Op. cit. S. 40–42; *Beazley J.D.* Op. cit. P. 1476, 1; *Robertson M.* Op. cit. P. 283.

сидит женщина, которую одни считают богиней Земли Геей, другие – Фемидой, третьи – Реей¹. Симметрично ей, слева от Деметры, находится Афродита со своим постоянным спутником крылатым Эротом.

За спиной Деметры стоит ее жрец в нарядном хитоне, отороченном узорами у ворота и на подоле. На голове у него венок из листьев, а в обеих руках по горящему факелу. Это Эвбулей или Эвмолп, которые входили в число первых посвященных в Элевсинские таинства. Художник изобразил героя в облачении жреца, и поэтому можно хорошо представить, как одевались верховные жрецы во время мистерий в IV в. до н. э.²

В верхней части картины над головой Деметры парит Триптолем. С золотыми колосьями в руках он стоит на крылатой колеснице. Она неоднократно упоминается древними авторами как подарок Деметры: по ее велению, Триптолем обучал людей земледелию, объезжая страны на подаренной богиней колеснице, запряженной крылатыми драконами (Paus. VII, 18,2; Apollod. Bibl. I, 5,2; Ael. Aristid. XXII, 4; Hygin. Fab.147). Вазописцы рисовали колесницу то с крылатыми змеями, то просто с крыльями; герой представлен в фас в редком ракурсе; он летит прямо на зрителя, в то время как почти все художники и скульпторы изображали Триптолема и его колесницу в профиль³.

Слева в верхнем ряду стоит обнаженный Геракл в миртовом венке; он нарисован с традиционным атрибутом – палицей и со связкой миртовых ветвей, которые несли мисты на элевсинских процессиях. Мирт напоминает о посвящении героя в таинства и о том, что он удостоился этого первым среди граждан не местного происхождения (Plut. Thes. 30, 33). Слева, симметрично Гераклу, изображен сидящий обнаженный Дионис в плющевом венке; он опирается на тирс – свой постоянный атрибут. Этот бог также считался посвященным в мистерии.

Вся картина повествует о посвящении в Элевсинские таинства. Здесь находятся две главные богини, которых чтили в Элевсине, первые посвященные Эвбулей, Триптолем и Геракл, а также Дионис, занявший важное положение в мистериях в тот период, когда художник расписывал пелику⁴.

¹ Simon E. Op. cit. S.30; Bianchi U. Op. cit. P. 17.

² LIMC. Bd. 4. S. 41.

³ Ср. наиболее полное собрание изображений Триптолема в цитированной выше книге Г. Шварц (прим. 1 на предыдущей странице).

⁴ Mylonas G. Eleusis et Dionysos // Ephemeris archaeologiki. 1960. P. 68–118; Metzger H. Le Dionysos des images eleusiniennes du IV siècle // Revue archéologique. 1995. Fasc. 1. P. 3–22.

Труднее истолковать значение большинства персонажей на другой стороне вазы (рис. 29). Это обобщенное изображение какого-то момента мистерий. Центральное место занимает Афина в шлеме и со щитом в руке. Над головой богини реет крылатая Ника, которую часто рисовали на краснофигурных вазах рядом с Афиной¹. Скорее всего, Афина здесь олицетворяет ведущую роль Афинского государства в праздновании мистерий², и поэтому богиня присутствует также на других вазах с иллюстрациями мистерий³. Стоит вспомнить также, что она играла определенную роль в предании о похищении Коры: в одних вариантах мифа рассказывалось, что Афина вместе с Корой собирала цветы, когда Аид похитил дочь Деметры (Hom. Hymn. V, 424; Paus. VIII, 31, 2), в других – богиня сопровождала Деметру в поисках Коры (Eur. Hel. 1309–1317).

Афина представлена на вазе в движении; своим щитом она защищает персонажей, расположенных слева: там показано рождение божественного ребенка и передача его в руки Гермеса. Вероятно, об этом написал один из отцов церкви Ипполит (Ref. V, 9), сообщив, что во время мистерий иерофант провозглашал: «Владычица родила священного ребенка, Бримо Брима, что значит: сильная родила сильного». Сейчас не совсем ясно, с какими божествами греки отождествляли мать и ребенка; скорее всего, Иакх или Плутос играл роль ребенка, а его матерью считали Деметру или Гею⁴.

По-видимому, вазописец иллюстрировал драматическую сцену, разыгрывавшуюся в Элевсинском святилище в ночь с 21 на 22 Боэдромиона. Обряд священного брака и рождения ребенка в разных вариантах известен у многих народов. Считалось, что действительный или символический брак мужчины и женщины, изображающих богов, и объявление после этого о рождении ребенка способствует плодородию почвы, животных и людей⁵. В связи с этим напомним упомянутый Гомером (Od. V, 125–128) и Гесиодом (Theog. 969–975) миф о браке Деметры и Иасиона

¹ Ср. росписи аттических кратера и пелики, найденных в пантикапейских погребениях. На кратере представлены олимпийские боги в сцене апофеоза Геракла, а на пелике – иллюстрация к началу поэмы Киприи: совещание Зевса и богов о решении начать Троянскую войну. См.: UKV. № 369; *Schefton B.* The Krater from Baksy // *The Eye of Greece*. Cambridge–London–New-York, 1982. P. 149–181.

² Кереньи К. Указ. соч. С. 181; *Clinton K.* Op. cit. P. 80.

³ Ср., например, знаменитую эрмитажную гидрию *Regina vasorum* и найденный в Керчи лекиф с рельефными фигурами, о котором речь пойдет ниже; об изображении Элевсинских мистерий на *Regina vasorum* см.: *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 78.

⁴ *Bianchi U.* Op. cit. P. 10; *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 91.

⁵ *Сергеева С.Н.* Указ. соч. С. 16.

на трижды вспаханном поле и рождении от этого брака Плутоса – бога богатства.

Возвращаясь к интерпретации картины на элевсинской пелике, рассмотрим остальные фигуры. В левой части композиции помещена Кора с двумя факелами и какая-то богиня без атрибутов, а справа Зевс, сидящий на резном троне. Рядом с ним Деметра в нарядном калафе (некоторые считают эту фигуру Герой), а ниже женщина с тимпаном. Вероятно, она олицетворяет музыку, раздававшуюся во время мистерий. Ведь о тимпане пел хор в трагедии Еврипида «Елена» (ст. 1337–1349), когда излагал миф о похищении Кору, о горе Деметры и о том, как Зевс решил смягчить ее печаль, послав к ней Харит; они танцевали перед богиней, а Афродита аккомпанировала им на тимпане:

*Тогда впервые Афродитой
Тимпан гремящий поднят был;
В утеху ей, тоской убитой,
Он проявил свой страстный пыл...
И улынулась Мать святая.*

Перевод И. Анненского

Итак, по крайней мере уже в V в. до н. э. Афродита присутствовала в центральном мифе Элевсинских мистерий, и этим надо объяснить ее изображение на упомянутой выше первой картине пелики.

Сцена передачи ребенка Гермесу – редчайшее изображение, относящееся к сокровенным тайнам мистерий¹. Посвящение же в мистерии, изображенное на другой стороне пелики, встречается чаще, но все же не является распространенным сюжетом вазописи. Такая композиция известна на вазах разных форм, но количество персонажей на них меньше, чем на боспорской пелике. Наряду с Деметрой и Корой там обязательно присутствует Дионис, а другие фигуры варьируются. Х. Метцгер собрал 13 подобных изображений на аттических вазах, найденных в разных частях греческой ойкумены². Первое место в этом перечне занимает пелика из Павловского кургана, однако в нем отсутствует еще одна ваза из

¹ Ср. роспись краснофигурной гидрии IV в. до н. э., найденной на Родосе: среди персонажей, причастных к Элевсинским мистериям, нарисована поднимающаяся из земли богиня с рогом изобилия в руках и ребенком, сидящим на этом роге (*Bianchi U. Op. cit. P. 17. Fig. 3*).

² *Metzger H. Op. cit. P. 7–12.*

Керчи с подобным сюжетом: это лекиф, исполненный аттическим мастером в третьей четверти IV в. до н. э.¹

Лекиф украшен шестью рельефными фигурами. Он принадлежит к группе дорогих сосудов с подобным декором, которые находят при раскопках далеко не всех греческих городов, куда поступала аттическая керамика². Центральное место традиционно занимает сидящая Деметра, около нее стоит Кора с факелом; рядом с Деметрой Дионис с тирсом и сидящая Афина со щитом и копьем, а возле Кору – Триптолем с колосьями в руках, летящий на крылатой колеснице, и плохо сохранившаяся фигура молодого человека. Скорее всего, это Геракл, который так же изображен симметрично Дионису на рассмотренной выше элевсинской пелике и на других вазах с подобным сюжетом, например, на знаменитой «царице ваз» из Эрмитажа. Дионис и Геракл включались в сцены Элевсинских мистерий в качестве самых знаменитых персонажей среди посвященных в таинства³.

Сходная по сюжету роспись украшала краснофигурный кратер из Пантикапея. От сосуда уцелел лишь фрагмент с частично сохранившимися пятью фигурами: в центре Деметра и Кора с факелом, рядом с ними Плутос с рогом изобилия, Эрот и какой-то мужчина⁴. Наверное, рисунок на этом большом кратере по числу богов и героев не уступал пелике из Павловского кургана.

Таким образом, в Пантикапее найдены три вазы, расписанные на тему Элевсинских мистерий. Все они – дорогие изделия, явно исполненные по индивидуальному заказу, и поэтому их нельзя считать случайно попавшими на Боспор среди расписной керамики, массово поставлявшейся из Афин. Вероятно, боспорские обладатели этих ваз были элевсинскими мистами, потому что, по весьма вероятному предположению К. Клинтона, сосуды со сценами Элевсинских мистерий продавались лишь посвященным в таинства⁵. Они не расставлялись с

¹ Этот лекиф, хранящийся теперь в Лувре, опубликован в статье: *Zervoudaki E.A.* Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrhunderts v. Chr. // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1968. Bd. 3. S. 16. № 9. Изображение на этой вазе упомянуто также в работах К. Кереньи (указ. соч. С. 18) и К. Клинтона (Op. cit. P. 80).

² В наиболее полном перечне аттических ваз с рельефами собрано всего около ста экземпляров, из них пять найдено на Боспоре и ни одной в других городах Северного Причерноморья (*Zervoudaki E.A.* Op. cit.).

³ *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 78.

⁴ *Боровкова В.Н.* История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // *Классическая филология на современном этапе*. М., 1996. С. 319.

⁵ *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 9.

такими вазами и при переходе в иной мир, потому на Боспоре и в других греческих государствах подобные вазы обнаружены в погребениях.

Вазовые росписи нельзя рассматривать как непосредственное отражение действий, совершавшихся на мистериях. Художники рисовали эпизоды мифов, связанных с праздником, и придавали своим иллюстрациям некоторые черты, заимствованные из реальных ритуалов¹. Благодаря этому можно представить одежду и украшения жрецов и жриц, большие факелы и связки мирта, которые несли мисты. Глядя на такие изображения, греки вспоминали элевсинских богов и сакральные мифы о них, а также эпизоды драматических представлений, исполнявшихся во время таинств. Картина на пелике из Павловского кургана с наибольшей полнотой демонстрирует ряд образов, проходивших перед посвященными в Элевсинские мистерии, однако мы можем в них разглядеть значительно меньше, чем видели мисты.

В дополнение к названным вазам IV в. до н. э. следует рассмотреть еще три фрагмента сосудов из Ольвии и Пантикапея. На них представлен Триптолем, один из видных героев элевсинского цикла мифов. Рассказ о миссии Триптолема не принадлежал к числу тайных, и его знали во всем греческом мире. Поэтому вазы с эпизодами мифа о Триптолеме имели гораздо более широкое распространение, чем сосуды с другими элевсинскими сюжетами. Наиболее полный их каталог (более 100 экз.) содержится в книге Г. Шварц, но пантикапейский и ольвийские фрагменты в ней не учтены².

Героя Триптолема почитали в основном в Аттике и вспоминали, главным образом, во время Элевсинских мистерий. Благодаря их славе во всем античном мире, имя Триптолема стало известно эллинам, жившим в разных частях ойкумены. Образ героя вырисовывался перед ними в устных преданиях, в литературных произведениях и на памятниках изобразительного искусства, исполненных главным образом в Аттике³. Они расходились по многим греческим городам, и некоторые попадали в Северное Причерноморье.

Сказания о Триптолеме относятся к серии мифов о наставниках человечества, которых фольклористы называют культурными героями. Подобные мифологические персонажи встречаются в фольклоре разных народов. Такие герои добывают или впервые создают для людей огонь и орудия труда, обучают охоте, земледелию и ремеслам. У греков

¹ Нильссон М. Указ. соч. С. 75.

² Schwarz G. Triptolemos. Ikonographie einer Agrar und Mystriengottheit. Horn-Graz, 1987.

³ LIMC, s. v. Triptolemos; Schwarz G. Op. cit.

наиболее известным культурным героем был Прометей; из мастерской Гефеста и Афины он похитил огонь, даровал его людям и обучил их ремеслам (Aesch. Prom. 442–506; Plat. Prot. 320–321 e).

Эллины считали, что Триптолем научил всех людей земледелию. В древнейших сказаниях его называли сыном Океана и Земли (Paus. I, 14, 3). С архаического периода деяния Триптолема неизменно связывали с мифом о пребывании Деметры в Элевсине (Horn. Hymn. V, 473–477). Первый урожай пшеницы, согласно мифу, Триптолем вырастил на Рарийском поле близ Элевсина. На этом поле находился жертвенник Триптолема, и там показывали ток, на котором он обмолачивал урожай. Из зерновых, возделывавшихся на этом поле, готовили лепешки для жертвоприношений (Paus. I, 38, 6–7).

Этимологию имени Триптолема можно объяснить, как «трижды воюющий» или «трижды пашущий». Благодаря второму толкованию этот герой с конца VI в. до н. э. начал играть все более заметную роль в цикле элевсинских мифов¹. В конце VII в. до н. э., как явствует из гомеровского гимна Деметре, Триптолем не занимал еще какого-то выдающегося места среди нескольких видных граждан Элевсина, первыми посвященных в таинства и ставших жрецами на Элевсинских мистериях (Horn. Hymn. V, 473–477). Гомер дважды выделил героя одним характерным для эпоса эпитетом «хитроумный», который сразу же напоминает Одиссея, самого знаменитого носителя подобного определения (Horn. Hymn. V, 153, 474). Может быть, в дальнейшем гомеровский эпитет сыграл определенную роль при формировании предания о том, кому Деметра поручила миссию обучения людей земледелию.

В одном из вариантов мифа говорилось, что Триптолем вместе со своим братом Эвбулеем сообщил Деметре, кто похитил ее дочь, и в благодарность за это богиня дала ему пшеницу. Затем Триптолем занял в преданиях место сына элевсинского царя Келея (в гомеровском гимне царского сына звали Демофонтом). В доме Келея Деметра нашла приют во время поисков дочери; Триптолем стал ее воспитанником, и поэтому она послала его учить людей возделывать пшеницу (Apollod. Bibl. I, 32; Hygin. Fab. 147). Исполнив возложенную на него в юности миссию, герой царствовал в Элевсине; как посвященный в таинства он после смерти удостоился блаженного существования в потустороннем мире и за свою праведность вошел в число судей в Аиде вместе с Миносом, Радамантом и Эаком (Plat. Apol. 41 a).

¹ Нильссон М. Указ. соч. С.77.

Немногочисленные изображения Триптолема впервые появляются на чернофигурных вазах в конце VI в. до н. э.¹ К числу таких редких росписей принадлежит рисунок на фрагменте ольпы из Ольвии². Там хорошо сохранилась фигура Триптолема: он сидит на троне, поставленном на колеса с крыльями, в левой руке у него пшеничный колос. Судя по аналогиям подобных росписей, перед Триптолемом стояла Деметра (сохранилась лишь часть ее гиматия), а позади колесницы находилась Кора. Вся сцена представляла момент, когда Деметра давала своему посланцу последние наставления.

Триптолем нарисован бородатым соответственно тому, как греки представляли его в архаический период. Он предстает взрослым мужчиной во цвете лет в гомеровском гимне Деметре, в орфических гимнах, приписывавшихся Орфею и Мусею, и в трагедии «Алопа» драматурга Херила, старшего современника Эсхила (Paus. I, 14, 3). Художники и скульпторы классической эпохи начали изображать этого героя безбородым юношей, вероятно, потому, что тогда уже считали Триптолема царским сыном и воспитанником Деметры. Его колесница из трона, поставленного на колеса с крыльями, превратилась сказочную двухколесную повозку, запряженную крылатыми змеями. Такую колесницу описывал Софокл в трагедии «Триптолем» (fr. 539 Nauck) и, возможно, нечто подобное показывали на сцене афинского театра. Однако, мастера краснофигурной вазописи, которые значительно чаще своих предшественников рисовали Триптолема, зачастую снабжали его колесницу только крыльями без змей.

Именно так показана колесница героя на недавно найденном в Ольвии фрагменте краснофигурного кратера. Художник придерживался давней традиции изображать героя сидящим, но внес новшество в прежнюю композицию, смело повернув колесницу на зрителя. Мы видим оба колеса с крыльями и сидящего между ними Триптолема. Его торс нарисован почти фронтально, а лицо повернуто в профиль, как на вазах предшествующего времени. Этот сложный ракурс, по-видимому, заимствован из монументальной живописи, что характерно для вазописцев конца V–IV вв. до н. э.

Еще один фрагмент вазы с изображением Триптолема найден в Пантикапее³. Сосуд украшала традиционная композиция: Триптолем в

¹ Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. P.219; Schwarz G. Op. cit. S. 73.

² Леви Е.И. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968–1969 гг. // КСИА. № 190. 1972. С.52. Рис.15, 5.

³ Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848. Т.1. Табл.54 а.

профиль сидит на крылатой колеснице, держа в руке чашу; перед ним стоит Деметра с высоким посохом и дает последние наставления, а сзади к колеснице подходит Кора, держа в руках два зажженных больших факела. Они служили ее постоянными атрибутами в сценах на темы Элевсинского цикла мифов. Наряду с этими неизменными персонажами около Деметры изображен бородатый мужчина в гиматии и с большим посохом. Возможно, это Зевс, а, может быть, царь Элевсина, сыном которого по некоторым вариантам мифа был Триптолем (рис. 30).

Наряду с вазовыми рисунками к интересующим нас памятникам изобразительного искусства относится найденный в Пантикапее посвященный рельеф, исполненный хорошим афинским скульптором в конце V – начале IV вв. до н. э.¹ По-видимому, он находился в храме Деметры, стоявшем на акрополе города или у его подножья². Согласно единодушному определению современных исследователей, сюжет скульптурной композиции отражает посвящение в Элевсинские мистерии. По нашему мнению, рельеф был заказан боспорянином после того, как он сам приобщился к элевсинским таинствам и в память об этом сделал посвящение в боспорский храм Деметры.

На мраморной плите длиной в 36 см представлено шесть фигур (рис. 31). Слева в профиль сидит Деметра в тонком подпоясанном ниже талии хитоне. Около богини стоит лицом к зрителю Кора, одетая в хитон и плащ, ниспадающий живописными складками; левой рукой она придерживает большой факел. К богиням подходят друг за другом четыре мужские фигуры: первая и последняя высокие и две маленького роста. Возглавляющий шествие мужчина с бородой в коротком хитоне держит два длинных предмета, один из которых поврежден. Скорее всего, это большие факелы, постоянно изображавшиеся в руках разных участников Элевсиний. Далее следуют две маленькие фигурки, обычно называемые детьми. Они закутаны в гиматии и опирают на плечи связки мирта, представленные очень обобщенно; пучки мирта были раскрашены, как вообще было принято в скульптуре того времени,

¹ ОАК 1859. С. 34. Обычно издатели рельефа датируют его концом V в. до н. э.: *Саверкина И.И.* Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Л., 1986. С.154; LIMC. Bd. 4. S. 867. № 270. Однако авторитетный специалист в области древнегреческой пластики Б.С. Риджвей придерживается более поздней датировки: *Риджвей Б.* Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 2000. С. 38. Прим.31

² *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 158.

и выглядели реалистично¹. Шествие замыкает безбородый юноша в плаще, накинутом на обнаженное тело; в правой руке у него опущенный факел, а левой он придерживает такую же связку мирта, как у идущих впереди.

Все персонажи находятся в закрытом помещении, так как в середине рельефа поставлена колонна-пилястра; она в античной вазописи и скульптуре означала внутренность здания. Здесь это зал, где проходили посвящения в Элевсинские таинства. К ним приобщались только взрослые², поэтому вряд ли скульптор включил в рельеф двух детей. Выскажу предположение, что это – смертные юноши, а рядом с ними два непременных участника Элевсиний: предводитель праздничной процессии Иакх и считавшийся братом Триптолема Эвбулей, которому обязательно приносили жертвы наряду с Деметрой, Корой и Триптолемом (СГБ I³. 78). Эти два героя в изобразительном искусстве V–IV вв. до н. э. не имели устойчивой иконографии и атрибутов, потому их трудно различать на многих памятниках живописи и скульптуры³.

На рельефе из Пантикапея скульптор, по традиции, представил богинь гораздо выше человеческого роста и выделил их более высоким рельефом; мифические Иакх и Эвбулей несколько ниже Деметры и Керы, а реальные мисты изображены совсем небольшими. Такая разница в росте богов и людей постоянно встречается на посвященных рельефах. Укажем, например, элевсинский рельеф второй половины IV в. до н. э.; шесть посвятивших этот рельеф врачей значительно уступают высотой находящимся здесь же Деметре, Коре и Асклепию⁴.

Представляется вероятным, что на рельефе из Пантикапея маленькие фигурки изображают двух боспорян в момент приобщения к Элевсинским таинствам; в память об этом они заказали афинскому скульптору рельеф и посвятили его в пантикапейский храм Деметры. Если считать сцену на рельефе отражающей один из сокровенных моментов таинств, то можно думать, что рельеф находился в той части храма, куда допускались лишь посвященные. Ведь, как уже говорилось выше, на Боспоре справляли празднества Деметры, сходные с Элевсинскими.

¹ Детально прорисованные связки мирта можно рассмотреть в руках посвященных в таинства Геракла и Диоскуров, изображенных на элевсинской пелике из Пантикапея (рис. 28) и на кратере IV в. до н. э. из Британского музея (*Bianchi U. Op. cit. Fig. 81*).

² Юноши могли стать мистами лишь в возрасте старше 19 лет после того, как они прошли военную подготовку (*Лауэништайн Д. Указ. соч. С.190; Clinton K. Op. cit., 1992. P. 49*).

³ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 56, 64.*

⁴ *Petrakos B. National Museum. Athens, 1998. P.103. № 81.*

Инвентарь погребений IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора и некоторые терракоты аттического производства из Ольвии неоднократно зачисляли в круг памятников, связанных с культом элевсинских божеств. Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена в статьях А. А. Передольской. Она пришла к выводу, что уникальный набор аттических глиняных статуэток из Большой Близницы изображает персонажей драматических представлений, разыгрывавшихся на Элевсинских мистериях¹. Найденные в Ольвии сходные статуэтки так называемых актеров и шаржированных грустных, гневающихся и смеющихся старух также считались персонажами Элевсинских мистерий². Но теперь эта точка зрения оспаривается; смысл многих статуэток получает иное толкование, а погребенных женщин в Большой Близнице считают служительницами не Деметры, а Диониса, Афродиты, Апатуры и др.³.

В заключение рассмотрим фрески, исполненные местными художниками. Это росписи трех пантикапейских склепов со сценой похищения Кору. Хотя все они относятся к римскому времени, сюжеты рисунков традиционны и восходят к древнейшим сказаниям о Деметре и Коре. Изображения не только свидетельствуют о верованиях боспорян в первые века нашей эры, но и указывают на неизменность содержания основной части мифа, восходящего к архаическому периоду.

На всех трех фресках представлен Плутон на легкой двухколесной повозке, запряженной четверкой коней. Имя бога написано над его головой в самом знаменитом из этих погребений, называемом склепом Деметры (рис. 32). Его декор упоминается во всех работах, касающихся боспорского искусства⁴. Маленький возница погоняет бичом лошадей, а

¹ *Передольская А.А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // КСИА. 1957. Вып. 7. С. 69–72; *Она же.* К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница // СА. 1955. Т. 24. С. 54–73; *Она же.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46–91.

² *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 61–66.

³ *Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой могилы и женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131–150; *Ходза Е.Н.* Статуэтки актеров из собрания Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 207; *Alexandrescu P.* Les symbolisme funeraire dans une tombe de la peninsula de Taman // Studia classica. Bucuresti, 1966. V. 8. P. 75–86.

⁴ АДЖ. С. 199–226; *Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 263; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 105–109; *Кобылина М.М.* Живопись // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1986. С. 215 и др.

Плутон в развевающемся плаще прижимает к себе стоящую перед ним Кору. Рисунок выполнен не слишком умелым художником, плохо знакомым с анатомией и нарушавшим пропорции между фигурами. Он нарисовал героев мифа плоскостно и достаточно условно и, в то же время, тщательно выписал некоторые детали: орнамент, покрывающий бок колесницы, вожжи и кнут возницы.

Рука иного, выдающегося мастера чувствуется в росписи потолка камеры. Здесь в круглом, окаймленном венком медальоне помещены бюст Деметры и надпись с ее именем. Необыкновенно выразительно написано печальное лицо богини с большими грустными глазами. Ее взор устремлен к западной стене, в ту сторону, куда Плутон увез ее дочь¹. Остальная часть сводчатого потолка склепа украшена растительными гирляндами, пучками маков и плодами, представляющими дары и атрибуты богини.

Выбирая сюжеты для росписи склепа, родственники или друзья покойного думали о том, что лик Деметры и сцена из главного мифа Элевсинских мистерий напомнят о том, что возможно счастливое существование в потустороннем мире, которого удостаивались посвященные в таинства. Быть может, к их числу принадлежали члены семьи, погребенные в склепе Деметры, где захоронения производились несколько раз в течение I в. н. э.

Сходное желание руководило заказчиками при сооружении склепа Алкима, сына Гегесиппа, умершего на рубеже нашей эры. Картина похищения Кору на стене этого склепа написана более эмоционально и с большим количеством персонажей². Соотношение размеров фигур не имеет столь явных нарушений, как на рассмотренной выше фреске. Возница погоняет мчащуюся квадригу, а Плутон в развевающемся плаще стоит в колеснице; одной рукой он понукает возницу, а другой держит Кору, бессильно схватившуюся за голову. Позади колесницы в недоумении остались ее четыре подруги (рис. 33). В центре потолка склепа находится голова Деметры или Кору, окруженная венком из цветов.

Третий пантикапейский склеп открыт в 1841 г. и затем, к сожалению, разрушен, а его точное местоположение остается не определенным. Сохранились лишь план и несовершенные рисунки середины XIX в., но даже они дают представление о великолепии этого сооружения³. Две камеры, покрытые росписями, по богатству и разнообразию сюжетов не имеют себе равных на Боспоре. Поэтому представля-

¹ Соколов Г.И. Указ. соч. С. 109.

² АДЖ. С. 161–170. Табл. 49.

³ АДЖ. С. 346–375. Табл. 87–91.

ется вполне оправданным предположение, что в этом склепе во второй половине I – начале II в. н. э. похоронили одного из боспорских царей¹.

Самое подробное в боспорской монументальной живописи изображение мифа о Деметре украшало одну стену этого склепа. Справа находились две испуганные подруги Кору, с которыми она собирала цветы, когда земля разверзлась и Плутон схватил девушку. У ног бегущих в страхе ее подруг лежали брошенные корзины с цветами. Центр стены занимал стоящий на бегущей колеснице Плутон. Одной рукой он сам правил четверкой коней, а другой держал сопротивляющуюся Кору. На правой стороне стены была нарисована Деметра с факелом, ищущая свою дочь². Эта трехчастная картина в царском погребении, на мой взгляд, может служить одним из косвенных свидетельств о причастности боспорских царей к Элевсинским таинствам в римское время.

***Праздники на Боспоре и в Ольвии по образцу
Элевсинских мистерий***

В разных частях греческой ойкумены эллины поклонялись Деметре и Коре по элевсинскому образцу. Геродот отметил святилища элевсинской Деметры в Ионии и на Пелопоннесе (Her. IX, 57, 97), а Павсаний описал подобные храмы в Беотии, Лаконике и Аркадии (Paus. II, 14; IV, 1; VIII, 14, 15, 31). Жители аркадского города Фенея утверждали, что местные мистерии не отличаются от Элевсинских (Paus. VIII, 14, 12). В IV в. до н. э. афинянин Метап, знаток элевсинских таинств, внес изменения в мистерии Деметры и Кору, издавна праздновавшиеся в Мессене (Paus. IV, 1, 5). Сходные с элевсинскими обряды совершались в Милете и его колониях, например, в Кизике³.

Рассмотренные выше надписи, вазовые рисунки, фрески и скульптура свидетельствуют, что в городах Северного Причерноморья также проводились праздники Деметры и Кору по элевсинскому образцу. Жрецы и жрицы, возглавлявшие такие эти празднества, нередко сами проходили посвящение на Элевсинских мистериях в Аттике. Они воочию наблюдали, как совершаются таинства, и могли повторить на родине священные ритуалы.

Праздники Деметры в греческих колониях Северного Причерноморья справляли, начиная с архаического периода. Здесь найдено множество монет и терракот с изображениями Деметры и Кору (рис. 34, 35). В ру-

¹ Там же. С. 374; *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 415.

² АДЖ. Табл. 89.

³ *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Пб., 1922. С. 35.

ках последней нередко находится цветок или плод граната, напоминая о том, что она собирала цветы, когда ее похитил Аид; он заставил пленницу съесть зерно граната и таким образом признать похитителя своим супругом¹. В одном граффито V в. до н. э. упомянут ольвийский храм Деметры². Храм этой богини стоял также в центре Пантикапея и на окраине Горгиппии³.

Возле этих храмов справлялись праздники и перед жертвоприношением, по традиции, исполняли гимн, обращенный к богине. Тогда непременно вспоминали знаменитый миф о том, как богиня искала похищенную Плутоном дочь, как радовалась, когда та возвратилась, как от этой радости вновь расцвели все растения, а Деметра даровала людям пшеницу и послала Триптолема учить людей ее возделывать. Упомянутый выше фрагмент чернофигурной ольпы с его изображением свидетельствует, что уже в архаический период в Ольвии знали героя мифов Элевсинского цикла, и, может быть, ольпу как парадный сосуд использовали на праздничных ритуалах. Возможно, на ольвийских праздниках пели гомеровский и орфические гимны с упоминанием Триптолема; ведь ольвиополиты отличались выдающейся любовью к Гомеру (Dio Chrys. XXXVI, 9–10) и среди них в VI–V вв. до н. э. были приверженцы учения орфиков⁴.

Находки на развалинах святилища, расположенного на Фанталовском полуострове у берега Керченского пролива, показывают, что здесь в VI–I вв. до н. э. исполнялись ритуалы в честь Элевсинских богинь⁵. В 63 г. до н. э. произошло разрушительное землетрясение на Боспоре в то время, когда царь Митридат справлял праздник Деметры (Р. Огос. VI, 5, 4). Ученые полагают, что несчастье случилось осенью, и именно этот праздник проходил в Пантикапее по образцу элевсинских мистерий⁶.

Наверное, женщины, погребенные в курганах Павловский и Большая Близница, исполняли жреческие обязанности на праздниках такого рода. Их похоронили в парадных жреческих костюмах и положили в могилу

¹ Сапрыкин С.Ю. Указ соч. С. 62–63..

² Русяева А.С. Указ. соч. 1979. С. 46–47.

³ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 158; Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975. С. 60–62.

⁴ Русяева А.С. Указ. соч. С. 75; Жмудь Л.Я. Орфические граффити из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 94–110.

⁵ Завойкин А.А. Образы и символы Матери и дочери в святилище богинь на «Береговом 4» // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. 1. С. 259–266.

⁶ Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 56–57; Масленников А.А. Указ. соч. С. 136.

Глава V. Мастерии

предметы, связанные с элевсинским культом. Жрицы Деметры трижды названы в боспорских надписях (КБН. 8, 14, 18). Одна из них в III в. до н. э. сделала посвящение Деметре Фесмофоре (КБН. 18), культ которой весьма близок к элевсинскому¹.

Две упомянутых ольвийских надписи, множество терракот с изображением Деметры и Кору², а также существенное влияние Афин на все области жизни Ольвии в классический и раннеэллинистический периоды позволяют с большой долей уверенности думать, что, как и в Пантикапее, здесь справлялись празднества по образцу элевсинских.

Мистерии Кабирос в Самофракии и в Северном Причерноморье

Мистерии, ежегодно проводившиеся на маленьком острове Самофракии, известны по археологическим и письменным источникам, начиная с VII в. до н. э.³ Из разных греческих полисов сюда собирались эллины, чтобы принять посвящение в таинства местных богов. Их имена не полагалось знать непосвященным (Strab. X, 3, 21). Только в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (I, 917) со ссылкой на утраченное сочинение автора эллинистического времени перечислены четыре имени самофракийских богов: Аксиерос, Аксиокерса, Аксиокерсос и Касмилос.

В эллинистический период мистерии на Самофракии приобрели наибольшую популярность. Тогда здесь на месте прежних построили более крупные храмы и помещения, куда допускались только принявшие посвящение. Самофракийские мистерии во многом стали сходны с элевсинскими: мисты делились на посвященных первой и второй ступени, а почитание четырех названных богов напоминало ритуалы, сопровождавшие праздник Деметры и Персефоны с участием Аида и Плутоса.

Геродот (II, 51) назвал Самофракийские мистерии оргиями Кабирос и рассказал, что там представляли какое-то священное сказание. Это подтверждается найденными остатками святилища, построенного при жизни Геродота; оно включало круглое театральное помещение

¹ Нильссон М. Указ. соч. С. 68; Clinton K. Op. cit. 1993. P. 120.

² Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 39–61; Она же. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 35–64.

³ Burkert W. Concordia Discors: the Literary and Archaeological Evidence on the Sanctuary of Samothrace // Greek Sanctuaries. New Approaches. London–New-Jork, 1993. P. 178–186.

с поднимавшимися вдоль стен ступенями для зрителей и алтарем в центре¹. «Отец истории» упомянул и о внешнем виде Кабиров, сказав, что они похожи на карликов (III, 37). Такими их изображали античные коропласты во множестве терракотовых фигурок, найденных в различных частях греческой ойкумены; древнейшие статуэтки из Северного Причерноморья относятся к начальному периоду колонизации. Кабиры представлены их в различных возрастах, от младенческого до преклонного; обычно они мужского, изредка женского пола, тучные, с большим животом, голову их увенчивает колпак-пилос².

Праздники Кабиров, по-видимому, восходят к древним фракийским ритуалам. Кабиры, подобно другим богам мистерияльных культов, олицетворяли плодоносящие силы природы. Кроме того, на Самофракии их почитали как могущественных защитников мореплавателей, которые в древности всегда подвергались большому риску (Apoll. Rhod. I, 916; Diod. IV, 43; V, 49; Schol. Aristoph. Pax. 278).

Культ Кабиров на Березани, в Ольвии и в Нимфее процветал уже в VI в. до н. э. В Нижнем Побужье об этом известно лишь по находкам терракот³, в Нимфее же открыто святилище Кабиров⁴. Оно существовало в VI–IV вв. до н. э. на акрополе города, и там справлялись празднества, близкие по характеру самофракийским. Это подтверждается сходным устройством самофракийского и нимфейского святилищ, имевших апсиду, священный камень и жертвенную яму. В Нимфее во время праздничных церемоний использовалась дорогая посуда. Из лучших ее образцов уцелели мраморное блюдо и чернофигурный кратер с изображением животных на венчике и квадриги на тулове сосуда. Жители Нимфея дарили в храм Кабиров расписную и чернолаковую посуду, терракоты и печати с изображениями самих Кабиров и Кибелы. Находки терракот Кибелы напоминают о том, что эту богиню вместе с Деметрой и Корой почитали в храме Кабиров на Самофракии⁵. В эллинистический период

¹ О раскопках святилища на Самофракии и найденных там надписях см.: *Lehmann K., Lehmann Ph. Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts of New-York University. Princenton. T. 1–6. 1958–1992; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New-York, 1983; Burkert W. Op. cit. P. 180.*

² *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 37–39; *Русяева А.С.* Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 92–101.

³ *Передольская А.А.* Следы культа Кабиров на Березани // СГЭ. 1960. Т. 13. С. 23–27; *Русяева А.С.* Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 168–169.

⁴ *Худяк М.М.* Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т.2. 1958. С. 83–87.

⁵ *Новосадский Н.И.* Култ Кабиров в Древней Греции. Варшава, 1900; *Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace//Archaeology. 1954. № 3. P. 91–95.*

под общим названием «самофракийские боги» наряду с Кабирами чаще всего подразумевались Плутон, Деметра и Кора¹.

В Самофракийские мистерии посвящали греков из любого полиса, в таинствах участвовали мужчины, женщины и даже дети (Schol. Apol. Rhod. I, 917); например, родители Александра Македонского Филипп и Ариадна в отроческом возрасте стали самофракийскими мистами (Plut. Alex. 2). Среди приезжих, стремившихся принять посвящение, значительную часть составляли купцы и часто плававшие по морю члены экипажей кораблей. Письменные свидетельства об этом сохранились, начиная с классического периода. Феофраст (Char. 25), характеризуя труса, писал, что чуть поднимутся волны на море, трус узнает, есть ли на судне среди его спутников не посвященные в самофракийские таинства, то есть на всех ли распространяется покровительство Кабиров, и не принесут ли несчастье непосвященные. Античные авторы писали о находившихся на Самофракии многочисленных приношениях и благодарственных надписях за спасение на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59).

Некоторые археологические находки указывают на то, что в число посвященных в самофракийские мистерии входили жители Северного Причерноморья. Наиболее определенно об этом говорят две ольвийские надписи. Начертанная на постаменте утраченной статуи надпись III в. до н. э. гласит: «Эвбиот, сын Аристона. Эпикрат, сын Никерата поставил статую дяди, пророчествовавшего самофракийским богам» (IPE I². 191). Мистерии самофракийских богов совершались в Ольвии под руководством Эвбиота и других жрецов. Надо полагать, что они посещали Самофракию, были посвящены в таинства и воспроизводили их у себя на родине. Здесь приносили божествам ценные дары, среди них мраморный лутерий конца IV в. до н. э. с вырезанной на нем надписью: «Антестерий посвятил Самофракийским богам» (НО. 67). Ольвиополиты, вероятно, использовали этот дорогой сосуд для омовения во время праздничных ритуалов, поскольку омовение в мистических культах играло особенно важную роль. Граффито на донышке чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. указывает на то, что Кабиров в Ольвии чествовали одновременно с Деметрой и Корой², как это было принято в то время

¹ Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, 1977. S. 420–426.

² Русяева А. С. Земледельческие культы... С. 48. Рис. 28. 12; Уточненное чтение этого граффито см.: Vinogradov J., Rusjaeva A. Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic. Bd. 121. 1998. S. 162. Taf. 12, 6.

в Самофракийском святилище. Таким образом, мистерии посвящались одновременно нескольким богам.

На Боспоре найдено немало памятников, свидетельствующих о почитании Кабиров и их праздниках. Наряду с уже упомянутыми нимфейским святилищем и терракотовыми статуэтками назовем изображения Кабиров на фанагорийских и пантикапейских монетах IV в. до н. э. На первых бородатый Кабир представлен в традиционном пилосе, украшенном лавровым венком; менее определенно можно отождествить с Кабирами некоторые изображения на пантикапейских монетах¹. Находки на Боспоре и в Ольвии железных колец возможно рассмотреть в качестве косвенного свидетельства о присутствии в этих государствах людей, посвященных в Самофракийские мистерии. Ведь мисты получали железные кольца, обладавшие магнитным действием (Lucr. VI, 1044; Plin. NH. XXXIII, 23)².

Какие-то торжества в честь Кабиров справляли и в Херсонесе, о чем говорит одно посвящение в их святилище. На чернолаковом килике прочерчено графито: «Великим Богам от Афинаиды»³; под Великими богами подразумевались Кабиры, а имя дарительницы указывает, что в праздниках, как и на Самофракии, могли принимать участие женщины.

Празднества Кибелы и других богов восточного происхождения

Почитание Кибелы заимствовано греками у их восточных соседей⁴. Эллины стали называть фригийскую богиню Кибелу также Матерью богов или Великой Матерью, вероятно, из-за слияния образа этой богини с Реей, считавшейся прародительницей всех богов. Именем Кибелы называлась гора во Фригии (Her. I, 80; Strab. XII, 5, 3; С.567), там же, в городе Пессинунте, находилось ее прославленное во всем античном мире святилище. Процессии празднеств Матери богов проходили по малоазийским горам Иде и Диндиму. Поэтому греки и римляне часто

¹ Зограф А.И. Античные монеты. МИА. № 16. М.; Л., 1951. С. 170–171.

² Burkert W. Concordia ... Р. 187; Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 562.

³ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 8 и 71, № 925.

⁴ О роли Кибелы в религии греков и римлян см. диссертацию О.В. Богатовой «Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности». СПб., 1998. Там же дана подробная библиография. Диссертация в основном посвящена происхождению культа и его роли в Риме. Почитание Кибелы в Северном Причерноморье не рассматривается, и потому сделан ошибочный вывод, что в пантеоне греков Кибела не играла существенной роли.

называли Мать богов Фригийской, Идейской, Диндимейской (Strab. X, 3. 12; С. 469; Ovid. Fast. IV, 183, 249–250; Plut. Them. 30). Судя по надписям, первую эпиклезу употребляли боспоряне (КБН. 21) и ольвиополиты¹, следовательно, и они помнили о малоазийском происхождении богини.

Таинства Матери богов справляли на Востоке с жестокой кровавой обрядностью. Экстаз ее поклонников доходил до состояния безумия. Они наносили друг другу раны ножами, острыми камнями и черепками; некоторые доходили до самооскопления, воспроизводя эпизод священного сказания об Аттисе, юном фригийском пастухе, возлюбленном Кибелы. По преданию, он погиб, когда решил наказать себя за измену богине и оскотил под сосной самого себя (Ovid. Fast. IV, 221–244). Сосна, наряду с тимпаном и чашей, считалась символом Кибелы, и во время ее празднеств зажигали сосновые факелы (Pind. Dithyr. 70 b, 11). Скорбя о смерти юноши, богиня воскресила его, поэтому во время мистерий разыгрывались сцены гибели и возрождения Аттиса.

Греки и римляне частично изменили и смягчили жестокие восточные ритуалы, но все же эти празднества и особенно обряды посвящения вызывали у многих содрогание. В I в. до н. э. Катулл в заключительных стихах поэмы «Аттис» писал, обращаясь к Кибеле, «госпоже Диндимейских гор»: «Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн и пусть твой ужас и безумие опьяняют других». Возможно, здесь отразились не только впечатления самого Катуллы, видевшего в Риме подобные празднества², но также чувства автора той греческой поэмы эллинистического времени, которая вдохновила римского поэта.

Греки отождествляли Кибелу с Реей, матерью большинства олимпийских богов (Strab. X, 3, 15; С. 470). Вот как обращался к ней один из ее жрецов:

*Мать моя, Рея, фригийских кормилица львов, у которой
Верных немало людей есть на Диндима, тебе
Женственный твой Алексид посвящает орудия эти
Буйных радений твоих нынче оставленных им:
Эти звенящие резко кимвалы, а также кривые
Флейты из рога телят, низкий дающие звук,
Бьющие громко тимпаны, ножи, обогранные кровью,
С прядями светлых волос, что, распуская, он тряс.*

¹ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 146.

² Современник Катуллы Лукреций в поэме «О природе вещей» (II, 600–643) описал праздник Великой матери в Риме. Известно также, что в апреле римляне устраивали игры Megalesia, посвященные Кибеле (Cic. Or. XX, 22–25; Ovid. Fast. IV, 179–372); празднество сопровождалось постановками трагедий и комедий.

*Будь милосердна, богиня, к нему и от оргий, в которых
Юношей буйствовал он, освободи старика*¹.

Как видно из этого стихотворения и свидетельств других античных авторов, служители Кибелы в Греции и Риме были скопцами. Они занимали видное место в празднествах в честь Матери богов, воспроизводивших одну из древних форм почитания производящих сил природы. Аттис играл роль, сходную с той, которую исполняла Кора в Элевсинских мистериях. Его смерть и воскресение знаменовали замирание жизни растений зимой и их пробуждение весной. Возрождение Аттиса давало также мистам надежду на то, что они после смерти воскреснут в иной жизни.

В середине IV в. н. э. Фирмик Матерн в послании византийским императорам об искоренении язычества описал некоторые моменты мистерий Матери богов. Приняв христианство и осуждая языческие культы, Матерн не боялся открыть известные ему тайны. Он сообщил, что проходившие посвящение брали какую-то еду с тимпана, пили из кимвала и подвергались мучительным обрядам, во время которых испытывали ужасный страх. В подземелье их зарывали в землю до головы и отпевали как умерших; затем они воскресали, когда жрец шепотом произносил: «Воспряньте духом, мисты: бог спасен! И мы обрящем от трудов спасенье!»².

В последней четверти V в. до н. э. афиняне построили Метроон – храм Матери богов с отделением для хранения государственного архива (Dem. XIX, 129; XXV, 98)³. Храмовая статуя богини, исполненная учеником Фидия Агоракритом (Plin. NH. XXXVI, 17), стала образцом для изображений Кибелы во многих городах Эллады. Вплоть до первых веков нашей эры образец Агоракрита оставался господствующим для воплощения образа богини в монументальной скульптуре и терракотах. Кибелу изображали сидящей на троне со львом на коленях или у ее ног. Голову богини увенчивал калаф, в правой руке находилась чаша, а левой она придерживала большой тимпан. Терракотовые статуэтки с подобной композицией во множестве найдены в Ольвии и на Боспоре⁴. Вольные копии скульптуры Агоракрита украшали Пантикапей и Херсонес; тем же

¹ Перевод Л.Блуменау. Это стихотворение анонимного автора, написанное в неизвестное время, включено в рукопись Палатинской антологии древнегреческих эпиграмм (AP. VI, 51).

² Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Петербург, 1922. С. 41–43.

³ Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1976. S. 687.

⁴ Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 104–106. Рис. 50, 51; Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 36, 53.

оригиналом вдохновлялись мастера, создававшие небольшие мраморные статуэтки Кибелы (рис. 36)¹.

Колонисты перенесли из Милета культ Кибелы в свои поселения в Северном Причерноморье и, вероятно, по традиции справляли весной праздники в ее честь². Самые ранние свидетельства VI в. до н. э. относятся к Ольвии и ее округе, а древнейшие боспорские и херсонесские памятники такого рода датируются последней четвертью V в. до н. э. Это граффито с посвянительной надписью Матери богов на доньшке чернолакового сосуда из Мирмекия и голова мраморной статуи Кибелы из Херсонеса³. Таким образом, в классический период празднества Матери богов проводились не только в милетских колониях, но и в дорийском Херсонесе. Там находилось святилище богини, куда херсонеситы приносили свои дары. Из них сохранился фрагмент краснофигурного кратера, расписанного на рубеже V–IV вв. до н. э.; на него нанесены граффито с монограммой Кибелы и рядом рисунок ее священного животного льва⁴.

О праздниках Кибелы в Ольвии и в ее округе достоверно известно с середины VI в. до н. э. В городе их справляли на отведенном священном участке Западного теменоса. Там найдены фрагменты сосудов VI–V вв. до н. э. с посвящением Матери богов и votivные плитки с ее изображением, изготовленные во второй половине VI в. до н. э. местными мастерами по милетским образцам. Праздники сопровождалась жертвоприношениями, во время которых закалывали преимущественно коз, о чем свидетельствует анализ костных остатков в ямах-ботросах, куда закапывали все ненужное⁵.

Кроме того, Кибеле приносили бескровные жертвы. На особом керамическом блюде раскладывали разные злаки, горох, чечевицу и др. (Pollux. IV, 103). Этот обычай, как писал Афиней (XI, 476), был широко распространен во многих местах, где поклонялись Кибеле. Богине также посвящали кушанья, специально приготовленные для ее празднества. В Афинах, например, варили галаксию – ячменную кашу на

¹ Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С.306. Рис.17; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 27–28. № 44, 47, 48, 51–53.

² Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 41.

³ Гайдукевич В.Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 136; Античная скульптура Херсонеса... С. 26. № 44. Рис. 27.

⁴ Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 66.

⁵ Русаева А.С. Религия и культура... С. 144–145. Рис. 46, 47.

молоке. Поэтому весенний афинский праздник Матери богов назывался Галаксиями¹. Описывая празднества Кибелы в Риме, Овидий сказал, что богине приятна древняя еда из молока, смешанного с сыром и зеленью (Ovid. Fast. IV, 369–371).

Вскоре после основания Ольвии колонисты поставили алтарь Матери богов в Гилее, лесной области, простиравшейся к востоку за реками Гипанисом и Борисфеном; там же они установили алтари Геракла и речного бога Борисфена. Ольвийский жрец, посетивший Гилею в третьей четверти VI в. до н. э., сообщил о разрушении этих алтарей в написанном на стенке амфоры письме; оно частично уцелело до наших дней².

В V в. до н. э. напротив Ольвии на Гипполаевом мысу стоял храм Матери богов, упомянутый в «Истории» Геродота (IV, 53). Правда, из-за разночтений в рукописях господствует мнение, что историк имел в виду храм не Кибелы, а Деметры. В связи с этим стоит подробно остановиться на аргументах в пользу того и другого рукописного чтения.

В отечественной и зарубежной историографии давно уже отпали сомнения в том, кому поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу. Все исследователи во второй половине XX в., касаясь этого вопроса, писали о святилище или храме Деметры³. Они исходили из единственного сохранившегося свидетельства об этом в «Истории» Геродота. В изданиях греческого текста «отца истории», в русских⁴, украинских⁵ и западноевропейских переводах⁶, осуществленных в конце XIX–XX вв., действительно написано о святилище Деметры. Геродот указал, что оно находится на Гипполаевом мысу, выдвигающемся, по-

¹ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997. С. 139; Parke H.W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 264.

² Русяева А.С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время. Киев, 1987. С. 147.

³ Штителъман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. 1956. № 50. С. 257; Русяева А.С. Земледельческие культы... С. 71. Она же. Религия и культы... С. 85, 114–115; Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 117 и др.

⁴ Геродот. История. Перевод и предисловие Ф.Г. Мищенко. М., 1885; Геродот. История. Перевод и примечания Г.А. Стратоновского. Л., 1972; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

⁵ Геродот. Історії. Переклад, передмова та примітки А.О.Білецького. Київ, 1993.

⁶ Herodotus. Das Geschichtswerk. Übersetzung von Th. Braun, H. Barth. Berlin; Weimar. 1967; Herodotus. With an English translation by A.D. Godley. The Loeb Classical Library. London, 1971.

добно корабельному носу, между слиянием рек Гипаниса и Борисфена, а напротив него живут ольвиополиты, называемые историком борисфенитами.

В сохранившихся более чем сорока рукописях «Истории» в этом месте существуют разночтения. Часть рукописей называет богиню не Деметрой, а Матерью¹. Издатели XX в. сочли это ошибкой переписчиков, пропустивших первый слог в имени божества – Μητρός вместо Δήμητρος. Но можно предположить и другое: средневековые переписчики знали имя античной богини Деметры и не помнили гораздо реже упоминавшуюся древними авторами Мать (богов) или Кибелу, поэтому они исправили мало понятное Μητρός на Δήμητρος.

Во времена Геродота ольвиополиты поклонялись обоим богиням, и поэтому, по справедливому замечанию В. В. Латышева, невозможно окончательно решить, какому чтению следует отдать предпочтение². И все же содержание приведенной Геродотом новеллы об Анахарсисе (IV, 76), а также новые находки граффити с именем Матери богов позволяют, на наш взгляд, привести более основательные доводы в пользу Кибелы. О почитании же Деметры в районах восточнее Гипаниса в VI–V в. до н. э. ничего не известно.

Ольвиополиты называли Гилеей область в низовьях Борисфена (Her. IV, 9, 19, 54, 55, 76; Mela II, 5; Plin. NH. IV, 83). Некоторые исследователи считают, что она располагалась на левом берегу Днепра; по нашему мнению, следует согласиться с учеными, локализовавшими Гилею по обоим берегам реки³. Ведь Гилея, буквально лесная область, не ограничивалась территорией на одной стороне Борисфена, потому что в низовьях реки леса росли по обоим берегам. Скорее всего ольвиополиты считали Гилеей лесной массив, лежавший напротив их города и его сельской округи, а он простирался и на восток за Борисфен.

Поклоняясь Матери богов в Гилее, колонисты уподобили окрестности своей новой родины тем лесистым местам в Малой Азии, где чтили Кибелу (Strab. X, 3, 12; С. 469). Лукиан в «Разговорах богов» (гл. 12) изобразил Кибелу мчащейся по поросшей лесом малоазийской горе Иде в сопровождении своих спутников корибантов, гудящих в рога и стучащих в тимпаны. Наверное, ольвиополиты устраивали подобные процессии в Гилее. При свете сосновых факелов шествия и танцы сопровождалось громкими восклицаниями, ударами в тимпаны, стуком кроталов, звоном

¹ *Herodotus*. Musae. Ed. F.Czeuzer, I.Baehr. Bd.2. Lipsiae, 1857. P. 414.

² *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 25. Прим. 6.

³ *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Указ. соч. С. 232–233.

кимвалов и пронзительными звуками аулосов, исполнявших мелодии во фригийском ладе (Pind. Dithyr. 70 b, 8–14; Ovid. Fast. IV, 213–215, 341–342).

Культ Кибелы, как и Диониса, частично был общедоступным, но некоторые ритуалы и празднества могли справлять лишь посвященные в таинства богини. Свою причастность к таинствам поклонники Кибелы ощущали так же, как хор трагедии «Вакханки» Еврипида (ст. 78–82):

*Счастлив, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису*

Перевод И. Анненского

Для пояснения вопроса о святилище на Гипполаевом мысу следует привлечь записанную Геродотом (IV, 76) в Ольвии новеллу о скифе из царского рода Анахарсисе. Ольвиополиты рассказывали, как Анахарсис, посетив многие страны и стяжав славу мудреца, возвращался на родину. Во время стоянки корабля в Кизике Анахарсис стал свидетелем празднества Матери богов; он поклялся совершить в ее честь подобное празднество, если благополучно возвратится на родину. Вернувшись в Скифию, Анахарсис исполнил свой обет: он отправился в Гилею и там произвел обряды, повесив на себя изображение Матери богов и ударяя в тимпан. Один скиф увидел это и донес царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, убил Анахарсиса выстрелом из лука за приверженность не отеческой религии. Так, по мнению рассказчика, скифы расправляются с теми, кто воспринимает чужие обычаи.

В новелле, как и в любом фольклорном произведении, нет определенных указаний на время ее действия. Но его можно определить по косвенным данным Геродота. Через ольвиополита Тимна, доверенного скифского царя Ариапифа, историк узнал, что Савлий приходился братом Анахарсису и отцом победителю персов Идантирсу. Таким образом, Анахарсис поклонялся Кибеле и погиб примерно в середине VI в. до н. э., потому что в последней четверти этого века Идантирс уже унаследовал власть от отца и воевал с Дарием.

Наверное, поступок Анахарсиса послужил лишь поводом для его устранения как конкурента в борьбе за власть, но внешне гнев царя, вероятно, сопровождался не только расправой с родичем, но и уничтожением греческих алтарей в Гилее¹. Возможно, скифы не раз так посту-

¹ Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 102–106.

пали, и об одном из таких разрушений говорится в упомянутом выше письме жреца, близком по времени сюжету новеллы об Анахарсисе.

До сих пор не уделялось должного внимания тому, что Анахарсис дал обет поблагодарить Кибелу в случае благополучного возвращения на родину. Значит, по местным верованиям, в функции этой богини входило обеспечение безопасности плавания по морю. Анахарсис оказался в милетской колонии Кизике потому, что там останавливались все суда перед выходом в рискованное плавание по бурному Понту, где часто случались кораблекрушения. Во времена Анахарсиса Понт еще нередко называли не Евксинским, а Аксинским, то есть негостеприимным¹. Тогда корабли, направляясь к берегам Скифии, выходили из пролива Босфор Фракийский и шли вдоль западного побережья Понта мимо весьма опасного места близ фракийского города Салмидесса, там античные суда часто тонули не только в VI в. до н. э., но и в более поздние времена (Strab. VII, 6, 1).

Итак, из новеллы об Анахарсисе становится известна ипостась Кибелы – защитницы мореплавателей. Таким образом, ее покровительство всему живому распространялось не только на сушу, но и на водные пространства. Греки приписывали также подобную функцию Кабирам, культ которых был сходен с культом Кибелы, и их зачастую почитали в одном храме, например, в известном во всем эллинском мире святилище Кабиров на острове Самофракии², где находилось множество благодарственных даров от спасенных на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59), или в их святилище в Нимфее, где найдены терракоты с изображением Кибелы³.

Гипполаев мыс отождествляется с современным мысом Станиславским. Для греков он был словно создан самой природой для помещения на нем святилища божества, покровительствующего счастливому плаванию. Ведь мыс находится на пересечении трех водных путей при впадении в лиман Буга и Днепра. Два из них, вверх по Гипанису и Борисфену, вели вглубь Скифии, и по ним осуществлялась торговля с местными племенами. Третий путь, вниз по лиману, выводил в Понт, откуда можно плыть в черноморские порты и любые пункты Средиземноморья, в том числе и в метрополию Ольвии Милет. Само очертание острого каменистого мыса напоминало эллинам нос корабля. Это сравнение, услышанное от ольвиополитов, дважды встречается в античной литературе: в «Истории» Геродота (IV, 53) и через несколько

¹ Там же. С. 19–20.

² Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace // Archaeology. № 3. P. 91–95.

³ Худяк М.М. Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т. 2. 1958. С. 83–87.

столетий – в начале Борисфенитской речи Диона Хрисостома (XXXVI, 2). Таким образом, мыс в виде носа корабля гармонировал с храмом богини, покровительницы мореплавания.

Археологам пока не удалось найти каких-либо остатков святилища на Гипполаевом мысу. По-видимому, оно обрушилось в воду из-за интенсивного размывания прибрежной полосы¹. По той же причине сейчас нельзя разглядеть очертаний каменистого выступа, сходного с носом корабля, входящего в воды Днепро-Бугского лимана.

Геродот назвал святилище на Гипполаевом мысу словом ἱρόν, которым историк определял не только храм, но и священный участок без здания храма (V, 119). Поэтому в переводах его передают либо как храм², либо как святилище³. Надо думать, что сначала, в VI в. до н. э., ольвиополиты оградили на мысу священный участок с алтарем. Возможно, там Анахарсис исполнил свой обет. В V в. до н. э. на мысу, скорее всего, стоял храм, и его имеет в виду Геродот. Возвышаясь на оконечности мыса, здание служило маяком для судов. В качестве аналогии можно напомнить храм Посейдона того же времени на мысе Сунион, южной оконечности Аттики. Там афиняне, выходя в открытое море, приносили жертвы владыке морей, а возвращаясь, благодарили его за благополучное завершение плавания. На храм Посейдона ориентировались корабли, державшие путь в афинский порт Пирей.

В пользу мнения, что на Гипполаевом мысу высилось здание храма, говорит ольвийское граффито V в. до н. э., в котором Мать богов названа владычицей Гилеи⁴. Ведь владыками какого-нибудь места обычно назывались божества, имевшие храмы с принадлежавшими им землями. Напомним, что на находившемся под покровительством ольвиополитов острове Левка (о. Змеиный близ устья Дуная) стоял широко известный в древности храм Ахилла. Его греки называли владыкой острова, что нашло отражение в поэзии (Pind. Nem. IV, 49), в граффито на чернолаковом лекифе первой четверти V в. до н. э., найденном на Левке⁵, и в надписях IV–II вв. до н. э. (IRE I². 326, 672). Начиная с V в. до н. э., храм Ахилла, построенный из мраморовидного известняка, служил маяком для мореходов, следовавших вдоль западного побережья Понта⁶.

¹ Штительман Ф.М. Указ. соч. С. 257.

² Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Указ. соч. С.255; *Herodotus*... 1971. P. 255.

³ *Herodotus*... 1971. P.255.

⁴ Русяева А.С. Указ. соч. 1982. С. 145.

⁵ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 84–85.

⁶ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 106–108.

Итак, на наш взгляд, имеются, веские доводы в пользу предпочтения тех рукописей Геродота, в которых написано о храме Матери богов, а не Деметры. Историк назвал богиню одним словом Мать; такое же наименование богини читается на нескольких ольвийских граффити VI–V вв. до н. э. На Гипполаевом мысу ольвиополиты поклонялись богине, считая ее покровительницей всего живого на суше и на воде. К ней, как к Кабирам на Самофракии, обращались с просьбой защитить от опасностей во время морских путешествий. Главным доказательством подобной функции богини следует считать сообщение Геродота об обете Анахарсиса в случае благоприятного возвращения на родину справить праздник Кибелы так же, каким он видел его в Кизике. Этот город, подобно Ольвии, был милетской колонией. По всей вероятности, кизикенцы и ольвиополиты, заимствуя культ Кибелы из своей метрополии, особо выделяли ее функцию защитницы от опасностей на море.

Отправляясь на кораблях по рекам в Скифию или по морю в греческие города, ольвиополиты приходили на Гипполаев мыс просить Кибелу о счастливом плавании, а на обратном пути их и приезжих купцов встречал храм Матери богов, служивший маяком и знаком того, что рейс корабля близок к завершению. Из-за отсутствия письменных и материальных источников неизвестно, сколько времени просуществовал храм на Гипполаевом мысу после V в. до н. э.

Как показывают археологические находки, в Северном Причерноморье празднества Кибелы приобрели наибольшую популярность в эпоху эллинизма. В Пантикапее святилище Кибелы примыкало непосредственно к вершине Акрополя¹. Вероятно, какие-то обряды во время мистерий проходили в расположенной под скалой пещере. Праздники Матери богов существовали и в небольших боспорских городах: посвящения богине в главном святилище Китея известны с рубежа V–IV вв. до н. э.²

В эллинистический период на праздниках Кибелы появляется ее возлюбленный Аттис, божество восточного происхождения. В связи с этим следует напомнить, что в конце IV в. до н. э. наследники Александра Македонского Птолемей и Лисимах провели в своих царствах религиозные реформы с целью объединения эллинских и местных верований. Исполнителем желаний этих правителей стал Тимофей, один из элевсинских жрецов (Тас. Hist. IV, 83). Для Птолемея он эллинизировал египетскую религию Исиды, а для Лисимаха ввел Аттиса в издавна при-

¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 160.

² Молев Е.А., Молева Н.В. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 253.

вившийся во многих греческих полисах культ фригийской Матери богов¹. Нововведение Тимофея вскоре распространилось из Малой Азии в Северное Причерноморье. Праздники с поклонением Аттису появились в Ольвии и на Боспоре уже в III в. до н. э., ибо к тому времени относятся древнейшие терракотовые статуэтки этого божества. Играющий на сиринге фригийский пастух обычно одет в восточный костюм с длинными штанами, а на голове у него характерная остроконечная фригийская шапка (рис. 37)². Сиринга стала характерным атрибутом Аттиса-пастуха, и, вероятно, ее мелодии сопровождали ту часть праздника Кибелы, когда появлялся возлюбленный богини.

Непосвященные в мистерии мало знали об Аттисе. Павсаний (VII, 17, 9–12) после посещения храма Кибелы и Аттиса в городе Диме на Пелопоннесе писал, что ничего не смог о нем узнать, «так как это считается священной тайной». Свою любознательность Павсаний удовлетворил, разыскав утраченную теперь элегию поэта Гермисианакта и услышав где-то народное предание об Аттисе. Записанные античным автором рассказы сильно отличаются один от другого. Это указывает на существование многих вариантов, и нам не известно, какой из них представляли на празднествах Кибелы в Северном Причерноморье.

В празднествах Кибелы принимали участие мужчины и женщины. Последние пели погребальные песни, когда изображали смерть Аттиса; возможно, их пение сопровождало также символическую смерть посвящаемых³. Некоторые женщины исполняли роль жриц, а другие шли в процессии к алтарю и доводили себя до иступления. Две надписи III в. до н. э. дают сведения о таких жрицах в Ольвии и в Пантикапее. Ольвиополит Сократид поставил статую своей жене, бывшей жрицей Кибелы, а в Пантикапее Гестиея, жрица Матери Фригийской, посвятила богине статую (IRE I². 192; КБН. 21). Пантикапейская надпись того же времени свидетельствует, что во время праздников Кибелы наряду со жрицами ей служили и мужчины-жрецы (КБН. 23). На Боспоре мистерии Кибелы продолжали справлять и в римское время. Найденная близ Фанагории надпись содержала устав мистерий. К сожалению, текст сохранился с большими лакунами, поэтому с трудом поддается связному толкованию (КБН. 1005).

Мистические культы других божеств восточного происхождения начали проникать в Северное Причерноморье в эпоху эллинизма, но осо-

¹ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 39–40.

² Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 14, 38; Русяева А.С. Земледельческие культы ... С. 108.

³ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 64.

бенно они распространились в римский период, выходящий за рамки нашего исследования. Вероятно, на северных берегах Понта так же, как в Афинах, к первым немногочисленным поклонникам восточных мистических божеств первоначально относились с подозрением и насмешкой. В комедиях Аристофана устраивался суд над Сабазием и другими иноземными божествами, после чего их изгоняли из гражданской общины (Cic. De leg. II, 37). Демосфен в речи «О венке», чтобы унизить своего оппонента, оратора Эсхина, упомянул о его матери, жрице какого-то восточного культа, и о том, что сам оратор активно участвовал в обрядах посвящения и других ритуалах. В связи с этим Демосфен саркастически описал празднества приверженцев восточных богов Сабазия, Аттиса и других (Dem. XVIII, 259–260). Днем они появлялись на афинских улицах в венках из укропа или белого тополя, танцевали, держа в руках змей¹, и сопровождали свои шествия восклицаниями, прославляющими почитаемых богов. Ночью мисты принимали в свои ряды посвященных, производя обряды очищения, во время которых адепта раздевали догола и обтирали грязью и отрубями.

Праздники Сабазия справляли в Херсонесе и на Боспоре. Самое раннее свидетельство об этом обнаружено на хоре Херсонеса в святилище поселения Панское I. На чернолаковом килике рубежа IV–III вв. до н. э. прочерчена надпись ἱερά Σαβαΐσιον². Надпись можно понять и как «(килик), посвященный Сабазии», и как «священный (килик) Сабазия»³. Жители поселения в конце IV–III вв. до н. э. устраивали праздники Сабазия, образ которого слился с греческим Дионисом, приобретая восточные черты почитания этого бога. Вместе с Дионисом-Сабазием здесь поклонялись Деметре, и сельский праздник в их честь посвящался покровителям урожая пшеницы и винограда, главных сельскохозяйственных культур на хоре Херсонеса. Обоих богов роднило также и то, что в их культ, как уже говорилось, включались мистерии.

В эллинистический период праздники Диониса-Сабазия справляли и в других херсонесских сельских поселениях, а также в самом городе, о чем свидетельствуют находки мраморных скульптур и терракот с изображением этого бога⁴. Подобные праздники проходили также на

¹ Феофраст в «Характерах» (гл. 16) называет такую змею пареем и отмечает ее заметную роль в культе Сабазия.

² Щеглов А.Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 55.

³ Ср. подобное посвящение Гермесу на килике IV в. до н. э. в кн.: Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 957.

⁴ Щеглов А.Н. Указ. соч. С. 56–57.

Боспоре. На это указывает терракотовая статуэтка III–II вв. до н. э. из Фанагории; она изображает Диониса – Сабазия и сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия¹. Некоторые моменты мистерий Сабазия отразились в росписях боспорских склепов первых веков нашей эры².

Итак, археологические находки убедительно свидетельствуют, что в античных городах Северного Причерноморья существовали разнообразные мистерии. Наибольшее количество памятников относится к мистериям Деметры, Коры, Кибелы и Самофракийских божеств. Жрецы и жрицы, возглавлявшие эти празднества, нередко сами участвовали в мистериях, проводившихся в Элладе, и могли на родине повторять священные ритуалы. В погребении такой жрицы найдена пелика с самым подробным изображением элевсинских таинств.

Таким образом, начиная с рубежа V–IV вв. до н. э., в течение многих столетий среди жителей Северного Причерноморья находились те, кто входил в круг живших во всех частях греческой ойкумены эллинов, приобщенных к самым знаменитым в античном мире мистериям. По свидетельству греческих и римских авторов, Элевсинские мистерии имели высокое нравственное влияние, и оно должно было ощущаться в северо-Pontийских городах.

Во время Элевсинских мистерий уже в эллинистический период греки попытались разрушить барьеры между отдельными государствами и впервые осознали человечество как великое братство³. На некоторые мистерии впервые стали допускаться люди независимо от пола, происхождения и социального статуса. Им говорилось, что любой человек, ведущий праведную жизнь и почитающий Бога, может надеяться на счастье в потустороннем мире. Все это подготавливало восприятие христианства, которое с IV в. н. э. стало завоевывать значительное количество adeptов в Северном Причерноморье.

¹ Ельницкий А.А. Из истории эллинских культов в Причерноморье // СА. 1945. № 8. С. 97; Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 88.

² АДЖ. С.412–416, 433–434, 438; Гайдукевич В.Ф. Указ соч. С. 470–474.

³ Нильссон М. Указ. соч. С. 80.

ГЛАВА VI. ДИОНИСИЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Праздники в честь Диониса справлялись в каждом греческом городе. В веселых шествиях несли фаллос – символ плодородия, шли мужчины, ряженные сатирами, и женщины, представлявшие служительниц бога, называвшихся вакханками или менадами. Они держали в руках тирсы (жезлы с шишкой на конце), увитые плющом, священным растением Диониса, и славили бога восклицаниями «Вакх» и «Эвое».

В Афинах Диониса называли Мельпоменом, то есть ведущим хоро-воды (Paus. I, 2, 5), подразумевая его дружбу с музами, и исполнение драматических представлений на дионисийских празднествах в театрах, которые первоначально строились для церемоний в честь бога. По словам Павсания (X, 4, 1), никакое греческое поселение не могло считаться городом, если в нем не было театра. И, действительно, археологи находят руины античных театров не только в Элладе, но и во всех частях ойкумены, где жили греки.

Дионис или Вакх был богом плодоносящих сил земли, в первую очередь виноградарства и виноделия. Он олицетворял производительные силы природы в их наиболее буйном и безудержно-стихийном виде¹. Греки почитали Диониса в разных ипостасях, давая богу разнообразные эпikleзы, в числе которых были Элевтер, Иатромантис и Лизей; в них отразилось представление о том, что Дионис и вино, его божественный напиток, освобождают людей от мирских забот и во время праздника дают возможность не соблюдать стеснительные правила повседневной жизни.

Поклонники бога достигали «дионисийского безумства»; оно вызывалось питьем вина, зажигательной музыкой и криками, прославлявшими Диониса. Хоры исполняли в честь бога дифирамбы, танцуя вокруг алтаря. Поэт Архилох писал: «Я знаю, как вести дифирамб, прекрасную песнь богу Дионису, когда мой разум оглушен вином» (Athen. XIV, 628a–b). В хрестоматии Прокла (гл. 14) дано такое описание дифирамба: «Дифирамб стремителен, проявляет исступленность посредством танца, создает состояние, подобающее богу, воздействует ритмами и используемыми более грубыми словами». Многие участники Дионисий, надевая маски и костюмы спутников бога сатиров и менад, перевоплощались

¹ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 157.

в этих персонажей и вели себя так раскованно и безумно, как об этом рассказывалось во многих дионисийских мифах. На некоторых праздниках красивый мужчина изображал Диониса, и казалось, что сам бог присутствует среди людей.

Выдающийся вазописец Эпиктет в конце VI в. до н. э. нарисовал сцену праздника с участием Диониса на краснофигурном канфаре, который привезли на остров Левка, наверное, для использования при исполнении священных ритуалов. На уцелевшем фрагменте сосуда Дионис изображен с двумя канфарами в руках. Именно эти кубки и ритоны (а других форм винных сосудов существовало множество) обычно рисовали в руках бога и брали для возлияний на его алтарях. Венки из плюща, священного растения Диониса, украшают головы участников праздника, сопровождавшегося мелодией аулоса. Изображение самого инструмента не сохранилось, но за спиной музыканта висит футляр для аулоса, а на голове у него надета форбея, указывающая, что авлет играет под открытым небом (рис. 38)¹.

Афинские праздники Диониса

Античная литература и изобразительное искусство лучше всего освещают торжества в честь Диониса в Аттике; многие их черты были характерны для всех эллинов. Описания афинских Дионисий могут дать некоторое представление и о проведении соответствующих празднеств в северном Причерноморье.

Афиняне отмечали четыре ежегодных праздника, следовавших один за другим в течение четырех месяцев – Посидониона, Ленеяона, Антестериона и Элафобелиона². Серия дионисийских торжеств начиналась с Сельских Дионисий в Посидонионе (декабрь-январь). Первоначально их справляли больше в деревнях, чем в городе. Праздник знаменовал окончание сбора винограда, и тогда в разгульных пирушках и процессиях веселились мужчины, женщины и даже рабы. Среди них ходили ряженые, представлявшие спутников Диониса, они одевались в шкуры, а лица мазали винными дрожжами или закрывали маской. Участники праздничных шествий держали сосуды с вином, виноградные лозы и гирлянды смоков, вели жертвенных козлов, священных животных Диониса, и непременно несли большой фаллос – изображе-

¹ Об аулосе и форбее смотри в разделе о музыке на праздниках.

² *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 136–140; *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 100–102.

ние напряженного мужского члена, символизировавшего производящие силы природы. Шествие сопровождалось пением фаллических песен и завершалось жертвоприношением на алтаре бога. Затем все расходились на пирушки, а также устраивали традиционные игры. Одна из них состояла в том, чтобы устоять на одной ноге на намазанном маслом надутым мехе для вина (Pollux. IX, 21). Неловкие движения, прыжки и падения участников игры вызывали смех; победитель получал в награду мех, полный вина. Во время Сельских Дионисий импровизировались сцены на сюжеты мифов о Дионисе. В некоторых областях Аттики давали драматические представления, а в театре Пирея шли пьесы, ранее исполнявшиеся на Великих Дионисиях.

В следующем месяце Гамелионе отмечали Ленеи около святилища, называвшегося Ленеион, и сам бог Дионис имел эпиклезу Леней (Diod. Sic. III, 63). В научной литературе широко распространено мнение, что наименование праздника произошло от слова *λήνος* – чан, в котором выжимали вино¹. Но, может быть, праздник связан не с производством вина, а с тем, что уже готовое вино посвящалось Дионису, и служительницы бога пили его для возбуждения экстаза; наименование же праздника произошло от слова *λήναι* – менады².

Участники вакхической процессии ехали на телегах и пели бранные песни, потом хоры исполняли дифирамбы в честь Диониса. Ленейские торжества, начинавшиеся 12-го Гамелиона, длились несколько дней. Некоторые ритуалы совершались только женщинами и проходили ночью. Возлияния Дионису и танцы вакханок на Ленеях изображены на нескольких аттических стамносах, сосудах, специально изготовленных для подобных церемоний (рис. 39)³.

В V в. до н. э. на Ленеях начали разыгрывать трагедии, а затем к ним присоединились комедии. На этом древнем празднике, известном во многих ионийских городах, запрещалось присутствовать не только иностранцам, но даже метекам. Аристофан в комедии «Ахарняне», впервые исполненной на Ленеях в 425 г. до н. э., заявляет, что среди зрителей нет иностранцев, которые могут услышать его критику военной политики Афин, уже шестой год ведущих разорительную Пелопоннесскую войну.

Название третьего праздника Антестерии совпадало с наименованием месяца. В Элладе в Антестериие природа пробуждается после зимы,

¹ Тренчини-Вальданфель И. Мифология. М., 1959. С. 257; Roscher W.H. Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig, 1886–1890. S. 1070.

² Frieckenhaus A. Lenäenvasen. Zweiundsiebzigt Programm zum Winckelmannsfeste. Berlin, 1912. S.28–29; Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1932. S. 123–124.

³ Parke H.W. Op. cit. P. 105.

зацветают весенние цветы, от чего произошло название месяца (άνθος – цветок); тогда приготовленное осенью вино заканчивало брожение, и его начинали пить.

Праздничное шествие сопровождалось музыкой, к алтарю вели жертвенных животных, юноши несли необходимые для жертвоприношений принадлежности, девушки шли с корзинами, наполненными цветами и плодами. Среди них находился сам Дионис, представленный либо статуей, либо человеком в маске. Бог ехал на деревянном корабле, поставленном на колеса. Это напоминало миф о том, что бог прибыл в Элладу из-за моря и научил греков виноградарству. Как выглядело такое аттическое праздничное судно, известно по рисункам на чернофигурных аттических вазах¹. Дионис на деревянном корабле появлялся на праздниках и в других греческих городах, например, в Смирне и в Александрии². Афиней (V, 198 с) подробно описал, как в 274 г. до н. э. Птолемей Филадельф устроил роскошную дионисийскую процессию в Александрии Египетской. Там в сопровождении жрецов и актеров двигалась повозка со статуей Диониса, совершающего возлияние из золотого кубка.

Антестерии, знаменовавшие приход весны, стали прообразом более поздних карнавалов, проходивших примерно в то же время. Возможно, и само название карнавала происходит от латинского *carrus navalis* – корабль-повозка Диониса. Каждый из трех дней Антестерий имел свое название: Питойгии, Хои и Хитры.

В первый день открывали сосуды, в которых бродило вино, и пробовали, как оно удалось. Хозяин дома приносил жертву Дионису, кубки с вином украшали весенними цветами, и все домочадцы, включая рабов, весело отмечали праздник. Особое внимание уделяли детям; им дарили игрушки, купленные на открывавшемся в этот день в Афинах рынке игрушек. Наряду с этим рынком устраивались ярмарки продажи вина и сосудов для него. В первый день Антестерий занимали на год сельскохозяйственных рабочих, вносили плату учителям и риторам, заключали разнообразные договоры сроком на год.

Во второй день все старались пить вино из новых кружек, приобретенных накануне на ярмарке. По городу ходили толпы ряженных сатирами и менадами; многие принимали участие в распространенном особенно в этот день состязании – кто скорее осушит свой кубок вина. Победитель получал венок и мех вина. Вечером начинались застолья. Хозяин дома

¹ История греческой литературы. М.–Л., 1946. С.279–280. Рис. 17.; *Parke H.W.* Op.cit. fig. 48; *Boardman J.* ABF. № 247.

² *Parke H.W.* Op. cit. P. 109.

давал венки, душистые масла для умащения и десерт, гости приносили в корзинках (их часто изображали на вазах) еду, вино и кубок для питья, поэтому пирующие ели разнообразные яства и пробовали разные вина нового урожая.

12-го Антестериона совершались мистерии Диониса, заканчивавшиеся его браком с супругой одного из афинских архонтов. Таинственные церемонии проходили сначала у южного склона Акрополя в древнейшем храме Диониса, открывавшемся раз в году именно в этот день. Ведущая роль принадлежала царице, которую изображала жена архонта, называемого *басилевсом* (царем). В его обязанности входили в основном сакральные функции: руководство мистериями, различными агонами, организацией праздника Леней и т. п. *Басилисса* должна была быть чистокровной афинянкой и состоять с архонтом-басилевсом в первом браке. Ей в помощь избирались 14 пожилых женщин, происходивших также из уважаемых афинских родов. Вместе с этими женщинами, давшими клятву не разглашать поверенные им тайны, царица «совершала заветные предками священные таинства от имени государства и во имя богов, многочисленные священные и сокровенные обряды» (Dem. LIX, 72). Затем свита из ряженных сатирами и менадами сопровождала царицу в находившийся вблизи пританея Буколейон. Туда женщины вводили царицу и оставляли ее одну для таинственного брака с Дионисом (Aristot. *Athen. Pol.* 3), его роль, вероятно, играл архонт-басилевс. Так происходило соединение божества с представительницей Афинского государства, и этот древний акт считался важным для благосостояния всех жителей Аттики, потому что Дионис покровительствовал не только виноградарству, но и всему живому на земле. Недаром во время Антестерий справляли детские праздники.

Заключительный день посвящался хтонической ипостаси Диониса, и тогда вспоминали умерших. Все храмы закрывались, а дома в хитрах, особых горшках, давших название этому дню, варили для покойных панспермию, кушанье из всевозможных злаков. Считалось, что тени умерших приходят в этот день, чтобы отведать специально приготовленную для них еду, которую не разрешалось есть живым.

Четвертый самый пышный праздник Великие или Городские Дионисии справляли в Элафоболионе¹. Они с середины VI в. до н. э. наряду с Панафинеями стали главными афинскими праздниками, и сла-

¹ Кроме подробного описания этого празднества в упомянутой выше книге Х. Парке см. также статью: *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // *Человек и общество в античном мире.* М., 1998. С. 295–362.

ва об их великолепии разносилась по всей греческой ойкумене. В V в. до н. э. в храме Диониса близ театра афиняне поместили драгоценную статую бога, украшенную золотом и слоновой костью; ее автор Алкамен был учеником Фидия, исполнившего в той же хрисэлефантинной технике знаменитую статую Афины в Парфеноне (Paus. I, 20, 3).

Великие Дионисии начинались в день появления на небе первой четверти молодой луны и длились 6 дней. В это время возобновлялась навигация, и на праздник могли прибыть эллины из разных городов, в том числе из Северного Причерноморья. Во второй половине V в. до н. э., когда существовал Афинский морской союз, его члены обязались доставлять свои взносы к этому сроку.

Главный ритуал первого дня Великих Дионисий составляла торжественная процессия, во главе которой двигалась древняя деревянная статуя Диониса, взятая из храма на священном участке бога близ театра. Участники шествия несли изображение фаллоса, подносы с приношениями, меха с вином и особо выпеченные хлебы (Pollux. 75; Athen. III, 111b). Вместе с ними шли также красивые девушки, державшие на голове корзины, полные цветов и плодов. Колонну возглавляли жрецы, далее следовали должностные лица, потом мальчики в сопровождении своих наставников, граждане и метеки, в конце представители афинских колоний и союзников; в V в. до н. э. среди последних находились граждане из городов Северного Причерноморья. Для участия в процессии все старались нарядиться в дорогие и красивые одежды. Метеки облачались в красные одеяния, граждане – в разноцветные. Демосфен в речи «Против Мидия» (XXI, 22) рассказал, как он заказал «золотой венок и гиматий, украшенный золотом, чтобы в этой одежде принять участие в торжественной процессии Дионисий».

Шествие останавливалось у алтарей и обходило их хороводами, воздавая почести разным богам. Среди прочих особенно выделяли алтарь 12 богов на агоре (Xen. Hipp. III, 2), но, конечно, в тот день главным был алтарь Диониса. Около него заканчивалась процессия, там закалывали множество быков, и участники праздника получали по большому куску мяса. О количестве жертвенных животных можно узнать из надписи, сообщающей, что в 334 г. до н. э. на праздник Диониса доставили 240 быков (IG II². 1496). Вечером и ночью празднование продолжалось при свете факелов. Все танцевали и пели под аккомпанемент аулосов и тимпанов, а во многих домах устраивались пирушки.

Во второй и третий дни состязались сначала хоры мальчиков, затем хоры взрослых мужчин, исполнявших дифирамбы Дионису. Каждая из 10 афинских филставляла свой хор, иногда числом до 50 чело-

век¹. Победители получали в награду треножник, которым гордилась вся фила. Его посвящали в храм богу или устанавливали на улице Треножников, начинавшейся у входа на священный участок Диониса Элевтерия на склоне Акрополя близ театра. До сих пор в Афинах стоит миниатюрный круглый храм с коринфскими колоннами, служивший постаментом для бронзового треножника, полученного на хоровом состязании мальчиков в IV в. до н. э. Памятник соорудил хорег Лисикрат, оплативший хор, его учителя и авлета аккомпаниатора. Это ясно из надписи на архитраве храма: «Лисикрат из Киккины, сын Лиситеида, был хорегом, фила Акамантида одержала победу по хорам мальчиков; Теон играл на аулосе, Лисиад, афинянин, обучал хор; Эвенет был архонтом» (IG II². 3042). Имя архонта позволяет определить точную дату праздника – 330 г. до н. э. Рельеф, украшающий верхний фриз, представляет сцены мифа о Дионисе и морских разбойниках, напоминая, что хор выступал на Дионисиях. Памятник Лисикрата оказался единственным уцелевшим из множества подобных, стоявших вдоль всей улицы Треножников. Среди них, по словам Павсания (I, 20, 1), многие обладали выдающейся художественной ценностью.

Великолепие Великих Дионисий в V–IV вв. до н. э. обеспечивалось частными лицами; богатые афиняне брали на себя обязанность (литургию) оплатить хор или постановку пьес. Последняя стоила особо больших денег, так как кроме трат на обучение и одежду певцов, требовалось еще оплатить учителей для актеров, нарядить артистов в роскошные костюмы, изготовить декорации и др.

Три заключительных дня Дионисий проходили в театре и посвящались в основном драматическим состязаниям, славившимся во всей греческой ойкумене. О них будет рассказано в следующей главе. В первый день из храма приносили и устанавливали в театре статую Диониса Элевтерия. Зрителей подвергали ритуалу очищения, окропляя их кровью жертвенных поросят так же, как перед открытием Народного собрания. В V–IV вв. до н. э. прежде, чем начать драматический агон, исполнялось несколько торжественных церемоний, имевших большое воспитательное значение, и «возбуждавших желание приносить пользу государству» (Dem. XVIII, 120).

Сначала 10 стратегов, высших должностных лиц государства, совершали возлияние Дионису. Затем на оркестру выходили сыновья граждан, отдавших жизнь за отечество в промежуток времени после предыдущих Великих Дионисий. Глашатай возвещал, что государство берет на себя содержание сирот до их совершеннолетия, а затем совершеннолетние

¹ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С.74.

юноши-сироты появлялись на оркестре в полном вооружении гоплитов, сделанном за общественный счет (Aeschyn. III, 153–155).

В годы существования Афинского морского союза на оркестру выносили множество монет и слитков, полученных от союзников в качестве обязательных взносов (Isocr. VIII, 82) и в их числе деньги из Ольвии, Нимфея и других городов Северного Причерноморья (МИС. 1). Наконец, последняя церемония состояла из всякого рода торжественных объявлений. Глашатай читал постановления о награждении золотыми венками соотечественников и иностранцев за их особые услуги Афинам. Здесь иногда звучали имена граждан из государств на северном побережье Понта. В 288 г. до н. э. в театре огласили постановление о награждении золотым венком и постановке двух статуй боспорского царя Спартока Третьего (МИС. 4). Это считалось особенно почетным актом, потому что в театре сообщали только о наградах от имени всего афинского народа, а в прочих случаях относительно венчания золотым венком объявляли на других менее престижных собраниях (Dem. XVIII, 120).

Сведения о награждении Спартока и о членстве в Афинском морском союзе Ольвии, Нимфея и, возможно, еще нескольких городов Северного Причерноморья дают надежное свидетельство о том, что официальные лица из этих полисов участвовали в афинской дионисийской процессии и присутствовали в качестве гостей на театральных представлениях.

Праздники Диониса в городах Северного Причерноморья

В письменных и эпиграфических источниках Дионисии занимают первое место по количеству немногих упоминаний о праздниках в Северном Причерноморье. Здесь до появления местных виноградников древние праздники виноградарей отмечались лишь по традиции. На Боспоре и в Херсонесе уже в V–IV вв. до н. э. колонисты сумели акклиматизировать виноград¹, а в Нижнем Побужье и Поднестровье с их более суровым климатом количество винограда, достаточное для производства вина, удалось выращивать лишь в первые века нашей эры².

Древнейшее письменное свидетельство о местных праздниках Диониса содержится в ольвийской новелле о скифском царе Скиле. События, записанные в «Истории» Геродота (IV, 79), относятся ко вто-

¹ Кругликова И.Т. Виноградарство и виноделие // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1980. С. 156–157.

² Крыжицкий С.Д., Русаева А.С., Крапивина В.В. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 263–264.

рой четверти V в. до н. э. Ольвиополиты рассказывали, как Скил пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакхического и стал участвовать в священных процессиях, проходивших по улицам Ольвии. Вместе с прочими поклонниками бога царь впадал в вакхическое иступление, и это вызвало негодование скифов, наблюдавших шествие с городской стены.

Итак, праздники Диониса в Ольвии сопровождались процессиями, сходными с подобными в других греческих городах. Надо полагать, что в VI – середине V в. до н. э. дионисийские празднества в Ольвии, Тире и на Боспоре в основном повторяли ритуалы, принятые в их метрополии Милете. Это косвенно подтверждается упоминанием в рассказе Геродота о Дионисе Вакхическом и той же эпиклезой бога на обломке килика V в. до н. э., найденном в Ольвии¹: именно в этой ипостаси Диониса более всего чтили в Милете и других малоазийских греческих полисах².

Шествия вакхантов сопровождали все дионисийские празднества, поэтому нельзя выяснить, какую именно процессию наблюдали скифы. В ней мог принять участие любой человек, предварительно прошедший акт инициации. Посвящение (на него указывает употребленный в новелле глагол *τελεσθῆναι*), вероятно, совершалось во время тайных мистерий. Их устраивали и в других государствах Северного Причерноморья. На это указывают находки в погребениях масок Диониса и его спутников: маски надевали во время мистерий, а уменьшенные терракотовые копии вешали в святилища как символические предметы мистерияльных действий. Такие маски в качестве символа перевоплощения использовались в погребальном обряде; они знаменовали переход покойного в новое состояние, в котором смерть оказывается началом нового цикла бытия³.

Праздники ольвийского союза орфиков, почитавших Диониса, по видимому, носили тайный характер⁴. О них известно по надписям на трех костяных табличках первой половины V в. до н. э., обнаруженных при раскопках центрального ольвийского теменоса. На всех трех начертано имя Диониса; на одной оно сочетается со словом орфики, на другой читаются орфические речения дуалистического характера: «мир – враж-

¹ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 83.

² Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein. 1983. S. 169.

³ Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 201–202.

⁴ West M.L. The Orphics of Olbia // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic. 1982. № 45. P. 25. О Дионисе и символическом понимании образа бога в среде орфиков см. Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 155–160.

да», «истина – ложь». Кроме того, на табличках прочерчены магические рисунки и цифры¹.

Возможно, мистерии орфиков справлялись также в Пантикапее. Такое предположение основывается на посвянительной надписи Дионису Арею (КБН. 15), потому что такое редчайшее словосочетание встречается только в орфических гимнах (Orph. Hymn. XXX, 4). Во время орфических мистерий вспоминали миф о Дионисе Загрее, сыне Зевса и Персефоны. Там рассказывалось о битве Диониса с титанами, во время которой он превращался в разных животных. Когда бог принял образ быка, титаны сумели схватить его за рога и ноги, и, разорвав на части, стали поедать. В это время появилась Афина, она спасла сердце Загрея, вложила его в гипсовую фигуру и вдохнула в нее жизнь, а Зевс наказал титанов, поразив их молниями. Воскрешенный обрел бессмертие, став Дионисом-Загреем, кости же его растерзанного тела погребли в Дельфах (Eur. Fr. 472 Nauck; Diod. Sic. V, 75, 4; Nonn. VI, 155; Firm. Matern. VI, p.15).

Трагическая судьба Диониса-Загрея и его возрождение после гибели аллегорически истолковывались посвященными в мистерии как символ новой жизни, которая ждет их после смерти. Орфики полагали, что каждого человека можно считать частью одного космического существа; подобно Дионису Загрею мист умирает, распадаясь на части, и затем вновь возрождается в загробном царстве.

Религиозное учение орфиков, включавшее культ Диониса Загрея, широко распространилось среди греков в VI–V вв. до н. э. Посвящение в союз орфиков проходило во время мистерий, и там своим адептам сулили счастливую жизнь в потустороннем мире². Основателем этого учения считался мифический поэт и музыкант Орфей. В некоторых преданиях ему приписывали учреждение вакхических оргий (Eur. Hippol. 953) и изобретение мистерий Диониса (Apollod. Bibl. I, 3, 2), а в других мифах рассказывалось, как вакханки убили Орфея, растерзав его на части за то, что он считал величайшим богом Аполлона, а не Диониса, но последний наказал их за это, превратив в дубовые листья (Ovid. Met. IX, 67, 84).

Древнейшее эпиграфическое свидетельство о праздниках Диониса в Северном Причерноморье относится к Ленеям. Это надпись, исполненная в конце VI – начале V в. до н. э. на бронзовом зеркале из Ольвии (рис. 40). Вдоль внешней окружности диска прочерчены слова: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и ты, Леней, сын Демокла, радуйся»¹. Зеркало при-

¹ Русяева А. С. Указ. соч. С. 73–75.

² Томсон Дж. Исследования по истории древнего общества. М., 1958. С. 226–227; Nilsson M. Geschichte der Griechischen Religion. München, 1941. S. 642–648.

надлежит к изделиям местного производства, украшенным в зверином стиле. Его ручка оканчивается условно изображенной головой барана, а край диска окаймлен невысоким бортиком, никогда не встречающимся на зеркалах, изготовленных в Элладе. Такие зеркала с бортиком и с боковой ручкой, оканчивающейся фигуркой животного, неоднократно встречались при раскопках Ольвии и Березани и скорее всего там и производились².

Начиная с первой публикации зеркала, осуществленной Н. П. Розановой, надпись на нем интерпретируется как обращение к служителям культа Диониса Ленея. Праздник Ленеи издавна справлялся в ионийских городах и в Афинах. Он был сходен с Сельскими Дионисиями, включал шествие ряженных и исполнение дифирамбов. Милетяне отмечали Ленеи в месяце, имевшем то же наименование и приходившемся на декабрь – январь. Милетские колонисты, поселившиеся в Тире, Ольвии и на Боспоре, первоначально пользовались календарем метрополии и справляли принятые там праздники³. Название месяца Ленеон сохранилось в надписях Ольвии и Тиры⁴, соответственно тогда и проходили местные Ленеи.

На упомянутом зеркале читается слово εὐαῖ, переведенное как «радуйся». Его постоянно восклицали участники дионисийских шествий (Eug. Bach. v. 145). По-видимому, Демонасса и ее отец, носивший имя, созвучное дионисийскому празднику Леней, входили в число служителей Диониса, организовывали празднования Леней и проводили на них священные ритуалы. Как видно по вазовым рисункам, часть праздничных церемоний совершали только женщины, и в них какую-то роль играло зеркало, сохранившееся до наших дней.

Имя Леней начертано также на ольвийской надписи V в. до н. э. Там упомянут глава местного союза мольпов Дионисодор, сын Ленея, внук Мольпагора. (НО. 58). Возможно, члены семьи Дионисодора были служителями культа Диониса и организовывали его празднества. Ведь Мольпагор дал сыну имя Леней, а тот назвал своего сына «даром

¹ Розанова Н.П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Северного Причерноморья. М., 1968. С. 248.

² Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. М., 1984. С. 117. Каталог № 37.

³ См. главу «Праздники, календарь и определение времени».

⁴ Ленеон упомянут один раз в надписях Тиры и дважды в ольвийских надписях (IRE I². 4, 45; НО. 47). В Ольвии этот месяц включен также в календарь, прочерченный на донышке скифоса V в. до н.э. См. Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С.25.

Диониса». Имя Леней встречается в Ольвии и в эллинистическое время¹.

В VI–V вв. до н. э. Ленеи праздновали в Борисфене. При его раскопках найден обломок чернолакового сосуда V в. до н. э. с граффито «ленейский аск». Он служил призом победителя на веселом ленейском состязании в питье вина². Само название аска означало по-гречески мех для вина, и сосуд воспроизводил его форму. Состязание в питье вина на Ленеях известно по надписи с о. Родос, в которой сообщается о победе в этом соревновании некоего Фрасибула (IG. XII, 125).

О праздновании Леней в Пантикапее можно судить по двум памятникам. В эпитафии винодела, жившего на рубеже IV–III вв. до н. э., названа эпиклеза Диониса Леней (КБН. 117). Уникальный для Северного Причерноморья аттический стамнос середины V в. до н. э. украшен сценой той части ленейского праздника, которая совершалась исключительно женщинами (рис. 39)³. Стамносы с подобными изображениями служили ритуальными сосудами на Ленеях, и это отражено на рисунках нескольких краснофигурных стамносов⁴, в том числе пантикапейского. На них показаны поставленные на небольшой столик один или два стамноса, из которых женщины наливали вино в кубки; среди последних канфар всегда один, вероятно потому, что посвящался Дионису⁵.

На лицевой стороне пантикапейской вазы изображена женщина в дорическом хитоне с канфаром в руке; она подходит к стамносу, стоящему на столике с тремя ножками, заканчивающимися львиными лапами. Церемония возлияния сопровождается пляской вакханки в длинном хитоне, поверх которого наброшена небрида – шкура пантеры, священного животного Диониса. Танцу аккомпанирует на аулосе третья женщина, одетая в хитон с темной каймой и с плющевым венком на голове.

Оборотная сторона стамноса расписана более небрежно; композиция картины также составлена из трех женских фигур. Одна вакханка с тирсом идет, закинув назад голову, вероятно, выражая такой позой вакхический экстаз. Навстречу ей движутся две закутанные в плащи женщины; ближайшая к вакханке несет в руке факел (может быть, он указы-

¹ ИРЭ Гр. № 33, 201.

² Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.,–Л., 1953. С. 53. № 75.

³ Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи // Сообщения ГМИИ. 1974. Вып. 7. С. 125–132.

⁴ ARV². №. 628–632.

⁵ Лосева Н.М. Указ. соч. С. 130.

вает, что действие происходит ночью), у другой на голове надет венок из плюща, священного растения Диониса.

Кроме Леней колонисты, вероятно, по традиции своей метрополии, на первых порах жизни в Северном Причерноморье справляли праздник Антестерий в месяце с тем же названием. Он приходился на январь-февраль, однако на новой родине это время никак не отвечало смыслу праздника, знаменовавшего начало весны. Теофорное имя Антестерий встречается в ольвийских надписях эллинистического периода (НО. 67)¹, но оно скорее всего не имеет непосредственного отношения к празднику, а других свидетельств о нем нет.

Главные торжества, посвященные Дионису в Северном Причерноморье, назывались Дионисиями. О них упоминается в ольвийских и херсонесских декретах III в. до н. э. Старшую надпись на постаменте статуи ольвиополита Каллиника обычно датируют IV в. до н. э.², но, на наш взгляд, более убедительна датировка III в. до н. э., предложенная В. П. Яйленко³. На камне отчетливо читаются заключительные слова постановления: «о награждении возвестить на Дионисии в театре» (рис. 41). Столь же хорошо сохранилось наименование этого праздника на мраморной плите с декретом о венчании золотым венком херсонесского историка Сириска (IRE I². 344; рис. 42). В ольвийских декретах в честь Антестерия, а также сыновей херсонесита Аполлония и неизвестного лица, упоминание о наградах во время Дионисий в театре уверенно восстанавливается на стертых или утраченных местах надписей⁴.

Из текстов упомянутых надписей сейчас известно, что в Ольвии и в Херсонесе объявляли о самых значительных наградах на праздниках Дионисий, когда почти все граждане собирались в театре. Это было особенно почетно, потому что становилось известно всему населению полиса. С IV в. до н. э. такая церемония проводилась в афинском театре перед постановкой новых трагедий на Великих Дионисиях (Dem. XIII, 84, 115, 116, 118; МИС. 4). Подобное объявление о наградах в Ольвии

¹ Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 51.

² Виноградов Ю.Г. Карышковский П.О. Каллиник сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4. С. 26–30.

³ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С. 268–272. См. подробнее об этой надписи в главе «Объявление о наградах на праздниках».

⁴ Виноградов Ю.Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975. С. 89; Он же. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57–58.

и Херсонесе скорее всего напоминало сходную церемонию в Афинах, культурная жизнь которых оказывала большое влияние на многие греческие государства.

Херсонеситы, наверное, праздновали Дионисии в месяце с одноименным названием, по-видимому, как и в прочих государствах пришедшемся на весну. Вообще дионисийские праздники в Херсонесском государстве играли весьма заметную роль; их справляли в городе и в сельской местности, где найдены небольшие святилища бога¹. Ведь в окрестностях города выращивали много винограда и изготовляли большое количество вина, о чем красноречиво говорят находки виноделен и керамической тары местного производства². Поэтому здесь праздновали окончание сбора урожая винограда и пробу нового вина. В III в. до н. э. отмечался праздник, во время которого мужчины с детьми и с женами выходили из города; процессия шла по окрестностям, сопровождая несущих статую Диониса. Надпись, свидетельствующая об этом, сохранилась с лакунами. Согласно реконструкции В. В. Латышева (IPE I². 343), принятой большинством современных исследователей, речь шла о нападении варваров на херсонеситов, когда они вышли из города, неся статую Диониса³. Праздники этого бога, во время которых граждане отправлялись за пределы города, проводились и в других греческих государствах, например, в Смирне (Нег. I, 150).

Ольвийские праздники Диониса в основном проходили в городе, так как сельское население Нижнего Побужья до римского периода не занималось виноградарством, а вино в больших количествах ввозилось из разных центров виноделия. Этим объясняется то, что посвященные надписи, скульптурные и терракотовые изображения Диониса и его спутников найдены главным образом на городище и в незначительном количестве на ольвийской хоре⁴. Фрасибул, ольвийский жрец Диониса в первой половине IV в. до н. э. по окончании срока своих священных

¹ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 81.

² Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Херсонесский сборник. Симферополь, 1959. Вып. 6; Монахов С.Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. №1. С. 109–130.

³ Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 12. № 3. Другое восстановление текста предложено Ю.Г. Виноградовым. В его прочтении получается, что херсонеситы отправились за город собирать урожай винограда в месяце Дионисии, то есть речи о празднике в надписи нет. См. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет «о несении Диониса» и вторжение сарматов в Скифию// ВДИ. 1997. № 3. С. 114, 121.

⁴ Русаева А.С. Указ. соч., 1979. С. 96–97.

обязанностей сделал посвящение богу на беломраморной плите (IRE I². 166). Надпись определенно указывает на существование в Ольвии святилища Диониса и проведение там празднеств под руководством жрецов. Святилище существовало уже в V в. до н. э., когда ольвиополит Клит принес туда в дар Дионису чернолаковый килик, о чем гласила прочерченная на нем надпись¹. Вероятно, из этого святилища перенесли в театр статую бога во время Дионисий так же, как это делалось в других городах.

В Борисфене, втором городе Ольвийского полиса, также справляли праздники Диониса в его святилище. Там найден фрагмент чернолакового сосуда с посвящением богу². Обломки керамической посуды с подобными надписями-посвящениями обнаружены также в Пантикапее и Нимфее³, а на одном сосуде из Феодосии прочерчено несколько восклицаний «эвоэ», сопровождавших дионисийские праздники⁴. Напомним в связи с этим строку из хора «Вакханок» Еврипида (стих 68): «К богу Вакху я взываю: эвоэ!».

Праздники Диониса приобрели особое значение на Боспоре с последней трети V в. до н. э., когда там уже акклиматизировали виноград. После прихода к власти в 438 г. до н. э. Спартока, основателя династии Спартокидов, правивших до I в. до н. э., культ Диониса стал одним из ведущих⁵. Торжества проходили в театре и у храма бога, находившегося в южной части Пантикапея у подножия горы Митридат⁶. В храме или около него стояла великолепная статуя Диониса. В поврежденном виде ее нашли в 1865 г.; бог представлен безбородым кудрявым юношей в коротком хитоне и плаще, у ног сидит его священное животное пантера⁷. Скульптура исполнена хорошим мастером на рубеже V–IV в. до н. э., и по характеру изображения близка типу статуй Праксителя⁸. Несколько столетий статуя Диониса пользовалась большим почетом у боспорян; ее

¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 22. № 22.

² Там же. С. 55. № 79.

³ Там же. С. 78. № 118; С. 101. № 164.

⁴ Петерс Б.Г., Айбабин А.И. и др. Феодосийская экспедиция // АО. 1976. М., 1977. С. 353.

⁵ Античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. Т. 2. Київ, 1998. С. 260.

⁶ О театре на Боспоре см. следующую главу; о храме Диониса см. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.,–Л., 1949. С. 160–161.

⁷ Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 37. № 16.

⁸ Давыдова Л.И. К вопросу об иконографии статуи Диониса из Пантикапея в коллекции Эрмитажа // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы конференции. Керчь, 2001. С. 431–433.

изображение чеканилось на местной монете I в. до н. э.¹ В городе были и другие статуи Диониса, о чем свидетельствует известняковый постамент с надписью III в. до н. э. (КБН. 24).

Замечательное свидетельство о дионисийских празднествах в Нимфее содержится в недавно найденной надписи. Она сделана в первой половине IV в. до н. э. агонотетом, устройтелем и распорядителем на нимфейском празднике Диониса. Исполнив свои обязанности, он финансировал строительство парадного входа в святилище, а может быть, в театр, где проходили организованные им торжества. На архитраве агонотет велел вырезать посвящение со своим именем и выделить буквы красной краской: «Теопропид, сын Мегакла, сей вход посвятил Дионису, будучи агонотетом, при Левконе, архонте Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов». Часть архитрава с надписью сохранилась неповрежденной; кроме того, осталось еще несколько незначительных фрагментов, позволяющих определить ионийский ордер постройки, но не дающих возможность ее реконструировать².

Когда Боспор оказался под властью Митридата Евпатора, праздники Диониса в первой половине I в. до н. э. приобрели новый характер. Ведь царь считал себя воплощением этого бога и представлял в его образе во время празднеств. По описанию Плутарха известно, как в театре Пергама (там находилась резиденция царя после его побед над римлянами в Малой Азии) устроили представление апофеоза Митридата. С помощью каких-то приспособлений к нему, словно с неба, спускалась Ника и венчала его как нового бога (Plut. Sulla. 11). Нечто подобное, вероятно, происходило и на боспорских праздниках, когда Митридат обосновался в Пантикапее. Культ Митридата-Диониса стал на Боспоре официальным, о чем известно по надписям из Пантикапея и Фанагории (КБН. 24, 31).

Праздники Диониса сопровождались возлияниями вина из специально сделанных для этих церемоний сосудов. Они встречаются при раскопках всех более или менее крупных античных городов. Назовем некоторые из наиболее выдающихся подобных находок в Северном Причерноморье.

Во второй половине V в. до н. э. жители Никония приобрели два краснофигурных кратера для праздничных церемоний. На одной вазе нарисовано шествие Диониса в сопровождении сатира, играющего на

¹ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 161.

² Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4. С. 368–371.

аулосе, и менады с тирсом и горящим факелом¹. Дионис изображен бородатым мужчиной в хитоне и большом плаще, на голове у него плющевой венок, а в руках тирс и канфар. Росписи с подобным сюжетом известны на ряде кратеров, предназначенных, по всей вероятности, исключительно для культовых целей².

Другой кратер украшает сложная композиция с фигурами в трех уровнях. В верхнем ряду сидящий Дионис с тирсом протягивает менаде канфар, который та наполняет вином из небольшой ойнохои. Менада одета в хитон и поверх него в шкуру пантеры. В нижнем ярусе помещены еще одна бегущая менада с ойнохоей, сатир, играющий на аулосе, и жрица, ведущая козла в жертву Дионису. Кроме этих персонажей на кратере нарисованы Аполлон в венке с лирой в правой руке и двое его служителей: слева женщина возлагает цветы на треножник, а несколько ниже в среднем ряду юноша играет на лире, любимом инструменте бога. Слева к Аполлону подходит крылатая Ника с венком; позади нее изображен лавр, символ бога. На оборотной стороне вазы нарисованы две менады с факелами и винными мехами; их преследует сатир, а другой сатир полулежит рядом с амфорой и ритонном, из которого течет вино.

Изображение Аполлона вместе с Дионисом отражает распространенный с классического периода обычай почитания их в одном святилище. Особой известностью пользовалось совместное почитание этих богов в Дельфах, названных Ф. Ф. Зелинским «античным Ватиканом». Сюда стекались паломники со всей греческой ойкумены, в том числе из Северного Причерноморья (МИС. 15); они обращались к знаменитому оракулу Аполлона и приносили в святилище свои дары.

В Дельфах справлялись дионисийские празднества главным образом зимой, когда считалось что Аполлон удаляется в счастливую страну гиперборейцев на краю земли. Существовало предание, что Дионис пришел в Дельфы раньше Аполлона, а в дельфийском храме показывали гробницу Диониса, растерзанного титанами³. В окрестностях Дельф с древнейших времен происходили оргии фиад – женщин, посвященных в таинства Диониса (Paus. X, 4,3 ; 32, 7). Фронтоны и метопы дельфийского храма Аполлона украшали фигуры Диониса и его поклонниц фиад (Paus. X, 19, 3)⁴.

¹ *Секерская Н.М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев, 1989. С. 99–100. Рис. 64.

² Там же. С. 100.

³ Подробно культ «дельфийских братьев» Аполлона и Диониса рассмотрен в кн.: *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 18–41; 112–134. Переиздание СПб., 1996.

⁴ *Соколов Г.И.* Дельфы. М., 1972. С. 142.

Аполлон вместе с Дионисом появляется на вазовых рисунках в последней четверти VI в. до н. э.¹ Оба бога представлены на чернофигурном лекифе из Ольвии: Дионис, хвостатый силен и Гермес стоят около Аполлона, сидящего на дифросе и играющего на кифаре (рис. 43)². В Ольвии также найдена ситула с изображением Диониса и Аполлона в окружении своих спутников. Выполненная из глины ваза со множеством рельефных фигур воспроизводит металлический оригинал; в III–II вв. до н. э. она служила скорее всего для праздничных церемоний³.

Культовое родство «дельфийских братьев» особенно выразительно запечатлено на обнаруженном в некрополе Пантикапея замечательном кратере мастера Кадма⁴. В конце V в. до н. э. вазописец нарисовал Аполлона с оливковой ветвью; он идет навстречу Дионису и приветствует его в своем святилище. На это указывает изображения пальмы, священного дерева бога, и полукруглого камня-омфала – «пупа земли», который показывали в дельфийском храме Аполлона. Одетый в нарядный хитон Дионис подходит к Аполлону в сопровождении менад и сатиров (рис. 44).

Кроме кратеров и канфаров на дионисийских праздниках часто использовались ритоны, нередко нарисованные на вазах в руках бога (рис. 38, 43–45), а также фигурные сосуды. Последние изображают либо самого Диониса, либо его спутников менад и сатиров. Такие фигурные сосуды IV в. до н. э. находились в кургане близ Фанагории⁵.

На вазах VI–V вв. до н. э. Диониса рисовали бородатым мужчиной в расцвете лет (рис. 38, 43–45), а с конца V в. до н. э. греки стали изображать этого бога чаще всего юношей. Таким он представлен на упомянутой статуе из Пантикапея, на привозных вазах, найденных в Ольвии и на Боспоре (рис. 46), и на терракотовых статуэтках и портретных геммах Митридата в образе Диониса⁶. Подобный образ бога воспроизводили и местные мастера вскоре после его появления в Элладе. Такова терракотовая статуэтка бога, исполненная в Пантикапее в первой половине IV в. до н. э. Дионис изображен юношей с изнеженным телом, на его пышных волосах роскошная повязка, концы которой спускаются на плечи. По

¹ *Lambrinudakis W.* Apollo // LIMC. Bd. 2. S. 277.

² АНО. С. 38. № 9.

³ *Штерн Э.* Ваза с рельефными украшениями из Ольвии // ИАК. 1902. № 3. С. 93–113. Табл. 14.

⁴ ARV². P. 1185. № 7; LIMC. Bd. 2. S. 279. № 768a.

⁵ ДБК. Табл. 70.

⁶ *Неверов О.Я.* Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. № 37. С. 42–43; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 258 и др.

следам раскраски видно, что тело бога было нежно-розовое, плащ – лиловый, брови и зрачки выделялись черной, а рот красной красками¹.

Перечисленные изображения Диониса дают возможность представить, как в разные периоды истории во время вакхических шествий выглядели статуя бога или человек, исполнявший его роль.

В прологе трагедии «Вакханки» Еврипид устами Диониса говорит, что его поклонники кружатся в плясках и поют восторженные песни, одевшись в небриды и держа в руках тирсы (Eur. Vach. v. 20–25). Такие сцены с ряжеными сатирами и менадами сопровождали дионисийские праздники в Северном Причерноморье. Об этом напоминают росписи найденных здесь ваз и терракотовые статуэтки. Кроме сатиров и менад рядом с Дионисом, вероятно, появлялась его супруга Ариадна. Во всяком случае северопричерноморские эллины хорошо знали миф о браке бога, потому что Ариадна неоднократно изображена на расписных вазах, сосудах с рельефами и терракотах из раскопок Ольвии и Боспора².

В коллекции северопричерноморских археологических материалов находится значительное количество терракотовых масок Диониса, сатиров и актеров, выступавших в театре на Дионисиях³. Большинство таких изделий относится к эллинистическому периоду. Маски разделяются на две группы; первая представляет уменьшенные копии сценических масок, и о них пойдет речь в следующей главе. Другая группа – вотивные приношения, непосредственно связанные с ритуалами на дионисийских праздниках; эти небольшие терракотовые изделия часто имеют отверстия для подвешивания и в отличие от театральных масок выполнены в реалистической манере без гротеска. В основном культовые маски обнаружены на городищах, и это указывает, что их использовали во время городских дионисийских празднеств.

В Северном Причерноморье подавляющая часть культовых масок найдена на Боспоре. Они преимущественно изображают голову Диониса и делятся на два типа. Наиболее многочисленны маски бога с большой бородой, завитой в спиралевидные локоны (рис. 47)⁴. На голове у него два коримба (условное изображение плодов плюща) и венок из листьев

¹ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки из Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 62–63.

² ДБК. Табл. 60; UKV. № 84, 366, 414; Леви Е.И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 76; Русяева А.С. Рельєфні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії // Археологія. 1976. № 20. С. 36–42.

³ Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С. 189–202.

⁴ ДБК. Табл. 74; Русяева А.С. Указ. соч. 1979. С. 84; Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 65–68; Финогенова С.И. Указ. соч. С. 190–192.

и цветов плюща, среди которых часто можно рассмотреть два маленьких рога, напоминающих о почитании Диониса в образе быка¹. В числе нескольких десятков подобных масок почти нет совершенно одинаковых. Это, по мнению С. И. Финогеновой, может означать, что к каждому дионисийскому празднику изготавливались новые формы. Боспоряне использовали как местные, так и привозные формы для производства масок Диониса. Они передают один иконографический тип – так называемого индийского Диониса или Диониса-Сарданапала, который впервые был создан Праксителем. Боспорские маски этого типа сделаны под значительным влиянием малоазийского искусства². Вероятно, в период позднего эллинизма малоазийские черты проявлялись и в характере боспорских праздников, которые стали отмечать по новому календарю, введенному Митридатом Евпатором³.

Другой менее многочисленный тип культовых масок называется Дионисом-Виноградом, так как волосы, усы и борода бога представлены в виде ягод или гроздей винограда (рис. 48)⁴. На масках II–I вв. до н. э. Дионис иногда изображен безбородым⁵. На нескольких масках Ариадны волосы также изображены в виде ягод винограда; ее связь с Дионисом подчеркнута также священной повязкой, перевитой лентой и венком из листьев и цветов плюща⁶.

В эллинистический период в Северном Причерноморье появляются маски юного безбородого Диониса и молодых сатиров; вначале они были привозными, а затем их стали делать и местные мастера⁷. Маски спутников Диониса силенов и сатиров известны по находкам в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. В отличие от масок бога и его супруги эти персонажи обычно представлены гротескно, и зачастую трудно провести четкую грань между подобными культовыми и театральными масками (рис. 49). У них мясистые щеки, высоко поднятые брови, острые уши, рот растянут в широкой улыбке⁸. Одна маска сатира из Ольвии изображает его молодым, другая – бородатым стариком с большими остроко-

¹ Денисова В.И. Указ. соч. С. 66.

² Финогенова С.И. Указ. соч. С. 192.

³ См. об этом в главе «Праздники, календарь и определение времени».

⁴ Кастанаян Е.Г. Раскопки Порфмия в 1953 г. // СА. 1958. № 3. С. 204; Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. 1974. Вып. Г–11. Ч. 3. Табл. 40, 1; Денисова В.И. Указ. соч. С. 123; Финогенова С.И. Указ. соч. С. 194.

⁵ Денисова В.И. Указ. соч. С. 66. Табл. 21 д.

⁶ Финогенова С.И. Указ. соч. С. 195.

⁷ На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта. Каталог выставки. М., 2002. № 221–226.

⁸ Там же. С. 195–196; ДБК. Табл. 74, 3.

нечными ушами¹, а маска силена из Мирмекия представляет его лысым в венке, увитом лентами и плодами². По виду этих масок можно представить, как изменялся облик ряженных в вакхических процессиях.

Итак, надписи и предметы прикладного искусства показывают, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре Дионисии входили в круг самых многолюдных и любимых праздников. Как и в Элладе, часть торжественных церемоний совершалась в театре. Многие жители из античных городов Северного Причерноморья посещали Афины и присутствовали на прославленном во всей греческой ойкумене весеннем празднике Великих Дионисий. Их церемонии влияли на устройство местных праздников; не случайно в Ольвии и Херсонесе, как и в Афинах, именно на Дионисиях оглашали почетные декреты и увенчивали золотыми венками, а для разных дионисийских праздников во всех городах на северных берегах Понта приобретали аттические расписные сосуды со сценами мифов о Вакхе и его спутниках, а также с изображениями праздников в их честь.

¹ Русяева А.С. Указ. соч. 1979. С. 85.

² Денисова В.И. Указ. соч. С. 66. Табл. 22 ж.

ГЛАВА VII. ПРАЗДНИКИ В ТЕАТРЕ

Древнегреческие театры

Театр входит в число удивительных достижений древних греков¹. Они первыми создали литературный жанр драмы и построили здания для драматических представлений. Сначала возводились временные сооружения, а с V в. до н. э. началось строительство стационарных театров. Первоначально театр предназначался только для музыкальных и драматических агонов на дионисийских праздниках, а затем его стали использовать для проведения всевозможных празднеств, для заседаний народного собрания (Paus. VI, 5, 2) и даже для гладиаторских боев.

В театре обязательно стоял алтарь Диониса, а на время Дионисий туда приносили статую бога. С течением времени тематика празднеств в театре все меньше непосредственно касалась культа Диониса. Если в VI–V вв. до н. э. трагедии и комедии разыгрывались только на Дионисиях и Ленеях, то с эллинистического времени представления устраивались чаще. Однако актеры продолжали считать себя служителями бога, а жрецу Диониса отводилось самое почетное место и в римский период.

Многие греческие мистерии сопровождались представлениями на сюжеты сказаний о богах. Для этого строились особые здания, и места для зрителей носили название *θέατρον*, производное от глагола со значением смотреть. По раскопкам известно, что помещения для зрелищ находились в Элевсине и в святилище Самофракийских богов. Но туда допускали лишь посвященных, поэтому теперь почти не известно, каковы были разыгрывавшиеся там действия. Только в культе Диониса драматические представления достигли своего апогея и превратились в искусство театра, доступное самым широким слоям населения античных государств.

¹ Истории греческого театра посвящено множество исследований; назовем несколько из них: *Варнеке Б.В.* История античного театра. М.–Л., 1940; *Каллистов Д.П.* Античный театр. Л., 1970; *Bieber M.* The History of the Greek and Roman Theater. Princheton, 1961; *Picard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxford, 1988; *Simon E.* The Ancient Theatre. London, 1982; *Rehm R.* Greek Tragic Theatre. London–New-Jork, 1992; *Green R. Handley E.* Images of the Greek Theatre. London, 1995. Большой раздел о театре включается в любую историю античной литературы.

На дионисийских празднествах в VI в. до н. э. греки слушали выступления хоров, которые пели и танцевали вокруг алтаря на площадке, называвшейся оркестрой. Если она находилась у холма, то зрители размещались на его склонах, а если празднество справляли на городской площади, то там строили временные деревянные подмости, возвышавшиеся уступами. Такие подмости сооружали на афинской агоре, и там впервые при тиране Писистрате стали регулярно проводить драматические агоны во время празднования Дионисий.

На рубеже VI–V вв. до н. э., когда состязались трагики Эсхил, Херил и Пратин, переполненные деревянные скамьи обрушились, и тогда, наверное, пострадало много народа. После этого Народное собрание постановило построить стационарный театр на южном склоне Акрополя близ небольшого храма Диониса Элевтерия, в котором хранилась древняя особо почитаемая статуя божества. Жрецу этого храма в течение многих столетий предоставлялось самое почетное место первого ряда в афинском театре. До наших дней сохранилось предназначенное для жреца резное мраморное кресло, исполненное в I в. по образцу IV в. до н. э.¹ Много раз перестраивавшийся театр Диониса в Афинах существовал на одном и том же месте вплоть до конца античности; он частично сохранился до наших дней.

Начиная с эпохи раннего эллинизма, каменный театр вошел в число обязательных общественных построек любого сколько-нибудь заметного греческого города. Как писал Павсаний (X, 4, 1), поселение без театра не могло называться городом. Остатки каменных театров обнаружены на руинах греческих городов в Элладе, Малой Азии, на Сицилии и в Причерноморье. На протяжении своего многовекового существования театры много раз перестраивались не только по причине обветшания построек, но и в результате изменения характера представлений. Поэтому по эволюции архитектуры театральных построек можно судить о некоторых чертах организации празднеств.

Античный театр всегда включал три основных элемента: оркестру, сцену и театрон (рис. 18, 2; 50). Оркестра была круглой или полукруглой площадкой для выступлений хора; сцена, буквально «палатка», первоначально служила местом переодевания актеров и хранения театрального инвентаря. С V в. до н. э. сцену, находившуюся позади оркестры, начали художественно оформлять как декоративный фон для пьес: стена сцены, выходящая на оркестру, чаще всего изображала фасад дворца или храма, перед которыми обычно разворачивалось действие трагедий.

¹ Колобова К.М. Древний город Афины. Л., 1961. С. 276.

Места для зрителей, располагавшиеся уступами и подковой окружавшие оркестру, назывались театрон и дали наименование всему сооружению. Театрон в течение многих веков мало изменялся, он делился на секторы радиальными и концентрическими проходами. Оркестра постепенно теряла свою определяющую роль, потому что хор в пьесах отодвигался на второй план и в конце концов совсем исчез. В VI–V вв. до н. э. на оркестре выступали хор и актеры, а в эллинистический период актеры перешли играть на крышу невысокой сцены либо на проскений, возвышавшийся за оркестрой перед стеной сцены.

Сначала актеры и хор выходили на оркестру по двум боковым входам – пародам, находившимся между сценой и окончанием полукруга мест для зрителей. Поэтому в драме пародом называлась песнь хора, исполнявшаяся при его появлении на оркестре. В эллинистический период актеры выходили на проскений из двери в стене сцены, обращенной к зрителю. Площадка для игры актеров с боковыми пристройками, называвшимися параскениями, явилась зародышем той «сцены-коробки», которая до сих пор используется в театре¹.

Театральные представления в Афинах

В VI в. до н. э. элементы театрализованных представлений сопровождали дионисийские праздники во многих греческих государствах². Но только в Афинах впервые на Великих Дионисиях и Ленеях сформировались настоящие драматические произведения трех жанров: трагедия, сатирическая драма и комедия. Их всегда писали стихами. Творчество афинских драматургов и организация представлений в афинском театре оказали огромное влияние на культуру всех греков. Кажется, не было города, в котором не знали произведений аттических трагиков и комедиографов. Множество приезжих эллинов присутствовало в театре Диониса на ежегодных драматических агонах во время Великих Дионисий (Ael. Var. Hist. II, 14). Их великолепие производило огромное впечатление на приезжих; среди них в V в. до н. э. были официальные послы союзников, доставлявших взносы от своих городов именно к началу Великих Дионисий. Сами афиняне любили водить в театр своих гостей из других городов, покупая им билеты (Theophr. Char. 9).

Аттических драматургов приглашали в разные государства. Эсхил ставил в Сиракузах свою трагедию «Персы» после ее представления в Афинах в 472 г. до н. э. Там, по желанию тирана Гиерона, поэт напи-

¹ Варнеке Б.В. Указ. соч. С. 110–111.

² Греческая трагедия. М., 1958. С. 20–22.

сал трагедию в честь основания города Этны у подножия одноименной горы. Еврипид в конце жизни ездил в Магнесию, а потом жил при дворе македонского царя Архелая.

О прижизненной славе Еврипида за пределами Афин писал Плутарх в биографии полководца Никия (гл. 28). После поражения афинян на Сицилии в 413 г. до н. э. многих пленников обратили в рабство. Некоторые из благополучно возвратившихся на родину «горячо приветствовали Еврипида и рассказывали ему, что они получили свободу за обучение хозяина оставшимся в памяти стихам поэта»; другие, избежавшие рабства, ходили по Сицилии, зарабатывая себе на пропитание пением песен из трагедий Еврипида. К этому рассказу Плутарх присовокупил выразительный эпизод, случившийся в небольшом малоазийском городе Кавне. Его жители сначала не хотели пускать в свою гавань судно, стремившееся укрыться от пиратов, но затем разрешили кораблю пристать, когда узнали, что моряки могут прочесть им наизусть стихи из пьес Еврипида.

Если верить рассказу Плутарха, в 404 г. до н. э. Афины устояли благодаря восхищению всех греков трагедиями Еврипида. После поражения в Пелопоннесской войне на собрании спартанцев и их союзников решалась судьба Афин и предлагалось их полностью разрушить. Но когда во время симпозиона в присутствии военачальников один фокеец запел первую песню хора из «Электры» Еврипида, все растрогались и решили, «что покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей, и уничтожить его было бы делом чудовищно жестоким» (Plut. Lys. 15).

В последние годы правления Писистрата Великие Дионисии стали важнейшим городским праздником, и на них впервые в 534 г. до н. э. разыграли настоящую трагедию. Текст, музыку и танцы сочинил Феспис, он же исполнил роль единственного актера, вступавшего в диалог с хором и его корифеем. Фриних, младший современник Фесписа, особенно запомнился тем, что написал трагедию «Взятие Милета» на животрепещущий сюжет о захвате персами этого города в 500 г. до н. э. Зрители безудержно рыдали в театре; это побудило афинян наложить на автора штраф и постановить больше никогда не возобновлять постановку пьесы (Her. VI, 22; Strab. XIV, 7). В 476 г. до н. э. трагедия Фриниха «Финикиянки» имела огромный успех; она прославляла победу афинян в Саламинском сражении. Через четыре года играли «Персов» Эсхила, последнюю из известных нам драм на исторический сюжет. Все прочие пьесы имели мифологическое содержание, но и в такой форме драматурги умели откликнуться на текущие события.

Для театральных представлений VI–V вв. до н. э. характерна важнейшая роль хора. В трагедии он состоял из сограждан, друзей либо рабов героя или героини; в сатировской драме хор всегда составляли ряженные сатирами. Более разнообразные, часто фантастические персонажи изображали хор древней комедии. На оркестре хор располагался рядами: в трагедии три ряда по пять человек, в комедии четыре ряда по шесть человек. Хор возглавлял корифей, и лучшие хористы находились в первом ряду.

Во время действия хор не только пел, но и танцевал. Величавый танец в трагедии назывался эммелией; сатиры плясали сиккиниду, а кордакс в комедии передавал разнузданную похотливость исполнителей фаллических песен. Танцы заново придумывались для каждой пьесы; множество их названий и отдельных танцевальных фигур приведено в словаре Поллукса (IV, 99–105), а некоторое представление о них можно составить по вазовой живописи.

Распевая вступительную песнь, хор вместе с аккомпаниатором-авлетом входил на оркестру, а затем его партии чередовались с речами, мелодекламацией и ариями актеров. Первоначально песни хора тесно связывались с фабулой пьесы; хор давал советы, размышлял о происходящем на сцене, выражая по этому поводу свои чувства и впечатления; иногда корифей хора вступал в диалог с героями. Со временем темы песен хора все более обособливались и, наконец, его выступления превратились в самостоятельные интермедии.

Трагедия, появившаяся в последней трети VI в. до н. э., достигла своего высочайшего развития в следующем столетии, когда творили великие драматурги Эсхил, Софокл и Еврипид. Последние выдающиеся трагические поэты жили на рубеже V–IV вв. до н. э. Античные авторы особо выделяли среди них Агафона; Аристофан в «Женщинах на празднике Фесмофорий» даже развернул действие своей комедии перед домом трагика (ст. 29–65) и вывел его на сцену (ст. 101), а собеседники в «Пире» Платона собрались в доме Агафона праздновать его победу на драматическом агоне. Хоровые партии в трагедиях Агафона в основном уже не соотносились с действием пьесы (Aristot. Poet. 9, 15, 18). В это время возник обычай ставить на Дионисии пьесы старых драматургов.

Нам не известны имена авторов трагедий эллинистического времени, зато античные писатели и надписи свидетельствуют, что тогда на сцене постоянно возобновлялись классические трагедии. Это напоминает судьбу современной оперы: повсюду с успехом идут оперы XVIII – начала XX вв., а немногие новые не в силах завоевать большую аудиторию. Старые трагедии продолжали волновать зрителей, потому что го-

Глава VII. Праздники в театре

ворили о высоких идеалах и борьбе за их осуществление, об отношениях между семьей и государством, о противоречиях интересов индивида и общества, об обязанностях частного лица по отношению к государству и др¹.

Сатировская драма с ее хором из спутников Диониса, вероятно, дольше прочих театральных жанров сохраняла сюжетную связь с мифами об этом боге. Такие пьесы писали трагики, изображая нечто среднее между трагедией и комедией. Сюжеты заимствовались из одних и тех же мифов, но общее настроение сатиловских драм было веселым и развязка счастливой. Их показывали после трилогии, состоявшей из трагедий, и веселое содержание снимало трагические переживания зрителей. Сатиловские драмы перестали существовать вместе с исчезновением поэтов-трагиков.

Более долгая жизнь была суждена комедии. В ее развитии еще античные филологи выделили три периода: древняя, средняя и новая комедии². Первую для нас олицетворяет Аристофан, великий комедиограф V в. до н. э. Его последние пьесы, написанные в начале IV в. до н. э., имеют черты средней комедии. От сочинений Антифана и Алкида, наиболее выдающихся авторов средней комедии, уцелели лишь названия пьес и несколько цитат из них. В древности лучшим драматургом новой комедии считали Менандра, его пьесы ставили в театрах до конца античности. Комедии этого стиля завоевали сцену греческих театров в конце IV и в III вв. до н. э. Сейчас почти ничего не известно о сочинениях греческих комедиографов, живших после Менандра, однако надписи эллинистического и римского времени постоянно упоминают о состязаниях комических поэтов.

Древняя комедия, разыгрывавшаяся обычно в фантастической обстановке, по своему происхождению и социальному назначению была публицистическим жанром. Комедиографы осмеивали всем известных людей, чаще всего политиков. В комедийной форме драматурги обсуждали кардинальные общественные проблемы, например, продолжать ли войну или заключить мир, какой системы придерживаться в воспитании молодежи, как устранить несовершенства афинского государственного строя.

Средняя комедия стала отходить от этой проблематики; ее авторы обратилась к бытовым сюжетам и пародиям на мифы. Комические эффекты достигались низведением божественных и героических персона-

¹ Ярхо В.Н. Эсхил и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978; Goldhill S. The Great Dionysia and Civic Ideology // JHS. 1987. № 107. P. 75.

² Bieber M. Op. cit. P. 36, 87.

жей на уровень повседневности, хор постепенно утрачивал свою ведущую роль, а в новой комедии он уже не имел отношения к действию и появлялся лишь в интермедиях. Изображение быта и семейных отношений вытеснило политическую сатиру и мифологическую пародию, а любовная интрига заняла главенствующее положение. В результате выработался определенный набор сюжетных схем и сценических масок. Среди последних наиболее распространенными стали влюбленный молодой человек, молодая и старая гетеры, хитрый раб, лживый сводник, драчливый или хвастливый воин, повар, несговорчивые родители и парасит (бездельник, любящий поесть и выпить за чужой счет).

Драматические состязания в Афинах проводились на Великих Дионисиях и на Ленеях. О последних известно гораздо меньше, чем о первых. Ведь, как уже говорилось, на Ленеи допускались только афинские граждане, а на Великие Дионисии в театр приходили метеки и множество иностранцев. В V в. до н. э. ежегодно отбирали трех трагиков и трех комедиографов. Трагики давали трилогию из трагедий и сатировскую драму, а комедиографы – по одной комедии. Представления шли четыре дня, три из которых отводились трагедиям и один комедиям. Зрители проводили в театре ежедневно по 8–10 часов. Победителей определяли десять судей, избранных по одному от каждой афинской филы.

Сначала один автор писал текст, музыку для хора и солистов, а также брал на себя роль режиссера, актера и балетмейстера. Еще Эсхил и Софокл сами играли в трагедиях и ставили танцы хора. Позже поэты редко выступали артистами в своих пьесах. Для уравнивания шансов на победу определяли по жребию актеров для исполнения ролей в той или иной пьесе. В греческом театре выступали только свободные мужчины. Исполняя разнообразные мужские и женские роли, они должны были обладать многими талантами: хорошей дикцией и звучным голосом, умением танцевать и петь сложные лирические партии, декламировать под музыку, владеть искусством пантомимы. Трагический актер надевал котурны, особую мало удобную обувь на высокой подошве, и облачался в нарядное одеяние до пола с длинными рукавами и разукрашенным поясом, повязанным под грудью. Это заставляло его двигаться медленно и торжественно. Лицо, закрытое маской, не давало возможности помогать игре мимикой; ее заменяли сменявшиеся маски с выражением разных характеров и чувств.

Античные писатели упоминают десятки имен афинских драматургов и названия сотен пьес, нередко цитируя отдельные выражения или

Глава VII. Праздники в театре

целые стихи¹. Однако полностью уцелевших произведений сохранилось мало: 7 трагедий Эсхила, столько же трагедий и большой отрывок из одной сатировской драмы Софокла, 17 трагедий и одна сатировская драма Еврипида, 11 комедий Аристофана и крупные отрывки из нескольких комедий Менандра. Творчество остальных драматургов сейчас известно лишь по названиям их пьес и немногим стихам в цитатах древних авторов. Произведения Эсхила, Софокла и Еврипида долго входили в программу греческих школ, и именно поэтому сохранились списки их хрестоматийно известных пьес. Школьники также знакомились с комедиями. Асклепиад (AP VI, 308), поэт IV–III вв. до н. э., описал, как мальчик, переписавший лучше всех сцену из комедии, получил в награду статуэтку комического старика. Ученик посвятил свой приз Музам и поставил в школьной комнате, так что изображение актера весело взидало на проказы мальчишек.

Театр в эпоху эллинизма

Великолепие празднования афинских Великих Дионисий, сопровождавшихся драматическими агонами, вызывало желание ввести подобные состязания в других государствах. Одним из первых это осуществил Александр Македонский, любивший драматическое искусство и знавший наизусть немало стихов из трагедий аттических поэтов. Во время своих восточных походов Александр неоднократно устраивал мусические состязания по афинскому образцу (Plut. Alex. 29). На такой агон в Экбатанах, по словам Плутарха (Alex. 72), съехались 3000 исполнителей, сам же Александр участвовал в написании одной пьесы для этого праздника (Athen. XIII, 586 d, 595 e; Ephipp. Fr. 5; Diod. XVII, 110, 7).

Состязания трагиков включили в мусические агоны на знаменитых Пифийских играх в Дельфах (Plut. Symp. Qaest. V, 2). Там же драматические представления вошли в программу праздника Сотерии (игры Спасения), справлявшегося в память о победе союза этолийцев, беотян и фокейцев над кельтами, разгромленных недалеко от Дельф в 278 г. до н. э. (Syll.³ 509). Драматические состязания на праздниках упоминаются в надписях Хиоса, Феспий, Орхомена и др. (Syll.³ 562, 1583, 1585). Агонистический каталог из Херсонеса свидетельствует, что празднества

¹ Tragicorum Graecorum Fragmenta. Bd. 1–4. Göttingen, 1971–1980; Comicorum Graecorum Fragmenta. Ed. G. Kaibel. Berlin, 1899; Comicorum Graecorum Fragmenta in papyris reperta. Ed. C. Austin. Berlin–New-Jork, 1973.

в театрах Северного Причерноморья также сопровождались музыкальными и драматическими агонами (IPE I². 433).

В эпоху эллинизма распространившиеся по всей греческой ойкумене мусические агоны состояли частично из выступлений певцов и музыкантов, частично из различных спектаклей¹. О программе таких празднеств в театре можно судить по уцелевшим каталогам участников и победителей на упомянутых Сотериях. Там одновременно выступало до 70 человек из многих государств в том числе из Северного Причерноморья (MIS. 11). Обычно агон начинался с выступления рапсодов, затем состязались певцы и музыканты, игравшие на струнных и духовых инструментах, а в заключение праздника – трагические и комические актеры исполняли наряду с новыми пьесами произведения классиков². Из одной надписи III в. до н. э. известно, что на дельфийских Сотериях победил актер из Тегеи, игравший в «Геракле» Еврипида и в «Антее» Архистрата (Syll³. 1080). Афиняне заботились о том, чтобы актеры, разыгрывая пьесы великих трагиков прошлого, учили текст по выверенным рукописям, хранившимся в государственном архиве³.

Как показывают археологические исследования, уже в IV–III вв. до н. э. каменный театр в греческом городе стал необходимой общественной постройкой, служившей не только для проведения дионисийских праздников, но и других зрелищ. Древнейшее упоминание об этом относится еще к V в. до н. э. После победы в Саламинской битве в 480 г. до н. э. афиняне приняли решение ежегодно устраивать в театре петушиные бои. Это делалось с воспитательной целью, так как сражения бойцовых петухов считались наглядным выражением стремления победить, не щадя своей жизни (Ael. Var. Hist. II, 28).

В эпоху эллинизма в театре отмечали праздниками всевозможные важные события политической и общественной жизни государства. Здесь регулярно выступали хоры, а пьесы и пантомимы разыгрывались чаще, чем в классический период, причем не обязательно, как раньше, во время праздников Диониса. В провинциальных театрах выступали приезжие актеры. В трактате Плутарха «Как писать историю» (гл. 1) рассказано об огромном впечатлении, произведенном игрой трагика–гастролера Архелая, исполнившего роль «Персея» в «Андромеде» Еврипида; после его выступления весь город Абдеры распевал лирические партии

¹ Алмазова Н.А. ΑΓΟΝΕΣ ΙΣΟΠΥΘΙΟΙ в эллинистическую эпоху // *Philologia Classica* Вып. 5. СПб., 1977. С. 44.

² Алмазова Н.А. Указ. соч. С. 45; Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 169–171.

³ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции. М., 1983. С. 316.

Глава VII. Праздники в театре

из трагедии. На подмостках театра приезжие музыканты давали концерты (Polyaen. V, 44), ораторы произносили торжественные речи (Dio. Chrys. I, 32; XXVII, 77), выступали фокусники (Plut. Лус. 19), в первые века нашей эры устраивали гладиаторские бои и звериные травли.

Известно, что зрители в античности очень эмоционально выражали свое отношение к спектаклям в театре: свистели и стучали ногами, если что-то не понравилось, кричали и рукоплескали любившимся актерам. Уже в V в. до н. э. появились фанатичные поклонники лучших драматургов. Их осмеял Аксионик в комедии «Еврипидолуб», изобразив людей, заболевших от песен Еврипида и не желавших ничего знать, кроме этих песен.

Первоначально в праздновании Дионисий активно участвовало все гражданское население греческих полисов. Но уже в V в. до н. э. формируются две неравные группы, состоящие из зрителей и исполнителей, превращающихся в профессионалов. Актеры, музыканты и учителя хоров получали специальное образование, о чем писал Аристотель (Polit. VIII, 1341 b, 10), а затем постоянно тренировались в своей профессии. Одно из лучших мест для обучения актерскому ремеслу находилось на острове Теос, где помещалась резиденция союза «мастеров Диониса» Ионии и Геллеспонта. Там обучали пению, игре на разных музыкальных инструментах, искусству трагических и комических актеров (Syll³. № 1080)¹.

В IV в. до н. э. в Афинах образовался союз театральных мастеров, называвших себя технитами (ремесленниками) Диониса (Dem. XIX, 192; Aristot. Rhet. III, 1405 a; Xen. Сугор. VIII, 3). В эпоху эллинизма таких союзов насчитывалось немало. Крупнейшими из них были уже упомянутые афинский союз, союз Ионии и Геллеспонта и союз Истма и Неми². В союзы входили актеры, музыканты, их наставники и организаторы празднеств. Афинский союз состоял преимущественно из местных уроженцев, а в прочих объединялись профессионалы из разных городов. Техниты ежегодно избирали главу из своих членов; он назывался жрецом и наряду с сакральными функциями ведал разными делами союза, вел переговоры с городами, куда приглашали технитов, а по окончании срока службы давал подробный отчет.

¹ Алмазова Н.А. Детские хоры на греческих празднествах// МОΥΣΕΙΟΝ. Сборник статей в честь проф. А.И. Зайцева. СПб., 1997. С. 147.

² См. об этих союзах: Гускина Л.М. Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. № 1. С. 87–89; Шарнина А.Б. Союзы технитов Диониса в эллинских полисах // ВДИ. 1987. № 2. С. 102–117; Poland F. Technitai // RE. 1934. S. 2473–2558.

Все техниты как служители бога Диониса считались священными лицами. Их освобождали от уплаты налогов и от несения военной службы даже во время войны, потому что и тогда требовалось проводить праздники в честь богов. Поэтому технитам давали беспрепятственно проходить через враждующие страны.

Техниты разъезжали по всей греческой ойкумене. Они умели профессионально организовать любые театральные действия, торжественные шествия и обряды не только на дионисийских, но и на других праздниках. Во II в. до н. э. они играли заметную роль в проведении Элевсинских мистерий¹. К «мастерам Диониса» обращались многие эллинистические правители; они стремились придать особую пышность традиционным праздникам и укрепить свой престиж введением новых торжеств, организация которых поручалась технитам.

Без технитов в эллинистический период не обходилось ни одно крупное празднество. Между союзами существовала конкуренция. Особенно остро шла борьба за право организации знаменитых Пифийских игр, Сотерий в Дельфах и праздников Аполлона на Делосе². В то же время техниты не пренебрегали проведением локальных праздников. Когда один небольшой город, постоянно приглашавший мастеров Диониса с острова Теос, оказался не в состоянии оплатить их услуги на очередных Дионисиях, руководство союза решило безвозмездно отправить туда двух трагических и двух комических актеров, певца и музыкантов, прибавив к этому праздничный реквизит и рабочих для его установки³.

Театры в городах Северного Причерноморья

В городах Северного Причерноморья, как и всюду в Элладе, строились театры для проведения дионисийских и других праздников, но пока только в Херсонесе обнаружены архитектурные остатки театра. На его месте в средние века стоял христианский храм. При исследовании руин храма О.И. Домбровский в 1954 г. нашел под ними несколько каменных скамей и ступенек лестницы, в которых археолог узнал фрагменты здания античного театра⁴.

Херсонеситы построили каменный театр в III в. до н. э.; архитектор ориентировал его так, что солнце освещало проскений в любое время

¹ Шарнина А.Б. Указ. соч. С. 113–114.

² Глускина Л.М. Указ. соч. С. 89.

³ Варнеке Б.В. Указ. соч. С. 137.

⁴ Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1. С. 29.

Глава VII. Праздники в театре

дня. Само здание театра соответствовало хорошим образцам своего времени, о чем свидетельствуют рустованные квадры, прекрасно пригнанные один к другому, и каменные скамьи с изящным профилем. От украшавшего театр мраморного фриза сохранился небольшой фрагмент с изображением богини Гармонии – спутницы Муз и Харит, покровительниц музыкального и драматического искусств¹. Театр существовал до IV в. н. э. и четырежды капитально перестраивался. Согласно реконструкции О. И. Домбровского, во II в. н. э. он вмещал около 3000 человек. Фасад проскения был выполнен в дорическом ордере; по размерам оркестры и проскения здание мало отличалось от театров Эллады, но значительно уступало многим по количеству мест для зрителей, что объясняется небольшим населением города².

В херсонесском театре постоянно проводились Дионисии и другие разнообразные празднества. Вероятно, здесь в III в. до н. э. Сирик читал свое историческое сочинение, за которое соотечественники наградили его золотым венком (IPE I². 344). В первые века нашей эры, когда в городе стоял римский гарнизон, к греческим праздникам присоединилось римское развлечение – гладиаторские бои. Для них в крупных городах строили цирки, а в небольших, как Херсонес, приспособляли театры. Косвенным свидетельством об этом является фрагмент рельефа с изображением заключительного момента борьбы гладиаторов и надписью имени победителя – Ксанф³, а также перестройка театра во II в. н. э. Тогда проскений расширили и выдвинули вперед к зрителям, так что он мог служить и сценой, и ареной для гладиаторов⁴. Бои гладиаторов, наверное, устраивались также в театрах Боспора, иначе трудно объяснить, как местный художник на стене склепа I–II вв. сумел детально нарисовать гладиаторов в облачении и вооружении катафрактария, ретиария и других⁵.

Около театра греки ставили стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок одной из таких надписей римского времени найден вблизи херсонесского театра. Сохранились лишь слова, говорящие о соревнованиях хоров, комедиографов и поэтов, писавших эпиграммы и энкомии (хвалебные стихотворения), а также

¹ Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 46.

² Домбровский О. И. Указ. соч. С. 30–36; Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 146. Рис. 99, 100.

³ Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 40.

⁴ Домбровский О. И. Указ. соч. С. 32.

⁵ АДЖ. С. 357–358. Табл. 90.

глашатаев и трубачей (IRE I² . 433)¹. Иллюстрацией к упоминанию о комедиографах могут служить бронзовая статуэтка актера в роли раба и терракотовые изображения комических масок и актеров, найденные в Херсонесе².

Чтобы полнее представить содержание текстов надписей с перечислением победителей состязаний в театрах, приведем перевод хорошо сохранившегося агонистического каталога из Беотии³. В него входят виды состязаний, упомянутые в уцелевшем херсонесском фрагменте.

В добрый час! При агонотете Флавии Павлине и Архонте Метродоре, сыне Онесифора, на состязаниях в честь Муз победили:

Автор просодия – феспиец Эвмарон, сын Александра, и афинянин Антифон.

Глашатай – феспиец Помпей, сын Зосима.

Трубач – фиванец Зосим, сын Эпиктета.

Автор энкомия в честь императора – служитель храма Помпилий Антоний Максим.

Энкомий в честь Муз – служитель храма Помпилий Антоний Максим.

Автор поэмы в честь императора – коринфянин Эмилий Эпиктет.

Автор поэмы в честь Муз – феспиец Дамонейк, сын Дамона.

Рапсод – коринфянин Эвтихиан.

Исполнитель на пифийском аулосе – коринфянин Фабий Аттик.

Кифарист – никомедиец Теодот, сын Теодота.

Автор древней трагедии – аспендиец Аполлоний, сын Аполлония.

Автор новой комедии – афинянин Антифон.

Актер новой комедии – афинянин Антифон.

Актер новой трагедии – афинянин Артемон, сын Артемона.

Актер новой трагедии – афинянин Агатемер, сын Питоклея.

Хоровой авлет – пергамец Госий.

Этот и прочие каталоги показывают, что многие греческие города приглашали на свои мусические состязания актеров и музыкантов из других городов. Не исключено, что так было и на северных берегах Понта.

На правой обломанной части херсонесской надписи перечислялись имена победителей; из них читается лишь имя автора энкомия Марк.

¹ Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 60–63. № 52.

² Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996. С.38; Белов Г.Д. Терракоты Херсонеса // ТС. Ч. 2. М., 1970. С. 73.

³ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 166.

Глава VII. Праздники в театре

Это латинское имя сразу напоминает, что во II–III вв. в Херсонесе находился римский гарнизон¹, и кто-то из его состава мог принять участие в состязании на празднике. Среди херсонесских надгробий есть эпитафия Аврелия Сальвиана, трубача одиннадцатого Клавдиева легиона (IRE I². 551)². Он изображен на стеле в полный рост с большой трубой в руках. Поэтому участие легионеров в соревнованиях трубачей вполне вероятно. Однако римские воины вряд ли столь хорошо знали греческий язык, чтобы писать на нем энкомии. Поэтому поэт-победитель Марк скорее всего был херсонеситом из первых лиц государства, имевших римское гражданство и потому носивших римские имена. Например, в декрете 174 г. среди херсонесских магистратов, подписавших документ, четверо имели римские имена и пятеро смешанные греко-римские³.

Театр в Ольвии упоминается в четырех декретах, и во всех речь идет о награждении граждан во время празднования Дионисий (рис. 41)⁴. Значит тогда в театре наряду с торжествами, посвященными богу, так же как в Афинах, проводились церемонии чествования соотечественников и иностранцев, оказавших особо важные услуги государству. Местоположение театра на достаточно хорошо исследованном ольвийском городище до сих пор не обнаружено, хотя археологи неоднократно предпринимали его поиски. Скорее всего театр находился на склоне между Верхним и Нижним городом (рис. 50), и еще в древности его полностью уничтожил оползень. На городище найден небольшой мраморный торс Силена с ребенком-Дионисом на руках. Вероятно, эту статую, исполненную афинским мастером на рубеже IV–III вв. до н. э., приобрели для украшения ольвийского театра; предположение основывается на том, что подобная скульптурная композиция находилась в афинском театре⁵.

Древнейшее свидетельство о театрах в городах Боспора относится к IV в. до н. э. Полиэн (V, 44), описывая хитрости, применявшиеся при ведении войны, рассказал об остроумной уловке полководца Мемнона.

¹ Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 17.

² Там же. С. 59. № 31.

³ Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным Херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 86.

⁴ Виноградов Ю. Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975. С. 89. Он же. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57–58.

⁵ Клейман И. Б. Статуя актера в образе Паппосилена из района Ольвии // Памятники искусства из Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 115–120.

Готовясь к войне с царем Левконом, он решил узнать о численности населения Боспора. Для этого Мемнон отправил туда знаменитого кифареда Аристоника вместе со своим послом Архивиадом, якобы для заключения договора о дружбе. Полководец рассчитывал на то, что «жители будут поспешно собираться в театры» послушать выступления прославленного музыканта, посол же по количеству собравшихся зрителей в театрах определит, каково население Боспора, и так узнает о силах будущего противника. Согласно этому рассказу, театр был не только в столичном Пантикапее, но и в других боспорских городах, наверное, в Феодосии, Нимфее, Фанагории, Гермонассе. В связи с этим напомним, что в Аттике наряду с афинским существовал театр в Пирее.

Сообщение Полиэна подтверждается находкой в Пантикапее почти целого мраморного кресла, изготовленного на рубеже IV–III в. до н. э. Подобные кресла устанавливали в театрах для жрецов, магистратов и почетных гостей¹. Право занимать особые места в первых рядах театра входило в число привилегий, отмечавшихся в почетных декретах. Поэтому нам известно, что боспорянин Никий, ольвиополит Дионисий и херсонесит Сокрит сидели на почетных местах во время дельфийских праздников (МИС. 12), а в Ольвии подобной привилегией пользовался гражданин Истрии Феодот (НО. 7) и некоторые милетяне (Syll³. 286).

В декор пантикапейского театра, вероятно, входил мраморный рельеф с изображением свиты Диониса. От скульптуры, исполненной афинским мастером в IV в. до н. э., сохранился только фрагмент с фигурой человека в костюме силена, несущего на плече лозу с крупными гроздьями винограда (рис. 51). Перед нами актер, одетый в косматую одежду, закрывающую все его тело кроме кистей рук и ступней².

Вероятно, наряду с музыкантами актеры также гастролировали в театрах Северного Причерноморья. С большой долей уверенности можно думать, что в эллинистическую эпоху сюда приглашали технитов проводить особо пышные празднества. Многие эллинистические правители старались завоевать расположение своих подданных устройством роскошных зрелищ, и в IV–III вв. до н. э. боспорские цари, наверное, не чуждались завоевания популярности таким способом. В начале I в. до н. э. Митридат Евпатор, вероятно, обратился к технитам, когда ввел на Боспоре новый календарь и в связи с этим изменил не только порядок, но также характер и иерархию государственных празднеств. По-видимому и ольвиополиты прибегали к услугам «мастеров Диониса» для орга-

¹ Блаватский В.Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2. С. 247.

² Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 162. Рис. 27.

низации панэллинских игр на Ахилловом Дроме. Ведь в эпоху эллинизма все общегреческие празднества устраивали профессионалы¹.

Можно только догадываться, какие пьесы играли в театрах Северного Причерноморья. Конечно, здесь ставили произведения прославленных греческих драматургов и местных авторов. Надо думать, что особый интерес проявляли к пьесам, действие которых происходило на северных берегах Понта. Из них сохранилась лишь одна трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», а по названиям и кратким цитатам известны трагедия Софокла «Скифы» и комедия Антифана «Скифы и тавры».

О существовании местных комедиографов свидетельствует упомянутый выше фрагмент херсонесского агонистического каталога. Иллюстрацию местной комедии можно видеть на пантикапейской терракоте, изображающей двух актеров, один из которых одет в характерный для боспорян костюм с брюками². В эллинистический период широкую популярность завоевали мимы, диалогические или монологические сценки бытового содержания. Они известны сейчас по сочинению «Мимиямбы» ионийского поэта Герода. Иногда в мимах шутили о коварстве Афродиты в борьбе с гигантами в какой-то пещере на Боспоре (Strab. X, 2, 10) разыгрывали мим местного автора³.

Изображения актеров и театральных масок на предметах искусства из Северного Причерноморья

Неизвестно, когда греки в Северном Причерноморье начали разыгрывать пьесы, но уже в V в. до н. э., как говорилось выше, многие из них видели представления в афинском театре. Они делились впечатлениями об этом с друзьями и родственниками и могли иллюстрировать свои рассказы росписями на привозных аттических вазах, а также терракотовыми статуэтками актеров и копиями театральных масок. В IV в. до н. э. в северопричерноморских городах появляются стационарные театры, и в них ставят драмы и комедии. Косвенно на это указывают многочисленные статуэтками актеров не только импортные, но и местного производства.

¹ Глушкина Л.М. Указ. соч. С. 87; Шарнина А.Б. Указ.соч. С. 105.

² Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 88.

³ Тохтасьев С.А. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2. С. 117.

Среди вазовых рисунков наиболее выразительна роспись на фрагменте краснофигурного кратера второй половины V в. до н. э. (рис. 52)¹. Этот дорогой крупный сосуд находился в доме состоятельного ольвиополита, недаром его осколок найден на полу жилого дома в центральном квартале города. Уцелела часть стенки, прилегавшая к венчику, опоясанному орнаментом из лавровых листьев. Под ним на тулове кратера располагалась многофигурная композиция, по-видимому, в два или даже в три ряда один над другим. Теперь остались лишь части четырех фигур из верхнего ряда, все они нарисованы в профиль: в центре авлет, пред ним и за ним актеры и меньший персонаж, вероятно ребенок. Музыкант в традиционном для выступления в театре узорчатом хитоне с длинными рукавами аккомпанирует на аулосе игре артистов. Голова музыканта охвачена форбеей, потому что он выступает в театре под открытым небом, и нужно извлечь из инструмента громкий звук. Актеры представлены в движении, они выразительно жестикулируют руками. Их лица закрыты масками, выделенными белой краской, на головы надеты парики с женскими прическами из длинных волос с узлом сзади, поверх них завязаны повязки с украшениями надо лбом.

Около женских персонажей темным лаком написано слово *καλή* (прекрасная), около остальных тот же эпитет в мужском роде. Так вазописец, а скорее заказчик вазы выразил свое отношение к исполнителям понравившейся пьесы. Роспись явно выполнена по заказу и изображала сцену из определенного спектакля. Остается только гадать, сделан ли кратер для посетившего Афины ольвиополита, или местный заказчик решил потом продать вазу, и она оказалась в Ольвии. Хочется думать, что вернее первое предположение; ведь именно в это время наладились оживленные связи Афин и Ольвии. Она входила в Афинский морской союз и посылала свои взносы к празднику Великих Дионисий. Ольвийские послы и купцы присутствовали в театре, когда шла изображенная на кратере пьеса, так что смысл сцены на вазе был хорошо понятен ее ольвийским владельцам.

Актеры разыгрывают какую-то явно не комическую сцену, но не из трагедии, потому что афинские вазописцы не изображали трагиков во время исполнения роли, они лишь иллюстрировали мифы, на сюжет которых писались трагедии. Только в IV в. до н. э. на италийских вазах появляются фигуры играющих трагических актеров². Поэтому можно предположить, что на кратере представлен эпизод из сатировской дра-

¹ *Скржинська М.В.* Театр в античних містах Північного Причорномор'я // Київська старовина. 2002. № 3. С. 85.

² *Green R., Handley E.* Op. cit. P. 25.

мы. В ней герои носили такие же костюмы, как в трагедии, а хор состоял из полуобнаженных сатиров.

Сюжет рисунка на ольвийской вазе напоминает картину на кратере мастера Пронома¹. Не известный по имени вазописец называется так потому, что он нарисовал авлета, написав рядом с ним имя знаменитого беотийца Пронома (Paus. IX, 12, 4), аккомпанировавшего на представлении сатировской драмы, которую разыгрывали в афинском театре изброженные на вазе актеры. Среди них художник нарисовал драматурга Деметрия, бога театра Диониса и его жену Ариадну (рис. 53).

На вазе мастера Пронома все актеры держат в руках маски. Двое одеты в характерные для трагедии нарядные узорчатые одежды. Один из них исполнял роль Геракла, так как в руке у него дубина и на плечо накинута львиная шкура – атрибуты героя. Рядом с ним стоит предводитель хора, игравший старого Силена или сатира. В руке у него маска с седыми волосами и бородой, а сам он одет в характерный косматый костюм, закрывающий все тело (рис. 54). В подобном костюме изображен силен на упомянутом выше рельефе из пантикапейского театра (рис. 51). Такое одеяние надевали актеры в ролях Паппосилена или корифея хора сатиров². Остальные персонажи – безбородые юноши, участники хора. Их обнаженные тела прикрывают лишь меховые набедренные повязки с привязанными впереди кожаным фаллосом, а сзади – хвостом. Один из них, надев маску, исполняет танец сатира, остальные беседуют между собой, держа маски в руках. Таким образом, мы видим актеров, собирающихся играть пьесу Деметрия. Роспись вазы дает наилучшее представление о внешнем виде хора и его корифея в сатировской драме конца V – начала IV в. до н. э.³

Картины на двух аттических вазах IV в. до н. э. из Пантикапея также связаны с сатиновскими драмами. На краснофигурной ойнохое нарисован сатир, подкрадывающийся к нимфе, беседующей с ребенком-сатиром; так вазописец запечатлел веселую сценку из сатировской драмы⁴. Сюжет о детстве Диониса из другой пьесы того же жанра украшает крышку краснофигурной леканы (рис. 55)⁵. О том, что это не просто

¹ ARV². P. 1336. № 1. Ваза расписана в самом начале IV в. до н. э. См. *Simon E., Hirmer A. Die Griechischen Vasen*. München, 1981. S. 151–158.

² *Simon E. Satyr-plays on Vases in Time of Aeschylus // The Eye of Greece*. London, 1982. P. 142.

³ *Green R., Handley E. Op. Cit.* P. 22–23. Fig. 5.

⁴ *Передольская А.А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. С. 63.

⁵ OAK 1861. С. 28. Табл. 2, 2; UKV. № 18.

иллюстрация мифа, говорят костюм одного сатира, аналогичный представленному на кратере Пронома, и фигура музыканта, играющего на аулосе. Он одет в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаике II в. до н. э. со сценой обучения актеров, одетых сатирами¹. В той же позе в фас к зрителю авлет стоит и играет на таком же длинном аулосе, указывающем на низкий тембр инструмента. Он так же увенчан венком и одет в ниспадающий до пола узорчатый наряд, имеющий длинные рукава и круглый открытый ворот.

Сюжет пьесы заимствован из мифа о воспитании маленького Диониса нимфами. Художник изобразил сатира, передающего младенца нимфе. Здесь же нарисована пантера, священное животное бога, и виноградная лоза. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами. Сюжет пьесы о воспитании ребенка Диониса знали также жители ольвийской хоры. На поселении Глубокая пристань найдена терракота, изображающая в полный рост актера в маске силена, держащего на руках маленького Диониса².

Рисунки и статуэтки не воспроизводят в точности ту или иную драматическую сцену, но представляют импровизацию художника на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифические персонажи без театральных костюмов.

Изображения трагических актеров и масок на предметах искусства в коллекции археологических материалов из Северного Причерноморья встречаются значительно реже, чем аналогичные комические образы. Полностью уцелела терракотовая фигурка трагического актера из Фанагории³. Она сделана из местной глины на рубеже нашей эры и не принадлежит к хорошим образцам древней коропластики. Лицо актера скрывает трагическая маска, увенчанная высоким онкосом – треугольной приставкой, увеличивавшей рост исполнителей героических ролей в трагедии. На маске выделяется большой раскрытый рот с опущенными углами. Одетый в длинный плащ актер стоит, перебирая рукой струны какого-то неясно изображенного музыкального инструмента. Судя по форме и тому, что инструмент оперт на стоящую рядом высокую подставку, это – тригон, род древней арфы.

¹ *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. S. 302. Fig. 686.

² *Щеглов А.Н.* Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая пристань // ТС. Ч. 1. С. 56.

³ *Кобылина М.М.* Указ соч. С. 89. Табл. 12, 6.

Глава VII. Праздники в театре

Разные виды театральных масок сейчас известны по их терракотовым копиям и изображениям на предметах искусства. Настоящие маски делали из пропитанной гипсом материи и иногда из дерева, затем их раскрашивали и к верхней части прикрепляли парик. Искусством изготовления масок владели специально обученные мастера, называвшиеся σκευοτοιοί (Aristoph. Eq. 232; Aristot. 450 b, 20). Актер во время действия переодевал несколько масок, показывая, как меняется настроение или состояние героя (например, смена маски требовалась Эдипу после его ослепления), либо переходя к другой роли, потому что один и тот же артист зачастую изображал нескольких персонажей. По большей части маски представляли типы, хорошо известные и понятные зрителям. Но иногда, особенно в афинском театре V в. до н. э., изготавливали маски имевшие сходство с высмеиваемыми людьми; такой была маска Сократа в «Облаках» Аристофана (Ael. Var. Hist. II, 13). Множество различных типов масок описано в словаре Поллукса (IV, 133–154). Он назвал 28 трагических масок: 6 видов стариков, 8 – юношей, 3 – слуг и 11 женских масок. Для новой комедии Поллукс перечислил 11 разновидностей масок юношей, 9 – стариков, 7 – рабов, 14 молодых и 3 старых женских маски. По маске зритель сразу понимал, каковы пол, возраст, социальное положение и даже основные черты характера того или иного персонажа.

Находки терракотовых копий в Северном Причерноморье показывают, что местные греки знали много разновидностей театральных масок. Среди трагических наиболее выразительна маска I в. н. э. из Пантикапея (рис. 56)¹, а среди комических – выполненная в IV в до н. э. маска раба из Ольвии (рис. 57)². Там же найдена крупная терракотовая маска, возможно, служившая украшением театра³. Наибольшее количество масок в Северном Причерноморье обнаружено при раскопках Боспора⁴.

Театральные маски часто украшали вазы с дионисийскими сюжетами. Таковы рельефные трагическая и комическая маски на серебряном сосуде IV в. до н. э. из Пантикапея; вазу украшают виноградные листья и грозди, а ручки вазы сделаны в виде фигурок сатиров с сирингами в руках⁵. Керамический сосуд II–I в. до н. э. из города Кепы имел ручки в

¹ РД. Т. 1. С. 93. Рис. 131; ТС. Ч. 3. Табл. 43, 2.

² ТС. Ч. 1. С. 37. Табл. 30,6.

³ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 132.

⁴ Финогенова С. И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА. 1990. № 2. С.189; Мельпомена в Пантикапее. Керчь, 2001. С. 53–65.

⁵ ДБК. Табл. 37,5.

форме комических масок¹. Кроме того, трагические маски нередко встречаются среди гипсовых прилепов на боспорских саркофагах. Это объясняется связью театрального искусства с культом Диониса. Он, подобно всякому земледельческому богу, имел хтоническую ипостась, соотнесенную с загробным миром. Возможно, некоторые маски из Северного Причерноморья воспроизводят не театральные, а использовавшиеся во время мистерий.

С определенной сценической ролью можно связать несколько масок и статуэток Геракла, любимого персонажа как трагедии, так и комедии. Одна боспорская маска героя относится к его серьезным образам², а четыре статуэтки V–IV вв. до н. э. из Пантикапея, Феодосии и Херсонеса представляют Геракла в комедиях. Там он изображался пьяницей и обжорой; достаточно напомнить его роль в «Птицах» Аристофана. На упомянутых статуэтках Геракл одет в костюм комического персонажа с привязанным фаллосом; актер снабжен атрибутами героя – львиной шкурой и палицей. Феодосийская и две херсонесских статуэтки сделаны в Аттике, а пантикапейская местного производства³.

В V–IV вв. до н. э. терракотовые статуэтки актеров (главным образом комические) поступали в Северное Причерноморье из Аттики⁴, а в эпоху эллинизма их стали привозить из Малой Азии и некоторых других областей Эллады. Например, фигурка комического актера из Мирмекия изготовлена в конце IV в. до н. э. в Коринфе⁵. В то же время появляются подобные терракоты местного производства⁶.

Комические персонажи из древней и средней комедии одеты в обтяжное трико, короткий хитон и плащ. Под ними прикреплялись утолщения, деформировавшие торс, с нижней части которого свисал большой кожаный фаллос. Уродство фигуры усугублялось широкой маской, делавшей актера большеголовым и лишавшей его шеи. Этот гротескный костюм, вероятно, заимствован из народных маскарадов, представлявших фаллических демонов⁷. В таком наряде мы видим актера древней ко-

¹ ТС. Ч. 2. С. 14. Табл. 9, 5.

² ТС. Ч. 3. Табл. 41.

³ Там же. Ч. 1. С. 73. Табл. 8, 3; Ч. 2. С. 80. Ч. 3. С. 19. Табл. 10, 3.

⁴ На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002. С. 62–63. № 215–219. Ср. свод подобных аттических статуэток в кн. *Webster T.B. Monuments illustrating Old and Middle Comedy*. London, 1960. В этой работе рассмотрено 115 статуэток актеров старой и средней комедии.

⁵ *Пруголо В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 31. Табл. 7 е.

⁶ Там же. С. 38; ТС. Ч. 1. С. 86.

⁷ *Webster T.B.* Greek Theatre Production. London, 1956. P. 56.

Глава VII. Праздники в театре

медии на двух сходных статуэтках из Ольвии и Пантикапея¹. Аттические скульпторы зачастую изображали комических актеров в роли раба, сидящего на алтаре; там он, наверное, искал убежище от наказания после совершения недостойных проделок². Подобные терракотовые статуэтки и фигурные сосуды найдены в Ольвии, Пантикапее и в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора³.

Комический актер в женской роли представлен тремя похожими статуэтками IV в. до н. э. из Ольвии, Пантикапея и кургана Большая Близница. Артист одет в женский хитон и гиматий, из-под которых выпирает большой живот. Возможно это гротескный образ беременной старухи⁴. Иногда коропласт снабжал актера атрибутом, напоминающим хорошо известный образ из одной или нескольких пьес. Такова аттическая статуэтка IV в. до н. э. из Пантикапея, изображающая комического актера с молотом на плече⁵.

Гротескные персонажи заполняли комедии вплоть до IV в. до н. э. Начиная с комедий Менандра, старинное одеяние комического актера сменилось обычной одеждой, исчезли фаллос и уродливые маски на положительных героях. Это отразилось на терракотовых фигурках из Северного Причерноморья. Редкая группа из двух актеров найдена в Пантикапее; один имеет маску и костюм раба, а другой – юноша в обычном одеянии и без маски. Трудно определить, желает ли он свалить раба с ног, или наоборот раб его поддерживает⁶. Может быть, коропласт изобразил сцену из местной комедии или во всяком случае из комедии, которую играли в театре Пантикапея.

Среди терракот из Северного Причерноморья встречаются замечательные изображения мимики актеров эллинистического времени, когда маски уже не всегда скрывали лица исполнителей. Таковы две прекрасно сохранившиеся головы актеров с небольшими рожками, указывающими на роль сатиров. Одна найдена в Фанагории а другая в Пантикапее; обе сделаны в малоазийских мастерских, и в них чувствуется влияние пергамской школы скульптуры⁷.

¹ Ходза Е.Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 208.

² Green R., Handley E. Op. Cit. P. 66. Fig. 54–59.

³ ТС.Ч.1. С. 52. Ч. 3. С. 19–20; Штительман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977. № 76.

⁴ Ходза Е.Н. Указ. соч. С. 210–211; На краю ойкумены... С. 62. № 216.

⁵ Там же. С. 62. № 215.

⁶ ТС. Ч. 1. С. 21; Кобылина М. М. Указ. соч. С. 88.

⁷ Кобылина М.М. Указ. соч. С. 121–122.

Рассмотренные памятники изобразительного искусства показывают, сколь хорошо жителям Северного Причерноморья были знакомы театральные образы из пьес, известные во всей греческой ойкумене. Дионисийские и другие праздники в театрах Ольвии, Хесонеса и Боспора сопровождались представлениями трагедий и комедий. Многим, побывавшим в Элладе, эти представления напоминали увиденное в афинском и других театрах, а рисунки на вазах и терракотовые статуэтки воспроизводили в памяти полюбившиеся спектакли.

ГЛАВА VIII. ПРАЗДНИКИ АФИНЫ

Праздники Афины в городах Северного Причерноморья

Греческие колонисты, в основном выходцы из Милета, перенесли в Северное Причерноморье культ и праздники Афины, пользовавшейся широкой популярностью в метрополии. В период вывода колоний милетяне справляли празднества богини у ее храмов в городе и его округе; об этих храмах упомянул Геродот (I, 19–22), а их остатки найдены при раскопках¹. Сначала колонисты воспроизводили милетские ритуалы, затем в V–IV вв. до н. э. они привнесли в них некоторые черты афинских торжеств, потому что в это время распространялось активное влияние Афин на самые разные стороны политической, экономической, религиозной и культурной жизни большинства городов Северного Причерноморья². Среди них Ольвия занимает ведущее место по количеству свидетельств о почитании Афины³.

Многочисленные изображения Афины на ольвийских монетах красноречиво говорят о важной роли ее культа и указывают на существование государственных праздников. Голова богини в шлеме впервые появилась на самых ранних литых ольвийских ассах начала V в. до н. э., а затем неоднократно чеканилась на других номиналах⁴. Популярность богини среди населения Ольвии подтверждается находками мраморных и терракотовых статуэток. Первые – исключительно привозные, а среди вторых немало местных эллинистического периода⁵. Из мраморных наибольший интерес представляет вольная копия стоявшей в Парфеноне знаменитой статуи Афины Партенос Фидия⁶.

¹ Кобылина М.М. Милет. М., 1965. С. 83; Пичикьян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. М., 1984. С. 46–50.

² Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.

³ Подробнее о культе Афины в Ольвии см.: Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 90–96.

⁴ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 43–45; Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 13–15.

⁵ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 75–78.

⁶ Фармаковский Б.В. Мраморная статуэтка Афины-Девы // ИАК. № 17. С. 109–114.

Ольвиополиты проводили главные торжества и приносили жертвы в святилище богини на Центральном теменосе, где обнаружены посвященные граффити с ее именем на чернофигурном килике 550–540 гг. до н. э. и на краснофигурном килике конца VI в. до н. э.; несколько подобных посвящений начертано также на сосудах V в. до н. э.¹ В одной такой надписи первой половины V в. до н. э. ольвиополит Аристотель записал, что он исполнял должность жреца сначала Афины, а затем Гермеса²; таким образом, сохранилось имя одного жреца богини, игравшего, как было положено, ведущую роль при жертвоприношении, центральном ритуале праздника.

В празднествах богини на афинском Акрополе заметное место занимали женщины³. По-видимому, так было и в Ольвии, когда ее связи с Афинами достигли наивысшего расцвета в V–IV вв. до н. э., и это безусловно сказалось на проведении ритуалов в честь богини. В одном погребении II в. до н. э. найдено захоронение жрицы или служительницы Афины. Ее руку украшал золотой перстень с бюстом богини и рядом лежала чаша, украшенная таким же изображением. Из подобной чаши совершались возлияния во время жертвоприношений. От чаши сохранился только вкладывавшийся в ее центр серебряный позолоченный медальон диаметром 11,5 см. На нем в рельефе представлен бюст Афины в шлеме с чешуйчатой эгидой на груди; в центре эгиды по традиции помещена голова Медузы Горгоны⁴.

О почитании Афины в Тире известно по нескольким посвящениям, написанным на разных сосудах, и по фрагментам мраморных и терракотовых статуэток. Изображения Афины на местных монетах, начиная с IV в. до н. э. вплоть до III в. н. э., указывают на ее государственный культ и соответствующие общественные празднества⁵.

Сходные археологические памятники имеются также в коллекции археологических находок в Херсонесе. Изображения Афины встречаются на монетах, богиня представлена мраморными и терракотовыми ста-

¹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 90–92. Рис. 26.

² Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 119.

³ Lefkowitz M. Women in the Panathenaic and Other Festivals // WA. P. 78–94.

⁴ Штумпельман Ф.М. Медальон с изображением Афины из Ольвии // СА. 1965. № 4. С. 223–227.

⁵ Зограф А.Н. Монеты Тире. М., 1957. С. 71, 108. Табл. III, 7, 18; Сон Н.А. Греческие культы Тире первых веков нашей эры // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 127–128.

тузтками, а на сосудах IV–III вв. до н. э. прочерчено ее имя¹. В IV в. до н. э. в Херсонесе установили большую статую Афины Спасительницы (IRE I². 406). Это единственное определенное свидетельство о крупной статуе богини, украшавшей город в Северном Причерноморье. Она стояла на площади и замыкала перспективу главной продольной улицы северо–восточного района. Остатки фундамента здания дорического ордера, по всей вероятности, принадлежат храму Афины². Возле него и около статуи совершались херсонесские празднества и жертвоприношения.

Мраморный постамент упомянутой статуи с надписью и углублением для ног дает представление о размерах скульптуры³. Длина стопы имела размер около 49 см. По «Канону» Поликлета, знаменитого скульптора V в. до н. э., ступня должна составлять 1/6 идеальной фигуры человека⁴. Поэтому высота статуи определяется в 3–3,5 м, а вместе с массивным постаментом и высоким шлемом, обычно венчавшим голову Афины, весь памятник достигал 5 м.

Скульптура была обращена лицом не к площади, а к морю, потому что надпись находится на задней стороне пьедестала. В ней сказано, что это работа скульптора Поликрата. Вероятно, по заказу херсонеситов статую исполнил афинский ваятель Поликрат, упомянутый Плинием, или его сын, носивший то же имя. Богиня стояла, опираясь на одну ногу, отставив назад другую, слегка согнутую в колене. Два небольших углубления на постаменте показывают, что левой рукой она держала щит и копье, а на ладони правой, по-видимому, находилась фигурка Ники. Судя по отсутствию опор на базе, статуя была бронзовой. Она служила своеобразным маяком для прибывавших в Херсонес кораблей. Ведь площадь, на краю которой возвышалась статуя, примыкала к обрывистому мысу у входа в гавань, и Афина как бы приветствовала всех входящих в херсонесский порт⁵.

Исследования городов и поселений Боспора показывают, что культ Афины не имел широкого распространения, поэтому там вряд ли справлялись крупные празднества в честь этой богини. Некоторые археологические находки все же указывают на исполнение определенных ри-

¹ Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С.76; Соломоник Э.И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 163–169.

² Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. С. 95–96.

³ Подробно о статуе и надписи на ее постаменте см. в статье Э.И. Соломоник. О культе Афины в Херсонесе в IV–III вв. до н. э. // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984. С. 7–14.

⁴ Виппер Б.В. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 181.

⁵ Соломоник Э.И. Указ. соч. 1984. С. 10–11.

туалов в честь Афины. Например, для возлияний служил найденный в Пантикапее редкий фигурный лекиф начала IV в. до н. э., имеющий форму головы богини в шлеме¹. О включении Афины в государственный культ эллинистического времени свидетельствуют ее изображения на золотых пантикапейских статерах конца III – первой половины II в. до н. э.²

Боспоряне знали разнообразные мифы об Афине и хорошо представляли ее главенствующую роль на афинских празднествах Больших и Малых Панафиней. На Боспоре обнаружено наибольшее в Северном Причерноморье количество предметов прикладного искусства с изображением Афины. Она предстает на рисунках расписных ваз в различных мифологических сценах, ее изображения украшают несколько панафинейских амфор и амфорисков³, а также золотые нашивные бляшки⁴, бронзовые и золотые перстни с геммами⁵. Среди последних по выдающемуся мастерству исполнения выделяется найденный в некрополе Пантикапея золотой перстень с лицом богини, выточенным из сирийского граната⁶.

Празднование Великих Панафиней и участие в них жителей Северного Причерноморья.

Панафиней, главный праздник Афин, пользовались славой во всем античном мире. На это роскошное многолюдное празднество прибывали посольства из многих полисов, а в атлетических и музыкальных агонах состязались граждане из многих греческих государств. В античной литературе и в древних надписях сохранилось немало свидетельств о победах на Панафинейях приезжих эллинов. Они увозили на родину свои награды – панафинейские амфоры, которые найдены при раскопках многих городов и некрополей Эллады и ее колоний⁷, в том числе более десятка подобных амфор обнаружены в Северном Причерноморье⁸.

¹ Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности. М., 1997. С. 46.

² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 584. № 31, 32, 34. Табл. II, № 32, 34.

³ Все вазы, иллюстрирующие Панафиней, будут рассмотрены ниже.

⁴ Гайдукевич В.Ф. Указ соч. С. 288, 290.

⁵ Неверов О.Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 113.

⁶ ДБК. Табл. 15; АП. С. 38. № 39.

⁷ Beazley J.D. Panathenaica // AJA. № 47. 1943. P. 441–465; Neils J. Panathenaic Amphoras. Their Meaning, Markers and Markets // GP. P. 48–50.

⁸ Воовиченко И.И. Panathenaica // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 239–243.

Глава VIII. Праздники Афины

О широкой популярности Панафинейских праздников во всей греческой ойкумене уже в первой половине V в. до н. э. можно судить по упоминанию о них в оде Пиндара; поэт назвал призовые амфоры за две победы на Панафинейях выдающегося аргосского борца наряду с его наградами на прославленных Немейских и Пифийских играх и на аргосском празднике Геры (Pind. Nem. X, 25–37).

Во время существования Афинского морского союза каждый союзный полис доставлял на Великие Панафинеи животных для грандиозного жертвоприношения Афине и другим олимпийским богам (IG I². 57, 63, 66)¹, которые, как считалось, незримо присутствовали на празднике. Кроме того, эти города приносили в дар богине полный набор вооружения гоплита как символ своей военно-политической связи с Афинами², В число союзников во второй половине V в. до н. э. входили Ольвия и, возможно, Тира, а из боспорских городов определенно Нимфей и, по-видимому, Гермонасса, Киммерик и Патрей³. Таким образом, в это время эллины из Северного Причерноморья безусловно участвовали в главном афинском празднестве.

Несколько письменных и археологических источников указывают на присутствие боспорян на Панафинейях в IV в. до н. э.⁴ Известно, что одна из торжественных церемоний праздника состояла в чтении глашатаем декретов в честь афинских граждан и иноземцев, оказавших особые услуги Аттике. Боспорские цари Сатир, Левкон, Спарток и Перисад, поставлявшие в Афины большие партии хлеба на льготных условиях (Dem. XX, 31–33), удостоились такой почести на Панафинейях. Это записано на мраморной стеле из Пирея. В апреле 346 г. до н. э. афиняне постановили: «Спартоку и Перисаду пользоваться теми же привилегиями, какие народ дал Сатиру и Левкону, и венчать каждого золотым венком по тысяче драхм в Великие Панафинеи. Раздатчикам наград делать вен-

¹ *Shapiro H.* Democracy and Imperialism. The Panathenaia in Age of Pericles // *WA*. P. 222.

² В афинском декрете 425 г. до н. э. предписано всем союзным городам присылать на Великие Панафинеи корову и паноплию в дар богине. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969. № 46.

³ См. комментарий к МИС. 1, а также: *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Т.3. Одесса, 1960. С. 73–85; *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. С. 70–88; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1985. С. 90–105; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса М., 1989. С. 126–134.

⁴ *Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // *ВДИ*. 2002. № 2. С. 134.

ки в каждый первый год Великих Панафиней, согласно с постановлением народа, ранее вынесенным для Левкона, и публично возвещать о том, что афинский народ венчает Спартока и Перисада, детей Левкона, за доблесть и благорасположение к афинскому народу» (IG². № 212; МИС. 3 – перевод Б. Н. Гракова).

Итак, боспорские цари присутствовали на Панафинях в качестве почетных гостей. После торжественной церемонии венчания золотым венком они посвящали его Афине Полиаде (хранительнице города) в ее храме на Акрополе. Там хранилась древняя деревянная статуя богини, а под храмом находилась пещера, где обитала священная змея Афины; эта змея считалась олицетворением мифического царя и героя, покровителя города – Эрехтея или Эрихтония, поэтому храм Афины Полиады стали называть Эрехтейоном.

Боспоряне соблюдали общее для всех правило посвящать полученный на Панафинях венок богине города (Aeschyn. III, 46), поэтому на него заранее наносилась надпись, указывающая, что такой-то боспорский правитель посвятил свою награду Афине, «будучи увенчан афинским народом» (МИС. 3). Эти венки находились в храме вместе со многими подобными подношениями богине от афинян и эллинов из разных городов.

Наряду с официальными лицами в Панафинях, вероятно, принимали участие атлеты и музыканты из Ольвии, Херсонеса и городов Боспора¹. Среди зрителей присутствовало немало жителей Северного Причерноморья, в число которых входили не только граждане. Ведь праздник справляли летом, в разгар навигации, когда в Афины с северных берегов Понта прибывали корабли с товарами. Команда одного из таких кораблей, укомплектованная боспорянами, упоминается в речи «Против Формиона» (Dem. XXXIV). Вместе с боспорским гражданином купцом Формионом на судне плыли Лампид, доверенный слуга боспорянина Диона, и рабы матросы². Молодые люди из состоятельных семей северопричерноморских городов стремились увидеть Афины (Isocr. XVII, 1), их достопримечательности и, конечно, побывать на самом знаменитом празднике. На память о нем они увозили на родину маленькие

¹ На такую возможность указывают многочисленные атлетические и мусические состязания во всех полисах Северного Причерноморья. Участники этих агоней показывали выдающиеся результаты, поэтому они могли соперничать с опытными атлетами из Эллады (см. об этом в главах «Награды на праздниках» и «Спортивные и музыкальные агоны»).

² *Скржинская М.В.* Боспорский купец Формион в Афинах // *Торговля и торговец в античном мире.* М., 1997. С. 125.

амфориски-сувениры, которые археологи неоднократно находили на Боспоре (рис. 58)¹.

Афиняне гордились своей открытостью всему миру (Thuc. II, 39). Участие в Панафинеях граждан из других городов и множество иноземцев, присутствовавших в роли зрителей, служили прославлению Афин во всей греческой ойкумене. Издавна праздник в честь покровительницы города Афины Полиады справлялся ежегодно в день ее рождения. Во второй четверти VI в. до н. э., вероятно, по инициативе Гиппоклида, архонта 566/5 г. до н. э., празднество приобрело особую пышность раз в четыре года. Его проводили в третьем году каждой Олимпиады, оно уже не умещалось в один день и постепенно ко второй половине V в. до н. э. растянулось на восемь дней. В промежутке между Великими Панафинеями справлялись Малые Панафинеи с сокращенной программой агонов, меньшими жертвоприношениями и более скромным шествием к храму Афины².

В VI в. до н. э. Писистрат, а в V в. до н. э. Перикл добавляли новые виды мусических и гимнастических состязаний на Панафинеях, увеличивалось количество жертв, и шествие по городу делалось все более многолюдным и красочным. Центральным днем праздника оставался день рождения Афины, по преданию, появившейся на свет 28-го Гекатомбеона, первого месяца аттического года. Он начинался в новолуние после летнего солнцестояния, значит, Панафинеи приходились на конец июля – начало августа.

Программа празднества реконструируется на основании сообщений Аристотеля (Ath. Pol. 54, 60, 62) и некоторых других античных авторов, а также большого фрагмента надписи 70-х годов IV в. до н. э. с перечислением панафинеийских наград (IG II². 2311). Из-за лакун в сохранившихся источниках существуют разногласия в определении отдельных деталей празднования Панафинеи. В нашем описании за основу взята одна из последних наиболее доказательных версий, предложенная Дж. Нейлс³, под редакцией которой вышли две книги о Панафинеях.

В первый день 23-го Гекатомбеона состязались музыканты и рапсоды, исполнявшие поэмы Гомера и, может быть, другие эпические

¹ Вдовиченко И.И. Указ соч. С.236. Каталог № 15–22. В научной литературе упоминаются лишь целые амфориски, а их фрагменты никто не учитывал.

² Назовем несколько наиболее подробных исследований о Панафинеях: Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P.33–50; Goddes and Polis. The Panathenaic Festivals in Ancient Athens. Ed. J.Neils. New-Jersey, 1992; Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Ed. J.Neils. Madison, 1996.

³ Neils J. The Panathenaica // GP. 1992. P. 16.

произведения. Сначала они выступали под открытым небом на агоре. В середине V в. до н. э. Перикл построил специальное здание для музыкальных агонов, что отразилось в его названии Одеон от греческого слова песнопение. По словам Плутарха, Перикл входил в состав судей и «сам установил правила, которыми участники состязания должны руководствоваться при игре на аулосе, пении и игре на кифаре» (Plut. Per. 13). Плутарх ошибочно полагал, что Перикл впервые добился народного постановления, чтобы на Панафинеях происходили музыкальные состязания. Вероятно, он лишь расширил и реформировал существовавший по крайней мере с конца VI в. до н. э. музыкальный агон, потому что несколько призовых панафинеийских амфор с изображением кифародов и авлетов относятся еще к архаическому времени¹. Авлет между двумя судьями представлен на амфоре конца VI в. до н. э., найденной в Пантикапее; вазописец полностью повторил композицию рисунков на призовых панафинеийских амфорах и только не включил надпись о победе (рис. 59). Эта ваза показывает, что на Боспоре уже в архаический период знали о музыкальных агонах на Панафинеях.

Из упомянутой афинской надписи о наградах в IV в. до н. э. следует, что на мусическом агоне самый дорогой приз получали мужчины-кифароды, певшие и аккомпанировавшие себе на кифаре. Кифародам выделялось пять призов, тогда как в других видах состязаний их было по три или два. Первая премия состояла из большого золотого венка стоимостью в 1000 драхм и 500 серебряных драхм, за второе место получали 1200 драхм, за третье – 600, за четвертое – 400, за пятое – 300 драхм. Далее выступали кифаристы, исполнявшие инструментальные пьесы; наградой за первое место был золотой венок стоимостью в 500 драхм и 300 серебряных драхм, за второе место давали 200, за третье – 100 драхм. Менее ценными призами награждали мужчин, игравших на аулосе или певших под аккомпанемент, а также мальчиков, выступавших в тех же номинациях, что и взрослые.

Атлетические состязания заполняли второй и третий день. Сначала выступали мальчики (12–16 лет) и юноши (16–20 лет), а на другой день – взрослые атлеты. В программу входил пентатлон (пятиборье), включавший бег, борьбу, прыжки, метание копья и диска. Соревнования в борьбе и беге проходили также отдельно от пентатлона.

На четвертый день зрители собирались на ипподроме наблюдать различные конные состязания: бег колесниц, запряженных парой или четверкой коней, и соревнования всадников. Самая большая награда – 140

¹ *Shapiro H.* Musikoi agones. Music and Poetry at Panathenaia // GP. P. 57.

панафинейских амфор с оливковым маслом – присуждалась победителю в колесничьем беге, причем приз получал хозяин колесницы, даже если он не выступал возницей.

Пятый и седьмой день посвящались соперничеству фил, то есть состязались только полноправные афиняне, в отличие от предыдущих дней, когда в агонах мог принять участие гражданин любого греческого полиса. Первоначально в Афинах было 4 родовых филы; после реформы Клизфена в 510 г. до н. э. афинские филы превратились в территориально-политические общины, и число их возросло до 10. Каждая фила выставяла своих представителей для соревнований апобатов, лампадромов, для гонок на кораблях и для исполнения военного танца пиррихий. Последний включали в праздник в память о том, что Афина якобы танцевала пиррихий, родившись из головы Зевса, и после победы над гигантами (Dion. Hal. VII, 72, 7). Именно эти два мифа особо вспоминали на Панафинеях.

Шестой день был центральным; он приходился на мифическую дату рождения Афины. С восходом солнца торжественная процессия отправлялась от Дипилонских ворот по Панафинейской дороге к Акрополю. Шествие начиналось от здания Помпейона (от слова *πομπή* – шествие), куда накануне праздника собирали священные сосуды и другую утварь, которую несли участники процессии. Под аккомпанемент кифар и аулов и пение хоров шествие двигалось через Керамик, пересекало агору и поднималось на Акрополь по его северному склону, преодолевая расстояние более километра. Панафинейская процессия изображена на фризе Парфенона и описана в античной литературе. В ней участвовали представители всех слоев свободного населения Афин: мужчины и женщины, богатые и бедные, молодые и старые, аристократы и простолюдины, граждане, метеки и даже вольноотпущенники¹. Это многолюдное шествие включало не только вереницу идущих в определенном порядке людей, но также всадников и конные колесницы. Опытные распорядители следили за порядком и направляли шествие. Его самой красочной частью был деревянный корабль, катившийся на колесах. Мачту необычного судна украшало полотнище с вытканными на нем эпизодами борьбы Зевса, Афины и других богов с гигантами. Впервые такой корабль провезли в Панафинейской процессии после победы афинян над персами при Саламине в 480 г. до н. э.² Вот как он описан в речи позднеантичного автора Гимерия (III, 13, 14, 16):

¹ *Shapiro H. Democracy and Imperialism...* // WA. P. 221.

² *Barber E. Peplos of Athena* // GP. 1992. P. 114.

«Жрецы и жрицы наполняют корабль; эвпатриды увенчаны золотыми венками, остальные – венками из цветов. Высокий и величавый, словно качающийся на волнах, корабль движется на колесах, которые благодаря множеству искусно прилаженных осей легко катят его к холму Паллады. Отсюда, я думаю, богиня любит праздничный обрядом. При пении священного хора афинских граждан отвязывается причальный канат, и все призывают ветер сопутствовать священному кораблю... Священная триера Девы... идет посуху: звонкое дыхание аттических флейт звучит ей вслед, как попутный ветер, и направляет ее бег»¹.

Важнейшая церемония шестого дня состояла в поднесении Афине нового одеяния – пеплоса шафранного цвета с вытканными на нем сценами из мифов о богине, главным образом, о ее сражении с гигантами. За девять месяцев до Панафиней на празднике Халкейя девочки аррефоры вместе со жрицей Афины устанавливали станок, на котором искусные ткачихи начинали ткать пеплос для богини. Момент передачи в храм Афины сложенного для хранения роскошного платья изображен на фризе Парфенона.

Пеплос предназначался для древней небольшой деревянной скульптуры Афины в Эрехтейоне², а не для огромной скульптуры Фидия в Парфеноне, как полагают некоторые ученые на основании не совсем ясных описаний древних авторов³. Ведь ткань для громадного пеплоса, который подошел бы десятиметровой фидиевской Афине Партенос, не смогли бы легко поднять две женщины, как это видно на рельефе, украшавшем Парфенон⁴. Кроме того, статуя Афины Партенос имела замечательное драгоценное убранство, которое не стоило делать, если на статую надевали платье, скрывавшее почти всю фигуру богини. Поднесенный Афине Полиаде пеплос хранился в храме до праздника Плинтерий. Тогда жрицы из знатного афинского рода Праксиергидов совершали в море священное омовение деревянной статуи и облачали ее в новое одеяние⁵.

¹ Гимерий. Речь к Василию. Перевод С.В. Поляковой // Поздняя античная проза. М., 1960. С. 613.

² Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 205–206. Эта старинная статуя, по преданию, упавшая с неба, была сделана из оливкового дерева и изображала стоящую Афину без вооружения, голову богини украшала диадема, в ушах находились серьги, а на шее ожерелье. *Altroth. B. Gods and Figurines. Uppsala, 1989. P. 48–50.*

³ Parke H.W. Op. cit., P. 38.

⁴ Barber E. Op. cit. P. 110, 114.

⁵ Колобова К.М. Указ. соч. С. 206.

Другое важнейшее действие на Панафинеях составляло грандиозное жертвоприношение на алтаре Афины; огонь на нем зажигал афинский лампадодром, победитель в беге с факелами. Лампадодромия входила в программу Больших и Малых Панафинея. Дистанцию около двух с половиной километров пробегала эстафета по четыре бегуна от каждой филы. Старт находился у алтаря Эроса у входа в Академию; с зажженным на этом алтаре факелом лампадодромы бежали на Акрополь, и там на алтаре Афины зажигался огонь от факела победителя. Приз лампадодрома состоял из гидрии и 30 драхм, а его фила получала 100 драхм и быка. На эти деньги устраивался праздничный пир филы, во время которого съедали быка¹.

Всю ночь после дня рождения богини на Акрополе проходило всеобщее бдение, слышалось пение гимнов и исполнялись танцы. Затем на седьмой день в гавани Пирея устраивались гонки кораблей и, по мнению некоторых ученых, состязались апобаты². Но можно думать также, что апобаты выступали в заключение конских ристалищ³, поскольку их мастерство неразрывно связано с колесницами (рис. 60).

Состязания апобатов, буквально: «сходящих с колесницы», появились в глубокой древности, когда в войнах использовали боевые колесницы с двумя мужчинами⁴. Один правил конями, а другой умел соскочить на полном ходу, вступить в сражение с пешими воинами и в случае надобности снова вспрыгнуть на колесницу, чтобы быстро оторваться от противника. Краткие описания искусства апобатов у античных авторов свидетельствуют, что существовало несколько видов состязаний. Дионисий Галликарнасский (VII, 73) пишет, что апобаты, спрыгнув с колесниц, соревновались между собой в беге, в то время, как колесницы продолжали гонки. В одном из древних словарей (*Etymologicum magnum*) описан другой вид состязаний, во время которых апобаты спрыгивали с колесницы и, пробежав какое-то расстояние, возвращались, вскочив на колесницу на полном ходу. В VI в. до н. э., когда стали праздновать Великие Панафинеи, боевые колесницы уже не применялись на войне, но по древней традиции состязания апобатов сопровождали празднество. Кроме того, апобаты демонстрировали свое искусство на агоре, когда ее пересекала панафинеяская процессия⁵.

¹ Kyle D. The Panathenaia Games. Sacred and Civic Athletics // GP. P. 96.

² Neils J. Op. cit. P. 16.

³ Максимова М.И. Миниатюрная группа на Феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. № 1. С. 65.

⁴ Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001.

⁵ Участие апобатов в Панафинеях запечатлено на фризе Парфенона. Подробно об этом виде состязаний см.: Kyle D. Op. cit. // GP. P. 89–90. Fig. 56.

В одной из речей Демосфен с гордостью подчеркнул, что на соревнованиях апобатов допускаются только афинские граждане. Оратор назвал искусство апобатов «восхитительным зрелищем, состоящим из множества меняющихся картин». Восхваляя Эпикрата, Демосфен высоко оценил его выбор заниматься именно этим видом физической тренировки и выступать на агонах апобатов, потому что, «помимо победного венка, уже сами состязания и подготовка к ним являются немалой наградой для тех, кто в надлежащей мере стремится к доблести» (Dem. LXI, 23–25). Друзья и родственники победителей чествовали их пиром. Плутарх упомянул о желании многих друзей устроить симпосион по случаю успеха на Панафинейях апобата, сына Фокиона, видного политического деятеля IV в. до н. э. (Plut. Phoc. 20).

Вероятно, на Панафинейях апобаты напоминали об Эрехтее, легендарном изобретателе колесницы. По преданию, во время первого празднования Панафиней он появился, правя колесницей, и рядом с ним стоял вооруженный воин¹. Кроме того, апобаты могли также символизировать на празднике миф о сражении богов и гигантов, в котором Афина и Зевс воевали, спрыгивая с колесниц².

Заключительный восьмой день Панафиней знаменовался раздачей призов и праздничными пирами. В торжественной обстановке победителей венчали оливковыми венками, одним вручали денежные награды, другим – знаменитые панафинейские амфоры, наполненные оливковым маслом; его готовили из плодов маслин, росших в священной роще Афины. Тогда же провозглашались почетные декреты в честь афинян и иностранцев, оказавших особые услуги государству.

К каждым Великим Панафинейам лучшие афинские вазописцы расписывали по государственному заказу около 1400 чернофигурных амфор, не изменяя древней традиции во времена, когда этот стиль рисунка давно вышел из моды. В более или менее хорошей сохранности к настоящему времени дошло около 300 таких амфор³. Древнейшая из них изготовлена около 560 г. до н. э., на ней имеется надпись, говорящая от лица амфоры: «Я являюсь призом за победу на Панафинейях»⁴.

¹ Ibidem. P. 89.

² Robertson N. *Athena's Shrines and Festivals* // WA. 1966. P. 57.

³ Neils J. *Panathenaic Amphoras* // GP. 1992. P. 29, 46. В число этих 300 амфор не вошли найденные в разных местах и нигде полностью не учтенные мелкие фрагменты с остатками призовых надписей, свидетельствующие, что этот фрагмент принадлежал панафинейской амфоре.

⁴ Hamilton R. *Panathenaic Amphoras. Other Side* // WA. P. 118.

К концу VI в. до н. э. сложился канон росписи панафинейских амфор: на одной стороне рисовали состязание, за которое получена награда, на другой – фигура Афины в профиль со щитом и копьем в руках (рис. 63, 64). Богиня изображалась шагающей между двумя колоннами, на которых стоят петухи. У греков, страстных любителей петушиных боев, эти птицы символизировали превосходные бойцовские качества и неудержимую волю к победе. Вдоль одной из колонн располагалась надпись «Приз из Афин» (рис. 62). Большинство этих ваз очень крупные, более 60 см в высоту.

Манера исполнения и детали росписи панафинейских амфор постепенно менялись. На рубеже V–IV вв. до н. э. петухов на колоннах сменили скульптуры разных божеств. В IV в. до н. э. фигура Афины стала неестественно удлиненной, а рисунки атлетов приобретали все более реалистические черты. Изменилась и надпись, в которой стали указывать, при каком архонте выдан приз, поэтому такие награды можно датировать с точностью до года. Позднейшая амфора с указанием архонта относится к 312/311 г. до н. э., а затем там стали писать имена агонотетов (организаторов игр) или казначеев. Редкий образец одной из самых поздних панафинейских амфор обнаружен в Ольвии (рис. 63)¹. Таких ваз найдено очень мало, вследствие чего можно заключить, что, начиная с III в. до н. э., амфоры с маслом перестали занимать почетное положение среди наград на Панафинейях.

Во второй половине VI – начале V вв. до н. э. афинские мастера расписывали также псевдопанафинейские амфоры, отличающиеся от призовых только отсутствием надписи «приз из Афин» и, как правило, меньшими размерами. Вероятно, эти амфоры наполняли священным панафинейским маслом, на продажу которого государство имело монополию. Возможно, подобные амфоры делали также по определенным заказам для праздничных пиров в честь панафинейских победителей². Ведь нам известны случаи изготовления отдельных сосудов и целых керамических сервизов с определенной росписью для богатых пиров в VI–V вв. до н. э.; после пира вазы часто продавали, поэтому их находят в разных частях греческой ойкумены³. Победители увозили на родину панафинейские амфоры; в то же время призеры, не нуждавшиеся в столь большом количестве масла и амфор, имели право продавать свои награ-

¹ Тревер К.В. Ольвийская полихромная амфора 1901 года // МАР. № 36. 1918. Рис. 2.

² Neils J. Op. cit. P. 122.

³ Webster T. Potter and Patron in classical Athens. London, 1973. P. 42, 52.

ды. Расходясь по многим городам и поселениям, амфоры распространяли славу об Афинах и их замечательном празднике¹.

Панафинейские и псевдопанафинейские амфоры неоднократно находили в Северном Причерноморье, больше всего на Боспоре, а также в Ольвии и Херсонесе². Старшие относятся к концу VI в. до н. э., младшие – к раннему эллинистическому периоду. Вероятно, какие-то из этих амфор принадлежали северопричерноморским победителям на Панафинейях, а другие привезли сюда на продажу. Иногда такие амфоры покупали у боспорян эллинизированные варвары, о чем известно из находок в погребениях с негреческим обрядом захоронения на границах с Боспором³.

Иллюстрации Панафиней на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.

В быту жителей Северного Причерноморья использовались вазы и некоторые другие предметы прикладного искусства с иллюстрациями Панафиней. Рисунки напоминали об этом празднике тем, кто на нем побывал в Афинах, а также служили иллюстрациями к их рассказам о Панафинейях. Среди северопричерноморских находок имеются вазы, изображающие эпизоды всех восьми дней праздника.

К первому дню, когда состязались музыканты, относятся росписи двух амфор, найденных в Пантикапее и на нижнем Дону⁴. На одной, изготовленной в конце VI в. до н. э., изображен исполнитель на аулосе (рис. 59), на другой, сделанной в 30-х годах V в. до н. э., – кифарист (рис. 64)⁵. Оба музыканта стоят на трехступенчатом беме – возвышении

¹ Kyle D. Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes // WA. P. 122.

² Наиболее полный свод таких находок в Северном Причерноморье и библиография их изданий приведены в указанной выше статье И.И. Вдовиченко (С. 166). На самом деле, этих амфор больше 12, собранных Вдовиченко, но кроме еще одной ольвийской, они не публиковались. Например, в Горгиии найдено 4 фрагмента панафинейских амфор (сообщение А.К. Коровиной), один фрагмент на хоре Ольвии (сообщение С.Б.Буйских), несколько фрагментов в Херсонесе (Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963. С. 150).

³ Вахтина М.Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // Stratum. Петербургский археологический вестник. СПб.–Кишинев, 1997. С. 62–63.

⁴ Радлов Н.Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России в 1911 г. // ИАК. № 45. 1912. С. 76–91; Вдовиченко И.И. Указ. соч. № 2, 12.

⁵ О кифаре, аулосе и исполнении на них музыки см. в разделе «Музыка, пение и танцы во время празднеств».

для победителей; они одеты в длинные парадные одеяния. Авлет стал победителем среди старшей группы музыкантов, поскольку у него есть небольшая борода. Его голову венчает пурпурная лента, на губы надета форбея, к которой он прижимает две трубки своего аулоса. Форбею надевали при игре на открытом воздухе, и это соответствует тому, как проходили музыкальные состязания при жизни вазописца в конце VI в. до н. э. Лишь в следующем веке на Панафинеях музыканты могли играть без форбеи в закрытом зале Одеона. По обеим сторонам бемы изображены двое судей, одетых в плащи и опирающихся на посохи. На другой стороне этой амфоры находится традиционная фигура Афины между колонн с петухами на капителях; надпись о награде отсутствует, так что ваза принадлежит к числу псевдопанафинеийских.

На второй амфоре есть надпись о призе из Афин. Это единственная из сохранившихся наградных амфор с изображением музыканта, все прочие с подобными рисунками – псевдопанафинеийские. Голову кифариста на призовой амфоре венчает оливковый венок победителя. Кифара прикреплена на ремне к левому плечу, а в правой руке музыкант держит плектрон, готовясь провести им по струнам. Слева стоит бородатый судья, а справа сидит безбородый молодой человек в длинной одежде. Наверное, это участник агона среди юношей. У кифариста-победителя изображена борода, так что перед нами обладатель самой крупной награды среди музыкантов, как известно из упомянутой выше надписи. Однако там, как и в «Афинской политике» Аристотеля (60, 3), говорится о награде, состоящей из венка и денежного приза. Так было в IV в. до н. э., к которому относятся упомянутые источники, а прежде, как показывает эта ваза, музыканты, подобно атлетам, получали в качестве приза амфоры с маслом. Вероятно, виды наград изменились после 403 г. до н. э.¹

Четыре амфоры и четыре панафинеийских амфориска украшают иллюстрации второго и третьего дней праздника, посвященных атлетическим состязаниям². На старшей вазе, расписанной около 500 г. до н. э., изображены две пары бородатых бегунов. Такой амфорой награждали за самый престижный вид атлетического агона – бег взрослых мужчин. Эта ваза, как и две другие с фигурами бегунов, снабжена призовыми надписями. На амфоре из Уляпского кургана, расписанной мастером Ахиллеса во второй половине IV в. до н. э., изображены трое атлетов, один из которых бежит навстречу двум другим. Так показан бег на длинную дистанцию, при котором пробегали вперед и назад отмеченные на

¹ *Hamilton R.* Op. cit. P. 138.

² *Вдовиченко И.И.* Указ. соч. № 1, 5, 11, 15.

стадионе стадии. Бегущий навстречу другим атлет либо вырвался вперед, либо отстал¹. На последней из названных амфор прекрасно передано быстрое движение трех атлетов, помогающих себе энергичными движениями рук; колонны около Афины венчают уже не петухи, а статуи Ники и Эрота. Эта амфора, расписанная в первой четверти IV в. до н. э., найдена в окрестностях Пантикапея в погребении знатного воина, который, вероятно, сам завоевал этот приз на Панафинейях (рис. 87)².

Фигура бегуна нарисована также на панафинейском амфориске IV в. до н. э. Его, как и другие подобные маленькие, довольно небрежно расписанные амфориски, привезли из Афин в качестве сувенира. Возможно, в них содержалась благовонная панафинейская мазь, о которой упомянул Плиний в «Естественной истории» (XIII, 6). Амфориски из раскопок Боспора украшают фигуры Афины, метящей копье, бегущих и стоящих атлетов и лампадодромы (рис. 58)³.

Великолепное изображение кулачного боя нарисовано на призовой панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской части Боспора⁴. В центре картины победитель замахивается на упавшего противника, который, подняв руку, просит пощады. Кисти рук соперников обмотаны ремнями, игравшими роль современных боксерских перчаток. Справа стоит судья в нарядном плаще с тканым узором, в руке у него судейский жезл, а на голове – венок. Слева за соревнованием наблюдает эфедр – очередной боец, который будет сражаться с победителем. В поднятой руке у него еще не завязанные на кистях ремни. У всех мужчин обозначена небольшая борода, и таким способом показано, что состязаются взрослые, а не юноши (рис. 61).

На другой стороне амфоры – традиционная фигура Афины между колоннами с петухами. Она сильно вытянута, а голова непропорционально мала по сравнению с туловищем. Длинный хитон богини, богато украшенный разными орнаментами, поражает тонкостью исполнения рисунка. Эта ваза дала имя целой «кубанской группе» панафинейских амфор⁵.

¹ Ксенофонтowa И.В. Панафинейские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4. С. 183.

² ОАК 1876. С.5, 109. Табл.1.2; Вдовиченко И.И. Указ соч. С. 242. № 5.

³ Горбунова К.С. Миниатюрные панафинейские амфоры // Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des science. T. 26. № 13. Warszawa, 1984. P. 112–118; Вдовиченко И.И. Указ. соч. № 15–22.

⁴ Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. Т. 3 С. 81–83; Вдовиченко И.И. Указ соч. С. 241. № 3.

⁵ Bearzley J.D. Attic Black-Figure Vase Painters. L., 1956. P. 411.

Кулачный бой изображен еще на одной вазе, имеющей непосредственное отношение к Панафинеям. Чернофигурный кратер из Пантикапея расписан в середине VI в. до н. э. мастером круга выдающегося вазописца Лидоса¹. На одной стороне кратера нарисован момент схватки двух борцов, на другой помещена Афина, сражающаяся с гигантом, представленным в облике воина-гоплита. Богиня в высоком шлеме с гребнем, со щитом и копьем в руках стремительно наступает на гиганта, представленного в виде воина в шлеме и поножах. Он пытается защититься, прикрывшись щитом и замахнувшись копьем, но позы обоих персонажей указывают на преимущество Афины. Единоборство наблюдают спокойно стоящие по бокам фигуры мужчин в плащах, которых принято называть зрителями (рис. 65).

Взаимосвязь обеих сцен на кратере заключается в том, что воспоминание о победе Афины над гигантами было одной из центральных тем Панафинеи, а кулачный бой входил в обязательную программу состязаний на этом празднике. Предание о гигантах Афины хорошо знали в Ольвии и на Боспоре, начиная с VI в. до н. э., о чем свидетельствуют найденные здесь вазы со сценами из этого мифа².

Скачки на лошадях и бег колесниц заполняли четвертый день праздника. Мчащаяся колесница нарисована на найденной в Ольвии панафинеиной амфоре эллинистического времени³. Юноша в традиционном для возниц длинном безрукавном хитоне правит конями, держа в одной руке вожжи, а в другой стрекало для понукания лошадей.

Возможно, в тот же или на следующий день выступали апобаты. Сохранилась единственная панафинеиная амфора IV в. до н. э. с изображением такого вида состязаний⁴. Этот один из древнейших видов агоннов, по свидетельству Феофраста, практиковался в IV в. лишь на празднествах в Афинах и Беотии (Harpocr. s v. Arobatikoi trokoi). Надписи V–IV вв. до н. э. с упоминанием апобатов найдены только в Афинах и находившемся в Атике городе Оропе. В I–II вв. н. э. состязания апобатов возобновились на играх в Риме, Неаполе, Лариссе и некоторых других городах. Образцом для них служили Панафинеи, во время которых апо-

¹ Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ. М., 1985. С. 27–30. № 16.

² Скуднова В.М. Античный некрополь Ольвии. Л., 1988. № 50, 8; Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28. С. 32. Рис. 15.

³ Эта ваза из хищнических раскопок Ольвии попала в коллекцию А. Фогелля (ср. прим. 1 на с. 175); Теперь она находится в Берлинском Государственном музее, и в ее паспорте, по-видимому не значится место находки. ABF. S. 247. № 308.

⁴ Kyle D. The Panathenaic Games // GP. P. 90. Fig. 56.

баты состязались на ипподроме. Они также показывали свое искусство в торжественном шествии от Дипилонских ворот к Акрополю, о чем известно по рельефу на фризе Парфенона¹.

Из Северного Причерноморья происходит никем еще не отмеченное уникальное свидетельство о том, что апобатов включали в праздничные шествия, проводившиеся в VI в. до н. э. в некоторых ионийских городах. Об этом можно судить по рисунку на среднем из уцелевших фризов клазоменского кратера, изготовленного во второй четверти VI в. до н. э. и привезенного в Борисфен. Два пояса росписи вазы изображают торжественную многолюдную праздничную процессию, сопровождаемую музыкой, танцами и хороводами (рис. 2)². Шествие на среднем фризе возглавляют четыре танцора, которым аккомпанирует авлет. За ними движутся всадники и колесницы, запряженные одной лошадью. Далее стоит мужская фигура, вероятно, распорядитель праздника, к нему подъезжает колесница с парой коней, на которую вскакивает воин в шлеме и со щитом. Это – апобат, он демонстрирует свое искусство во время движения процессии так же, как это происходило на панафинейском шествии. В нем тоже участвовали всадники, колесницы и музыканты.

На чернофигурном лекифе, найденном в Ольвии, нарисована мчащаяся колесница, запряженная парой коней; ею управляет возница с длинным стрекалом, а рядом бежит воин в шлеме и с копьем³. Зритель мог воспринимать эту сцену и как изображение афинского состязания апобатов, и как эпизод из эпического сказания. Ведь мастера чернофигурной вазописи включали колесницы с апобатами в иллюстрации мифов чаще всего в эпизоды сражений богов и гигантов. Такова, например, колесница со вскакивающим на нее апобатом на многофигурной композиции гигантомахии богов, которая украшает плечики чернофигурной гидрии 540–530-х гг. до н. э.⁴ На другом чернофигурном лекифе из Северного Причерноморья вооруженный воин догоняет квадригу, перед ней нарисован столб-мета, стоявший на стадионах⁵. Здесь несомненно представлен момент состязания апобатов, а не сцена боя эпических времён.

¹ Ibidem. P. 90.

² Изображение этого кратера см. в кн.: Культура населения Ольвии в архаическое время. Киев, 1987. С. 50. Рис. 20; Aus den Schatzkamern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Zürich, 1993. S. 154. № 75; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New-York, 1999. № 61.

³ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 160. № 134.

⁴ Auction Reports // Minerva. V. 5. № 5. 1994. P. 30. Fig. 34.

⁵ Горбунова К.С. Указ. соч. С. 158. № 130.

Фантазия древних греков наделяла искусством апобата некоторых богов и героев. Чернофигурные вазовые рисунки с эпизодами мифа о сражении богов и гигантов показывают, что апобатами выступали Зевс и Геракл¹. П. Виан впервые определил, что Афина в шлеме, изображенная на вазах около колесницы, представляет воительницу-апобата: она прыгнула с колесницы, чтобы вступить в бой с гигантом². Таким образом, вазы с подобной росписью иллюстрируют один из главных мифов, которые вспоминали во время Панафиней. Два лекифа с Афиной-апобатом найдены в Пантикапее; они, как и оба выше упомянутых, расписаны около 480 г. до н. э.³

Рисуя сцены из эпоса, художники нередко ставили возницей на боевую колесницу Нику, крылатую богиню победы. Иногда ей сопутствует апобат, стоящий рядом или прыгающий с колесницы. Такие сцены украшают два выдающихся произведения прикладного искусства IV в., до н. э. найденные на Боспоре.

На плечиках лекифа афинского мастера Ксенофанта в невысоком рельефе представлена Афина, поражающая гиганта, и трижды повторен рельеф с колесницей, управляемой Никой, и воином-апобатом, бегущим рядом с колесницей⁴. Наверное, это Геракл в сцене из гигантомании богов, призвавших героя к себе на помощь. Повторение рельефа показывает, что Ксенофант, работавший в первой четверти IV в. до н. э., неоднократно украшал свои произведения сценой с Никой и апобатом⁵.

Изумительные крошечные фигурки крылатой Ники, правящей колесницей, и стоящего рядом с ней обнаженного апобата, включены в декор серег из некрополя Феодосии⁶. Эти крупные золотые серьги найдены в 1853 г. и с тех пор постоянно привлекают внимание исследователей, упоминающих их во всех крупных работах об античном ювелирном искусстве. Украшенные фигурками, исполненными в микротехнике, феодосийские серьги занимают первое место по мастерству исполнения среди серег роскошного стиля, бывших в моде у гречанок во второй половине IV – начале III в. до н. э. Серьги этого типа особенно пришлись по вкусу женщинам в Северном Причерноморье, о чем говорят наход-

¹ Robertson N. Op. cit. P. 57. Ср. гидрию группы Леохара конца VI в. до н. э. с изображением Зевса, правящего колесницей, и Геракла в роли апобата (ABF. № 206).

² Vian P. La Guerre des Geants. Paris, 1952. P. 103–104, 248.

³ Борисковская С.П. Указ. соч. С. 30. Рис. 11; С. 33. Рис. 19.

⁴ ДБК. Табл. 45.

⁵ О подобной манере работы Ксенофанта см.: Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 125–126.

⁶ ДБК. Табл. XII а. № 5; ГЗ. № 200.

ки здесь семи из четырнадцати сохранившихся подобных украшений¹. Одни ученые считают их работой афинских ювелиров, другие определяют центры их производства в Северной Греции и Малой Азии². Мне кажется наиболее убедительным мнение Е. Я. Рогова, считавшего, что серьги, найденные в Херсонесе и на Боспоре, изготовлены по заказу местных жителей приезжим италийским ювелиром, работавшим в городах Северного Причерноморья³.

Самая сложная композиция украшает феодосийские серьги; наиболее близки к ним серьги из Херсонеса, на которых также представлена квадрига, управляемая крылатой Никой, но без апобата. На луннице феодосийских серег помещена продолговатая подставка, на ней прямо на зрителя несется четвертка коней; Ника правит колесницей, а рядом с ней стоит апобат с большим щитом. Справа и слева от коней летят крылатые гении. Миниатюрная группа поражает тонкостью мастерства ювелира: высота фигурки апобата составляет всего 0,7 мм. Это напоминает рассказы античных авторов о прославленных в древности ювелирах. Например, Элиан в «Пестрых рассказах» (I, 16) сообщил, что Мирмекид из Милета «смастерил четырехконную колесничку размером меньше мухи и написал золотыми буквами на сезамовом зерне элегический дистих».

Подробный анализ смысла сцены на феодосийских серьгах принадлежит известному искусствоведу М. И. Максимовой⁴. Она определила, что мастер изобразил рядом с Никой апобата. Он держится правой рукой за передок колесницы и, немного согнув колени, уже откидывает назад туловище и левую руку со щитом. В следующий момент апобат коснется ногой земли и, перестав держаться за колесницу, прыгнет и побежит.

По мнению М. И. Максимовой, ювелир представил колесницу, победившую на реальных состязаниях апобатов в Афинах, и Нику, символизирующую эту победу. Мне кажется, что композицию на феодосийских серьгах вернее интерпретировать как сцену из мифа о победе в каком-то сражении или поединке эпических времен. Ведь все известные мне серьги, да и прочие украшения IV в. до н. э., украшают исключитель-

¹ *Саверкина И.И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // *Античное Причерноморье*. СПб., 2000. С. 21.

² ГЗ. С. 264; *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 181–184; *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh – und hoch hellenistischen Gold-Schmucks. Tübingen, 1990. S. 205.

³ *Рогов Е.Я.* О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля. // *Боспорский феномен*. СПб., 2001. С. 66–72.

⁴ *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 62–66.

но мифологические персонажи¹, чаще всего эроты, сфинксы, сирены², а иногда даже эпизоды из определенных мифов, например, орел, уносящий Ганимеда³. К числу подобных сцен следует отнести и композицию на феодосийских серьгах.

Ника, правящая бигой или квадригой, часто изображалась на серьгах IV–I вв. до н. э.⁴, иногда ее представляли без колесницы, но с вожжами в руках⁵. Однако Ника в паре с апобатом известна сейчас лишь на феодосийских серьгах. Возможно, панафинеийские агоны апобатов послужили натурой для ювелира, изготовившего эти изумительные по мастерству серьги, а, может быть, он заимствовал композицию с какой-то афинской скульптуры. Не случайно почти все известные сейчас изображения апобатов V–IV вв. до н. э. исполнены афинскими мастерами: это упомянутые выше росписи ваз, фриз Парфенона и посвященный мраморный рельеф с квадригой, управляемой возницей и стоящим рядом с ним апобатом⁶. У жителей Боспора, побывавших на Панафинеях, фигурки на феодосийских серьгах могли вызывать ассоциации не только со сценой из мифа, но и с реальным состязанием апобатов.

К иллюстрациям пятого дня Панафинеи, вероятно, можно отнести изображение Афины на панафинеийских амфорах (рис. 63, 64). В этот день состязались в исполнении воинственного танца пиррихий, который, по преданию, Афина исполнила после победы над гигантами. Изображение стремительно шагающей вооруженной богини некоторые ученые рассматривают как одно из движений Афины во время этого танца⁷. Если это так, то северопричерноморские греки узнавали какой-то момент пиррихия на имевшихся у них панафинеийских амфорах и других аттических вазах, например, на чернофигурной ольпе последней четверти VI в. до н. э. из Ольвии⁸. Художник нарисовал стремительно движущуюся Афины в полном вооружении; изображение алтаря рядом с богиней указывает, что показан не момент сражения, а сакральная сцена, скорее всего танец пиррихий. Его исполняли в вооружении и танцевали

¹ ГЗ. С. 38.

² Там же. № 11, 19, 43, 114.

³ Там же. № 31.

⁴ Там же. С. 264; *Deppert-Lipitz B.* Op. cit. S. 228. Fig. 164.

⁵ ГЗ. № 30.

⁶ *Kyle D.* Op. cit. // GP. P. 90. Fig. 57.

⁷ *Pinney G.* Pallas and Panathenaea // *Proceeding of the 3^d Symposium on Ancient Greek and Related Pottery.* London, 1973. P. 3.

⁸ *Greek and Cypriot Antiquities in Archaeological Museum of Odessa–Nicosia,* 2001. № 20.

во всей Греции и ее колониях¹. На Панафинейях в искусстве пиррихий состязались мальчики, юноши и взрослые мужчины; о вручавшихся им наградах сообщается в афинской надписи IV в. до н. э. (IG II². 2311).

Шестой день праздника отражен в изображениях лампадодромов на трех панафинейских амфорисках из раскопок Боспора, а также в торжественном шествии на двух краснофигурных вазах из Нимфея и Керкинитиды.

Бег с факелами включался в афинские праздники в честь Афины, Прометея, Гефеста, Пана и Артемиды Бендидской. Лампадодромы на чернофигурных амфорисках начала IV в. до н. э. иллюстрируют состязание именно на Панафинейях (рис. 58). Все панафинейские амфориски с фигурой обнаженного бегущего атлета с факелом в согнутой руке показывают лампадодрома в своеобразном венке, неизменно венчающем этих бегунов на самых разнообразных их изображениях. Мастера краснофигурной вазописи рисовали разные этапы бега с факелами. На вазах, найденных в разных греческих полисах, можно увидеть, как давали старт бега, как передавали факел в эстафете и как победитель зажигал от своего факела огонь на алтаре².

Каждая афинская филаставляла своих лампадодромов, поэтому победа считалась торжеством не только призеров, но и всей филы. На разных праздниках существовала своя дистанция бега, и ее пробегали либо по одному представителю от филы, либо факел передавался эстафетой. Зрители подбадривали бегунов своей филы громкими криками, а отставших осыпали бранью и даже иногда били (Aristoph. Ran. 1089). Победитель зажигал своим факелом огонь на алтаре бога, в честь которого совершался праздник; новый огонь, принесенный с наибольшей скоростью, считался самым чистым³.

Три панафинейских амфориски, найденные на Боспоре⁴, вызывали у их обладателей воспоминания о лампадодромах. Фигура бегущего с факелом атлета напоминала о том, как он старался двигаться быстро и в то же время не потушить легко гаснувший смоляной факел (рис. 58). Юноша, бегущий с факелом, и два атлета нарисованы на краснофигурной чаше конца V в. до н. э. из Ольвии⁵. Великолепная пелика с изобра-

¹ Афиней (630 d) написал об исполнении пиррихий с оружием, а Платон в «Законах» (VII, 815 a) дал описание движений этого танца. О пиррихии на Панафинейях и его изображении на афинском рельефе IV в. см.: Kyle D. Op. cit. 1992. P. 94–95.

² Шанин Ю.В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1988. С. 54, 75, 81.

³ Колобова К.М. Указ. соч. С. 236.

⁴ Вдовиченко И.И. Указ. соч. № 16, 20, 22.

⁵ Передольская А.А. Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia. XIV. Warszawa, 1964. S. 44. Fig. 16.

жением финиша лампадодромов найдена в некрополе Пантикапея¹. В центре композиции помещен алтарь с горящим огнем. Его только что зажег стоящий у алтаря победитель, которого Ника венчает наградной повязкой. По бокам изображены еще трое безбородых юношей в характерных венках лампадодромов. Вероятно, вазописец представил четырех участников победившей эстафеты. Двое еще держат факелы, а третий уже взял стригиль, которым очищали тело после гимнастических тренировок и агонов (рис. 66).

Сцены на упомянутых вазах из Ольвии и Пантикапея могли вызывать ассоциации не только с Панафинейями, но и с другими праздниками, сопровождавшимися лампадодромией. Сейчас из надписей известно, что, кроме Афин, лампадодромия устраивалась в Милете и Дельфах (IG I (7). 203 а; SIG. 271 а). Бег с факелами, вероятно, проводили и на некоторых праздниках в городах Северного Причерноморья, которые имели тесные связи со всеми тремя упомянутыми государствами. Греки обычно включали лампадодромию в праздник Гермеи. Этот праздник справлялся в Ольвии, Херсонесе и Горгиипии (IPE I². 186, 436; КБН. 1137). Возможно, один столбец надписи из Горгиипии содержит перечисление призеров-лампадодромов².

Росписи нескольких ваз из Северного Причерноморья напоминали о торжественном панафинейском шествии. Краснофигурная амфора панафинейского типа, найденная в Нимфее, украшена рисунком одного из лучших безымянных вазописцев середины V в. до н. э., которого называют мастером Ниобид. На одной стороне нарисованы два участника панафинейской процессии. На головах у них широкие праздничные повязки, один держит два сосуда для ритуальных возлияний, ойнохою и канфар, у другого в руке ветка маслины, дерева, по преданию, подаренного Аттике богиней Афиной. Они движутся вслед за юношей, изображенным на другой стороне амфоры. Он стоит, сняв шлем, перед Афиной, которая что-то ему говорит. Возможно, это ее любимый герой Тесей, мифический царь Афин (рис. 67)³.

На фрагменте кратера из Керкинитиды, вероятно, также изображено панафинейское шествие. Вазописец воспроизвел одну группу из рельефа с панафинейской процессией на северном фризе Парфенона. В центре вазового рисунка находится идущая женщина в нарядном хитоне,

¹ Ашик А. Боспорское царство. Ч.3. Одесса, 1849. С. 18–19. Рис. 7.

² Берзин Э.О. Горгииппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 120.

³ Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967. С. 154. № 176.

она играет на двойном аулосе, а по бокам едут два юноши-всадника с праздничными повязками в волосах¹.

О панафинейском шествии и некоторых других эпизодах праздника, проходившего на Акрополе, напоминали еще несколько изображений на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья. Участники праздничной процессии подходили к Парфенону и смотрели на декор храма со сценами из сказаний об Афине. Фигуры на западном фронте представляли спор Афины и Посейдона за обладание Аттикой. Фидий показал, как боги предлагали свои дары этой стране: Афина – оливу, а Посейдон – соляной источник; Ника, подлетающая к Афине, символизировала победу богини. В центре фронтона находилась олива, а по обеим сторонам дерева стояли спорящие боги. Эта группа скопирована на великолепной гидрии IV в. до н. э., найденной в некрополе Пантикапея (рис. 68). Сосуд украшен рельефными фигурами и краснофигурной живописью. Около позолоченного оливкового деревца, которое обвивает змей Эрихтоний, изображена Афина, ударяющая в землю копьем, чтобы выросла олива, а с другой стороны дерева – Посейдон, вызывающий трезубцем появление соляного источника. Остальные персонажи отличаются от композиции на Парфеноне².

Центральные фигуры восточного фронтона Парфенона воспроизведены на кратере рубежа V–IV вв. до н. э. из кургана Бакса близ Пантикапея (рис. 69). Картина на этой огромной, к сожалению, не полностью сохранившейся, вазе занимает важное место среди источников, используемых для реконструкции декора Парфенона³. Изобразив апофеоз Геракла, вазописец представил олимпийских богов, принимающих героя на Олимп. Образцом для фигур Зевса, Афины и Геры послужили статуи Фидия с восточного фронтона Парфенона. В центре нарисован сидящий на роскошном троне Зевс с посохом в руках. К нему подлетает Ника, венчающая бога венком, рядом с ней стоит Афина в высоком шлеме с эгидой на груди; одной рукой она держит копье, а другой касается стоящего у ее ног большого щита. С противоположной стороны от Зевса находится Гера в пышном венке из цветов. Фрагментарно сохранившаяся мраморная статуя Геры подтверждает верный общий контур статуи на рисунке. Роспись кратера помогает окончательно решить вопрос, как

¹ *Кутайсов В.А.* Керкинитида. Симферополь, 1992. Рис. на с.127; *Вдовиченко И.И.* Указ. соч. С. 238, 260. № 34.

² *Вальдгауэр О.* Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных ваз. СПб., 1914. С. 114; *Колобова К.М.* Указ. соч. С. 142–144.

³ *Shefton B.* The Baksy Krater. Once More and Some Observations on the East Pediment of Parthenon // *Kotinos Festschrift to Erika Simon.* Mainz am Rhein, 1992. S. 245–247.

Фидий представил Зевса, и опровергнуть предположение, что бог изображался стоящим. Ценность кратера из Баксы заключается еще и в том, что на нем сохранились самые ранние из дошедших до нас копий работ Фидия.

Во время Панафиной раскрывались двери Парфенона, и можно было любоваться удивительной огромной статуей Афины, исполненной Фидием. Ее часто с большей или меньшей точностью воспроизводили скульпторы, вазописцы и ювелиры. Наряду с рисунком на описанном кратере имеется еще несколько образцов подобных копий в археологических находках из Ольвии и Боспора. Это небольшая мраморная статуэтка Афины из Ольвии¹, рельефная голова богини на двух золотых подвесках из кургана Куль-Оба² и на позолоченных терракотовых медальонах из Нимфея, Пантикапея и из святилища на азиатской части Боспора³. Наиболее ценная копия на парных золотых подвесках изготовлена в первой половине IV в. до н. э. (рис. 70). На них, по признанию всех современных ученых, сохранилось лучшее и наиболее близкое к оригиналу изображение головы Афины Партенос. Ювелир с величайшим мастерством воспроизвел величественное лицо богини, слегка повернутое в сторону от зрителя, и ее парадный шлем, который на других воспроизведениях представлен более обобщенно. Тройной гребень шлема украшен фигурами сфинкса между двумя крылатыми конями, а на отогнутых нащечниках помещены грифоны. Рельефы на терракотовых медальонах в целом мало отличаются от изображения на подвесках, но значительно уступают в проработке деталей.

Таким образом, рассмотренные памятники прикладного искусства могли иллюстрировать боспорянам рассказы очевидцев о скульптурном убранстве знаменитого храма, возле которого заканчивалось панафинейское шествие.

¹ Фармаковский Б.В. Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия // ИАК. № 14. 1905. С. 69–93; Саверкина И.И. Греческая скульптура. Л., 1986. С. 54–55.

² ГЗ. С. 87.

³ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и ее окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 79. Рис. 2; Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. С. 35. Рис. 13,1; Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. С.394; Завойкин А.А. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 94–95. Сходные медальоны найдены и в других частях греческой ойкумены См.: Robinson D.M. Excavations at Olynthos. V. 14. Baltimore, 1952 – P. 235–240; Ridgway B.S. Images of Athena on the Akropolis // GP. 1992. P. 133. Fig. 58.

Последний день Панафиней, посвященный раздаче наград и пирам, отражен в находках из Северного Причерноморья наградными амфорами и псевдопанафинейскими вазами, стоявшими на праздничных столах. Афиняне поощряли продажу таких амфор. Они во множестве расходились по всей греческой ойкумене и служили прославлению Афин как могущественного и процветающего государства, которое любят боги, незримо присутствующие на Панафинейях. Панафинейские агоны привлекали в Афины атлетов и музыкантов со всех концов Эллады, а многочисленные призовые амфоры славили Афины далеко за их пределами¹.

Некоторые другие афинские праздники также преследовали подобные цели, но были во много раз скромнее Панафиней. В Херсонесе обнаружена бронзовая гидрия IV в. до н. э. с выбитой на венчике надписью «приз из Анакий»². Эта редчайшая находка в богатом погребении свидетельствует о победе херсонесита на празднике Анакий, вероятно, в конных состязаниях. Такой праздник справлялся в честь Диоскуров, которых обычно чтили конными агонами³.

Рассмотренные археологические находки наряду с эстетической ценностью имели также познавательное значение. Вместе с надписями они надежно свидетельствуют об участии в Панафинейях граждан из античных городов Северного Причерноморья. Одни из них входили в число состязавшихся в разных агонах, другие выступали послами от союзных и дружественных государств, третьих чествовали во время празднества как людей, оказавших особые услуги Афинскому государству, большинство же было просто зрителями. Рисунки на вазах показывают, что многие жители Северного Причерноморья, которым не удалось посетить Афины, не только слышали рассказы о знаменитом празднике, но и видели его иллюстрации.

¹ Kyle D. Op. cit. // WA. P. 122.

² Гриневич К.Э. Указ. соч. С. 23.

³ О празднике Анакий см.: Parke H.W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 263–264.

ГЛАВА IX. ПРАЗДНИКИ РАЗНЫХ БОГОВ И ГЕРОЕВ

В любом греческом городе так или иначе почитали всех олимпийских богов. По сложившемуся в античной теологии канону, их было двенадцать: Зевс, Гера, Посейдон, Деметра, Аполлон, Артемида, Афина, Афродита, Гермес, Гефест, Арес и Гестия. Все их имена встречаются в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья. В предыдущих главах говорилось о праздниках Аполлона, Артемиды, Афины, Афродиты и Деметры; теперь обратимся к немногочисленным источникам о праздниках Зевса, Геры, Посейдона и Гермеса, относительно же праздников Ареса и Гестии в городах северного побережья Понта трудно сказать что-либо определенное.

В античной мифологии Зевс выступал верховным божеством и отцом многих богов и людей. Однако, в большинстве греческих полисов Зевс не занимал главенствующего места среди отеческих богов. Так было и в Северном Причерноморье, где в одних городах местный пантеон возглавлял Аполлон, а в других Артемида или Афродита. Наибольшее количество источников о праздниках Зевса происходит из Ольвии. Там уже во второй половине VI в. до н. э. справляли праздники у его святилища, в котором, вероятно, одновременно почитали Афины¹. В этом ольвиополиты следовали традиции метрополии, так как там у обоих богов были общие храмы и алтари².

Святилище Зевса и Афины занимало почетное место на Центральном ольвийском теменосе рядом с главным храмом Аполлона. В конце VI в. до н. э. на праздниках Зевса и Афины использовалась дорогая и редкая для того времени утварь – краснофигурные килики и мраморные блюда³. В классический и эллинистический периоды о государственном культе Зевса, сопровождавшемся соответствующими праздниками, свидетельствует эмблема Ольвии, впервые появившаяся на ее монетах в третьей четверти V в. до н. э. и в различных вариантах встречающаяся вплоть до

¹ Такое заключение сделано на основании посвяtitельных граффити обоим богам. См. *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 55.

² *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein, New Jork. 1983. S. 158.

³ *Горбунова К.С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л., 1964. С. 175–187.

I в до н. э.¹ Эмблема состоит из символов двух богов: над дельфином, олицетворявшим Аполлона, находится постоянный атрибут Зевса – орел с распростертыми крыльями (рис.16, 17).

Ольвийские праздники Зевса проходили до римского времени у его храма на центральном теменосе², а в первые века нашей эры переместились к храму в другом месте, потому что теменос оказался за пределами площади сильно сократившегося города. На ступенях нового храма ольвиополиты сидели, слушая речь Диона Хрисостома, посетившего Ольвию в конце I в. н. э. (Dio Chrys. XXXVI, 16).

Один из основных ольвийских праздников Зевса, наверное, назывался Сотериями или Диисотериями (ср. Aristot. Ath. Pol., 56): ведь эпikleза бога Сотер (спаситель) известна по нескольким надписям (IPE I². 25, 161, 165; НО. 71) и граффити, начиная с третьей четверти VI в. до н. э. и кончая II в. н. э.³ Из надписи IV в. до н. э. на базе ольвийской статуи Зевса Сотера можно заключить, что его жрецами служили представители местного знатного рода Еврисибиадов⁴. Найденная в Ольвии мраморная голова бородатого мужчины, исполненная мастером школы Скопаса, скорее всего принадлежала статуе Зевса Сотера⁵.

В милетских колониях Северного Причерноморья праздники Зевса Сотера продолжали традиции метрополии; там известно о Сотериях в Дидимах⁶. Функции Сотера обычно соотносят с защитой и спасением при нападениях врагов, на это прямо указывает одна ольвийская надпись римского времени с посвящением Зевсу «за мир и спасение города» (IPE I², 162). Учитывая это, В.П. Яйленко счел выражением благодарности богу за избавление от нападения скифов три посвящения Зевсу Сотеру на сосудах V в. до н. э. из раскопок Березани⁷. Но там не обнаружено никаких следов разрушений и пожаров этого времени⁸, поэтому стоит вспомнить, что храмы Зевса Сотера находились во многих греческих гаванях; там молили бога о спасении во время весьма небезо-

¹ Карышковский П.О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80–98; Русаева А.С. Указ. соч. С. 65–70.

² Карасев А.Н. Монументальные памятники теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л., 1964. С. 113–116.

³ Русаева А.С. Указ. соч. С. 57–59.

⁴ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 147.

⁵ Русаева А.С. Указ. соч. С. 59.

⁶ Ehrhardt N. Op. cit. S. 157.

⁷ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 290–291.

⁸ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 95.

пасных в древности плаваний по морю и приносили благодарственные жертвы после благополучного возвращения (Diph. 43, 24; Strab. IX, 1, 15). Таким образом, есть основания думать, что в Борисфене и в Ольвии существовали святилища и соответствующие праздники Зевса как спасителя совершающих морские путешествия, а посвянительные надписи обращены к богу, охранявшему мореплавателей.

Возможно еще одно толкование упомянутых граффити, написанных на чернолаковых чашах. На симпозионах эллины обычно посвящали Зевсу Сотеру третью чашу вина, так что граффити на винных сосудах могут относиться к обстановке домашнего праздника, на котором вспоминали любимого семейного бога, защитника дома. О такой ипостаси Зевса в Северном Причерноморье свидетельствует небольшой домашний известняковый алтарик из Мирмекия с посвящением Зевсу Сотеру (КБН. 868) и граффити на разных кубках из Пантикапея, Мирмекия и Гермонассы¹.

На Боспоре наряду с домашними проводили и государственные праздники Зевса. Вероятно, его храму принадлежал найденный в Пантикапее карниз с надписью Сотер (КБН. 824). Греки наделяли такой эпиклезой также Аполлона и Асклепия, но в пользу отнесения храма Зевсу говорит надпись 15 г. н. э. с текстом рескриптов царя Аспурга: там эпиклеза Сотер относится именно к Зевсу, хранителю и защитнику государства². Кроме того, эта эпиклеза применительно к другим богам отсутствует в боспорских надписях, и вообще она прилагалась к ним реже, чем к Зевсу.

Имя супруги Зевса Геры редко встречается в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья, например, в нескольких посвянительных херсонесских граффити на сосудах IV–II вв. до н. э.³ Вероятно, какие-то ритуалы в честь Геры проводились на праздниках Зевса; на это указывают боспорские посвящения одновременно Зевсу Сотеру и Гере Сотейре (КБН. 36, 76).

Традиция праздников Посейдона в Северном Причерноморье восходит к архаическому периоду. На родине многих колонистов славилось святилище Панионион на мысе Микале; там двенадцать ионийских городов, в том числе Милет, метрополия множества колоний на Понте Евксинском, справляли общий праздник Панионии в честь Посейдона Геликонского (Her. I, 143, 148). Выходцы из Ионии на своей новой родине продолжали поклоняться богу морей, помогавшему поддерживать

¹ Болтунова А.И. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. 1977. № 1. С.180–181.

² Там же. С. 181.

³ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 728–807.

связь со всем эллинским миром. Святилища Посейдона обычно находились у самого берега; поэтому сейчас трудно обнаружить их остатки, так как прибрежные части античных городов на Понте теперь оказались под водой.

Праздники Посейдона в Ольвии и других колониях, живших по милетскому календарю, справляли в посвященном богу месяце Посейдонионе. Косвенным свидетельством о святилище Посейдона в Ольвии можно считать изображение трезубца, атрибута бога, на ольвийских монетах конца IV в. до н. э.; они, по мнению В. А. Анохина, чеканились в храме бога¹. Сохранились некоторые предметы, употреблявшиеся на праздниках: терракотовые посвятельные алтарики ольвийского производства с рельефными изображениями Посейдона и его жены Амфитриты, а также фрагменты трех чернолаковых чаш IV–III вв. до н. э. с посвящениями богу². На одной чаше кроме его имени прочерчен также трезубец, а на другой посвящение сделано одновременно Посейдону и Деметре. Последнее указывает на то, что на ольвийских праздниках Посейдона чествовали не только как покровителя мореплавания, но и в его древнейшей ипостаси божества плодородия, почитавшегося наравне с Деметрой³.

Эпиграфические свидетельства о храмах Посейдона в Ольвии и Горгии относятся к римскому времени. Ольвийская надпись II в. н. э. сообщает о храме, посвященном наряду с Посейдоном и другим богам (PE I². 184), а в сделанной в том же веке боспорской надписи говорится о восстановлении храма и постановке статуй только этого бога (КБН. 1134). Не случайно в Горгии ремонтом святилища занимался союз навклеров, владельцев кораблей, чья жизнь была особо тесно связана с морской стихией, подвластной Посейдону. Слова о восстановлении храма показывают, что он существовал и прежде, и там издавна отмечались праздники властителя морей.

Греки считали Гермеса богом торговли, покровителем рынков, купцов и дорог, а также стад и пастбищ. В нем видели воплощение ловкости, подвижности и расторопности, недаром Зевс избрал именно этого сына своим вестником. Гермес являлся посредником между богами и людьми, а также проводником душ умерших в Аид. Эллы представляли Гермеса идеальным образцом юноши, совершенствовавшего свою фи-

¹ Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 36.

² Леви Е. И. Терракоты из цистерны ольвийской агоры // КСИИМК. 1959. № 74. С. 15; Русяева А. С. Указ. соч. С. 109. Рис. 35.

³ Русяева А. С. Указ. соч. С. 110.

зическую закалку на палестре, в гимнасии и на различных состязаниях. Поэтому он считался покровителем гимнасиев, и там во многих городах справляли в его честь ежегодные праздники Гермеи, сопровождавшиеся разнообразными агонами (Schol. Plat. Lys. 206 d).

Письменные и эпиграфические источники содержат упоминания о Гермеях в Афинах, Беотии, Сиракузах, на островах Делосе, Теосе, Самосе¹. Название этого праздника в Северном Причерноморье сохранилось в двух надписях из Горгииппии (КБН. 1137) и Херсонеса². Первая из них датируется IV в до н. э. и представляет собой большой каталог победителей на местных Гермеях за много лет, о чем рассказано в главе «Спортивные и музыкальные агоны». Фрагмент второй надписи, исполненной во второй половине II в до н. э., содержит 11 плохо сохранившихся строк законодательного акта относительно тренировок и состязаний молодых граждан Херсонеса. Там перечислялись указания гимнасиархам, как проводить праздник, устраивать священную процессию в сопровождении эфебов, совершать жертвоприношения Гермесу и организовывать игры³.

Среди ольвийских эпиграфических памятников имеется постамент статуи Дионисия с частично сохранившейся надписью, исполненной во II в. до н. э.; в ней сказано о победе этого юноши в беге на состязаниях в гимнасии (IPE I². 186). Скорее всего речь идет о Гермеях, так как памятник поставил отец победителя гимнасиарх Никодром⁴. Статуя Дионисия наряду с изображениями других рекорсменов украшала ольвийский гимнасий, как это было принято в большинстве греческих городов. Таким образом праздники проходили как бы в присутствии победителей прошлых лет, побуждая юношей ревностно бороться за титул чемпиона и право стать увековеченным своим скульптурным изображением. Традиция проводить Гермеи сохранялась много веков, о чем свидетельствует гимн Гермесу и перечень победителей на его херсонесском празднике в римское время (IPE I². 436).

В Северном Причерноморье справляли также праздники Гермеса в ипостаси покровителя купцов и торговли. Его эпиклеза Торговый записана на чернолаковом килике, поднесенном богу в Ольвии в

¹ Берзин Э.О. Горгииппийский агонистический каталог // СА. 1961. №1. С. 127.

² Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ. 1996. № 4. С. 44; Makarov I.A. From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2002. V. 8. 3–4. P. 189–190.

³ Ibidem. P. 197.

⁴ Карышковский П.О. Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. Т. 2. 1967. С. 260.

V в. до н. э.¹ На фрагменте другой чернолаковой чаши читается имя ольвийского жреца Гермеса Аристотеля²; безусловно ему, как и другим жрецам, вменялось в обязанность организовывать праздники бога. Для праздничных возлияний могли использоваться несколько других найденных в Ольвии чернолаковых сосудов V–IV вв. до н. э. с посвящениями Гермесу без каких-либо эпиклез³. Косвенным свидетельством о государственном культе и праздниках Гермеса служат его изображения с традиционным атрибутом кадуцеем на ольвийских серебряных и медных монетах II–I вв. до н. э.⁴ И в римское время ольвиополиты сохраняли традицию проводить праздники Гермеса как покровителя торговли (IRE I². 128, 129).

О праздниках Гермеса на Боспоре, кроме упомянутых Гермей в Горгииппии, известно крайне мало. Вероятно, Гермеи отмечали и в других боспорских городах, во всяком случае в гимнасиях Пантикапея и Фанагории, упомянутых в нескольких надписях (КБН. 129, 823, 983, 991). Немногочисленные посвячительные граффити из Пантикапея и Нимфея, а также несколько боспорских монет с изображением Гермеса⁵ косвенно свидетельствуют о праздниках бога.

Наряду с чествованием богов эллины справляли праздники героев⁶. Их издавна почитали как духов умерших выдающихся предков, влияющих на судьбы людей и государства. Культ героев носил хтонический характер, и нередко различные ритуалы совершались около их гробниц, которые, как верили в античности, обладали чудодейственной силой. В Северном Причерноморье это проявилось в почитании Ахилла на острове Левка, знаменитом, по словам Плиния Старшего (NH. IV, 93), могилой героя. Греки видели в героях своих защитников и посредников между людьми и богами (не случайно многие герои считались детьми божества и смертного), им также приписывалась способность отвращать зло и спасать от всяческих невзгод. Многие знатные семьи возводили

¹ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. № 68.

² Русаева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 119.

³ Там же. С. 117. Рис. 61.

⁴ Карышковский П.О. Указ. соч. С. 260–263; Он же. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 102; Анохин В.А. Монеты античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1989. С. 111, 112.

⁵ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. № 113, 161, 180; Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 150, 195.

⁶ Сведения о почитании героев в Северном Причерноморье обобщены в книге: Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. Праздники в честь героев автор не рассматривает.

свою родословную к героям, например, боспорские цари называли себя потомками Геракла (КБН. 53, 980, 1048).

Геракл был любимым героем во всей греческой ойкумене. Каждый эллин с детских лет знал о его подвигах по эпическим поэмам, устным рассказам, трагедиям и комедиям в театре. В Северном Причерноморье культ Геракла пользовался особой популярностью в Херсонесе, и потому там проходили наиболее заметные в этом регионе праздники героя. Херсонеситы, дорийцы по своему происхождению и диалекту¹, твердо помнили, что Геракл считался родоначальником и покровителем всех дорийцев, а также, что их метрополия Гераклея названа по имени героя и почитает его как своего основателя. Поэтому в Херсонесе и его округе изображения Геракла встречаются чаще, чем в прочих областях на северных берегах Понта: это статуи и рельефы, терракоты, ювелирные изделия², а также монеты с его профилем, выпускавшиеся в III–II вв. до н. э.³ Херсонеситы чтили героя и как хтоническое божество⁴, и как покровителя и защитника своего государства⁵.

Главный херсонесский праздник Геракла проходил скорее всего в посвященном ему месяце Гераклеоне, упомянутом в двух надписях (IRE I². 359, 402). В эллинистический период некоторые ритуалы в честь героя справляли у жертвенников особого вида, имевших форму палицы, постоянного атрибута Геракла⁶. Как и другим богам и героям, херсонеситы подносили Гераклу разнообразные сосуды с посвятельными надписями⁷. Более дорогими дарами во второй половине IV–III вв. до н. э. стали известняковые рельефы местной работы, найденные в различных местах Херсонесского государства, на них обычно изображали отдыхающего Геракла с кубком в руке⁸.

Греки отводили роль покровителя гимнасиев не только Гермесу, но также Гераклу, победителю во многих видах состязаний и легендарно-

¹ Черты дорического диалекта в языке херсонеситов сохранялись до конца II в. н. э. См.: *Соломоник Э.И.* НЭПХ, 1973. С. 36.

² См. сводку таких изображений в статье: *Пятышева Н.В.* О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2. С. 197–204, а также карту находок в кн.: *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 125. Рис. 65.

³ *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 51; *Столба В.Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 63.

⁴ *Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху Эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 46–50.

⁵ *Столба В.Ф.* Указ соч. С. 69.

⁶ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. № 75–77.

⁷ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 808–872.

⁸ *Щеглов А.Н.* Указ. соч. С. 124. Рис. 66, 2–4.

му основателю Олимпийских игр. Поэтому в гимнасиях ему посвящали праздники с атлетическими агонами; не случайно глиняная скульптура Геракла находилась в ольвийском гимнасии¹. Там же стояла упомянутая выше статуя бегуна Дионисия, посвященная одновременно Гераклу и Гермесу (IPE I². 186), а изображения их обоих помещены на мраморной плите эллинистического времени и жертвеннике II–III вв. н. э. из Херсонеса². Поэтому весьма вероятно, что в ольвийском и херсонесском гимнасиях справляли наряду с упомянутыми выше Гермееми также и Гераклеи, тем более что такой праздник известен в метрополии Херсонеса³.

Кроме торжеств в гимнасиях, в городах Северного Причерноморья проходили другие большие праздники Геракла, ведь его изображения на монетах свидетельствуют о государственном культе. Раньше всех появились ольвийские серебряные статеры Эминака, выпускавшиеся в середине V в. до н. э.; позднее медные монеты и серебряные статеры с Гераклом на аверсе чеканились там в первой половине II в. до н. э.⁴

Судя по надписям эллинистического времени, ольвиополиты видели в Геракле защитника города от неприятелей, они посвящали ему оборонительные сооружения (IPE I². 179, 188) и, наверное, чествовали его в этой ипостаси на государственных праздниках. Сходная ситуация была в Херсонесе, где в культе Геракла главенствовала его эпиклеза Сотер⁵. Наверное, здесь основной праздник Геракла, как и в метрополии, сопровождался разными агонами и театральными представлениями; не случайно там найдены терракотовые статуэтки комических актеров в роли Геракла⁶.

На Боспоре Геракл пользовался особым почетом у правящей династии, по-видимому, начиная со Спартокидов; ведь местные цари считали себя потомками героя (КБН. 53, 980, 1048), и, наверное, поэтому его профиль чеканили на боспорских монетах в III в. до н. э.⁷ По надписям IV в. до н. э. известно об украшенном мраморными деталями храме Геракла в Фанагории (КБН. 973)⁸ и о посвященных герою статуях в Пантикапее

¹ Карасев А.Н., Леви Е.И. Исследования Ольвии после Б.В. Фармаковского // *Художественная культура и археология античного мира*. М., 1976. С. 42. Рис. 16.

² Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 50.

³ Соломоник Э.И. НЭПХ, 1964. С. 60, 61.

⁴ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 50, 97, 99.

⁵ Столба В.Ф. Указ. соч. С. 69.

⁶ Сапрыкин С.Ю. Указ соч. С. 51.

⁷ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 56, 326, 583.

⁸ Розанова Н.П. Новые эпиграфические памятники Таманского полуострова // *СА*. 1941. № 7. С. 250–252.

(КБН. 16). Кроме того, в Пантикапее и в Нимфее обнаружены сосуды V–III вв. до н. э., принесенные в дар Гераклу¹. Все это косвенно говорит о праздниках в честь героя. Еще его прославляли во время празднования Апатурий, так как, согласно местному мифу, герой помог Афродите Апатуре расправиться с гигантами². В память об этом одно из эллинистических святилищ Гермонассы украсили рельефом с изображением борьбы Геракла с гигантами³.

С детских лет все эллины восхищались героем Троянской войны Ахиллом, ведь они уже в начальной школе учили стихи из «Илиады» и других эпических поэм, воспевавших его деяния. Однако культ Ахилла существовал далеко не во всех греческих государствах. В Северном Причерноморье с древнейших времен и до конца античности Ахилла почитали на острове Левка, в Борисфене, Ольвии и на ее хоре, а в римское время ольвиополиты причислили его к богам⁴. Они справляли главный праздник героя на острове Ахиллов Дром (совр. Тендровская коса), названном так в его честь; все сведения об этом празднике рассмотрены в главе «Спортивные и музыкальные агоны», напомним лишь, что на Ахиллеи съезжались граждане многих городов. Какие-то праздники героя, наверное, справляли и в Ольвии; Дион Хрисостом в «Борисфенитской речи» (XXXVI, 9) выразительно описал необыкновенное почитание Ахилла, сохранившееся в городе с древности, и упомянул о его местном храме.

Остров Левка (совр. Змеиный), священное место посмертного обитания Ахилла, находилась под патронатом Ольвии вплоть до римского времени. Там стоял широко известный в греческом мире храм, а в нем многие столетия хранилась древняя деревянная статуя героя; при храме был оракул, пользовавшийся популярностью у мореходов (Paus. III, 19; Arrian. Peripl. 32–34; Philostr. Heroic. XIX, 16; Max. Tyr. XV, 7)⁵. Археологические исследования показали, что первый храм появился на острове в третьей четверти VI в. до н. э., а в следующем веке его заменил новый из привозного мраморовидного известняка⁶. На алтарях у храма совершались жертвоприношения, упомянутые Аррианом, и, наверное,

¹ Толстой И.И. Указ. соч. № 11, 119, 162, 171, 178.

² См. об этом в главе «Праздники Афродиты».

³ Харко Л.П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. № 7. С. 85–90.

⁴ Русяева А.С. Религия и культы... С. 77.

⁵ Толстой И.И. Указ. соч. С. 32–37.

⁶ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левка (Змеином). Киев, 1993. С. 21–24; 106.

в определенные сроки проходили праздники. Их следовало справлять только днем, а с наступлением сумерек все люди должны были покинуть этот необитаемый остров (Amm. Marc. XXII, 8, 15), потому что, согласно поверьям эллинов, записанных Максимом Тирским и Филостратом, там ночью появлялся Ахилл, он пировал вместе с друзьями, пел и играл на кифаре.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют рассказы о праздниках на Левке, есть лишь описания жертвоприношений и разнообразных даров герою (Arrian. Peripl. 32–33). Всему этому должен был соответствовать определенный церемониал. Найденные на острове монеты разных городов показывают, что почитать Ахилла приезжали греки из многих государств. Весьма вероятно, что здесь в период судоходства справляли праздник героя; ведь устраивались игры на острове Ахиллов Дром, куда также, судя по находкам монет, приставали многие греческие мореходы. На Левке эллины воздвигали статуи, ставили посвященные надписи, приносили в дар геммы и всевозможные сосуды, на которых дарители зачастую прочерчивали посвящения Ахиллу; в нескольких лапидарных надписях и граффити он назван владыкой острова¹.

Земля Левки считалась собственностью героя, поэтому там запрещалось кому-либо селиться и даже оставаться на ночь. Вероятно, запрет не распространялся на жрецов и других служителей Ахилла; ведь следовало смотреть за порядком в храме, указывать, как исполнять те или иные ритуалы, совершать жертвоприношения, принимать дары и размещать их в надлежащих местах². Наверное, жрецы прибывали сюда из Ольвии, под патронатом которой остров находился до римского времени. В их ведении находились также праздники Ахилла, и, наверное, к ним приурочивали открытие в торжественной обстановке статуй и почетных декретов в честь тех, кто заботился о святилище. В их числе был ольвиополит, изгнавший с острова морских разбойников, и удостоенный за это конной статуи (IPE I². 325).

Итак, по имеющимся в нашем распоряжении письменным и археологическим источникам крупные праздники героев в Северном Причерноморье справлялись в честь Геракла и Ахилла. Можно предположить, что здесь существовали какие-то праздники и других героев, например, Диоскуров, имя которых встречается среди ольвийских посвященных граффити³.

¹ Там же. С. 55–61. Рис. 13, 14.

² Толстой И.И. Указ. соч. С. 44–45.

³ Русаева А.С. Указ. соч. С. 116–118.

ГЛАВА X. ДОМАШНИЕ ПРАЗДНИКИ

Свадьба

Свадьба – важнейший праздник, справлявшийся почти в каждой семье. У всех народов свадьбы сопровождались особыми обрядами, выработанными веками и нередко сохранявшими очень древние ритуалы. К сожалению, в сочинениях античных авторов не сохранилось последовательного описания свадебных торжеств у эллинов. Наши знания об этом складываются из отдельных упоминаний разных писателей, начиная с «Илиады» Гомера (XVIII, 492–496), а также из изображений, в первую очередь на аттических вазах, которые развозили по всему греческому миру.

Хотя в каждом греческом государстве имелись свои особые черты брачного ритуала, изменявшиеся на всем протяжении античности, основные моменты свадьбы оставались общими для всех эллинов¹. Это подтверждается тем, что росписи ваз VI–IV вв. до н. э. иллюстрируют сведения о свадебных обрядах у позднеантичных авторов таких, как Гесихий и Поллукс. В их словарях указаны названия трех свадебных дней и описаны многие ритуалы.

Греки считали брак божественным установлением, и потому свадьба сопровождалась молитвами и жертвоприношениями. Свадьбы в основном играли зимой; в Афинах даже название одного зимнего месяца Гамелион было произведено от глагола жениться. Различались благоприятные и неблагоприятные дни для брака, к первым относились полнолуние и дни растущей луны.

Дома жениха и невесты празднично убирали, двери украшали зеленью и гирляндами цветов. Праздник включал три основных акта: обряды

¹ Назовем несколько исследований с описанием свадебных обрядов в Эллад: Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 225–227; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 148–149; Кинжалов Р.В. К реконструкции древнегреческого свадебного обряда // Астарта. Вып. 1. СПб, 1999. С. 39–95; Lasey W.K. The Family in Classical Greece. London, 1968. P. 100–122; Cantarella E. Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore – London, 1989. P. 44–46; Women in the Classical World. New-York, 1994. P. 98–101.

и угощение в доме невесты, торжественная процессия молодых в сопровождении родственников и друзей к дому жениха и там заключительный этап свадьбы с пиром, проводами новобрачных в спальню, а утром подношение подарков. В бедных семьях свадьбу играли в один день, состоятельные граждане устраивали трехдневные торжества. Первый день назывался проаулия, то есть вступительным, второй посвящался церемонии свадьбы, третий послесвадебный назывался эпаулией. Другое название этого дня анакалюптерия происходит от того, что невеста в этот день появлялась без фаты, закрывавшей ее лицо накануне.

Свадебные церемонии начинались утром со священного омовения невесты и жениха водой из определенного источника или реки. Известно, что в Афинах брали воду из источника Каллироя, называвшегося также Эннеакрус, а в Фивах – из реки Исмен (Eur. Phoen. 347). Воду должен был принести мальчик или девочка из ближайших родственников вступающих в брак. Такого ребенка называли лутрофором, то есть несущим воду для омовения, и тем же словом обозначали врученный ему сосуд. В состоятельных семьях для этого приобретали лутрофор с одной или двумя ручками и очень вытянутым горлом, нередко украшенный рисунками со свадебными сценами¹.

Для церемонии нагревания воды и омовения, а также для свадебного подарка предназначались наряду с лутрофором сосуды особой формы, называемые в научной литературе свадебными лебетами или кальпидами. Эти двуручные вазы с крышками воспроизводили форму котелка для нагревания воды и имели либо низкий поддон (рис. 71), либо высокую конусообразную подставку (рис. 72). Судя по вазовым рисункам, для ритуальных церемоний полагался один лутрофор и два лебета на высоких подставках. Когда они стояли в гинекее, то в них помещали ветви каких-то определенных для свадьбы растений².

Несколько расписанных свадебными сценами краснофигурных ваз такой редкой формы найдено на Боспоре. Они датируются концом V–IV вв. до н. э., но в Элладе они известны и в архаический период, например, чернофигурный лебет первой половины VI в. до н. э., украшенный изображением свадебного поезда Менелая и Елены³. В V в. до н. э. появились краснофигурные лебеты, но часть таких ваз на высоких подставках продолжали украшать чернофигурной росписью, давно вышедшей из

¹ См., например, репродукцию краснофигурного лутрофора с изображением свадебных сцен в кн.: Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Classical Period. London, 1997. № 191.

² Там же. № 234, 235.

³ Boardman J. Athenian Black-Figured Vases. London, 1985. P. 190.

моды. Уцелевшие до наших дней самые поздние чернофигурные лебеты относятся к середине V в. до н. э.¹, однако изображение подобного чернофигурного сосуда среди подарков невесте на найденной в Пантикапее вазе мастера Марсия (рис. 73) указывает на сохранение старой манеры росписи по крайней мере до середины IV в. до н. э.; так в свадебных церемониях проявлялась приверженность к давним традициям.

К начальным ритуалам свадьбы принадлежал также обряд посвящения какой-нибудь богине девичьего пояса невесты, локона ее волос и детских игрушек. Об этом неоднократно писали авторы эпиграмм, собранных в «Палатинской антологии» (VI, 280; VII, 59, 206, 207, 211, 266, 276, 281 и др.). Напомним, что многие девушки выходили замуж очень рано в 13–14 лет (Хен. Оис. VII, 5). В классический период появилось понимание, что женщины по своему физическому развитию позже становятся созревшими для брачной жизни и рождения детей, и поэтому их надо отдавать замуж между 16 и 20 годами (Plat. Leg. 772 d-e; Aristot. Pol. VII, 35). На практике это соблюдалось далеко не всегда, потому что девочки считались обузой в семье, и от них стремились поскорее избавиться. Мужчины же вступали в брак значительно позже² и рассматривали его как деловое предприятие «для рождения детей и для верной охраны домашнего имущества» (Dem. LIX, 122). При решении о свадьбе ведущую роль обычно играли родители, интересовавшиеся не чувствами детей, а практической выгодой. Поэтому часто браки заключались между родственниками, чтобы сохранить имущество внутри рода³.

Второй день празднования начинался утром в доме невесты, ее одевали в свадебный наряд и набрасывали фату, закрывавшую голову и лицо. Этой и следующими процедурами, связанными с новобрачной, руководила нимфетрия – опытная пожилая женщина, хорошо знавшая свадебные обряды. Вероятно, во время одевания невесты подруги пели песни, оплакивая уходящую юность и невинность девушки.

Отец невесты совершал приношения божествам своего домашнего очага и богам-охранителям брака; к ним относили Зевса и Геру, Артемиду, Афродиту и ее спутников Эрота и Пейто, Нимф, Мойр и др. Затем начинался пир, им руководил заранее избранный устроитель, указывавший, как размещаться гостям. Об этом говорится в нескольких уцелевших стихах комедии Эуангелоса; ее название «Анакалюптомена» указывает на сюжет пьесы о свадьбе и на церемонию снятия фаты

¹ Ibidem. P. 151.

² Например, Платон считал, что мужчинам следует жениться между 30 и 35 годами (Leg. IV, 721 a-d).

³ Lasey W.K. Op. cit. P. 106.

с лица новобрачной в конце второго дня торжеств. На свадебном пиру слева от входа на ложах располагались мужчины, самые почетные места отводились отцам новобрачных, а женщины находились напротив и среди них невеста (Luc. Symp. 8–9). Ее отец заявлял собравшимся, что он отдает дочь замуж за такого-то человека; таким образом он отлучал дочь от богов своего очага и передавал жениху, а тот приобщал ее к своим домашним божествам.

Вечером молодые отправлялись в дом жениха. В бедных семьях они шли пешком, но чаще для этого брали повозку, запряженную конями, мулами или быками. Их вели под уздцы, и повозка медленно двигалась по улицам города или села. В ней полагалось сидеть на высокой скамье только невесте с женихом, иногда вместе с дружкой. Судя по рисункам, так было в классический период, а раньше они стояли на небольшой колеснице, и жених сам правил конями.

Античные авторы упоминают об отдельных моментах свадебного шествия, которое в основных чертах сохранялось неизменным многие столетия. Вот как в «Илиаде» описан этот ритуал (XVIII, 492–496):

*Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песен при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся, меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.*

Перевод Н.И. Гнедича

Мать невесты зажигала от своего очага факел и шла за повозкой вместе с родственниками и гостями. Одни несли факелы для освещения дороги, другие – подарки, а также особого вида треножник, лутрофор и кальпиды для свадебных ритуалов, многие пели свадебные песни и танцевали под аккомпанемент аулосов и лир¹, возгласы, обращенные к Гименею, звучали на всем пути к дому жениха (Plut. Mor. 667 f). Его мать с факелом встречала гостей у дверей. При входе в дом молодых осыпали плодами и сладостями в знак пожелания счастливой совместной жизни и хорошего потомства. В некоторых областях Эллады разыгрывалась сцена похищения невесты, напоминая давно не практиковавшийся древний обычай, девушка при этом вскрикивала, а жених хватал ее на руки и, внося в дом, следил, чтобы ноги новобрачной не коснулись порога. Мотив похищения невесты отразился в мифе о свадьбе Европы и Зевса на Крите; как будет показано ниже, это предание хорошо знали на Боспоре.

¹ Women in the Classical World. New-York, 1994. P. 99. Fig. 3,13; UKV. № 284.

После входа в дом начинались обряды приобщения невесты к домашним божествам ее нового дома: молодая прикасалась к огню очага, ее подводили к изображениям домашних божеств и окропляли очистительной водой. Супруги обращались с молитвой богам и делили между собой хлеб, пирог и несколько плодов. Затем продолжался праздничный пир. Он, по словам Плутарха, был самым многолюдным из всех домашних праздников, потому что следовало пригласить родственников и ближайших друзей жениха и невесты (Plut. Mor. 666 e). Именно на свадебных торжествах многие желали блеснуть роскошью и богатством праздника, поэтому законодатели, борясь с излишествами, в первую очередь ограничивали число гостей на свадьбе. Об их числе дает представление упоминание Афиней (IV, 23) о двадцати приглашенных на свадебный пир. Все участники свадебных торжеств считались свидетелями заключенного брака; они в случае необходимости в дальнейшем могли засвидетельствовать его законность (Athen. V, 185 b) и подтвердить, что оба вступивших в брак принадлежат к семьям полноправных граждан (Plut. Mor. 666 f).

В одних областях Эллады в конце пира с невесты снимали фату и открывали ее лицо, а в других это происходило при входе в спальню, от названия которой таламос происходят наименования эпиталямиев, песен у брачного покоя. Невеста входила туда первой вместе с нимфетрией и подругами; они снимали с нее свадебный наряд и готовили к брачной ночи. Потом приходил жених; при свете факелов его сопровождали родственники и друзья, певшие эпиталямии, часто с шутливыми и нескромными намеками. На протяжении всей античности славилась эпиталямия, сочиненная Сафо, но они, к сожалению, известны сейчас лишь по небольшим цитатам у некоторых древних авторов. Даже в IV в. н. э. Гимерий в «Эпиталямии Северу» (гл. 4) назвал их образцом для подражания; сам же он сочинил такой эпиталямий (гл. 20): «О невеста, полная благоухающей, как роза, любовью, о любимая улада Пафии, иди в брачный покой, всходи на ложе, нежноулыбчивая, желанная. Пусть тебя, почитательницу брака сребротронной Геры, не против воли провожает туда Веспер»¹.

После пения эпиталямиев новобрачных оставляли одних и запирали дверь спальни; около нее, как бы на страже, оставался один из друзей жениха. А утром следующего дня здесь пели другую разновидность эпиталямия – песнь пробуждения. В этот день молодая супруга снова надевала свадебный наряд, но уже без фаты, а голову украшала венком

¹ Перевод С.В. Поляковой в кн. Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 610.

или диадемой. В своем новом доме она принимала подарки от девушек и женщин. Такие подарки назывались *ἐπαύλια*, то есть так же, как этот заключительный день свадьбы. Позже в ближайший праздник Апатурий муж совершал свадебное жертвоприношение, обращался с просьбой внести имя жены в списки своей фратрии и устраивал угощение для ее членов. Таким образом окончательно утверждалось новое социальное положение женщины.

У многих древних народов существовала уверенность в том, что переход от одного периода жизни в другой является смертью одного человека и рождением иного. Ярче всего это отражалось в обрядах инициации: юношам внушалось, что, пройдя жестокие испытания, они умирают, а затем воскресают уже взрослыми мужчинами. Сходное представление сопровождало и вступление невесты в брак: она умирала как девушка и возрождалась в новом статусе замужней женщины и будущей матери. Настоящая смерть также воспринималась как переход души в другое состояние при перемещении ее в потусторонний мир. Не случайно в эллинских свадебных и похоронных обрядах имелось определенное сходство, и его неоднократно отмечали современные ученые¹.

На могилах неженатых и незамужних в качестве памятника ставили лутрофор², особый сосуд, который, как уже говорилось, употреблялся в свадебных ритуалах. Демосфен (XLIV, 18) в речи «О наследстве Архиада» для доказательства, что Архиад был холостяком, указал на его надгробный памятник – лутрофор.

В древнегреческой поэзии смерть девушки нередко называлась похищением богом подземного царства, умершую называли его невестой или супругой, а могилу – спальней новобрачных (Soph. Ant. 814–816, 891; Eur. Iph. Aul. 460–491). На рубеже нашей эры боспорский поэт выразил эту мысль в эпитафии Феофилы, дочери Гекатея. На ее надгробном памятнике, стоявшем на некрополе Пантикапея, написано, что Плутон «зажег брачные свечки и принял ее в свой свадебный чертог возлюбленной супругой» (КБН. 130)³. Эта эпитафия, а также наход-

¹ Фрайденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1978. С. 94, 97, 98, 141, 159; Кинжалов Р.В. Указ. соч. С. 71; Barringer J.M. Europa and Nereids Wedding or Funeral? // AJA. 1999. № 95. P. 662–663.

² См., например, изображение лутрофора в качестве надгробного памятника на белофонном лекифе в кн.: Boardman J. Athenian Red-Figured Vases. The Classical Period. London, 1997. P. 240. № 267. Множество каменных надгробных лутрофоров выставлено сейчас на афинской агоре.

³ Подробный анализ надписи см. в статье: Доватур А.И. Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 1–27.

ки ваз со свадебными сюжетами в погребениях, открытых в Северном Причерноморье, показывают, что здесь грекам тоже были свойственны подобные представления о смерти.

В литературных произведениях древнейшие описания свадеб относятся к рассказам о богах и героях, и на росписях ваз так же сначала появились изображения свадеб мифических персонажей, чаще всего Зевса и Геры, Менелая и Елены, Пелея и Фетиды¹. Они стоят на колеснице, и боги сопровождают свадебный кортеж. Одно из лучших подобных изображений архаического периода нарисовано на знаменитой вазе Франсуа, расписанной Клитием около 570 г. до н. э.² Тема бракосочетания богов и героев присутствует и в более поздней краснофигурной вазописи, но в V–IV вв. до н. э. художники стали изображать все основные моменты реальной свадьбы своего времени³.

В коллекции ваз, найденных на Боспоре, есть замечательные и даже уникальные рисунки, иллюстрирующие все три этапа свадебных торжеств и дающие зрительные образы того, что трудно представить по письменным источникам. Интересующие нас росписи украшают калпиды и леканы; первые использовались на свадебных церемониях, вторые часто дарили невестам для хранения разных женских туалетных принадлежностей.

К иллюстрациям первого дня подготовки к свадьбе, по-видимому, можно отнести сцену омовения женщины около лутерия и женские фигуры, из которых одна обнаженная моет волосы, а другая льет ей воду⁴. Такие достаточно распространенные композиции изображены на двух вазах из Пантикапея: на одной пелике и на крышке леканы мастера Марсия⁵.

Вазы, найденные в Пантикапее и в Горгиппии имеют замечательные изображения второго и третьего дней свадьбы. Самая прославленная из этих ваз – калпида на низком поддоне, расписанная мастером Марсия. Ее изображения включены во многие отечественные и зарубежные издания, а Дж. Бизли назвал ее лучшей из позднеантичных ваз⁶. На одной стороне калпиды нарисовано подношение подарков в заключительный

¹ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 110–111, № 81; С. 116–117. № 84; Boardman J. Op. cit. 1985. № 24, 25.

² Idem. № 46, 5.

³ Webster T.B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 105–107.

⁴ Кинжалов Р.В. Указ. соч. С. 82.

⁵ ДБК. Табл. 61,1; ОАК 1861. Табл. 1; КПКЖ. С. 50–51. Табл. 6; UKV. № 14; RCA. P. 86. № 32; ARV. 1475. 7; LIMC. Bd. 2. S. 102. № 993.

⁶ КПКЖ. С. 19–24; GRA. № 66; UKV. № 286; ARV. № 1475,1; Boardman J. Op. cit. 1997. № 388 и др.

день свадьбы (рис. 71), а на другой невеста и ее подружки в предыдущий день заключения брака (рис. 74). Здесь видно, что, когда закрывали покрывалом лицо и голову невесты, ей оставляли небольшое открытое пространство для глаз, как это делают восточные женщины, надевая чадру.

Одно из самых информативных изображений свадебного поезда, движущегося к дому жениха, представлено на фрагменте калпи́ды из Горги́пии¹. Жених и невеста едут на колеснице, с ними девочка, держащая лутрофор. Остатки краски показывают, что наряд невесты был расшит золотом по зеленоватому фону. Один юноша ведет под уздцы впряженную в колесницу пару лошадей, другой освещает факелом дорогу. Кorteж сопровождают пение и танцы. Закинута назад голова женщины с лирой показывает, что она поет под струнный аккомпанемент; другая женщина играет на аулосе, и под его звуки танцуют юноша и девушка. Вместе с ними идет молодая женщина, несущая на голове особого вида треножник, игравший какую-то заметную роль в свадебном обряде².

К иллюстрациям свадебных процессий мифических героев следует отнести краснофигурные рыбные блюда первой четверти IV в. до н. э. со сценой мифа о Европе. Его сюжет хорошо известен по рассказам античных авторов, описавших, как Зевс, превратившись в быка, похитил финикийскую царевну Европу. Сидя на спине животного, царевна переплыла по морю на остров Крит, там Зевс вернулся в свой человеческий облик и сыграл свадьбу с Европой, а затем она родила Миноса, ставшего царем Крита (Her. I, 2; Mosch. Europa; Nonn. 46–361; Apollod. Bidl. II, 5, 7; Hor. Od. III, 25–76; Ovid. Met. II, 833–875; Fast. V, 605–625).

На упомянутых блюдах аттические вазописцы представили переправу Европы на Крит как свадебную поездку (рис. 76). По обычаю, невесту сопровождает череда гостей: нереиды на гиппокампах играют роль подруг, а мужскую часть свадебного поезда составляют крылатые боже́ства Эрот, Потос (любовная страсть), Химерос (желание), Тритоны, а на некоторых рисунках еще Гермес и Посейдон. В конце пути жених ждет невесту: Зевс уже в образе человека сидит на троне и смотрит на приближающийся corteж.

Блюда с подобной многофигурной композицией различаются лишь во второстепенных деталях. Их расписывали в течение около двадцати лет в одной афинской мастерской и вывозили, по-видимому исключи-

¹ КПКЖ. С. 25, 141; *Кинжалов Р.В.* Указ. соч. С. 89; UKV. № 284; RCA. P. 42. № 8.

² КПКЖ. С. 26–28.

тельно на Боспор; во всяком случае они найдены только там, причем во множестве экземпляров¹. Полностью уцелело лишь шесть таких блюд².

Аттические вазописцы в конце V в. до н. э. стали украшать блюда для рыбы изображениями разных морских животных. Первые образцы росписей блюд с мифом о Европе относятся к началу IV в. до н. э. Художник скорее всего развил тему традиционного для рыбных блюд декора с морской фауной; ведь разнообразные рыбы, дельфины, каракатицы, осьминоги, морские коньки и раковины присутствуют также на интересующих нас блюдах, обозначая море, по которому плывет Европа со своей свитой. Изображения же Европы на быке появились на вазах еще в архаический период, так что этот мотив уже прочно вошел в круг сюжетов вазописи.

Места находок блюд с изображением похищения Европы связаны в основном с погребальным ритуалом; их обнаружили либо в могилах, либо среди остатков заупокойной трапезы на Керченском и Таманском полуостровах, лишь два обломка находились в городских слоях Пантикапея³. Из этого можно заключить, что боспоряне толковали миф в переносном смысле как посмертное перенесение души в потусторонний мир: подобно тому, как Зевс похитил Европу, Аид похищает людей. Ведь греки, говоря о смерти, постоянно употребляли глагол похищать⁴. Это отразилось в текстах боспорских эпитафий (КБН. 124, 128, 130). Путешествие финикийской царевны через море уподоблялось переходу души человека из мира живых в мир мертвых, потому что существовало представление, что душа покойного, входя в иной мир, преодолевает некое водное пространство на лодке Харона.

Когда боспоряне усмотрели переносный смысл в сюжете рисунка на рыбных блюдах, они стали использовать их в погребальном обряде⁵, и на такие блюда появился большой спрос. Тогда афинская мастерская, слегка варьируя найденную удачную композицию, начала целенаправленно работать для экспорта своей продукции именно на Боспор. Это продолжалось около двадцати лет и окончилось либо в связи с закрыти-

¹ Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 59–92.

² Там же С. 61–68; UKV. 51, 55–59; Barringer J.M. Op. cit. P. 657–667.

³ Циммерман К. Указ. соч. С. 74, № 218; С. 78. № 138; С. 82.

⁴ Доватур А.И. Указ. соч. С. 17, 21.

⁵ Вследствие того что путешествие Европы через море рассматривалось как символ перехода души в иной мир, блюда с изображением финикийской царевны, плывущей на спине быка, использовались при погребении мужчин и женщин любого возраста. Barringer J.M. Op. cit. P. 665.

ем мастерской, либо со смертью вазописцев, исполнявших эту композицию. Другие же не стали трудиться над столь сложным сюжетом.

Аттические вазописцы классического периода, обращаясь к сценам свадьбы, чаще всего иллюстрировали третий день, когда невеста принимала подарки. Лучшие образцы таких рисунков украшают два свадебных лебета из Пантикапея. Один исполнен Мидием около 410 г. до н. э., а второй, упомянутый выше, расписан мастером Марсия в середине IV в. до н. э.¹ Кисти последнего принадлежит тот же сюжет на крышке леканы, тоже из находок в некрополе Пантикапея².

В центре всех картин находится сидящая в кресле невеста (рис. 71, 75). Ее голова увенчана венком или диадемой, в уши вдеты серьги, шея обвита ожерельем, руки украшены кольцами и браслетами, платье расшито узорами, а накинутый на него плащ оторочен цветной каймой. Молодые женщины, подносящие подарки, тоже в праздничных нарядах и украшениях. На вазе мастера Марсия изображены разнообразные подарки: расшитые повязки-тении, шкатулки и ткани. Маленькая девочка протягивает невесте лекану, одна из девушек дарит пиксиду, а две другие держат предметы, необходимые для свадебных церемоний: расписной лебет на высокой подставке и особого вида треножник (рис. 71, 73).

Сходные сцены представлены еще на одной хорошо сохранившейся вазе³ и на многочисленных фрагментах кальпид и крышек лекан⁴. Здесь нарисованы свадебные подарки, упоминаемые в античной литературе: ящички и шкатулки с украшениями, арибаллы, наполненные душистыми маслами и благовониями, леканы с разными туалетными принадлежностями. Свадебное настроение подчеркивают изображения маленьких крылатых эротов около невесты и ее подруг (рис. 71, 75).

Эпитафия Феофилы и росписи упомянутых ваз позволяют заключить, что празднование свадьбы на Боспоре в основных чертах повторяло ритуалы, характерные для всех эллинов.

¹ ДБК. Табл. 49; КПЖК. С. 19–24; МГВ. С. 150. Рис. 50; GRA. № 66.

² ОАК. 1861. Табл. 1; UKV. № 14; RCA. P. 86. № 32; ARV. 1475. 7; LIMC. Bd. 2. S. 102. № 993.

³ ДБК. Табл. 52; КПЖК. Табл. 1; UKV. № 281.

⁴ ОАК. 1881. Табл. 3; ОАК 1882. С. 20; ОАК 1912/15. С. 86, 94. Рис. 135 а, б; КПЖК. С. 104, 106; UKV. № 21, 28, 31–33.

Симпосион

Свадебный пир в греческом доме был единственным праздничным застольем, на котором присутствовали женщины из семей полноправных граждан; остальные трапезы с приглашением гостей устраивались только для мужчин (Isae. III, 14, 39; Luc. Gall. 2). Если же им хотелось находиться в женском обществе, то звали музыкантов и гетер, принадлежавших к низшим сословиям. Такие пиры всегда сопровождались выпивкой, и потому назывались симпосионами, то есть совместным питьем вина.

На протяжении всей античности граждане многочисленных античных государств в Средиземноморье и Причерноморье зачастую посвящали симпосиону свой вечерний досуг, о чем писали многие древние авторы, начиная с Гомера. Платон положил начало жанру литературной философской беседы. В 70-х годах IV в. до н. э. он написал диалог «Симпосион», который в русских переводах известен под названием «Пир». Его участники, среди которых находился прославленный философ Сократ, после вкусной трапезы решили перейти к философской беседе и выбрали тему любви и олицетворяющего ее божества Эроса.

Вслед за Платоном свои «Пир» сочиняли такие известные писатели, как Ксенофонт, Плутарх, Лукиан, Афиней. В их произведениях, а также в «Застольных беседах» Плутарха есть много упоминаний о том, как проходил симпосион, как вели себя его участники, что они ели и пили, какую слушали музыку, о чем говорили. Жанр философской беседы на пиру перешел в римскую, а позже в византийскую литературу. В наше время под симпозиумом (такова теперь латинизированная форма этого слова) стали подразумевать обсуждение не только философских, но и различных других научных тем.

Античные авторы называют разнообразные поводы для устройства симпосиона: на него собирались, чтобы отметить победы на всевозможных состязаниях, чтобы попрощаться с друзьями, отправлявшимися в дальний путь, или приветствовать их возвращение из путешествия и др. Платон рассказал, как Агафон созвал гостей, чтобы отпраздновать свой успех на драматическом агоне; гости в «Пире» Ксенофонта отмечали победу юноши в атлетическом состязании; друзья Плутарха несколько раз собирались на симпосион по случаю его возвращения из Александрии (Plut. Mor. 678 e). Вообще греки любили пригласить гостей, чтобы послушать рассказы приехавших из других городов, или соотечественников, возвратившихся из путешествия. Кроме того, было принято устро-

ить праздничный обед после жертвоприношений, которые в древности совершали по самым разнообразным случаям (Xen. Mem. 3, 11; Plut. Mor. 642 f, 645 d).

В обязанности хозяина не всегда входила забота о предоставлении всего необходимого для застолья, а именно еды, вина, благовоний для умащения, венков из цветов и душистых растений, потому что симпозион нередко устраивался вскладчину, и гости приносили еду и вино¹. Обычно эти яства бывали довольно скромными. В I в. до н. э. Филодем в одной из своих элегий описал, как один гость принес капусту, другой – соленую рыбу, третий – лук, четвертый – печень, пятый – свинину.

Греки не любили многолюдных сборищ; они считали, что для приятного общения количество гостей не должно превышать числа муз, то есть девяти. Плутарх (Mor. 678 d), рассуждая на тему, надо ли приглашать на симпозион много гостей, говорил, что хорошее застолье теряет смысл, если количество его участников превысит пределы, допускающие возможность одновременного общения всех сотрапезников. Этим объясняется, почему Агафон, хозяин симпозиона в «Пире» Платона, пригласил всего пятерых гостей, а в комедии Аристофана «Осы» перечислено семь сотрапезников. К приглашенным иногда присоединялись приведенный гостем приятель или незванный друг дома. Так Сократ по своей инициативе привел к Агафону Аристодема, а в разгар пира туда зашел Алкивиад, возвращаясь с другого симпозиона, и хозяин радушно его принял, усадив рядом с собой.

На симпозион отправлялись в праздничной одежде; сняв обувь и омыв ноги, проходили на мужскую половину дома в андрон – большую парадную комнату с более высокими потолками, чем в прочих помещениях². Их остатки найдены при раскопках многих античных городов. В Северном Причерноморье полы и части стен андронов открыты в Ольвии, Пантикапее, Фанагории и Керкинитиде. Стены богатых андронов украшали росписи по штукатурке, полы устилала мозаика из разноцветной гальки, а начиная со II в. до н. э. из смальты (кубиков для мозаики). В Северном Причерноморье обнаружены остатки античных полов андронов с мозаикой только из гальки; она чаще всего воспроизводила геометрические орнаменты: круги, ромбы, квадраты, ме-

¹ Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1977. P. 110.

² Например, андрон дома на акрополе Пантикапея имел площадь 47,5 м²; возможно, здесь в конце V–IV вв. до н. э. устраивали свои приемы первые боспорские цари из династии Спартокидов. Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея при ранних Спартокидах // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 75–78.

андры и др. Сюжетная композиция украшала пол в ольвийском доме III в. до н. э. (рис. 77), но к сожалению, там утрачена центральная картина, заключенная в круг; уцелели два шедших по краю мозаики орнаментальных пояса: внешний в виде волны и внутренний с изображением пантер, львов, кабанов и грифонов¹.

В этом андроне вдоль стен на возвышающихся панелях находилось восемь лож². Надо заметить, что в античности мужчины во время трапезы возлежали на ложах (рис. 78–80), причем на одном ложе могли помещаться два (рис. 81) и даже три человека. Платон пишет, что вместе с хозяином Агафоном расположился Сократ, а позже к ним присоединился Алкивиад, и тогда возник спор, кому поместиться рядом с Сократом (Plat. Symp. 213 b, 223 b). Таким образом, на восьми ложах ольвийского андрона могло поместиться до двадцати гостей, но, как уже говорилось, их обычно бывало значительно меньше.

Античные ложа днем служили местом для еды и отдыха. Ложе состояло из деревянной или реже бронзовой рамы, установленной на четырех ножках. На раму натягивались ремни или веревки, сверху клали матрац, а под руку возлежащего одну или несколько подушек. Это хорошо видно на ольвийской стеле ситонов (рис. 78). Пирующий мужчина опирается на несколько подушек в изголовье ложа, ножки которого украшены сложной резьбой. Рядом стоят пять ольвиополитов, составлявших коллегию ситонов; как явствует из надписи на стеле, в III в. до н. э. они вошли в комиссию, созданную для обеспечения населения хлебом в голодный год (НО. 72). Успешно исполнив свои обязанности, ситоны заказали рельеф с изображением своей коллегии, Бога и Богини, им покровительствовавшим. Бог представлен в виде пирующего бородатого мужчины в плаще на обнаженном теле, он возлежит на ложе и держит наполненный вином ритон; у ложа стоит мальчик-виночерпий.

На этой стеле хорошо видно, что греки в Северном Причерноморье в торжественных случаях одевались так же, как эллины в прочих античных государствах, то есть носили большой плащ-гиматий, окутывая им обнаженное тело, либо надевали этот плащ поверх нижней рубашки-хитона. В такой праздничной одежде приходили на симпозион.

Приступая к застолью, собравшиеся выбирали симпосиарха, распорядителя пира. Он следил за направлением беседы, не допускал крайностей, руководил смешиванием вина с водой, старался не допустить, чтобы гости выпили слишком много (Plut. Mor. 619 b). Во время симпо-

¹ Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 40. Рис. 25, 26.

² Крыжицкий С.Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н. э. Киев, 1971. С. 57–58.

сиона ценилось умение принять свободную и непринужденную позу, а в начале беседы похвалить что-нибудь из окружающей обстановки.

Перед едой слуги подавали воду для мытья рук, затем у каждого лежа ставили маленькие столики с угощением, которые меняли при каждой перемене блюд (Aristoph. *Vesp.* 1210–1218). Такой круглый столик на трех ножках представлен на стеле ситонов (рис. 78). Прежде чем приступить к питью вина, пирующие снова мыли руки, а слуги подметали и даже мыли пол (Xenophan. I, 1), потому что туда падали остатки пищи и куски хлебного мякиша, с помощью которого ели и обтирали руки. Ведь греки почти не употребляли ложек и вилок, они ели руками пищу, предварительно разрезанную на небольшие куски. В одном ольвийском андроне археологами обнаружены даже канавки, куда стекала вода при мытье пола¹. После влажной уборки мокрая галечная мозаика в центре андрона блестела особенно ярко и радовала глаз своим узором.

Трапеза начиналась с горячих и холодных растительных, мясных или рыбных блюд. Потом подавался десерт: фрукты, орехи, сыр, а затем начинался собственно симпосион – совместное питье вина. Его в присутствии гостей смешивали с водой в больших кратерах и затем разливали в кубки различных форм – килики (рис. 79, 80, 82), скифосы, канфары (рис. 38), ритоны и др. Вино зачерпывали специальными черпаками – киафами (рис. 45) и лили через ситечки, поскольку в древности вина имели осадок. В богатых домах в парадный сервиз входили сосуды из золота, серебра и бронзы (Plut. *Alc.* 4), но больше всего употребляли керамическую посуду. Бесчисленное количество обломков расписной столовой керамики встречается при раскопках античных городов, а в погребениях сохраняются целые сосуды, дающие возможность почти по каждому фрагменту узнать всю форму изделия. Поэтому сейчас можно достаточно хорошо представить парадный сервиз для симпосиона, употреблявшийся в любом из исследованных археологами греческом городе.

В Афинах с середины VI до середины V в. до н. э. богатые граждане заказывали специальные сосуды для определенного пира и оговаривали с вазописцем сюжет росписи и надписи имен около изображенных персонажей (последнее известно потому, что надписи исполнены до обжига сосуда)². Великолепный пример такого рода дает килик мастера Бригоса, расписанный в первой четверти V в. до н. э.³ Заказчик пожелал представить сцену будущего пира. В симпосионе участвовали пятеро мужчин,

¹ Там же. С. 57.

² Webster T.B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 53–54, 299.

³ ARV². P. 371. № 24.

юноша виночерпий разливал вино, а несколько гетер таневали, пели и играли на аулосе и барбитоне. В медальоне килика нарисован один из гостей Филипп, наблюдающий за танцем юной девушки Каллисто; аулос в его руке показывает, что он и сам музицировал во время симпозиона (рис. 79). На стенках килика изображены другие гости, слушающие игру флейтисток и собирающиеся пить из киликов и скифосов (рис. 80). Описанный килик найден в Южной Италии. Это объясняется тем, что после пира такие сосуды часто продавали, и они попадали в разные города на симпозионы местных эллинов. Некоторые из них ездили в Афины и даже могли знать тех, кто изображен на вазе.

Подобные аттические сосуды покупали и в Северном Причерноморье. В конце VI в. до н. э. состоятельный боспорянин приобрел кратер для смешивания вина на пирах в Пантикапее. Вероятно, ему понравилась сцена симпозиона на венчике вазы. На сохранившемся фрагменте представлены только мужчины, на каждом ложе по два человека; их развлекает флейтист, а слуга подносит килик с вином. Стены андрона украшены венками с цветами, намеченными белой краской (рис. 81)¹.

Перед тем, как начать пить вино, греки повязывали голову лентами (рис. 80) или надевали венки из цветов и душистых растений, умащались благовонными маслами, затем пели хором пеан и совершали возлияния в честь Доброго Гения и других божеств (Plat. Symp. 212 e; Xen. Symp. II, 1; Athen. IV, 2). Надписи на застольных чашах свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье придерживались аналогичных правил. Посвящения Доброму Гению прочерчены на киликах V–IV вв. до н. э. из Ольвии и Пантикапея². На других киликах вырезаны надписи застольного содержания: «Наливай пить в меру сил», «Выпив меня, Поликрат будет радоваться», «Наполняй до краев» и др.³.

Третью чашу вина пили за удачу и посвящали ее Зевсу Сотеру, что отразилось в поговорке «третья – Сотеру»⁴. Это правило, по всей вероятности, соблюдалось и на симпозионах в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют граффити с именем Зевса Сотера на застольных чашах и кратерах из Борисфена, Ольвии и Пантикапея⁵.

¹ Corpus vasorum antiquorum. Pusckin Museum. Т. 1. Pl. 25.

² Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953. № 12, 14, 161

³ Там же. № 10–17.

⁴ Liddle G., Scott K. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968. P. 175.

⁵ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.,–Л., 1953. С. 100; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 90–91; Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 57.

Вино пили, разбавляя водой в различных пропорциях, поэтому его можно было выпить много. Гесиод в поэме «Труды и дни» (ст. 596) рекомендовал пропорцию из трех частей воды на одну часть вина, а вино, разбавленное наполовину водой, считалось очень крепким. Утонченные любители вина пили каждый сорт с определенным количеством воды (Plut. Mor. 619 b). Иногда вино смешивалось с горячей водой (Athen. IV, 4), но обычно с холодной, а летом специально охлажденной. Пить цельное вино считалось опасным для жизни. Об этом говорится в эпиграмме Каллимаха (AP. VII, 454):

Пьяницу Эрасискена винные чаши сгубили:

Выпил не смешанным он сразу две чаши вина.

Перевод Ю. Шульца

По мнению греков, только варвары способны пить неразбавленное вино, но вместо приятной беседы и веселого настроения у них, как, например, у скифов, получалось крикливое пьяное собрание. Такие привычки считались унижительными и губительными. Геродот записал рассказ спартанцев о том, как их царь Клеомен сошел с ума и умер, потому что научился у скифов пить неразбавленное вино. Поэтому, когда спартанцы хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски!» (Her. VI, 84; Athen. X, 29).

Греки считали хорошим тоном пить умеренно, чтобы при возвращении домой не нуждаться в помощи слуги (Theogn. 475–495; Xenophan. I, 17–18), но это правило зачастую нарушалось (Theogn. 469–470; 479–484). В «Пире» Платона (223 c, d) некоторые гости, опьянев, заснули тут же за столом. Комедиограф Евбул с наибольшей полнотой отразил отношение греков к тому, сколько следует пить вина: после трех чаш разумному гостю следует удалиться домой, четвертую чашу осушают соревнующиеся в умении пить кубок залпом, после пятой чаши за столом поднимается крик, после шестой чаши гости ударяются в разгул, после седьмой начинают драться, восьмая чаша приводит к тюрьме, девятая к болезни, а после десятой сходят с ума (Athen. II, 36). На симпозионах в Северном Причерноморье устраивались соревнования, о которых говорит Евбул. Это отражено в граффити на застольных чашах: на ольвийском килике прочерчены слова «выпить одним духом», а на кубке из Херсонеса надпись сообщает, что на пиру будет первенствовать тот, кто без перерыва пять раз осушит кубок¹.

¹ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 91. № 92; Он же. К публикации свода херсонесских граффити // Эпиграфика. Вып. 2. М., 1987. № 1491.

Симпосион сопровождался различными беседами, музыкой, пением, играми. Выразителен в этом плане вопрос одного из гостей Агафона: «Неужели мы не будем беседовать за чашей, не петь, а просто пить, как пьют для утоления жажды?» (Plat. Symp. 214 b). Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 660 a, b) писал, что «на симпосион разумные люди для того и отправляются, чтобы доставить удовольствие себе и друзьям, вместе с тем приобрести новых друзей. Сотрапезнику подобает приобщиться не только к еде, вину и лакомствам, но и к речам, шуткам и веселью, приводящему к взаимному дружескому расположению».

Беседы на различные темы были излюбленным времяпрепровождением греков. Днем в городе цирюльни и лавки становились центрами встреч имеющих досуг граждан; в них обсуждались различные животрепещущие вопросы (Plut. Nic. 30). Феофраст назвал такие сборища «сухими симпосионами», потому что там не пили вино (Plut. Mor. 679 a). Неспешные и серьезные беседы велись в узком кругу на симпосионе. Костяные таблички V в. до н. э. с надписями орфиков свидетельствуют о том, что ольвиополиты задумывались о смысле жизни и смерти, войны и мира, истины и лжи¹, а в конце I в. н. э. посетивший Ольвию оратор Дион Хрисостом (XXXVI, 16, 24) встретил людей, читавших Платона, и собрал большую аудиторию, слушавшую его рассуждения о наилучшем управлении государством. Но гораздо чаще на симпосионах речь шла о житейских делах: судебных тяжбах, которые касались участников или о которых говорил весь город, о ценах, о войнах и т. п. Многие сотрапезники хотели отвлечься от тяжких повседневных забот, предаваясь легким разговорам о любви за чашей вина, о чем в своих стихах распевал на пирах Анакреонт (AP. IV, 9):

*Мил мне не тот, кто, пируя, за полную чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселей на пиру.*

Перевод Л. Блуменау

Питье вина часто перемежалось пением стихов лирических поэтов, арий из театральных пьес и застольных песен, и это тоже отразилось в творчестве Анакреонта, автора многих песен, исполнявшихся на симпосионах.

*Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик, резвый,
Только пьяное вино*

¹ Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии. Киев. 1979. С. 73–79.

*Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно;
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.*

Перевод А. С. Пушкина

Застольные песни назывались сколиями; поющий держал в руке ветвь и передавал ее другому сотрапезнику по своему выбору, а тот либо оканчивал песню, либо запевал другую и передавал ветвь следующему. Аристофан в «Осах» (ст. 1225–1245), описывая симпосион, привел начальные стихи популярных в его время сколиев. Наверное, на пирах в городах Северного Причерноморья наряду с местными песнями пели сколии и стихи поэтов из разных городов, а также популярные во всей Элладе арии из пьес афинских драматургов. Ведь сюда прибывали корабли с товарами из многих греческих государств, а на симпосион эллины любили пригласить приезжих, чтобы послушать новости. Плутарх в биографии афинского стратега Никия (гл. 29) рассказал о том, сколь хорошо афинские моряки запоминали много стихов и мелодий из популярных пьес и как их любили узнавать в разных городах.

Иногда на симпосион звали шутов и актеров. Первые развлекали общество остроумными высказываниями и анекдотами, вторые разыгрывали небольшие сцены, а порой даже целое представление, описанное Ксенофонтом (Symp. I, 13). Об участии актера-мима в пирушке, устроенной в середине VI в. до н. э. в Борисфене, известно по надписи на поддоне чернофигурной чаши для вина, принадлежавшей некоей Мелесии, по-видимому, гетере¹.

Редкий пир обходился без хотя бы одной музыкантши (Plut. Mor 643 b), недаром их часто изображают у ложа пирующих (рис. 80). Иногда музыкантш посылали в гинекей развлечь женщин. Так, поэт Агафон позвал, как положено, на свой пир флейтистку, но ее отправили в гинекей, когда гости единодушно решили посвятить все время философской беседе (Plat. Symp. 176 e).

Женщинам посылали также блюда, которые подавали на первой и второй перемене столов, но содержимое третьих им не полагалось. Как пишет Элиан в «Пестрых рассказах» (II, 41), женщина, «склонная к вину, а тем более, много пьющая, была отвратительна». В классический период Милете и Массилии существовал закон, запрещавший женщинам пить, и они его строго придерживались (Ael. Var. Hist. II,

¹ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 302–303.

38). Возможно, такие же правила действовали в милетских колониях Северного Причерноморья. Однако подобные установления нигде не касались гетер, принимавших участие в симпозионе, поэтому их изображали с чашей для вина в руках (рис. 80). В V в. до н. э. такой гетерой была Анагора; на одном ольвийском симпозионе ей поднесли наполненный вином кратер и написали на нем ее имя¹.

Пирующие любили смотреть на танцы (рис. 79), которые нередко сопровождались акробатическими номерами. В «Пире» Ксенофонта танцовщица исполнила один танец на гончарном круге, другой среди воткнутых в землю кинжалов, третий – подбрасывая в такт музыке одновременно 12 обручей. Иногда и сами гости пускались танцевать (Her. VII, 129; Plat. Symp. 16–20).

Участники симпозиона развлекались всевозможными играми, чаще всего в коттаб. В углубленном сосуде с водой плавали пустые чашечки, в них надо было попасть остатками вина из своего кубка, чтобы чашечка погрузилась в воду. Существовали и другие варианты этой игры, но задача всегда состояла в том, чтобы метко выплеснутым вином заставить другой сосуд принять определенное положение².

Такое развлечение во время симпозиона в Ольвии упомянуто во фривольном граффито на чернолаковом скифосе рубежа VI–V вв. до н. э.³ Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом (XXXVI, 6), писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета. Впрочем, подобные отношения вообще характерны для эллинов, о чем имеется множество упоминаний в античной литературе, начиная с мегарского поэта Феогнида, посвятившего в VI в. до н. э. Кирну свои знаменитые элегии.

Возвращаясь с симпозиона домой, гости продолжали пританцовывать и петь песни под аккомпанемент лиры или аулоса. Такую веселую процессию нередко рисовали аттические вазописцы на различных сосудах, предназначавшихся для вина. Чернофигурный килик с подобной

¹ Толстой И.И. Указ. соч. С. 15. № 13.

² Sparkes B.A. Kottabos: an Athenian After-dinner Game // Archaeology. 1960. V. 13. P. 202.

³ Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 115. Рис. 4.

рописью найден в Ольвии¹. На нем представлены идущие с пирушки четверо мужчин и одна женщина; один молодой человек играет на аулосе, другой заигрывает с гетерой, держащей в руках лиру (рис. 82).

В архаический период симпозионы устраивались в аристократических домах, но позже они стали распространенной формой организации досуга более или менее состоятельных граждан². Домашние застолья служили отдыхом и развлечениями, определявшимися интеллектуальным уровнем и настроением собравшихся. У одних преобладали дружеские беседы, у других игры и песни, у третьих гетеры и выступления танцовщиц, мимов и фокусников, но все это сопровождалось питьем вина. Конечно, состоятельные люди имели возможность чаще, чем более бедные сограждане, заполнять свой досуг таким образом. Порядок совместной трапезы в основных чертах сохранялся в течение многих веков. Изменения касались способов приготовления разных блюд, менялась мода на застольные песни и мелодии, и, конечно, беседы затрагивали все новые животрепещущие темы современности.

¹ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 180. № 152.

² Свенцицкая И.С. Пирь как форма общения в классической и эллинистической Греции // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. М., 1999. С. 54.

ГЛАВА XI. ВЕНЧАНИЕ ВЕНКОМ И ОБЪЯВЛЕНИЕ О НАГРАДАХ НА ПРАЗДНИКАХ

Венок – символ античного праздника

Древние греки и римляне во время праздников украшали голову венками из цветов, душистых трав и ветвей разных растений, а иногда из драгоценных металлов. Венок из растения, взятого в священной роще, издавна служил наградой на играх в честь богов и героев. Начиная с классического периода и до заката античности, во время празднеств граждан венчали золотыми венками за гражданские и военные доблести. В русском языке далекое воспоминание об античных венках живет в словах корона (латинское *corona* – венок, затем венец из драгоценного металла) и лауреат (*laureatus* – увенчанный лавровым венком), а также в имени Степан (от греческого *στέφανος* – венок).

Памятники искусства и античные авторы свидетельствуют о разнообразных венках в парадном уборе мужчин и женщин во время семейных и общественных праздников. Венки сплетали из полевых и садовых цветов, ветвей и листьев лавра, оливы, плюща, винограда, мирта, дуба, тополя, пальмы и других растений. Их приносили в храмы в качестве дара богам, самих же богов нередко изображали в венках (рис. 44), как правило из посвященных им растений. Так Аполлон обычно имел лавровый венок, а Дионис – плющевой (рис. 38).

Победители состязаний в честь богов и героев получали венок из священного растения. Например, на праздниках Аполлона в Дельфах и на Делосе венчали венком из лавра, священного дерева этого бога, а на Олимпийских играх давали оливковый венок, потому что, по преданию, учредитель этих игр Геракл установил такую награду. Кроме того, венок у греков служил наградой за военные, финансовые, дипломатические и другие услуги государству. Провозглашение о венчании венком совершалось на главных государственных праздниках. Так на Делосе во время Аполлоний прочли декрет в честь херсонесита, удостоенного лаврового венка «за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу» (МИС. 22).

Ни одно домашнее празднество не обходилось без венков. Они украшали головы жениха и невесты, их раздавали гостям, собиравшим-

ся на мужской половине дома в андроне, где подавали угощение, пили вино, пели и беседовали на разные темы. Платон описал, как на такой пир пришел Алкивиад в венке из фиалок и плюща (Plat. Symp. 212). Плутарх в «Застольных беседах» (III, 645–648) посвятил целый раздел подобным венкам. Гости музыканта Эратона говорили о том, что цветы «радуют наше обоняние и зрение, испуская удивительный запах и представляя неподражаемое разнообразие красок», аромат же определенных растений помогает от опьянения. Считалось, что излюбленные греками венки из роз и фиалок успокаивают головную боль, а венок из шафрана «безболезненно рассеивает явления похмелья» и дает спокойно уснуть выпившим лишнее.

В V в. до н. э. греческие ювелиры начали изготавливать металлические венки¹. Они воспроизводили, преимущественно в золоте, а также в серебре и бронзе, ветви различных деревьев и кустарников, в которые иногда включали цветы². Золотой венок приносили в дар богам (Dem. XXII, 72–74; HO. 68, 80)³, его надевали участники праздничных шествий и состязаний хоров (Dem. XXI, 16, 22). С V в. до н. э. и до конца античной эпохи венок служил наградой соотечественникам и иностранным гражданам. Одно из первых упоминаний об этом встречается у Фукидида: во время Пелопоннесской войны Народное собрание небольшого города Скионы в северной части Греции постановило в 423 г. до н. э. увенчать золотым венком спартанского полководца Брасида «как освободителя Эллады» (Thuc. IV, 121).

Сохранилось немало античных золотых венков. Наибольшее их количество в Северном Причерноморье обнаружено в некрополях Боспора, и лучшие образцы выставлены в Золотой кладовой Эрмитажа в Петербурге. Ювелиры воспроизводили в золоте ветви оливы, лавра, мирта и дуба⁴. Венки из листьев сельдерея, считавшегося растением, олицетворяющим печаль, почти всегда были погребальными⁵. Эти и другие венки из некрополей изготовлены в большинстве случаев исключительно для погребального обряда: они очень легкие, с

¹ Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 121.

² Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 196. Taf. 21; ГЗ. № 60, 105, 113, 115.

³ Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma. 1969. P. 139. Fig. 26 ; Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechteion. Oxford, 1995. P. 115–200.

⁴ Стефани Л. Объяснения некоторых художественных произведений, найденных в 1874 г. в Южной России // ОАК за 1875 г. СПб., 1878. С. 16–28; ГЗ. № 105, 113, 115.

⁵ Плиний (NH XX, 44) писал, что венки из сельдерея надевали на поминках; их носили также во время отправления некоторых мистериальных культов.

тончайшими лепестками, на которые истрачено минимум драгоценного металла. Таковы четыре лавровых и оливковых венка II в. до н. э. из Артюховского кургана, в два из них вплетены цветки выюнка¹. Подобные изделия предназначались для одноразового использования, они погибали вместе с покойным, если его сжигали на погребальном костре².

Иногда в могилу клали венок, которым некогда венчали гражданина, и он хранился в доме, напоминая о заслугах хозяина (Aeschyn. III, 47). Таков оливковый венок весом 167,5 г или около 40 драхм из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора. Во второй половине IV в. до н. э. обладатель венка неоднократно надевал его в торжественной обстановке, о чем свидетельствуют следы древней починки этого ювелирного изделия³. Более массивный лавровый венок середины IV в. до н. э. найден в Керчи в кургане Кекуватского, он весит 246,3 г или около 50 драхм (рис. 83)⁴. Для сравнения напомним, что в Афинах победитель в игре на кифаре получал венок весом в 80 драхм, а постановщики трагедий – несколько меньшего размера; в сокровищнице Парфенона большие посвященные венки достигали 250 или даже 273 драхм, то есть килограмма и более золота⁵. Венок с посвящением афинскому народу от боспорского царя Спартока весил 189 драхм (IG II². 731)⁶.

Обычно наградной венок составлялся из двух ветвей, связанных сзади проволокой, а спереди на месте соединения веток нередко находился полудрагоценный камень или гемма в золотой оправе. Все это можно видеть на венках из раскопок Боспора (рис. 83); на месте соединения ветвей там часто помещали круглую золотую пластинку с оттиском местной или иностранной монеты⁷. Целые золотые венки отсутствуют в коллекциях археологических материалов из Ольвии, Херсонеса и Тире; при раскопках их некрополей археологи находили в разграбленных могилах лишь отдельные тончайшие золотые листочки⁸. Однако известно,

¹ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 42–43.

² Стефани Л. Указ. соч. С. 29. № 23.

³ ГЗ. № 115.

⁴ Там же. С. 165. № 105.

⁵ Маринович Л.П., Кошеленко Г.В. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 167.

⁶ МИС. С.310.

⁷ Стефани Л. Указ. соч. С. 16–28.

⁸ Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 182, 187, 205, 209; Костюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. № 2. 1902. С. 14; Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. № 143. 1975. С.112; Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Киев, 1989. С. 39. № 13, 19, 20, 39, 48.

что современные грабители похищали из ольвийских погребений золотые венки из лавра и сельдерея¹.

***Вручение золотого венка –
награда за гражданские и воинские доблести***

Начиная с классического периода, во многих греческих городах золотой венок стал распространенной наградой граждан и иностранцев за различные услуги государству. На больших праздниках читали постановления о наградах и увенчивали лауреатов венком. Афинские ораторы неоднократно цитировали образцы декретов разных греческих городов и законы о подобных наградах (Dem. XVII, 90, 92, 116, 118, 120; Aeschyn. III, 32, 6, 47); они упоминали, что оглашение почетных декретов и вручение венка происходило в Афинах во время празднования Великих Дионисий и Панафиней, а также в Народном собрании (Dem. XVIII, 80, 84, 92, 115, 118, 120; Aeschyn. III, 32, 45, 46).

В ряде надписей из античных городов Северного Причерноморья говорится о венчании золотым венком. Больше всего таких надписей сохранилось в Ольвии², следующее место занимает Херсонес³, затем Тира⁴, а на Боспоре не обнаружено ни одной. Исследование этих текстов дает возможность понять, кого, в каких случаях и на каких праздниках удостоивали подобной награды на северном краю греческой ойкумены⁵.

¹ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 243; Орешников А.В. Несколько замечаний о древностях, найденных в селе Парутино в 1891 г. // Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 8. Такие находки попадают в руки грабителей и теперь, о чем археологи знают, к сожалению, лишь по рассказам.

² IPE P. 25+31, 26, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 51, 52, 53, 57, 61, 94, 107, 198, 279, 305; НО. 28, 34, 43, 80, 81; Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57; Он же. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 153–156.

³ IPE P. 344, 352, 355, 418, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585; Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 63.

⁴ IPE P. 2, 40; Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 112; Фурманская А.И. Новый эпиграфический памятник из Тира // СА. 1960. № 4. С. 173–179.

⁵ До сих пор этой теме было посвящено лишь несколько страниц в книге: Латышев В.В. Указ. соч. С. 243–249. Теперь мы располагаем большим количеством надписей, которые содержат дополнительные сведения к тому, что было известно В.В. Латышеву.

Древнейшие среди интересующих нас надписей датируются эллинистическим временем, из них семь ольвийских, три херсонесских и две тирских. Их можно разделить на три группы: к первой относится высокая оценка деятельности соотечественников, ко второй – благодарность государства иностранным гражданам за их услуги, к третьей – выражение признательности гражданину за благородную жизнь и смерть за отечество. Старшая надпись рубежа IV–III вв. до н. э. принадлежит к первой выделенной выше группе. На уцелевшем фрагменте стелы написано, что гражданин Тире (его имя не сохранилось) «за доблесть и благожелательность по отношению к народу» получает золотой венок на местном празднике, и в дальнейшем его, как и прочих благодетелей, следует продолжать увенчивать во время общественных праздников¹. Другая надпись III в. до н. э. лишь косвенно свидетельствует о награждении венком в Тире, потому что сохранилась только часть стелы с изображением венков, полученных тиритом в других городах (рис. 84)².

В первой тирской надписи упомянут сравнительно редкий случай особо почетной награды: венчание золотым венком не однажды, а многократно. Подобное решение записано также в ольвийском декрете третьей четверти III в. до н. э. В нем перечислены заслуги Антестерия: он успешно исполнял государственные должности, на собственные средства построил для родины военный корабль, отремонтировал старые государственные суда, во время голода входил в коллегию ситонов, раздававшую гражданам хлебные пайки. За эти деяния ольвиополиты постановили ежегодно увенчивать Антестерия золотым венком во время празднования Дионисий в театре³.

В театре же глашатай объявил о даровании венка Каллинику. Ольвиополиты увековечили Каллиника статуей и на ее мраморном постаменте начертали почетный декрет. Как явствует из частично уцелевшей надписи (рис. 41), Каллиника чествовали за то, что он способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан.

В датировке надписи и в толковании слов о награде существуют разногласия⁴, поэтому на них стоит остановиться подробнее. Декрет за-

¹ Карышковский П.О. Указ. соч. С. 112.

² Фурманская А.И. Указ. соч. С. 174.

³ Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия... С. 57.

⁴ Декрет полностью издан, датирован 330–320 гг. до н. э., переведен на русский язык и прокомментирован в статье: Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. №4. С. 26–46; 1983. № 1. С. 21–39. Иное толкование декрета и перевод, а также более поздняя датировка предложены в работе: Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С. 268–272.

ключается словами: στεφανωθῆναι αὐτὸν χρυσοῖς χιλίοις καὶ ἀνδριάντι τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆναι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ. Ю. Г. Виноградов и П. О. Карышковский понимают смысл постановления почти так же, как В. В. Латышев, который перевел его следующим образом (IRE I². 31): «пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре». Мне кажется предпочтительней толкование в переводе В. П. Яйленко: «увенчать его (венком) в тысячу золотых, о венке же объявить на (празднике) Дионисий в театре». Ведь глагол στεφανόω в первую очередь означает увенчать венком и только изредка имеет значение наградить. То же самое можно сказать о слове στέφανος: это венок, а лишь в редких случаях награда вообще.

На первый взгляд поражает огромная стоимость венка, равная 20 000 аттических драхм, в то время как обычная цена дорогого венка в это время составляла 500 или 1000 драхм¹. Вероятно, именно это обстоятельство побудило исследователей искать более редкий смысл указанных глагола и прилагательного. Однако 20 000 драхм получается, если ольвийские золотые приравнять к статерам Александра Македонского или Лисимаха, как это было во второй половине IV в. до н. э. По наблюдению В. П. Яйленко, декрет издан в начале III века, когда в Ольвии выпускали золотые полудрахмы, и тогда 1000 ольвийских золотых соответствовали 500 афинским драхмам. Поэтому цена венка Каллиника не представляла ничего из ряда вон выходящего. Например, в афинском декрете 346 г. до н. э. в честь боспорских царей Спартока и Перисада сказано, что их венчают венками по 1000 драхм (МИС. 3).

В качестве аналогии толкования цены венка Каллиника укажем цитированный Демосфеном (XVIII, 92) декрет Херсонеса Фракийского. В нем также говорится о золотом венке, казалось бы, непомерной стоимости в 60 талантов, то есть более 1500 кг золота. Вероятнее всего, здесь имелся в виду расчет по талантам малого веса (он известен из позднейших источников), и в таком случае венок оказывается равен цене немного более 800 г золота². Венки такого веса неоднократно зарегистрированы в сохранившихся инвентарях сокровищниц храмов в Афинах³.

Конечно, Каллиник за свои экстраординарные заслуги получил дорогой, особенно по ольвийским меркам, венок. Немногочисленные над-

¹ Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma, 1969. P. 21.

² Радциг С.И. Примечания к речам Демосфена // Демосфен. Речи. М., 1954. С. 559–560.

³ Harris D. The Treasuries of the Parthenon and Erechtheion. Oxford, 1995. P. 115–200.

писи с указанием цены венков в Северном Причерноморье сообщают о гораздо более скромных венках. Воина, отдавшего жизнь за родину в III в. до н. э., ольвиополиты увенчали венком в 30 золотых, а жрец Агрот посвятил Афродите венок ценой в 5 золотых (НО. 34, 68). В большинстве надписей стоимость венка не называлась. Зачастую почетное постановление о венчании золотым венком, особенно в римское время, давало лишь право на этот акт, венок же оплачивали и приносили на церемонию те, кого награждали, или их близкие¹. Так, ольвиополит Сократ, поставивший за свой счет стелу с декретом о награждении золотым венком умершего брата, скорее всего, оплатил и венок².

Младший современник Антестерия ольвийский богач Протоген жил во время отчаянно трудного положения Ольвии. Он занимал различные государственные должности, неоднократно оказывал финансовую поддержку Ольвии, давал в голодные годы деньги на закупку хлеба, оплачивал строительство оборонительных сооружений и ремонт государственных кораблей, выкупал отданные архонтами в залог священные храмовые сосуды, отказывался от получения процентов по городским займам (IPE I². 32). Тогда город, не раз издававший декреты об увенчании золотым венком Протогена, вряд ли мог поднести ему награды, сходные по ценности с венком Каллиника.

Особо следует выделить херсонесский декрет второй половины III в. до н. э. в честь Сириска (IPE I². 344). Это единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сирииск литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа и венчание золотым венком позволяют предположить, что Сирииск читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре. Херсонеситам очень понравилось правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изобразили на фронте декрета в честь историка (рис. 42)³.

¹ Латышев В.В. Pontica. СПб., 1909. С. 243.

² См. интерпретацию текста надписи: Сапрыкин С.Ю. К Ольвийской надписи IOSPE I². 38 // ВДИ. 1988. № 1. С. 147–155. Надпись датируется I в. н. э. В это время в Ольвии недавно возобновилась жизнь после гетского разгрома, так что государство могло выразить благодарность лишь декретом, а венок приобретали родственники покойного.

³ Ростовцев М.И. Сирииск – историк Херсонеса // ЖМНП. 1915. Апрель. С. 151–170; Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 82–84.

Почетная надпись со словами «Народ увенчивает Агасикла, сына Ктесия» была вырезана в первой половине III в. до н. э. на мраморном постаменте статуи этого выдающегося гражданина Херсонеса (IRE I². 418)¹. Он удостоился редкой чести – конного памятника. Его пьедестал украшали восемь рельефных венков, внутри которых перечислены исполненные Агасиклом должности агораномы, жреца, гимнасиарха, стратега, а также выполненные им экстраординарные миссии: размежевание на участки сельскохозяйственных угодий Херсонеса, возведение оборонительных стен, устройство военного гарнизона и рынка. Три первых миссии считались наиболее важными, поскольку о них написано на лицевой стороне постамента в двух плющевых и одном лавровом венке, а о четвертом государственном поручении и об исполненных должностях – на боковой стороне в лавровых венках².

В Северном Причерноморье изображения венков на мраморных стелах появляются в конце IV в. до н. э.³ К эллинистическому периоду относятся упомянутые выше стела с декретом Сирика и постамент статуи Агасикла, а также по одной надписи из Ольвии (НО. 28) и Тиры⁴; первыми веками нашей эры датируются две ольвийские и семь херсонесских надписей (IRE I². 198, 279, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585).

Два очень обобщенно изображенных венка находятся на фронте стелы с декретом в честь трех херсонеситов, удостоенных венчания венком за финансовые услуги Ольвии (НО. 28). Шесть прекрасно исполненных рельефных венков по два в ряд украшали упомянутую выше стелу из Тиры. В среднем ряду реалистически вырезаны лавровые венки, ветви которых сзади перевязаны лентами, а нижний ряд и частично уцелевший верхний состоят из плющевых венков с вплетенными в них цветами и ягодами (рис. 84).

Все более или менее хорошо сохранившиеся надписи с венками римского времени помещены на базах херсонесских и ольвийских статуй (IRE I². 198, 420, 423, 424). На ольвийской уцелел один рельефный венок,

¹ О разногласиях в датировке надписи в пределах разных десятилетий III в. до н. э. см. литературу в статье: *Кутайсов В.А.* Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 72.

² *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. Экономика, культура, политика. М., 1990. С.350–358; *Яйленко В.П.* Некоторые вопросы интерпретации Херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва–Магнитогорск, 2001. Вып. 9. С. 180.

³ Украшение венками почетных надписей встречается на стелах и пьедесталах статуй во многих греческих городах. См.: *Guarducci M.* Op. cit. Fig. 1, 3, 193, 198, 204.

⁴ *Фурманская А.И.* Указ. соч. С. 174, 175.

а на херсонесских пьедесталах имеются по пять, десять и даже двенадцать венков. Их большое количество не всегда означает, что награда получена за каждую должность или деяние, написанные внутри изображения венка. Иногда венок играл лишь орнаментальную роль. На постаменте статуи Аристона, жившего в середине II в. н. э., только в двух из десяти надписей, заключенных в венки, сказано, что народ увенчал его венком за исполнение должности жреца и дамиурга (IPE I². 423).

Оглашение почетных декретов и раздача наград в греческих полисах обычно проходили в театрах, куда на празднование Дионисий собиралась почти вся греческая община, а также на главных городских праздниках, например, на Панафинеях, и во время панэллинских состязаний (Dem. XVIII, 90,116). Так было и в Северном Причерноморье. Ольвиополиты совершали торжественные церемонии награждения в театре и на Ахилловом Дроме, где под патронатом Ольвии устраивались панэллинские игры Ахиллеи. «На Дионисии в театре» читали почетные постановления и венчали золотыми венками Каллиника, Антестерия и сыновей херсонесита Аполлония¹. Декрет в честь Никерата со словами о его награде венком ежегодно повторяли во время самого престижного состязания колесниц на Ахилловом Дроме (IPE I². 34). Кроме того, подобные декреты оглашались в Народном собрании (IPE I². 34; НО. 28, 34). Там увенчивали венком в первые века нашей эры, когда в Ольвии уже не было театра и прекратились игры на Ахилловом Дроме. Как можно заключить из слов Диона Хрисостома (Or. XXXVI, 17), ольвиополиты собирались перед храмом Зевса и, вероятно, рассаживались на его ступенях.

В Херсонесе золотой венок вручали на главном городском празднике Парфении и в театре во время празднования Дионисий (IPE I². 344, 352). В отличие от Ольвии, театр в Херсонесе продолжал существовать в римское время, следовательно церемонии награждения могли проходить здесь и в первые века нашей эры. В Херсонесе и Тире существовали также другие, не известные по названию празднества, сопровождавшиеся церемониями наград золотым венком².

До сих пор ничего не говорилось о наградах золотым венком на Боспоре, крупнейшем государстве Северного Причерноморья. На его территории не обнаружено надписей с упоминанием венков, хотя есть

¹ Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия...С. 57; *Он же*. Политическая история... С. 156, 215, 216.

² Антонова И.А., Яйленко В.П. Указ. соч. С.63; Карышковский П.П. Материалы... С. 112.

свидетельства того, что Боспоряне уже в IV в. до н. э. хорошо знали о такой награде своих соотечественников в других государствах, а в боспорских некрополях найдено наибольшее количество золотых венков не только в Северном Причерноморье, но и по сравнению с прочими греческими некрополями. Поэтому следует попытаться объяснить подобную лакуну в боспорской эпиграфике.

Напомним, что Боспором управляли цари или, по определению некоторых античных авторов, тираны. Они рассматривали подвластную им державу как свою собственность и соответственно относились к своим подданным. Декреты о награждении венками в античных городах издавались от имени Совета и Народного собрания, а эти институты власти в Пантикапее и других городах Боспора либо играли крайне незначительную роль, либо вовсе не существовали¹. Поэтому отсутствие почетных надписей об увенчании золотым венком надо объяснить боспорским государственным устройством, отличным от существовавшего в Тире, Ольвии и Херсонесе, где власть тиранов устанавливалась эпизодически.

Общегреческая традиция апофеоза умершего проявилась на Боспоре в том, что покойных венчали венками: эллины полагали, что за добродетельную жизнь они, подобно героям, могли попасть в общество богов², а венок знаменовал их победу в битве, которой уподобляли жизнь³. Граждан из бедных семей хоронили в венках из живых цветов и растений, более состоятельные заказывали для своих родственников металлические венки, а иногда, как говорилось выше, клали в могилу золотой венок, полученный умершим при жизни.

Говоря о Боспоре, не стоит забывать и о случайности набора сохранившихся надписей, среди которых может не оказаться многих образцов важных документов. В ольвийской надписи II в. н. э. Боспор назван среди государств, увенчавших Феокла венком, значит по крайней мере в первые века нашей эры боспоряне давали такие награды иностранцам. Напомним также, что древнейшие сведения о награждении граждан Северного Причерноморья золотым венком в других государствах относятся к Боспору.

В афинском Национальном археологическом музее хранится мраморная стела с рельефом, изображающим боспорских царей Спартока II

¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.;Л., 1949. С. 340; Шилов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 164–167.

² Nilsson M.P. Geschichte der Griechischen Religion. München, 1976. S. 328, 329.

³ Higgins R. Op. cit. P. 121.

и Перисада I, а также их брата Аполлония¹. На стеле начертан афинский декрет, датированный 346 г. до н. э. (IG II². 212; МИС. 3). В нем сообщается, что Спарток и Перисад, вступив на престол, сразу же отправили в Афины послов с заверением, что их политика остается неизменной, и боспорский хлеб будет в первую очередь отправляться в Афины, как было при их отце Левконе и деде Сатире. За это афиняне постановили дать «Спартоку и Перисаду те же привилегии, какими пользовались Сатир и Левкон, и венчать золотым венком по тысяче драхм в Великие Панафинеи каждого из них обоих», кроме того, наградить золотым венком их брата Аполлония. Далее в декрете сказано о решении венчать Спартока и Перисада «каждый год Великих Панафинеи», то есть на празднике, устраивавшемся раз в четыре года. Ранее Левкон и, наверное, Сатир посвящали свои венки Афине Полиаде, о чем сообщалось в надписях на этих венках. Поэтому в декрете указано, чтобы те, кто занимается изготовлением и раздачей венков, позаботились о нанесении на них надписи: «Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом».

Таким образом, боспорским царям доставались лишь почести, а ценные венки после праздничной церемонии оказывались в сокровищнице храма Афины и пополняли афинскую казну². Традиция венчать боспорских царей золотыми венками на праздниках продолжалась и в следующем столетии. В 284 г. до н. э. такую награду получил Спарток III во время Великих Дионисий (IG II². 653; МИС. 4)³, и его венок, по установленной на этих праздниках традиции, тоже остался в афинском храме (Aeschyn. III, 46).

Итак, боспорские цари регулярно получали награды на праздниках в Афинах. Кроме того, они удостоивались венков в других государствах, очевидно, также за поставку хлеба; сохранилась надпись о награждении Левкона I в Аркадии (КБН. 37). Не только цари, но и видные граждане всех крупнейших городов Северного Причерноморья получали такие награды на праздниках за пределами своей родины. В III в. до н. э. трех херсонеситов наградили золотыми венками в Ольвии (НО. 28), а не известный по имени уроженец Тире был увенчан в Ольвии, Кизике и Родосе⁴. Во II

¹ *Petracos B.* National Museum. Athens, 1998. № 82. P. 104. № 82.

² Ценности храмов Афины считались государственной казной. См.: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Указ. соч. С. 157, 158.

³ Об этой надписи см. статью: *Хайнен Х.* Афинский почетный декрет в честь Спартока III // *Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности.* М., 1999. С. 158–169.

⁴ *Фурманская А.И.* Указ. соч. С. 173–179; наименования трех городов, записанные некогда в трех венках, не уцелели.

в. н. э. ольвиополиту Феоклу вручили венки его соотечественники и восемнадцать городов (IPE I². 40): Милет, метрополия Ольвии, ее ближние и дальние соседи по Причерноморью (Тира, Херсонес, Боспор, Истрия, Томи, Каллатис, Одесс, Синопа, Гераклея, Амастрия, Тиеон), Византий и несколько малоазийских городов (Апамея, Кизик, Никомедия, Прусы, Никея). Более десятка городов венчали другого ольвиополита, имя которого утрачено (IPE I². 41)¹. Судя по содержанию декрета Феокла, многие государства выражали благодарность гражданам Ольвии за то, что те у себя на родине оказывали гостеприимство и содействие в разных делах приезжим из этих государств, то есть, говоря современным языком, выполняли функции консулов.

Поводы для наград венком на северном краю ойкумены находят много аналогий в почетных декретах других эллинских городов. Исключительную редкость представляет лишь херсонесский декрет о венчании золотым венком историка Сирика во второй половине III в. до н. э. Это напоминает о том, как двумя столетиями раньше в Афинах Геродот по постановлению Народного собрания получил огромную денежную премию за публичное чтение своей «Истории» (Ps.–Plut. De malign. 26). Хотя многие современные исследователи полагают, что Геродоту вручили денежную награду не за его сочинение, а за какие-то другие услуги афинянам, сообщение Псевдо-Плутарха, восходящее к историческому сочинению IV в. до н. э., подтверждает самую возможность награждения за историческое произведение.

Публичные чтения почетного декрета о награде и вручение золотого венка входили в число важнейших составляющих частей многих греческих государственных праздников. Поэтому Ольвия, едва оправившись после гетского разгрома и будучи, по описанию Диона Хрисостома (Ог. XXXVI, 6) маленьким и бедным городом, уже в I в. н. э. возобновила традицию увенчания золотым венком выдающихся граждан. Эта традиция угасла лишь к середине III в. н. э., когда жизнь в Ольвии и Тире постепенно замирала, и они прекратили свое существование в IV в. н. э., а в Херсонесе и на Боспоре все большее влияние стало завоевывать христианство, вытеснявшее прежние обряды и обычаи.

Призы за победы на праздничных агонах

Большинство греческих праздников сопровождалось разнообразными состязаниями и вручением призов победителям. Торжественные

¹ На фрагменте этой надписи читается только девять наименований городов, но их было больше.

церемонии награждения проходили в заключительный день празднеств, а затем победителей чествовали на пирах, устраивавшихся либо за счет государства, либо по инициативе друзей и родственников (Plat. Symp. 174a; Xen. Symp. 1; Paus. VI, 15, 8; Plut. Symp. II, 4, 1).

На спортивных играх в Элладе впервые появились награды атлетов, имеющие лишь почетную ценность. Олимпийский оливковый венок стал вершиной спортивной карьеры. В то же время он был знаком особого покровительства Зевса, и это покровительство олимпионик переносил на родину, посвящая свой венок местному божеству.

Среди множества игр, проводившихся в разных древнегреческих городах, выделялись четыре самых знаменитых и престижных: Олимпийские на Пелопоннесе в области Элида, Пифийские близ Дельф, Истмийские на Коринфском перешейке и Немейские в Арголиде. В них, как и во многих других, имел право выступить мужчина-гражданин из любого греческого государства.

На этих четырех играх победители получали только венки. Олимпийский был оливковым, пифийский лавровым, истмийский из пинии, южного сорта сосны, а немейский из сельдерея (рис. 85). Ветви для венков брали со священных растений, например, в Олимпии с дикой оливы, росшей у храма Зевса; эти ветви срезал золотым ножом мальчик из знатной семьи, у которого были живы оба родителя (Paus. VI, 15, 4). Венчание венком проходило в присутствии зрителей, съехавшихся на праздник из множества городов, а перед этим глашатай провозглашал имя награжденного и его родину; эта традиция сохраняется и теперь при вручении олимпийских медалей. При выходе со стадиона поклонники окружали своего кумира, кричали и прыгали от радости, бросали ему цветы, несли до дома на руках (Dio. Chrys. IX, 14).

На родине победителей торжественно встречали, оказывали всевозможные почести и вручали материальное вознаграждение. Афиняне по закону Солона давали чемпиону Олимпийских игр 500 драхм, а за победу на других общегреческих играх – по 100 драхм. Такая градация отражает особое признание в эллинском мире Олимпийских игр, считавшихся «величайшими играми на свете» (Strab. VIII, с.353). Вот как Элиан описывает прибытие в Афины олимпийского чемпиона Диоксиппа: «Он торжественно, как это полагалось, въезжал в родной город; стеклось большое количество народу, и люди карабкались, куда попало, чтобы посмотреть на него» (Ael. Var. Hist. XII, 58).

С конца VI в. до н. э. чествование победителя сопровождалось пением хора, который исполнял эпиникий – хвалебную оду, написанную по случаю победы соотечественника. Тогда поэты писали не только

стихи, но и музыку к ним. До наших дней сохранились тексты эпиникиев Пиндара и Вакхилида, самых знаменитых авторов этого жанра поэзии. В V в. до н. э. многие города заказывали им оды по случаю побед своих граждан на общегреческих играх, а иногда и на других состязаниях. В заглавиях некоторых эпиникиев Пиндара сказано, что они сочинены для исполнения на родине победителя (Pind. Ol. 5, 9, 10; Pyth. 11; Nem. 3, 10).

Самое престижное и желанное достижение атлета заключалось в завоевании наград на всех четырех главных панэллинских играх. Таких чемпионов называли периодониками, то есть победителями во всем цикле игр. По литературным и эпиграфическим источникам сейчас известно более сорока имен периодоников¹. Наиболее знаменитый среди них, ставший надолго легендой для всех эллинов, был Милон из греческой колонии Кротон в Южной Италии. Будучи юношей, он впервые стал олимпийским чемпионом по борьбе в 536 г. до н. э., потом еще пять раз завоевывал это звание в Олимпии и по несколько раз на других играх (Paus. VI, 14, 2–3).

Одна из форм почестей чемпионов состояла в праве поставить свою статую. Средства для ее исполнения выделялись либо родным городом победителя, либо богатым меценатом, а иногда и самим чемпионом. Павсаний в «Описании Эллады» (VI, 1–18) подробно рассказал о множестве таких статуй в священном округе Олимпии. Сейчас от них уцелели лишь несколько постаментов и римских копий с греческих оригиналов. Такова мраморная реплика скульптуры, исполненной Поликлетом в середине V в. до н. э. (рис. 86); статуя изображала Киниска, уроженца города Мантинеи, с олимпийским венком в руке².

На постаментах подобных статуй нередко писали прославляющие чемпиона стихи. Вот одна такая надпись IV в. до н. э., находившаяся на пьедестале памятника периодоника Хилона из города Патры (Paus. VI, 4, 6).

*Дважды в Олимпии в чистой борьбе один на один я
Между мужей победил, в Дельфах столько же раз;
Три я в Немее, четыре победы взял в Истме, который
Около моря лежит, Хилон, Хилона сын,
В Патрах. Когда ж на войне я погиб, всенародно ахейцы
С славой меня погребли доблести ради моей.*

¹ Большинство сведений о периодониках сохранилось в одах Пиндара и в «Описании Эллады» Павсания.

² Винпер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 183, 184. Рис. 197.

Статуи местных чемпионов стояли и в городах Северного Причерноморья. В Ольвии найден постамент подобного памятника III в. до н.э. с частично сохранившейся надписью (IPE I². 186). Скульптура изображала чемпиона по бегу Дионисия и находилась в ольвийском гимнасии, где проходили тренировки атлетов и проводились сопровождавшиеся состязаниями праздники в честь Гермеса. Своей победой Дионисий завоевал право на постановку статуи, а его отец, попечитель гимнасии, финансировал изготовление скульптуры.

Прекрасные античные статуи атлетов, а также богов и героев, моделями для которых служили реальные люди, показывают, какая гармоничная красота человеческого тела ценилась у эллинов. Они даже устраивали во время некоторых игр соревнования в красоте тела атлетов; этот вид состязания упомянут в надписи из Горгииппии (КБН. 1137).

Чемпионы панэллинских игр принимали участие и в других празднествах, где завоевывали не венки, а иные призы. Это иллюстрирует мраморная стела из Афин с именем Александра, уроженца небольшого аттического городка Рамнунт. На стеле изображены призы, завоеванные им во II в. до н. э.: наряду с истмийским и немейским венками мы видим наградную панафинейскую амфору и щит, полученный на состязаниях в честь Геры в Аргосе (рис. 85)¹.

Из-за отсутствия каких-либо определенных данных сейчас можно только предполагать, что атлеты из античных городов Северного Причерноморья ездили выступать в Олимпию. Относительно же вторых по значению Пифийских игр у нас имеются более определенные сведения. Сохранились надписи с упоминанием о том, как корабли с феорами – посланниками, возвещавшими о точной дате начала праздника – прибывали в гавани Ольвии, Херсонеса и Боспора, и там их гостеприимно встречали (МИС. 12, 13, 14). Оратор Дион Хрисостом (IX, 5) упомянул о присутствии ольвиополитов на Истмийских играх в IV в. до н. э.

В 1875 г. на мысе Ак-Бурун недалеко от Керчи археологи раскрыли гробницу, сооруженную в конце IV в. до н. э. В ней лежал знатный и богатый гражданин Боспорского царства; на его высокое положение указывали золотые вещи, в первую очередь великолепный головной убор, о военных подвигах напоминало оружие, а о победах на атлетических состязаниях – почетный приз, завоеванный в Афинах на соревнованиях в беге². Этим призом была большая панафинейская амфора, наполненная славившимся в древности аттическим оливковым маслом³. На од-

¹ Broneer O. The Isthmian Victory Crown // AJA. 1962. V. 66. 3. P. 261. Fig. 67,2.

² ОАК 1876. С. 5, 109. Табл. 1, 2.

³ Вдовиченко И.И. Panathenaika. Panticapaion // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 242. № 6, 7.

ной стороне вазы нарисованы три бегуна (рис. 87), а на другой стороне – Афина между двух колонн, увенчанных статуями богини победы Ники и Эрота. Надпись гласит, что это «награда из Афин», данная при архонте, имя которого утрачено. По стилистическим особенностям росписи амфора датируется первой половиной IV в. до н. э., то есть временем молодости погребенного¹.

Победители получали не по одной амфоре. В одной афинской надписи IV в. до н. э. сказано, что за первое место в беге среди юношей полагалось 60, а за второе место – 12 амфор (Syll³. 1055); взрослым же давали еще больше. Призерам разрешалось продавать эти награды, которые пользовались спросом во всей греческой ойкумене. Недаром большинство панафинейских амфор обнаружено при раскопках за пределами Афин. На Боспоре и в его окрестностях их найдено более десятка, от многих уцелели лишь небольшие обломки. Наряду с греками такие вазы приобретали эллинизированные варвары².

Призы в виде ваз, наполненных оливковым маслом, вероятно, какое-то время существовали и на играх в честь Ахилла, проходивших под патронатом Ольвии на Тендровской косе. Сюда съезжались эллины из многих греческих городов, главным образом, с побережья Черного моря, как можно заключить по находкам монет на Тендре³. Найденная в ольвийском некрополе амфора рубежа IV–III в. до н. э., скорее всего, служила наградой победителя в конских ристаниях на этих играх. Ваза украшена росписью, выполненной в давно вышедшем из моды чернофигурном стиле, сохранявшемся лишь на призовых панафинейских амфорах и некоторых ритуальных сосудах. Кроме этого, на роль приза указывают лавровые гирлянды на плечиках сосуда. На одной стороне художник нарисовал возницу, правящего четверкой лошадей, а на другой мчащегося всадника, который, как и квадрига, устремляется к нарисованным под ручками вазы колонкам, увенчанным изысканным сосудом⁴. Колонки изображают столбы на ипподроме, называвшиеся метами; они обозначали место поворотов колесниц и всадников, которые нередко разбивались об них, стремясь в целях экономии времени пройти воз-

¹ Вдовиченко И.И. Указ. соч. С. 242. № 5.

² Вахтина М.Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских памятниках Северного Причерноморья // *Stratum*. Петербургский археологический вестник. СПб.– Кишинев, 1997. С. 62–63.

³ Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // *СА*. Т. 7. 1941. С. 153.

⁴ Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // *ИАК* № 8. 1903. С. 29, 30. Рис.15.

можно ближе к мете. Вазы на колонках представляют призы за победу. Серебряная ваза начала III в. до н. э., найденная в Пантикапее¹, близка по форме изображенным на амфоре, и это косвенно подтверждает верность ее датировки.

Некоторые исследователи относят ольвийскую амфору к импортным вещам из Александрии², где в эллинистический период производились вазы такой формы и расписывались в похожем стиле. Однако, и в Афинах в конце IV в. до н. э. делали панафинейские амфоры сходной формы³, и одна из них найдена в Ольвии⁴. Можно высказать осторожное предположение, что в IV в. до н. э. ольвиополиты приобретали призовые амфоры в Афинах так же, как боспоряне заказывали там блюда со сценой похищения Европы⁵. По декрету Никерата известно о конных состязаниях на Ахилловом Дроме (IPE I². 34), а победа в беге колесниц оценивалась на всех соревнованиях как самая главная. Таким образом, ольвийская амфора, вероятно входила в число самых престижных наград, которые раздавали в последний день праздника.

Греческие колонисты переносили из метрополии обычай награждать победителей агонов, сопровождавших многие праздники. Издавна наградами такого рода служили венки и треножники, которые, как правило, посвящали богам (Her. I, 144). Упоминания о победителях на местных состязаниях содержатся в надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора (IPE I². 130, 138, 155, 158, 434, 435, 436, 584; НЭПХ. 20, 21, 127; КБН. 1137), но к сожалению, ни в одной надписи не сохранилось сведений относительно призов на этих агонах. Однако, по косвенным данным можно заключить, что в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, чемпионы получали венки и нарядные повязки тении. Четыре широких тении с закругленными краями и с тесемками на концах для завязывания представлены на надгробии херсонесита Феофанта, умершего в молодом возрасте в конце IV в. до н. э. (НЭПХ. 172). Кроме тений на стеле изображены принадлежности атлета: стригиль, сосуд с маслом для натирания во время упражнений и сетка. Наверное, тении

¹ Тревер К.В. Ольвийская полихромная амфора 1901 года // МАР. № 36. С. 16, 17. Рис. 26.

² Штерн Э. Р. К вопросу об эллинистической керамике // ЗООИД. Т. 28. 1910. С. 163, 173; Тревер К.В. Указ. соч. С. 44.

³ ABF. № 305, 307, 308.

⁴ Эта ваза из хищнических раскопок попала в коллекцию А. Фогеля. См. Тревер К.В. Указ соч. С. 9. Рис. 2.

⁵ См. об этих блюдах в разделе «Свадьба» в главе «Домашние праздники».

указывают на четыре победы Феофанта, одержанные им на херсонесских, а, может быть и на общегреческих играх¹.

По-видимому, выдающийся боспорский атлет был похоронен в склепе конца IV – начала III в. до н. э. На стене погребальной камеры нарисованы победные венки и узорчатые тени, а также необходимые для спортсмена стригиль и сосуды с маслом². Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как разнообразные призы украшали комнаты в домах чемпионов праздничных игр (рис. 88)

Нарядная тения была весьма распространенной наградой у греков (Paus. VI, 20, 19). Ею украшена голова атлета на бронзовой статуэтке V в. до н. э. из Нимфея³. Тения изображена на знаменитой статуе Поликлета, называемой Диадумен, то есть завязывающий на голове победную повязку. Римляне перевезли Диадумена в свой город и оценили огромной суммой в 100 талантов; его часто копировали античные скульпторы, и до нашего времени сохранилось несколько воспроизведений оригинала Поликлета⁴.

Момент награждения тенией можно увидеть на краснофигурной гидрии конца VI в. до н. э. Вазописец нарисовал судью, завязывающего пурпурную тению на голове мальчика-победителя, которого украшают еще две подобные повязки на предплечье и на бедре. Там же повязаны тени у юноши-призера на краснофигурной амфоре начала V в. до н. э.⁵ Обычай вручать несколько теней сохранялся и позже; о желании дать сразу три победные тени говорится во фрагменте из утерянной комедии Эвбула, жившего в IV веке до н. э. (Eub. Fr.3).

Изображения нарядных теней на вазах, найденных в Северном Причерноморье, показывают, какими ткаными или вышитыми узорами украшали подобные повязки. Лучшие рисунки сохранились на двух сосудах конца IV в. до н. э.: это привозная чернолаковая гидрия из Херсонеса и ойнохоя местной работы из Ольвии. Повязка на гидрии исполнена одной светлой краской; на черном фоне четко выделяются контуры растительных и геометрических орнаментов на тени, охватывающей

¹ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 181–183.

² АДЖ. С. 71. Табл. 26, 27.

³ Античная художественная бронза. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. Л., 1973. С. 13. № 10.

⁴ Виннер Б.Р. Указ. соч. С. 184. Рис. 198.

⁵ Ἡ ἱστορία τῶν Ὀλυμπιακῶν ἀγῶνων. Ἀθῆναι, 1976. № 56, 58.

верхнюю часть вазы, у ручки повязка нарисована завязанной узлом, от которого свисают концы с бахромой¹. Другая тения изображена лежащей на плечиках ойнохой и частично на ее тулове. Основная часть повязки широкая с закругленными краями, к которым прикреплены тонкие ленты, завязанные бантом. Особенно ценна сохранившаяся раскраска тении: на красном фоне выделяется узор из пальметт и побегов растений; они исполнены белой и голубой красками, вероятно, представляющими шитье серебряными нитями². Надо полагать, что в Ольвии эллинистического периода награждали тениями с подобным орнаментом, и мастер с натуры воспроизвел одну из них.

В главе о праздниках в театре говорилось о том, что драматургам и учителям хоров, занявшим первое место, вручали бронзовые треножники, которые награжденные посвящали Дионису. Треножник (рис. 89) был также одним из символов Аполлона, и поэтому нередко служил призом на его праздниках, обычно на мусических агонах (Paus. IX, 31, 3; X, 7, 6), например, на Пифийских играх в Дельфах. Треножники обычно представляли ценные изделия из бронзы, и их следовало отдавать в храм в качестве посвящения богу (Paus. X, 7, 6); нарушителей этой традиции строго наказывали (Her. I, 144). Бронзовый треножник стоил дорого, поэтому из-за недостатка средств его иногда делали деревянным (Paus. IV, 12, 8). Возможно, треножниками награждали также на некоторых самых престижных праздниках в Северном Причерноморье. По надписям известно, что в Ольвии треножники посвящали Аполлону (ΙΡΕ Ι². 106), там же найдена мраморная капитель от колонны, служившей постаментом для бронзового треножника³.

Археологические находки свидетельствуют о том, что атлеты из Северного Причерноморья завоевывали награды на состязаниях, в которых участвовали эллины из многих городов. Выше уже говорилось о призах, полученных боспорянами на Панафинеях. Херсонеситы участвовали в состязаниях на другом афинском празднике Анакии, проводившемся в честь Диоскуров. Об этом свидетельствует бронзовая гидрия с надписью «Приз из Анакий»⁴. Ваза находилась в погребении IV в. до. н.

¹ Гриневич К.Э. Подстенный склеп № 1012 // Херсонесский сборник. Т. 1. Севастополь, 1926. С. 23; Стоянов Р.В. Чернолаковая гидрия с накладным орнаментом из склепа № 1012 в Херсонесе Таврическом. // Vita antiqua. Київ, 2003. № 5–6. С. 123.

² Блаватський В.Д. Поліхромна ойнохоя з Ольвії // Археологія. 1947. № 1. С. 158.

³ Сорокина Н.П. Мраморная капитель из Ольвии // Культура античного мира. М., 1966. С. 261.

⁴ Гриневич К.Э. Указ. соч. С. 23.

э., а в другом захоронении обнаружен серебряный диск, полученный за победу на каком-то престижном агоне¹.

Объявление о постановке статуи

Древнейшие награды в виде увековечивания статуй с надписью о заслугах изображенного получали победители на панэллинских играх. Как уже упоминалось, такие скульптуры атлетов существовали и в Северном Причерноморье (IPE I². 186), но здесь больше известно о статуях (ἀνδρίας) и изображениях (εἰκών)², поставленных в качестве награды в основном за гражданскую деятельность. Они появились в Северном Причерноморье в эпоху раннего эллинизма и существовали по крайней мере до III в. н. э. В Тире, Ольвии и Херсонесе статуи и изображения устанавливали по постановлению Народного собрания или Совета. Цари Боспора, насколько сейчас известно, не отмечали подобным образом заслуги своих подданных, хотя сами были не против того, чтобы их так прославляли у себя на родине и за ее пределами³. Древнейшее письменное свидетельство о награждении статуями граждан Северного Причерноморья относится именно к боспорскому царю Перисаду I и его родственникам (Dein. I, 43).

Начиная с классического периода, статуя, воздвигнутая при жизни или посмертно, стала одной из наивысших наград у эллинов; о решении ее поставить объявляли на праздниках и постановление записывали в почетных декретах. Граждане городов Северного Причерноморья удостоивались такой почести и у себя на родине, и в других государствах. В надписях из Ольвии, Херсонеса и Тиры редко говорится о материале статуи; в тех же случаях, когда он упомянут, речь идет о «медной статуе» (IPE I². 31, 355). Сохранившиеся постаменты конных и других

¹ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. С. 67–68.

² Оба слова в греческом языке могут означать статую, поэтому в русских переводах надписей не делалось различий между этими словами. Однако, как будет показано ниже, в северопричерноморских надписях эти слова подразумевают разные виды наград.

³ См., например, стоявшую в Пантикапее мраморную статую одного из Спартокидов (Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С.89. Рис. 27.), а также надписи на пьедесталах статуй Митридата, Аспурга и Рескупоридов (КБН. 40, 54, 59; *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь, 1999. С. 121–158. № 1, 3, 6, 22, 23, 24, 26, 28) и афинский декрет в честь Спартока III (МИС. 4).

почетных статуй также свидетельствуют о бронзовых скульптурах¹. Многочисленные находки мраморных изваяний во всех северопричерноморских государствах не исключают возможности предположить, что какие-то почетные статуи делали также из камня.

По надписям различается два типа подобных наград: статуя и изображение. Как явствует из декрета Никерата (IPE I². 34), статуя отличалась от изображения и была наградой более высокого ранга. Надпись гласит, что херсонеситы почтили этого ольвиополита постановкой статуи (ἀνδριάντος ἀνάστασις) и посвящением изображения (εἰκόνας ἀνάθεσις). Из найденной в Тире надписи римского времени явствует, что изображение чествуемого лица решено исполнить в виде позолоченного рельефа; в копии декрета византийцев в честь ольвиополита Оронта говорится о позолоченном, а в двух херсонесских надписях о медных изображениях (IPE I². 2, 79, 423, 424). Поэтому можно предположить, что εἰκών – это скульптурное изображение, скорее всего погрудное, выполненное в рельефе из металла или из камня, и по размеру меньшее, чем статуя. Такие изображения неоднократно упоминаются в почетных декретах Тиры, Ольвии и Херсонеса (IPE I². 2, 34, 40, 67, 325, 355, 423, 424; НО. 28). В римское время εἰκὼν ἐνοπλός соответствовало латинскому *imago clipeata*², означавшему изображение на щитообразной выпуклости. Поэтому В. В. Латышев переводил ольвийские награды такого рода как изображение на щите (IPE I². 40, 42). Но мне кажется имелось в виду первоначальное значение – изображение в полном вооружении, как, например, в херсонесском декрете Диофанта, где речь идет о статуе полководца в полном вооружении (IPE I². 352).

Наиболее почетной и соответственно более редкой была конная статуя. Ее посмертно, как уже упоминалось, удостоился ольвиополит Никерат. Следы ног коня сохранились на двух мраморных постаментах с острова Левки и из Херсонеса; на этих пьедесталах вырезаны почетные надписи³. В конце IV в. до н. э. ольвиополиты поставили на о. Левке такой памятник своему соотечественнику (его имя не сохранилось) за то, что он освободил от пиратов находившийся под протекторатом Ольвии священный остров со знаменитым во всей Элладе храмом Ахилла (IPE I². 325). В III в. до н. э. херсонеситы почтили конной статуей Агасикла, исполнявшего много государственных должностей и важных единовременных поручений (IPE I². 418).

¹ *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. С.121–158. № 1, 3, 6, 22, 23, 24, 26, 28.

² *Liddle G. Scott K.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968. P. 571.

³ *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. № 1, 17.

Следующей по значимости после конной шла награда статуей во весь рост. От некоторых памятников сохранились следы ступней на постаментах. Ольвиополиты отметили такой скульптурой упомянутого выше Каллиника, а граждане Тиры – Автокла, снарядившего военную экспедицию, вероятно, во время похода Зопириона¹. В конце II в. до н. э. в Херсонесе полководец Диофант, увенчанный золотым венком на празднике Парфении, был изображен скульптором в полном вооружении (IPE I². 352), а в середине II в. н. э. херсонеситы поставили статую Аристона за образцовое исполнение государственных должностей и успешное выполнение поручений города во время посольств к императору Антонину Пию и боспорскому царю Реметалку (IPE I². 423). Из серии подобных надписей в Северном Причерноморье только в этой указано имя скульптора Кефисодота, исполнившего статую². Самое позднее свидетельство о постановке статуи в качестве награды относится к III в.: это надпись на мраморном пьедестале памятника херсонесскому гражданину Демократу, который неоднократно за свой счет ездил послом к римским императорам, исполнял различные общественные обязанности и был прекрасным оратором (IPE I². 425).

Статуи и изображения ольвиополитов, херсонеситов и боспорян украшали многие города Причерноморья и Эллады, а решения об их установке, как правило, провозглашали на праздниках. От этих скульптур до наших дней уцелел лишь один поврежденный рельеф с фигурами боспорских царей Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония³; рельеф венчает мраморную стелу с текстом декрета 346 г. до н. э. (МИС. 3), он стоял в Пирее, а копия, возможно, находилась на Боспоре. Об остальных памятниках известно по письменным и эпиграфическим источникам. Оратор Динарх (I, 43) рассказал о предложении Демосфена поставить статуи Перисада I и двух его родственников на афинской агоре. В почетном декрете царя Спартока III, изданном в 288 г. до н. э., говорится о решении увековечить его статуями на афинской агоре и на Акрополе (МИС. 4). Туда же в I в. до н. э. поместили статую боспорской царицы Пифодориды (МИС. 42). Во II в. до н. э. на о. Тенедосе находилось брон-

¹ *Vinogradov Ju.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. V.1. 1994. P. 72. № 13; *Трейстер М.Ю.* Указ. соч. № 3.

² *Соломоник Э.И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 43.

³ *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 67–68. Рис. 5; *Petrakos B.* National Museum. Athens, 1998. № 82.

зовое изображение ольвиополита Посидея¹, а в I в. н. э. в Византии – позолоченное изображение гражданина Ольвии Оронта (IPE I². 78, 79).

Следы ног на уцелевших постаментах дают возможность представить величину фигур: они в большинстве случаев приближались к росту человека. Многие бронзовые статуи имели вставные глаза из кости или из камня. Их находки в Ольвии и Пантикапее также близки к натуральным размерам глазных яблок и зрачков².

В городах Северного Причерноморья, как и в прочих греческих государствах, почетные статуи помещали на видных местах центральной площади и у главных святилищ. В декрете Диофанта сказано, что его статую следует поставить на акрополе Херсонеса возле алтарей Девы и Херсонаса, а в декрете в честь херсонеситов упомянуты их изображения в ольвийском святилище Аполлона. Иногда место предлагалось выбрать родственникам, как в случае со статуей Никерата, или памятник помещали в месте, связанном с деятельностью человека; например, изображение Феокла украшало отстроенный им ольвийский гимнасий (IPE I². 40).

***Провозглашение почетного декрета с решением о постановке
каменной стелы с текстом декрета***

Чтение глашатаем почетного декрета во время многолюдных празднеств было для каждого эллина желанным актом прославления среди соотечественников. В дальнейшем об этом напоминали выставленные на видном месте каменные, чаще всего беломраморные стелы с вырезанными на них текстами декретов, в которых перечислялись заслуги того или иного гражданина. В заключительной части постановления часто говорится, что его текст следует написать на белокаменной стеле и установить ее в определенном месте, обычно там же, где находились статуи. В эллинистический период такое почетное пространство для стел в Ольвии отвели у храма Аполлона (НО. 29, 35, 36), а в Херсонесе у храма и алтаря Девы (IPE I². 344; НЭПХ. 2), то есть на теменосах верховных богов государства. Есть единичные упоминания о постановке стелы в помещении ольвийской коллегии Семи³, а в римское время – в ольвийском святилище Зевса (НО. 45) и в херсонесском святилище Асклепия (IPE I². 376). В большинстве же надписей рекомен-

¹ О том, что Посидей был гражданином Ольвии см.: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история... С. 242.

² *Трейстер М.Ю.* Указ.соч. С. 127.

³ *Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь Антестерия... С. 57.

дуются установить декрет на акрополе Херсонеса (IPE I². 354, 357, 358, 360, 364, 368, 382; НЭПХ. 112, 121), а в Ольвии – на самом видном и почетном месте города (IPE I². 40; НО. 49).

Наряде стел с подобными декретами, изданными в честь иностранцев, начертаны проксении (рис. 90). Они были у греков одной из самых распространенных наград иностранцам за выдающиеся торговые, финансовые, дипломатические и некоторые другие услуги государству. Проксены в дружественном городе пользовались определенными льготами, а у себя на родине оказывали поддержку и помощь приезжим из этого города, так что их функции можно сравнить с деятельностью консулов нового времени¹. Сопоставление текстов проксений разных полисов показывают, что они очень схожи и для них существовали строго определенные формулы, которые незначительно изменялись на протяжении многих веков. В римский период проксении постепенно утрачивали свое первоначальное значение и часто превращались в почетные титулы².

Обычно льготы, предоставлявшиеся проксениями, включали освобождение от налогов на ввозимые и вывозимые товары, а также освобождение от уплаты гаванных сборов. Особо ценной наградой проксену служило дарование гражданства, уравнивавшего его во всех правах с полноправными жителями дружественного города. Иногда льготы распространялись на братьев и сыновей проксена, а торговыми преимуществами могли по его поручению пользоваться слуги³.

Древнейшая проксения в Северном Причерноморье найдена в Ольвии; это декрет в честь Иатрокла, гражданина Синопы, изданный во второй половине V в. до н. э. (НО. 1). Проксении продолжали давать вплоть до позднеримского времени; последние из уцелевших херсонесских проксений датируются III в. н. э. (НЭПХ. 114). От имени Народа и Совета ольвиополиты и херсонеситы предоставляли проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения, причем обе деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди. Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Эллады и Малой Азии (IPE I². 20, 21, 23, 26–28, 30, 227, 340, 349, 356–359, 364, 365, 376, 380, 382, 697; НО. 1–27, 45; НЭПХ. 6, 7, 110).

¹ Тюменев А.И. Херсонесские проксении // ВДИ. № 4. С. 14.

² Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 31; Klaffenbach. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957. S. 81.

³ Характерные образцы проксений из разных греческих городов см. в кн.: Guarducci M. Op.cit. P. 28–33.

На Боспоре проксении предоставлялись от имени царя и давались значительно реже, чем в Ольвии и Херсонесе (КБН. 1–5)¹.

Вероятно, граждане городов Северного Причерноморья получали проксении во многих греческих государствах, но определенных сведений об этом сохранилось не очень много. В III в. до н. э. ольвиополит, имя которого не уцелело, получил проксению в Херсонесе (IRE I². 345). В свою очередь в Ольвии проксений удостоились херсонеситы Пирралий в IV в. до н. э., а столетием позже – Дионисий (НО. 3, 26). Декреты II в. до н. э. свидетельствуют о проксениях, изданных в Томах для гражданина Тиры Нила и в Оропе для не известного теперь по имени херсонесита (МИС. 8 и № 2 в дополнении); там же его соотечественник получил проксению столетием позже (МИС. 9). В I в. н. э. ольвиополит Оронт стал проксеном Византия (IRE I². 79), а во II в. н. э. некий херсонесит – в Тие, небольшом городе на южном берегу Понта (НЭПХ. 13).

В особую группу следует выделить награждение проксенией в Дельфах и на Делосе. Там находились прославленные во всей греческой ойкумене святилища Аполлона, которые особенно во время праздников посещало множество паломников. О датах начала торжеств возвещали специальные посольства феоров, отправлявшиеся в разные города, чтобы все знали, когда прибыть в Дельфы на Пифийские игры и на Аполлонии на Делос. За оказание гостеприимства феорам и, вероятно, другие услуги Дельфы даровали проксению и целую серию привилегий херсонеситу Сокриту, ольвиополиту Дионисию и боспорянину Никию. Наряду с правами не платить налоги при торговых операциях им разрешалось вне очереди вопрошать дельфийский оракул и решать в суде свои спорные дела, а также пользоваться неприкосновенностью и проэдрией (Syll³. 585; МИС. 12). Позже в 192 г. до н. э. сходных привилегий удостоились послы херсонеситов Формион и Гераклид, а также херсонесит Гимн и пантикапеец Апатурий (Syll³. 281; МИС. 13, 14). На острове Делосе в III в. до н. э. проксении получили пантикапеец Койран, а во II в. до н. э. ольвополиты Дионисий и Посидей (МИС. 21, 23, 24).

Дарование права проэдрии

Проэдрия была распространенной наградой, которая давала право занимать почетные первые кресла в театрах, на стадионах и других общественных местах. Упомянутые выше херсонеситы, ольвиополиты

¹ См. также: *Шилов-Коведяев Ф.В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57–72.

и боспоряне, награжденные проксениями, удостоились также проэдрии в Дельфах и на Делосе (МИС. 12, 21), причем в делосской надписи подчеркнуто, что подобные места им можно занять во время состязаний, то есть на праздничных мусических и атлетических агонах.

Предоставление проэдрии существовало в Ольвии по крайней мере с IV в. до н. э. К этому времени относится декрет об исополитии ольвиополитов и милетян (Syll³. 286; МИС. 35), в котором отмечено, что милетяне могут воспользоваться правом проэдрии в Ольвии, а ольвиополиты в свою очередь в Милете. В ольвийской проксении, близкой по времени декрету об исополитии, гражданин Истрии наряду с обычными для Ольвии льготами проксена получил также право проэдрии (НО. 7). Такими, к сожалению, скудными свидетельствами подтверждается существование в Северном Причерноморье проэдрии как одного из видов наград.

Похвала и праздничное угощение

В текстах почетных надписей перед упоминанием о наградах часто выражалась похвала за деяния чествуемого лица¹. Об этом можно прочесть в декретах Каллиника, Антестерия и во многих проксениях.

Наряду с разнообразными наградами большой честью считалось приглашение на прием с угощением за общественный счет; это также записывалось в почетном декрете. В Северном Причерноморье пока документально известно о подобных приемах только в Ольвии. В эллинистический период они проходили у жреца Аполлона, главного бога государства, и устраивались, вероятно, в каком-то помещении на его теменосе около агоры. О таких приемах сообщается в трех надписях (НО. 29, 35, 36), но только в одной сохранились имена чествуемых подобным образом: это херсонеситы Аполлодор, Аполлоний и Евфрон, награжденные золотыми венками за крупные финансовые услуги государству. Наверное, ольвиополиты дали по этому случаю грандиозный пир, потому что для его организации привлекли троих граждан².

В Афинах подобные приемы проходили в пританее. В 346 г. до н. э. там устроили угощение в честь боспорских послов Сосия и Феодосия, сообщивших, что вступившие на престол цари Спарток и Перисад будут по отношению к Афинам проводить такую же дружественную политику, как их предшественники (IG II². 212; МИС. 3).

¹ Guarducci M. Op. cit. P. 20.

² Виноградов Ю.Г. Политическая история...С. 217, 218.

Получение награды становилось важным событием в жизни любого гражданина. Этот акт совершался в торжественной обстановке государственного праздника и имел в глазах эллинов большое политическое и воспитательное значение (Dem. XVIII, 120). Оно ясно выражено в заключительных словах декретов Каллиника и Никерата (IPE I². 25, 34). В первом утверждалось, что, подобно Каллинику, «каждый получит от народа почесть и награду, достойную благодеяний», а во втором говорилось, что почести, оказанные Никерату, должны побудить граждан быть «более ревностными к услугам отечеству, видя, как благодетели украшаются надлежащими почестями».

Само провозглашение о награде на празднике в присутствии большинства граждан считалось высокой честью. Недаром оратор Эсхин оспаривал не только возможность наградить Демосфена золотым венком, но и отрицал право провозгласить об этом в театре (Aeschyn. III, 32). Херсонеситы в надписи на постаменте статуи Демократа отметили, что город удостоил его «вечным провозглашением» (IPE I². 425).

По надписям из Северного Причерноморья известно, где здесь объявляли о наградах. Глашатай читал почетные декреты во время Дионисий в ольвийском и херсонесском театрах (IPE I². 25, 344; HO. 28), в Народном собрании (IPE I². 34; HO. 28, 34), на Парфениях в Херсонесе (IPE I². 352), во время конных ристаний на Ахилловом Дроме (IPE I². 34), на празднествах, сопровождавшихся агонами в Тире¹.

Итак, многие эллины, жившие на северных берегах Понта, удостоивались различных наград на праздниках у себя на родине и в других государствах. В Тире, Ольвии и Херсонесе существовала система наград, сходная с той, которая была в Афинах и других греческих городах². На Боспоре известно лишь о небольшом количестве проксений и о наградах на атлетических состязаниях, которые всегда сопровождались призами для победителей. В то же время боспоряне за пределами своей родины получали разнообразные награды, которые не практиковались в их государстве.

На местных праздниках глашатай возвещал о похвале деятельности соотечественников и иностранных граждан, сообщал об увековечивании их статуй или рельефом, о постановке на видном месте города белокаменной стелы с вырезанным на ней почетным декретом, об увенчании золотым венком, о предоставлении права проэдрии, о приглашении на общественное угощение, а также об издании проксении для иностран-

¹ Карышковский П.О. Материалы... С. 112.

² Ср. перечень наград в кн. М. Гвардуччи: *Guarducci M.* Op. cit. P. 20.

цев с предоставлением того или иного набора прав и льгот. Начиная с IV в. до н. э. вплоть до заката античности перечисленный состав наград почти не изменялся. В римское время к нему добавились некоторые титулы, например, «отец отечества» или «отец города» в Ольвии (IRE I². 42, 46, 174), что соответствовало латинскому *pater patriae*; это было очень высокое и почетное звание (в надписях его ставили всегда на первое место), но сейчас нельзя определенно сказать, за что его давали в условиях небольшого города на краю ойкумены.

ГЛАВА XII. СПОРТИВНЫЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ АГОНЫ

Почти каждый более или менее значительный греческий праздник сопровождался соревнованиями поэтов, музыкантов и атлетов, а также конными бегами. Эта часть праздника, называемая агоном, считалась у эллинов особой формой почитания богов и героев¹. Даже такой специфический праздник, как Элевсинские мистерии, заключался разнообразными состязаниями (Pind. Ol. IX, 98–99)². Недаром Платон, предлагая законы для идеального государства, писал, что там следует организовать празднества с определенными жертвоприношениями и агонами; кроме того, философ считал необходимым посылать как можно больше граждан участвовать в играх на четырех главных панэллинских праздниках в Олимпии, Дельфах, Немее и на Истме (Plat. Leg. VII, 835b; XII, 950e – 951a).

Самые знаменитые праздники славились своими агонами. О соперничестве трагических и комических поэтов на Великих Дионисиях в Афинах знали во всех греческих государствах; эти состязания положили начало театральному искусству, завоевавшему в эллинистический период весь эллинский мир³. Высшей наградой для музыканта был приз на Пифийских играх в Дельфах, а каждый атлет мечтал о победе на празднике Зевса в Олимпии.

Многие государства стремились устраивать празднества по образцу четырех самых прославленных древних панэллинских игр – Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских; в разных городах следовали программам этих празднеств и вручали сходные призы. Например, на этолийских Сотериях музыкальный агон проводился, как на Пифийских играх, а конный, как на Немейских; на Никефориях в Пергаме установили состязание музыкантов, как на Пифиадах, а конный и атлетический, как на Олимпиадах⁴.

¹ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 189.

² Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 208.

³ См. об этом в главе «Праздники в театре».

⁴ Алмазова Н. А. Agones isopythioi в эллинистическую эпоху // Philologia classica. Вып. 5. СПб., 1997. С. 41–42.

В Северном Причерноморье к числу подобных игр, по-видимому, принадлежал праздник с агонами на Тендровской косе, называвшейся в древности Ахилловым Дромом¹. Там находилось святилище героя (Strab. VII, 19, С. 307), почитавшееся моряками, плававшими по Понту Евксинскому (IPE I². 328–332). Праздник устраивало Ольвийское государство. В декрете II в. до н. э. говорится, что состязания в честь Ахилла установлены по предсказанию Пифии (IPE I². 34), поэтому есть основания думать, что ольвийский праздник принадлежал к числу «равных Пифийскому» и сопровождался сходными агонами, на которые съезжались граждане разных греческих государств. В надписи сказано лишь о конных ристаниях, во время которых следовало возглашать декрет с похвалой доблести Никерата; он погиб от руки врагов, напавших на его соотечественников, возвращавшихся с Ахиллова Дрома². Это сообщение – яркий пример игнорирования варварами греческих соглашений о перемирии.

Если проводить аналогию не только с программой агонов, но и с названием игр в Дельфах, именовавшихся Пифиями или Пифиадами, то ольвийский праздник назывался Ахиллеями или Ахиллеадами. Подобно большинству панэгерий, они проводились раз в несколько лет, обычно летом или весной в период наиболее безопасного судоходства, когда корабли обеспечивали бесперебойную связь между всеми греческими государствами. Как и всюду, срок начала праздника определялся по местному лунному календарю, отличавшемуся от хронологического исчисления в большинстве других городов. Например, Олимпийские игры приходились то на конец июня, то на начало июля, так как главный день праздника должен был совпадать с полнолунием в священном месяце, который начинался с новолуния, ближайшего к летнему солнцестоянию³. Поэтому, начиная с V в. до н. э., организаторы панэгерий отправляли корабли с феорами, священными послами, которые объезжали греческие города, приглашали на праздник, сообщая точную дату его начала и объявляли священное перемирие на достаточно продолжительный срок, чтобы все могли беспрепятственно прибыть на торжества. По надписям известно, что феоры, приглашавшие на Пифийские игры в Дельфах, посещали Ольвию, Херсонес и Боспор (МИС. 12–14). Вероятно, перед Ахиллеями ольвиополиты посылали своих феоров во многие греческие города.

¹ Кубланов М.М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. № 1. М., 1957. С. 222–231.

² Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг. 1918. С. 81.

³ Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. Олимпийские игры. М., 1958. С. 15.

Множество зрителей собирались на праздничные агоны; по мнению некоторых ученых, в период расцвета Олимпиад на них присутствовало несколько десятков тысяч человек¹. Общегреческие празднества посещали выдающиеся политические деятели, полководцы, философы, которых привлекал не только сам праздник, но и возможность широкого общения. Известно, что на Олимпийские игры приезжали такие знаменитые афиняне, как Мильтиад, Фемистокл, Перикл, Демосфен, Сократ, Платон, а киник Диоген появлялся также на Истмийских играх.

Агоны на праздниках в античных городах Северного Причерноморья, как и всюду, проводились по определенным правилам, которые все участники обещали не преступать. К сожалению, сейчас об этих уставах ничего не известно, кроме того что на большинство местных праздников допускались только граждане своего государства, либо лица, обладавшие исополитией, то есть равными правами на родине и в дружественном полисе. Это отражено в декрете об исополитии Милета и Ольвии, где записано, что милетяне вместе с прочими гражданским правами обладают правом принимать участие в ольвийских агонах (Syll.³ 286).

В уставы греческих агонов наряду с разнообразными местными отличиями входили общепринятые пункты. К состязаниям допускали только полноправных граждан; им надлежало быть богобоязненными людьми, не иметь судимостей, не совершать нечестных и аморальных поступков, так как выступление на празднике считалось служением божеству. Кроме того, участники агонов давали обещание не прибегать к незаконным приемам, не убивать противника, не подкупать судей и не спорить с ними. За особо тяжкие нарушения изгоняли с игр, за прочие полагались штрафы. В Олимпии на эти деньги ставили статуи Зевса (Paus. V, 21,15).

В атлетических и конных агонах выступали только мужчины. Редкое исключение составляли некоторые женские праздники на Пелопоннесе. Павсаний (V, 16, 2) описал соревнование девушек в беге на празднике Геры в Олимпии. Мраморная античная копия статуи юной бегуньи с бронзового оригинала V в. до н. э. иллюстрирует слова писателя о том, что волосы девушек «свободно спадали на плечи, короткий хитон не доходил до колен, а правое плечо и грудь оставались открытыми»². Женщины иногда участвовали в поэтических и музыкальных состязаниях. В надписи 134 г. до н. э. сообщается о кифаристке из города Кумы, получившей приз на Пифиадах³, а Плутарх (Мор. 675 b) упомянул о двух

¹ Шебель Г. Олимпия и ее игры. Лейпциг, 1967. С. 107.

² Виннер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 159. Рис. 173.

³ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 157.

победах Аристомахи из Эретрии, исполнявшей эпические поэмы на Истмийских играх.

Агоны на Ахилловом Дроме, вероятно, в основном повторяли состав состязаний на Пифийских играх, программа которых нам в общих чертах известна. Наиболее полно ее описал Павсаний (X, 7). Агонистическая часть Пифиад начиналась с мусических состязаний, включавших выступления хоров, певцов, солистов на кифаре и аулосе; в эллинистическое время к ним присоединились поэты и драматурги (Plut. Mor. 674 d, e). Из спортивных соревнований Павсаний подробно рассказал только о различных видах конных ристаний (рис. 91). Видимо, им на Пифиадах придавалось исключительное значение, и не случайно половина Пифийских эпиникиев Пиндара посвящена победителям в колесничном беге, а в Олимпийских, Истмийских и Немейских одах их процент значительно меньше. Вообще же на всех играх конные бега выделяли особо ценными призами. Судя по декрету Никерата, конские скачки на Ахилловом Дроме считались наиболее престижным видом соревнований, потому что перед ними в присутствии наибольшего количества зрителей провозглашали самые почетные постановления.

Состязания колесниц на Пифийских играх ярко и подробно описаны в «Электре» Софокла (ст. 689–755). Хотя поэт повествует о мифических временах после Троянской войны, стихи трагедии детально обрисовали картину бегов, которые видел сам драматург. В забеге участвовало десять квадриг из разных государств.

*Метнули жребий, стали по порядку,
Как им по жребью место указали
Блюстители. Вот звук трубы раздался –
Бег начался. Возницы с громким криком
Поводьями стегнули скакунов,
И понеслись со скрипом колесницы
По пыльному ристалищу вперед.
Вначале вкупе были все, но каждый
На волю рвался, не щадя бича,
Чтоб миновать передней колесницы
Чеку и ржущих головы коней,
И каждому четверки задней жар
Затылок жег, и брызги белой пены,
И спину и колеса покрывали.
Искусно бег свой направлял Орест:*

*Всегда вплотную огибал он мету,
Давая волю пристяжному справа
И левого отвагу укрощая¹.*

Затем рассказывается, как несколько колесниц столкнулись и разбились, и при этом одни возницы поранились, а другие погибли. Недалеко от финиша Орест, огибая мету (столб в конце стадиона), задел ее колесом; он упал и запутался в поводьях, а кони потащили его за собой по земле. Когда же их удалось остановить, Орест, «истекавший кровью, был неузнаваем для друзей». Сходные картины постоянно сопровождали агоны на античных ипподромах.

На Пифийских играх состязались также во всех традиционных видах атлетики. Это можно заключить по рассказам о периодониках – призерах четырех главных греческих игр, а также по некоторым другим сообщениям античных авторов. Павсаний написал о Фаиле из Кротона, который на Пифиадах дважды становился чемпионом в пентатлоне и один раз в беге, а Хилон из Патр два раза побеждал в борьбе (Paus. VI, 4, 6; X, 9, 1). Сохранилась стоявшая у святилища дельфийского Аполлона мраморная статуя периодоника Агия, трехкратного победителя в панкратии на Пифийских играх в середине V в. до н. э.²

В эллинистический период в большинстве греческих городов программы игр на крупных празднествах стали весьма схожи; они включали спортивные и мусические агоны (последние по традиции не проводились только на Олимпийских играх)³. Таким образом, на любом более или менее заметном празднестве выступали атлеты, всадники, колесницы, поэты, музыканты и драматурги, а также глашатаи и трубачи (Paus. V, 22, 1). Последние играли немалую роль на каждом празднике; трубачи подавали сигнал к началу игр, а глашатаи вызывали соревнующихся, объявляли их имена и государство, откуда прибыл участник агона, и спрашивали, нет ли против них каких-либо возражений. После этого любой зритель мог опротестовать право выступать того или иного из заявленных участников, доказав, что тот не является греческим гражданином, либо, что он совершал неблагоприятные поступки. По завершении соревнований глашатаи объявляли победителей. Агонистические каталоги и другие надписи свидетельствуют, что жители

¹ Софокл. Электра. Стихи 709–722. Перевод Ф.Ф. Зелинского в кн.: Софокл. Драм. М., 1914. Т. 1. С. 362.

² Виппер Б.Р. Указ. соч. С. 255. Рис. 283.

³ См., например, перечень множества мусических агонов эллинистического времени в книге: Reisch E. De musicis Graecorum certaminibus capita quattuor. Vindobonae, 1885. P. 71–115.

городов Северного Причерноморья обладали мастерством глашатаев и трубачей и соревновались между собой (IPE P. 32, 34, 433; НО. 28; НЭПХ. 127).

Античные авторы сообщают, что сначала праздники сопровождались агоном лишь одного типа, потом постепенно обогащались все новыми состязаниями. Так, на первых Олимпиадах соревновались только в беге, а на Пифиадах выбирали лучший хор, исполнявший гимн в честь Аполлона (Paus. V, 22, 1), или кифарода, спевшего лучший пеан (Strab. IX, 3,10). Вероятно, так же развивался ольвийский праздник на Ахилловом Дроме. Сначала он был сугубо местным, и древнейшим агоном являлся бег. Такое предположение основывается на содержании местной легенды, известной сейчас в кратком изложении Мелы (II, 5) и Плиния (NH IV, 89). Греки рассказывали, как остров Ахиллов Дром получил свое наименование в память о том, что Ахилл праздновал там какую-то свою победу, соревнуясь с друзьями в беге. Этот вид атлетики избран в легенде не случайно, ведь в эпической поэзии герой имел постоянный эпитет «быстроногий». Вероятно, ольвиополиты считали его основателем игр и первым победителем на Ахиллеях подобно Аполлону на первых Пифиадах мифических времен.

Возникновение агонов на Ахилловом Дроме, как и на главных панэллинских играх, скорее всего, возводилось к глубокой древности; затем, вероятно, рассказывали об их возрождении уже на памяти колонистов¹. Для сравнения напомним, что Олимпиады считались основанными Гераклом и после значительного перерыва возобновленными вновь (Pind. Ol. X, 44–59; Apollod. Bibl. II, 7, 2; Paus. V, 8,2; Hygin. Fab. 273), а Пифийские игры, якобы установленные Аполлоном (Hygin. Fab. 140), стали регулярными лишь в начале VI в. до н. э.²

Первоначально греческие колонисты, поселившиеся в Нижнем Побужье, справляли на Ахилловом Дроме свой местный праздник около святилища прославленного героя Троянской войны, которого они особо почитали с первых лет жизни на новой родине³. Потом стали приглашать греков из соседних городов, а затем и всех желающих полноправных эллинов. Уже в V в. до н. э. ольвиополиты оборудовали стадион по крайней мере для бега; это можно заключить по словам песни хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (ст. 435–436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома «с прекрасно размеченными стадиями»,

¹ Кубланов М.М. Указ соч. С. 228.

² Шанин Ю.В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1980. С. 62, 63.
Шарнина А.Б. Пифийские игры в Дельфах // Mouseion. СПб, 1997. С. 67.

³ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 70–73.

то есть дистанциями для бега. Песчаная Тендровская коса как нельзя лучше подходила для проведения подобных состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку. Вот как писал об этом Лукиан в диалоге «Анахарсис»: «Мы заставляем юношей упражняться в беге как на большие расстояния, так и на скорость; и этот бег производится не на твердом месте, а на глубоком песке, где трудно прочно встать и нелегко упереться ногами, так как они вязнут в мягкой почве».

Кроме стадиона, на Ахилловом Дроме находился ипподром для конных ристаний, и было отведено место для соревнований в стрельбе из лука. Вероятно, она занимала почетное место на Ахиллеях наряду с традиционными видами атлетики, много раз упомянутыми в ольвийских надписях. Соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание обучению стрельбе из лука и включали ее в состязания на местных праздниках.

В Элладе лук применяли только на охоте, но обучение стрельбе считалось полезным для развития юношей, о чем известно из сочинений Платона (Leg. VII, 395) и Феофраста (Char. 27, 13). На островах Самосе и Теосе и в некоторых других греческих городах обнаружены надписи с упоминаниями о состязаниях лучников¹. Но только в ольвийской надписи IV в. до н. э. указан удивительный рекорд лучника Анаксагора, он пустил стрелу на расстояние 282 оргии, то есть примерно на 540 м (IPE I². 195). Это единственное уцелевшее свидетельство о конкретном спортивном результате на соревнованиях в Северном Причерноморье. Рекорд Анаксагора значительно превышает современный, достигающий 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальноточности, чем у современных спортивных снарядов. Ольвийский лук, по-видимому, был сделан по образцу скифского; его специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям (рис. 92)².

Ахиллеи, ставшие широко известными в эллинском мире, выросли из праздника местного значения. Его определенно справляли в V в. до н. э., о чем косвенно свидетельствуют приведенные выше слова Еврипида о размеченных стадиях на Ахилловом Дроме, но, возможно,

¹ Moretti L. Inscrizioni agonistiche Greche. Roma, 1953. P. 82–83.

² Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 139.

первые соревнования в беге ольвиополиты устраивали на Тендровской косе еще в VI в. до н. э. Документальное свидетельство о празднике, который благословил Дельфийский оракул, сохранились лишь в декрете Никерата, изданном во II в. до н. э. Игры в честь Ахилла приобрели статус панэгерии, наверное, не в V в. до н. э., как считается в современной научной литературе¹, а в раннеэллинистический период. Тогда Ольвия достигла своего наивысшего расцвета и могла организовать панэллинский праздник. Кроме того, именно в это время началось учреждение новых панэгерий по всему эллинскому миру, и для их узаконения требовалось обратиться к оракулу², что и сделали ольвиополиты, получив одобрение Пифии в Дельфах. Ее устами говорил Аполлон, почитавшийся как главный бог в Ольвии. Наша датировка подтверждается еще и тем, что все сохранившиеся надписи о контактах Ольвии с Дельфами относятся к эллинистическому периоду.

Судя по находкам монет на Тендре, праздник посещали в основном граждане причерноморских государств, кроме того, сюда приезжали представители некоторых малоазийских городов, в частности из ольвийской метрополии Милета³. Ахиллеи, как всякая панэгерия, длились несколько дней, их отмечали раз в несколько лет и на время их проведения объявляли перемирие, распространявшееся по крайней мере на все Причерноморье. Слова ольвийской надписи о благословении Пифии, по-видимому, указывают на то, что игры на Ахилловом Дроме имели статус «равных Пифийским» и на них учредили многие правила, ритуалы и агоны, как в Дельфах, но это не означает, что праздник все полностью копировал.

Пифийские игры принадлежали к числу тех, на которых призами служили не материальные ценности, а символические награды, обычно венки из священных растений. Подобные игры считались священными, и к ним относились, как к культовым церемониям, а выступления на агонах приравнялось к служению божеству⁴. Возможно, такие призы вручали и на Ахиллеях, и венки делали из ветвей растений, срезанных в упомянутой Страбоном (VI, 19, С. 307) священной роще святилища Ахилла. Ведь на многих греческих праздниках вручали венок из ветвей деревьев или кустов, произраставших на священном участке чествуемого бога или героя.

¹ Кубланов М.М. Указ. соч. С. 228. Русяева А.С. Указ. соч. С. 70.

² Шарнина А.Б. Указ. соч. С. 64.

³ Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. № 7. 1941. С. 153.

⁴ Алмазова Н.А. Указ. соч. С. 42.

Находки в некрополе Ольвии двух призовых чернофигурных амфор рубежа IV–III в. до н. э. за победу в беге колесниц¹ дает основание думать, что какое-то время на Ахиллеях победители получали амфоры с маслом, как на Панафинеях, и ольвиополиты заказывали изготовление этих призов в Афинах. Может быть, это было до того, как игры получили статус «равных Пифийским», а наградные амфоры, похожие на панафинеийские своей формой и росписью в вышедшем из моды чернофигурном стиле, еще раз подтверждают влияние Афин на самые разные стороны жизни Ольвийского государства в классический и раннеэллинистический периоды.

О победах ольвиополитов в конных состязаниях свидетельствует помещение в местные могилы двух упомянутых ваз и одной панафинеийской амфоры², которые символизировали высшие достижения, некогда завоеванные этими гражданами у себя на родине и за ее пределами. Последняя из названных ваз представляет редкий образец из серии афинских поздних призовых амфор, сохранившихся в очень малом числе. В конце IV–III вв. до н. э. амфоры с маслом постепенно переставали играть на Панафинеях роль главного приза, и их уже не изготовляли, как прежде, в нескольких сотнях экземпляров. Ольвийский победитель получил в Афинах вазу, традиционно украшенную с одной стороны фигурой богини города (рис. 63), а с другой изображением возницы на бегущей колеснице. Остальные две амфоры, как и панафинеийская, относятся к эллинистическому времени. Лавровые ветви на горле и листья на венчике указывают на роль вазы в качестве приза победителю. На обеих амфорах с одной стороны нарисован возница на колеснице, а другая сторона имеет разные сюжеты рисунка: на первой воин с копьем, а на второй мчащийся всадник с факелом. Мета около колесницы подчеркивает, что изображено именно конное состязание, а не иной сюжет, например, иллюстрация эпизода из эпического сказания о битве на боевых колесницах.

Конные соревнования в античности были весьма разнообразны; на них выступали всадники и колесницы, запряженные одной, двумя или четырьмя лошадьми, либо мулами (Paus. V, 8, 2; 9, 1). Судя по рисункам упомянутых ваз, на Ахиллеях состязались и колесницы, и всадники, причем один из видов соревнований включал умение доскакать до финиша, не потушив зажженный на старте факел.

¹ Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. № 8. 1903. С. 29, 30. Рис. 15; Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999. С. 137. Рис. 85, 86.

² Griechische Altertümer Südrussischen Fundorts aus Besitz des Herrn A. Vogell. Ed. M. Cramer. Cassel, 1908. Taf. 4.

Панэгерии с агонами на Ахилловом Дроме, вероятно, не возобновлялись после гетского разгрома Ольвии в I в. до н. э. В первые века нашей эры ольвиополиты устраивали состязания в честь Ахилла, наверное, в городе или его ближайших окрестностях, и скорее всего не случайно в этот период отсутствуют какие-либо свидетельства о дорогостоящих бегах на колесницах. Как и прежде, победа на празднике считалась выдающимся достижением гражданина, о чем говорят приписки к посвятельным надписям с упоминаниями о первенстве архонтов и стратегов в различных видах атлетики (IRE I². 130, 138, 155–158). Это восходит к идущей с древности традиции, характеризующей гражданина, упомянуть о его победах на состязаниях¹.

Надписи с агонистическими каталогами показывают, что в Северном Причерноморье на Гермех и других праздниках, менее крупных, чем Ахиллеи, проводились разнообразные состязания. Наверное, они сопровождали государственные торжества в честь Аполлона в Ольвии и на Боспоре, а также большие экстраординарные праздники, например, по случаю военной победы. Иногда в память о подобных торжествах греки чеканили монеты; к образцам подобного рода, по-видимому, относится серия медных херсонесских монет IV в. до н. э. Их аверс украшен квадригой, управляемой богиней, а реверс – фигурой воина со щитом и копьем².

Эталоном для спортивных агонов обычно служил порядок, установленный на Олимпиадах: бег простой, двойной и длинный, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратий. Затем шли конные состязания, в которых выступали всадники и возницы на колесницах, запряженных парой или четверкой коней. Каждый праздник имел свои особенности, и некоторые отличались редкими и даже уникальными видами агонов. Уже говорилось, что ольвиополиты соревновались в стрельбе из лука скифского, а не греческого типа; в Горгииппии награждали атлета, имевшего самое крепкое и красивое тело (КБН. 1137), а в Херсонесе проводили нигде более не известную анкиломахию (IRE I². 435), судя по названию, метание шара или дротика из петли.

Мусические агоны широко распространялись по всему греческому миру, начиная с эпохи раннего эллинизма. Тогда установился такой порядок выступлений: состязания открывали рапсоды, исполнявшие эпические поэмы, затем соревновались кифаристы, одни из которых исполняли инструментальные пьесы, а другие пели под собственный

¹ Шанин Ю.В. Указ. соч. С. 30.

² Зограф А.Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК. Т. 5. 1927. С. 391.

аккомпанемент. Затем выступали авлеты и певцы в сопровождении аулоса. После них шла очередь актеров трагедии и комедии, а конце появлялись псалты, то есть музыканты, игравшие на струнных инструментах (в основном на тригонах) только пальцами без использования плектрона (Athen. XII, 538 b–f)¹. Музыканты и актеры одевались в красивые наряды, не похожие на повседневную одежду (рис. 54, 101).

О мусических состязаниях в Северном Причерноморье известно документально лишь по фрагменту херсонесского агонистического каталога римского времени (НЭПХ. 127); там уцелели слова об участии в агоне глашатаев, трубачей и поэтов, сочинявших эпиграммы, энкомии и комедии. С определенной уверенностью можно думать о существовании на северных берегах Понта состязаний рапсодов. Ведь Дион Хрисостом (XXXVI, 10) отметил особую любовь ольвиополитов к Гомеру и стремление местных поэтов сочинять стихи в гомеровском стиле; в V в. до н. э. ольвиополиты писали на керамике цитаты из «Одиссеи» и «Малой Илиады»², а в IV в. до н. э. в Пантикапее устраивались соревнования в исполнении отрывков из эпических поэм и лучшим давали призы, как об этом сейчас известно по надписи на чернолаковой солонке³.

Косвенными свидетельствами о местных мусических агонах служат наши знания об ольвийском, херсонесском и боспорских театрах, потому что эти здания в первую очередь предназначались для мусических состязаний на Дионисиях и других праздниках⁴. Кроме того, есть найденная в Дельфах надпись (МИС. 11) с упоминанием боспорянина Исила, готовившего хор для выступления на Сотериях в 277 г. до н. э. Неизвестно, привез ли Исил туда боспорский хор, или готовил хор другого государства, ведь хороших хородидаскалов приглашали в разные города; но важно отметить это пока единственное определенное свидетельство о наличии учителей хора в Северном Причерноморье.

Гораздо больше эпиграфических данных имеется об атлетических соревнованиях в Северном Причерноморье. Мы располагаем несколькими надписями с перечислением победителей спортивных агонов на разных празднествах, среди них самые частые, как и у всех греков, проводились в местных гимнасиях.

На протяжении многих столетий занятия, соревнования, праздники и встречи в гимнасии составляли неотъемлемую часть жизни эллинов.

¹ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 172.

² Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. № 33.

³ Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 93. Рис. 28.

⁴ См. об этом в главе «Праздники в театре».

Руководители гимнасиев устраивали Гермеи – ежегодные торжества в честь покровителя гимнасиев Гермеса. О таких праздниках со всевозможными видами агонов известно во множестве греческих государств: в Афинах, Беотии, Сиракузах, Пелопоннесе, на островах Делосе, Самосе, Теосе и др., а в Северном Причерноморье Гермеи упоминаются в эпиграфических памятниках Ольвии, Херсонеса и Горгиппии¹. Из надписей мы узнаем, что в III в. до н. э. на ольвийских Гермеях побеждал бегун Дионисий, и его статуя украшала гимнасий (IRE I². 186), а в херсонесском гимнасии исполнялся гимн Гермесу, написанный элегическим дистихом во II в. н. э. по случаю победы подопечных гимнасиарха Демотела (IRE I². 436). В Горгиппии найдена большая мраморная надпись с именами победителей «в длинном беге на празднике в честь Гермеса» (КБН. 1137). Этот не полностью уцелевший каталог содержал имена нескольких сотен чемпионов в различных видах соревнований, проходивших на протяжении нескольких десятилетий, начиная с конца IV в. до н. э.

Горгиппийский гимнасий готовил к ежегодным Гермеям четыре возрастные группы: мальчиков 12–15 лет, юношей 16–17 и 18–19 лет, взрослых старше 20 лет. В последней группе побеждали чаще всего мужчины 26–30 лет, а самому старшему победителю было 48 лет. Из этого можно заключить, что в агонах принимали участие граждане по меньшей мере до 50 лет. Горгиппийская надпись показывает, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе. Как и в других греческих городах, в Северном Причерноморье существовали целые династии атлетов-победителей². Об этом говорят имена каталога, там среди чемпионов встречаются братья, отцы и сыновья³. Они, надо полагать, принадлежали к состоятельным семьям, члены которых могли уделять продолжительное время тренировкам, в то время как у бедняков работа занимала весь световой день, когда был открыт гимнасий.

В гимнасиях допускались только мужчины, имевшие статус полноправных граждан, поэтому круг постоянно приходивших сюда людей, особенно в небольшом городе, оказывался весьма ограниченным, и все хорошо знали друг друга. В крупных городах, например, в

¹ Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 118; Карышковский П.О. Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского археологического общества. Т. 2. 1967. С. 260.

² Шанин Ю.В. Указ. соч. С. 148–149.

³ Берзин Э.О. Указ. соч. С. 115; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 210–212.

Афинах и Милете, имелось несколько гимнасиев, но в большинстве эллинских полисов строился только один¹. Так было в Ольвии и Тире. В Боспорском царстве, кроме столицы Пантикапея, гимнасии существовали в нескольких городах. В период расцвета Херсонесского государства гимнасий находился, возможно, не только в Херсонесе, но и в Керкинитиде и Калос Лимене. Эпиграфические свидетельства о северопричерноморских гимнасиях сохранились в надписях Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и Танаиса.

Греки справедливо считали, что тренировки в гимнасии служат не только средством для укрепления здоровья и поддержания должной физической формы, необходимой для защиты отечества от врагов, но и, как писал Лукиан (*Anach.* 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Гимнасий устремлял в нужном направлении энергию молодежи, а граждане старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования.

В гимнасиях греки собирались также для бесед на философские темы, там читали лекции, выступали хоры, местные поэты и риторы². Напомним, что Академия Платона и Лицей Аристотеля находились при афинских гимнасиях. Во многих гимнасиях существовали библиотеки, включавшие сочинения философов, драматургов, ораторов и, как правило, поэмы Гомера; уцелело несколько надписей с каталогами книг из родосского, афинского и некоторых других гимнасиев³. Вероятно, северопричерноморские гимнасии также играли роль культурных центров этих городов.

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий, и стали устраивать там ежегодный праздник Гермей⁴. Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Главное место занимал большой зал для тренировок и состязаний атлетов, к нему примыкали комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий. Некоторое представление о том, как выглядели гимнасии в

¹ Jones A.H. *Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford, 1940. P. 220–225.

² Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С.67, 108.

³ Там же. С. 308–310.

⁴ Берзин Э.О. Указ. соч. С. 127.

Северном Причерноморье, можно получить по археологическим остаткам в Ольвии, Фанагории и Херсонесе.

Ольвийский гимнасий дважды упоминается в надписях: в граффито на штукатурке здания III в. до н. э.¹ и в лапидарной надписи II в. н. э., где сказано о постройке нового гимнасия (IRE I². 40). Строительные остатки свидетельствуют, что первый каменный гимнасий находился возле южной части агоры; его построили в V в. до н. э., а в конце IV – начале III в. до н. э. заново возвели здание с фасадом, украшенным мраморными деталями². Сюда ольвиополиты приходили на праздники и наблюдали за соревнованиями в большом зале, который делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. Цветная мозаика из гальки устилала пол этого помещения; от нее сохранились небольшие фрагменты, но можно думать, что галька составляла какой-то рисунок, подобно мозаикам, открытым в парадных комнатах богатых ольвийских домов.

К восточной стороне зала примыкали банные помещения; в них найдены остатки труб, по которым вода поступала в большие пифосы из колодца, располагавшегося в юго-западной части здания. Там, как бы охраняя колодец, в специальной нише стояла полуфигура Аполлона³. Этот каменный колодец был сложным гидротехническим сооружением, поскольку водоносный слой в Верхнем городе лежал на глубине примерно 30 м. На южной стороне гимнасия концентрировались комнаты хозяйственного назначения и туалет, а в восточной части помещались большие топки. Жар от них по гончарным трубам шел к днищам резервуаров с водой, которая таким образом нагревалась.

Архитектурные остатки гимнасия IV–III вв. до н. э. раскрыты в Фанагории. Именно об этом гимнасии говорится в плохо сохранившейся стихотворной надписи IV в. до н. э. (КБН. 991). Фанагорийский каменный гимнасий, подобно ольвийскому, впервые построили в классический период, и позже он подвергся значительным перестройкам. Здание под черепичной крышей имело богатый архитектурный декор. Главный зал окружали известняковые колонны, их венчали мраморные капители с тонкой резьбой, потолок украшали кессоны – мраморные плиты с пальметтами, а стены покрывала штукатурка излюбленного греками

¹ Семенов-Зусер С.А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940. С. 40.

² Описание здания гимнасия дано по книге Е.И. Леви. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 99–108.

³ Там же. С. 130. Рис. 131, 132.

красного цвета с добавлением белых и желтых орнаментов¹. Надписи свидетельствуют, что гимнасий в Фанагории существовал и в римское время (КБН. 983).

Древнейшее известие о херсонесском гимнасии относится к III в. до н. э. (IPE I². 418). В первые века нашей эры он находился между главной улицей и оборонительной стеной. От здания гимнасия сохранились фрагменты мраморной облицовки стен, остатки банных помещений и бассейна².

О гимнасиях в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе известно лишь по упоминаниям в надписях о самих гимнасиях и о гимнасиархах, их руководителях (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1263, 1264, 1277–1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии и проводившиеся там праздники существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

Гимнасии строились и содержались либо на государственные средства, либо за счет богатого гражданина, избранного гимнасиархом. По надписям известны имена некоторых ольвийских, херсонесских и боспорских гимнасиархов эллинистического и римского времени. В III в. до н. э. такие обязанности исполняли ольвиополит Никондром и херсонесит Агасикл (IPE I². 186, 418), о которых шла речь в предыдущей главе.

Греки стремились гармонично развивать умственные и физические способности, начиная с детских лет. В школьную программу, наряду с изучением гуманитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта. Физические тренировки мальчиков начинались на палестре под руководством учителя-педотриба, а затем продолжались в гимнасии. Там во главе педотрибов стоял учитель гимнастики, умевший подобрать для каждого подходящий цикл упражнений. Исполнение упражнений, предписанных хорошим учителем гимнастики, приравнивалось к лечению у врача, потому что оба они, по словам Платона (*Gorg.* 504), «налаживают тело и приводят его в порядок».

Знаменитый врач Гален (*De sanit.* II, 9) писал, что учитель гимнастики должен обладать теоретическими знаниями и разбираться в физиологии человеческого организма, а педотрибы могут только наблюдать

¹ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 29–32; Она же. Фанагория. М., 1989. С. 25, 26.

² Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков, 1996. С. 34, 35.

за правильным исполнением физических упражнений, предписанных учителем. Гален сравнил учителя гимнастики с опытным врачом, определяющим каждому специальное питание, а педотриба – с поваром, готовящим кушанья, но не знающим об их полезных и лечебных свойствах.

О наличии учителей гимнастики в Северном Причерноморье можно заключить, исходя из существования здесь гимнасиев. Уцелело имя лишь одного педотриба Фарнака, прибывшего в Пантикапей из Синопы в I в. до н. э. В стихотворной надписи на его надгробии говорится, что весь гимнасий оплакивал раннюю смерть Фарнака (КБН. 129). Надпись свидетельствует о том, что в гимнасиях северопричерноморских городов работали наряду с местными и приезжие тренеры, как это было вообще характерно для того времени. Таким образом, местные спортивные школы пополнялись опытом тренировок в гимнасиях разных эллинских городов.

Детей сначала учили бегать, потом прыгать, а затем присоединяли другие виды спорта. Из них особенно ценили борьбу за то, что в ней одновременно приводились в действие все мышцы тела. В процессе тренировок в гимнасии греки развивали силу и выносливость, необходимые для гражданина-защитника отечества от врагов. Кроме того, эллины стремились придать телу красоту и гармонию форм. Художники и скульпторы находили для своих творений превосходные модели на палестрах и в гимнасиях. На многочисленных сохранившихся памятниках античного искусства можно видеть, как выглядели лучшие атлеты в юношеском и зрелом возрасте. Таковы, например, дискоболы Мирона и Навкида, статуи Фидия и Поликлета, изобразивших победителей, завязывающих на голове тению, и множество скульптур богов, которых греки представляли как идеально сложенных людей¹.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой сосудик для масла, полотенце и стригиль – скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. Эти предметы в искусстве

¹ Вуннер Б.Р. Указ. соч. Рис. 187. 196–198, 200, 207, 241, 242, 280, 281.

символизировали юношу-палестрита, и их нередко изображали на надгробиях и росписях склепов, где хоронили молодых людей.

В IV–III вв. до н. э. херсонеситы ставили на могилах юношей известняковые стелы с рельефами, на которых представлены висящие на шнурке флакон для масла (арибалл, алабастр или амфориск) и стригиль (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие флаконы имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями. Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу.

О том, какие виды спорта включались в праздничные агоны, можно судить по надписям с перечислением побед разных атлетов. Эти надписи свидетельствуют о местных праздниках, сопровождавшихся различными состязаниями. Большинство таких надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. На праздничных агонах выступали бегуны (IPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IPE I². 130, 156), борцы (IPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IPE I². 434), метатели диска (IPE I². 130, 157, 158) и копья (IPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Различались три вида бега¹. Древнейший из них назывался простым и равнялся длине одного стадия. Поэтому его именовали иногда словом *στάδιον*, но чаще определяли как *δρόμος*. Оба наименования встречаются в ольвийских и херсонесских надписях. Двойную дистанцию на расстояние двух стадиев (*δίαιλος*) бежали сначала вперед на один стадий и затем возвращались к старту. Длинный бег (*δολιχος*) колебался от 6 до 24 стадиев. Все эти виды бега засвидетельствованы в северопричерноморских надписях. Кроме того, в некоторые праздничные агоны включали бег в вооружении.

На месте, где постоянно проводились соревнования в беге, размечались дистанции в стадиях, а само такое место называлось стадионом. На подобном стадионе в IV в. до н. э. некий херсонесит получил в награду за бег чернолаковую чашку, как гласит об этом прочерченная на сосуде

¹ Подробное описание бега и других видов античного спорта см. в книгах: Колобова К.М. Олимпийские игры. М., 1958; Gardiner E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1955. Schöbel H. Olympia und seine Spiele. Leipzig, 1965. Le Sport dans la Grèce Antique Bruxelles, 1992; L' Olympisme dans l' antiquité. Lausanne, 1993.

надпись¹. Сейчас трудно определить точно дистанции, которые пробегали античные атлеты на тех или иных стадионах. Ведь размер стадиона в разных государствах определялся различно и колебался от 164 до 210 м.² Вероятно, в Северном Причерноморье колонисты первоначально, по традиции своей метрополии, пользовались ионийским стадиом (210 м), а позже, начиная с V в. до н. э., когда наблюдается влияние Афин во многих областях жизни северопричерноморских полисов и в частности в системе мер и весов, они, наверное, перешли на аттический стадий (177,6 м).

Пятиборье, которое до сих пор называется греческим словом пентатлон, принадлежало к излюбленным занятиям античных атлетов, так как требовало всестороннего физического развития. Победителем считался тот, кто завоевал первенство в трех начальных видах состязания, а не обладатель наибольшего количества очков, как принято сейчас. В этом виде соревнований число пять играло особую роль. Оно указывало на количество упражнений, включенных в пентатлон, совершалось по пять бросков копья и диска, бежали на расстояние пяти стадиев, совершали по пять попыток в прыжках³.

Греки прыгали в длину иногда с разбега, но чаще с небольшого деревянного или каменного возвышения. Оно располагалось на краю продолговатой ямы с мягкой выровненной землей; на ней оставался отпечаток ног атлета, и от него измеряли длину прыжка. Греческие прыгуны брали в руки по металлической или каменной гантели, весящей от 1,5 до 4,5 кг; их называли гальтерами (рис. 93). С их помощью атлетам удавалось точнее направить размах рук, усилить отталкивание и тем самым увеличить длину прыжка. На аттических вазах запечатлены разные моменты совершения прыжка, позволяющие представить все его этапы. Сначала атлет протягивал руки с гальтерами вперед, затем опускал их вниз и снова стремительно выбрасывал вперед, а перед приземлением прыгун слегка сгибал колени и резко отбрасывал руки назад. Рекорды, записанные античными авторами, превосходят современные, однако теперь не удастся успешно повторить прыжки с гальтерами; они только мешают современному спортсмену, не знающему какого-то древнего секрета.

С возвышения также метали каменный или металлический диски. Они делались цельными или с отверстием в середине, имели различ-

¹ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.:Л., 1953. С. 58. № 81.

² Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 1. С. 161.

³ Schöbel H. Op. cit. S. 105.

ный диаметр и весили от одного до пяти с лишним килограммов. Чтобы уравнивать шансы дискоболов, соревнующиеся по очереди пользовались одним и тем же снарядом. Его бросали на дальность и на высоту полета. При бросках в высоту выигрывал тот, чей диск упал последним. В одном херсонесском погребении найден серебряный диск¹. Это – ценная награда, некогда полученная усопшим на каких-то крупных состязаниях.

Копье метали на дальность полета или в определенную цель. Длина копья равнялась человеческому росту или немного превышала его. Верхушка копья оканчивалась либо острием, либо шишечкой; она делала снаряд более безопасным и придавала тяжесть для правильности полета. К середине древка прикреплялся кожаный ремень с петлей; в нее метатель вкладывал один или два пальца. Ремень позволял придать копью вращательное движение, повышавшее дальность полета. При современной проверке действия такого ремня выяснилось, что с его помощью можно в четыре раза увеличить результат по сравнению с метанием без ремня². Атлет сам выбирал место крепления ремня. Если его прикрепляли ниже центра тяжести древка, то увеличивалась длина броска, но снижалась точность попадания в цель.

Также на дальность или в цель бросали шар или дротик из петли. Это называлось анкиломахией. Она засвидетельствована лишь в одной херсонесской надписи (IPE I². 435) и, наверное, отражает особый вид только местных соревнований.

Борьба считалась одним из труднейших состязаний, потому что кроме силы требовала большой ловкости и хитрости. Противники начинали бороться стоя, стараясь повалить друг друга на землю. Поверженный мог продолжать борьбу, но если был уложен на землю трижды, то считался побежденным. Момент наивысшего напряжения борьбы на земле нарисован на чернофигурном лекифе из Ольвии. Вазописец изобразил заключительный этап борьбы Геракла с Антеем, который силится вырваться из мощных объятий Геракла. Он отталкивается ногами, опираясь левой рукой на землю. Эта мифологическая сцена передает реальные приемы, использовавшиеся греческими борцам³.

Кулачный бой был наиболее жестоким и опасным видом античных состязаний. Для усиления ударов бойцы обматывали руки ремнями, иногда снабженными металлическими шариками. Удары наносились в

¹ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. С. 67, 68.

² Колобова К.М., Озерецкая Е.Л. Указ. соч. С. 46.

³ Борисковская С.П. Геракл и Антей. Об одном мало известном лекифе из Ольвии // Syssitia. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 198–201.

верхнюю часть тела; больше всего страдали лицо, зубы и уши, поэтому заслуженные кулачные бойцы, как следует из античных произведений литературы и искусства, часто имели обезображенную голову со сплюснутыми ушами и лицом в шрамах, с изуродованными губами и перебитым носом. Бой продолжался неограниченное количество времени до победы. В античности отсутствовала классификация бойцов по весу, поэтому боролись преимущественно тяжеловесы.

Во всей греческой ойкумене эллины приобретали многочисленные аттические чернофигурные и краснофигурные вазы с изображениями атлетов, тренеров и судей¹. Вазовые рисунки напоминали занятия в гимназии и всевозможные праздники с состязаниями, в которых в молодости участвовал почти каждый гражданин. На таких вазах, найденных в Северном Причерноморье по большей части лишь в обломках, мы видим бегунов, юношей с одним или двумя копьями² либо с диском³, борцов⁴ и прыгунов с гальтерами⁵.

Больше всего изображений бегунов⁶. На небольших сосудах обычно нарисован один, а на амфорах и кратерах – несколько соревнующихся бегунов. Чаще всего они запечатлены во время бега на дистанции, изредка на финише, где победитель заканчивал бег, поднимая руки⁷. Среди названных ваз выделяется мастерством рисунка панафинейская амфора из гробницы близ Пантикапея⁸. Художник великолепно передал стремительный бег трех атлетов, энергично помогающих себе движениями согнутых рук (рис. 87).

¹ Сохранилось множество ваз с изображениями всех видов атлетики. См.: Webster T.B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 196–215.

² Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 185, 186.

³ Там же. С. 186. Рис. 5, 1; Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. № 16. С. 261. Рис. 21.

⁴ Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.: Л., 1964. С. 149. Рис. 16.

⁵ Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 71. Рис. 13; Секерская Н.М. Помещения с культовыми предметами из Никония // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С. 128.

⁶ Леви Е.И. Указ. соч. С. 148. Рис. 15; АП. № 41; Скуднова В.М. Чорнофігурні лекіфи з архаїчного некрополя Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 7. С. 117, 120, 122.

⁷ АНО. С. 40. № 17.

⁸ Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962. С. 15. Рис. 3; Соколов Г.И. Указ. соч. № 41.

Вазы с иллюстрациями кулачного боя входят в число наиболее ранних аттических сосудов, появившихся в Северном Причерноморье. Таковы кратер из Пантикапея, расписанный в мастерской известного вазописца Лидоса в середине VI в. до н. э. (рис. 65), килик из Мирмекия того же времени и килик из Ольвии третьей четверти VI в. до н. э.¹ Наиболее выразительна сцена кулачного боя на панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской стороне Боспора (рис. 61)². В центре картины двое бойцов. На кистях рук у них намотаны ремни, игравшие роль современных боксерских перчаток. Вазописец показал заключительный момент схватки: побежденный упал и, подняв руку, молит о пощаде замахнувшегося победителя. За его спиной стоит судья в нарядном плаще с узорами, с венком на голове и длинным посохом в руке. С другой стороны от бойцов изображен атлет, наблюдающий за боем. Он держит еще не завязанные на кистях ремни. Это эфедр – боец, который должен сразиться с победителем.

Вазописцы VI–V вв. до н. э. рисовали участников тренировок и состязаний в процессе выполнения упражнений, а с конца V и в IV в. до н. э. художники чаще всего изображали атлетов со стригилями рядом с тренерами и судьями³.

Ольвийские надписи свидетельствуют о том, что в праздничных агонах выступали высшие должностные лица государства – архонты и стратеги: Пурфей отличился в метании копья и диска, Адой стал первым в беге и прыжках, а Леонид дальше всех метнул копье (IPE I². 130, 138). Эти сведения показывают, что некоторые участники агонов выступали и завоевывали победы в двух видах состязаний. То же самое отмечено в херсонесских надписях: Критобул стал победителем в кулачном бою и борьбе, Антилох – в беге и кулачном бою, не известные по имени – в беге и метании копья (IPE I². 434, 435; НЭПХ. 20).

Лучшие атлеты Северного Причерноморья отправлялись на различные игры в Элладу и завоевывали там призы⁴. Достоверно извест-

¹ Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. М., 1985. № 16; Леви Е.И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. № 130. 1972. С. 15. Рис. 152.

² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 242. Рис. 38; Галанина Л.К. Указ. соч. С. 7–8. Рис. 2.

³ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 131. Рис. 50; Передольская А.А. Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia. Warszawa, 1964. № 14. С. 43, 44; Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев, 1989. Рис. 56.

⁴ О некоторых таких сохранившихся призах см. в главе о наградах на праздниках.

но, что боспоряне, херсонеситы и ольвиополиты принимали участие в Пифийских играх и в Сотериях в Дельфах, а также в Аполлониях на Делосе. Ольвиополиты и боспоряне ездили на праздники в свою метрополию Милет и на афинские Панафинеи, а херсонеситы посылали своих представителей на афинские Анакии, посвященные Диоскурам¹. О присутствии ольвиополитов на Истмийских играх упомянул Дион Хрисостом (IX, 5); косвенное свидетельство о поездках боспорян на Немейские игры можно усмотреть в одном граффито эллинистического времени из Нимфея².

Греческие государства всегда гордились победителями на всевозможных играх. Завоевание первенства считалось не только собственным достижением человека, но и проявлением божественной милости к атлету (Pind. Ol. VIII, 65–71), музыканту или драматургу³. Таким образом, победитель оказывался лицом, выделенным божеством, которому посвящался праздник. Это представление, характерное для архаического и классического периодов, постепенно угасало в эллинистическое время, когда многие поэты, музыканты и атлеты становились профессионалами, разъезжающими по всей греческой ойкумене с одного празднества на другое. Наверное, они появлялись и в городах Северного Причерноморья; однако надписи римского времени с упоминанием высоких ольвийских должностных лиц, побеждавших в различных видах атлетики, показывают, что здесь продолжали состязаться не профессионалы, и их победы по-прежнему имели высокую общественную ценность.

¹ См. об этом в главах о праздниках Афины и Аполлона.

² *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире.* М., 1995. С. 261, 262.

³ *Гаспаров М.Л.* Поэзия Пиндара // *Пиндар, Вакхилид. Оды, фрагменты.* М., 1980. С. 362.

ГЛАВА XIII. МУЗЫКА, ПЕНИЕ И ТАНЦЫ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНЕСТВ

Античный праздник почти всегда сопровождался музыкой, пением и танцами. Эта триада составляла понятие музыка и считалась подвластной Аполлону и Музам¹. Приобщаясь к этим искусствам, эллины испытывали наслаждение и счастье; в такие моменты им казалось, что они становятся похожими на богов. Вот как об этом писал Страбон (X, 3, 9; С. 467): «Музыка, сопровождающая пляску, ритм и мелодия приводят нас в соприкосновение с божеством, как вызываемым музыкой удовольствием, так и художественным исполнением» (перевод Г. А. Стратановского).

Праздничные шествия и жертвоприношения богам проходили с пением и танцами под аккомпанемент духовых и струнных инструментов. Улицы оглашались песнями с музыкальным сопровождением, когда свадебный кортеж двигался из дома невесты в дом жениха, а вечером и ночью веселые компании возвращались с симпозионов, распевая и пританцовывая под мелодии аулоса, лиры или барбитона (рис. 82). В домах инструментальная музыка и хоровое пение звучали на праздничных застольях; туда состоятельные люди приглашали профессиональных музыкантов, чаще всего флейтисток (рис. 80). О существовании таких профессиональных музыкантов в Северном Причерноморье свидетельствует надпись на надгробии IV в. до н. э. из Мирмекия (КБН. 875).

Лучшую музыку в исполнении квалифицированных любителей и профессионалов греки слушали в театрах, где давали концерты свои и приезжие музыканты, а в драматические произведения постоянно включали музыку и танцы. Певцы и музыканты стремились принять участие в праздниках с мусическими агонами, ведь победы на таких состязаниях приносили им славу и поклонение во всей греческой ойкумене.

Древнегреческая музыка была ладовой и монофоничной, как затем оставались церковная византийская и народная греческая; они родственны музыкальным традициям Среднего Востока и ряда государств Азии, но чужды современной европейской музыке².

¹ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 123.

² Там же. С. 271–273; Sifakis G.M. The Function and Significance of Music in Tragedy // Bulletin of the Institute of Classical Studies. № 45. London, 2001. P. 21–35.

Музыкальные инструменты и их изображения на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.

Античные музыкальные инструменты сохранились в незначительном количестве, и в основном не целиком, а в виде фрагментов. Описания в сочинениях древних авторов и множество изображений на вазах, фресках, геммах, скульптурах и ювелирных изделиях помогают воссоздать весь набор инструментов, на которых играли эллины. В коллекциях археологических материалов из Северного Причерноморья подавляющее большинство изображений музыкальных инструментов находится на предметах прикладного искусства, в первую очередь на привозных расписных вазах VI–IV вв. до н. э.¹, а также на импортных и местных монетах, терракотах и украшениях.

Подобно современным, античные музыкальные инструменты, разделялись на три группы: струнные, духовые и ударные. К первым относились лира, барбитон, кифара и тригон, ко вторым – аулос, сиринга или флейта Пана, труба и орган, к третьим – кроталы, тимпаны, литавры и ксилофоны.

В научной литературе при описании рисунков на вазах лиру часто называют кифарой и наоборот; барбитон же вообще не упоминают, а его изображения относят то к лирам, то к кифарам². Те же ошибки встречаются при описании терракот, сосудов и светильников, украшенных рельефами³. В результате получается, что исполнитель стихов, негромко аккомпанирующий себе на простейшем трехструнном барбитоне, оказывается кифаредом (рис. 94), то есть исполнителем музыки на концертном инструменте, а Гермафродит с лирой, названной кифарой, теряет связь с мифом об его отце Гермесе, который считался изобретателем лиры (Ном. Нумн. III. 40–54).

Лира, наиболее распространенный струнный инструмент, была легкой по весу, небольшой по размерам (50–60 см) и самой простой для обу-

¹ Наиболее полный, но, конечно, не исчерпывающий перечень ваз из Северного Причерноморья с изображениями музыкантов см. в статье: *Скржинская М.В.* Отражение музыкальной жизни греков на рисунках ваз VI–IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья // РА. 1997. № 3. С. 46–59.

² Такие ошибочные описания см., напр. в кн.: *Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 161; АРК. № 38, 53; АНО. № 79; АВФ. Р. 111.

³ ДБК. Табл. 70 а, 73, 5; *Кобылина М.М.* Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1. С. 189; *Левина Э.А.* Светильники с мифологическими сюжетами из коллекции Одесского археологического музея // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 120.

чения¹. Ее резонатор овальной формы изготовляли из панциря черепахи, а также из дерева или металла, повторявших форму такого панциря, поэтому в древности лиру зачастую называли словом черепаха. Прекрасно сохранился бронзовый резонатор лиры из Пантикапея². Мастер римского времени выполнил его в форме черепахи и украсил двумя театральными масками и фигурами Гермеса и Ники. Маски напоминали о том, что представления в театре всегда сопровождалась музыкой, Ника символизировала победу на музыкальных агонах, а Гермес представлен на лире, потому что он считался ее изобретателем (рис. 95).

Поверх вогнутой стороны резонатора натягивалась мембрана из воловьей шкуры, а к выпуклой стороне крепились две роговые или деревянные стойки с прямыми или изгибавшимися наружу концами. Их соединяла переключина, изготовленная обычно из самшита. Между ней и корпусом натягивались струны из кишок или сухожилий животных (рис. 95). Струны у лиры, как и у барбитона и кифары, имели одинаковую длину, но разную толщину; поэтому они издавали различные звуки. Их извлекали либо пальцами, либо плектроном, небольшой деревянной или костяной пластинкой, которую держали в правой руке. На краснофигурном лекифе из Ольвии изображен исполнитель лирической поэзии, опустивший руку с зажатым в пальцах плектроном (рис. 94). Плектроны, прикрепленные к кифарам на пестрых лентах, нарисованы на клазоменском кратере из раскопок на Березани (рис. 96).

Первоначально лира имела всего три струны, затем к ней добавилась четвертая, а с IV в. до н. э. и до конца античности наиболее распространенной стала семиструнная лира³. Она все же окончательно не вытеснила своих предшественниц с меньшим числом струн, на которых, по-видимому, исполнялись определенные виды музыки в старинных традициях. Недаром на эллинистических ольвийских и пантикапейских монетах наряду с семиструнной встречаются шести – и трехструнные лиры⁴. На вазе из Херсонеса в сцене состязания Аполлона с Марсием в руках бога трехструнная лира, а на обломке килика из Пантикапея изображена семиструнная⁵.

¹ *Paquette D.* L'instrument de musique dans la ceramique de la Greece antique. Paris, 1984. P. 150.

² *Алексеевская Л.* Лира из Керчи // ИАК. № 58. 1915. С. 140–151. Табл. IX.

³ *The New Grove Dictionary of Music and Musicians.* London, 1980. P.400. Следует отметить, что в античности встречались лиры с большим, чем семь, количеством струн.

⁴ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 168, 226; *Он же.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 383, 387.

⁵ ОАК. 1904. С. 68. Рис. 104; LIMC. Bd. 6. S. 372. № 34; *Лосева Н.М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945–1958 гг. // МИА. № 103, 1962. С. 172. Рис. 3, 5.

Лира часто звучала во время домашнего музицирования, широко распространенного у древних. Ведь лирой владел почти каждый грек, так как именно на ней учились играть в школе¹. Под аккомпанемент лиры или ее разновидности барбитона в архаический и классический периоды исполнялись многие стихотворные произведения. Поэтому лира стала символом поэтического творчества, и александрийские ученые от нее образовали термин «лирика».

На аттических вазах лира и барбитон присутствуют в сценах домашнего застолья и комоса (возвращение гостей с пирушки), а в мифологических сюжетах лира служит постоянным атрибутом божественного певца Орфея и предводителя муз Аполлона, которого также рисовали с кифарой. Оба инструмента звучали на всем протяжении античности, а похожий на лиру барбитон – лишь в эпоху архаики и классики; в IV в. до н. э. он вышел из употребления².

Резонатор барбитона такой же, как у лиры, а его стойки загибались внутрь, а не наружу, как у лиры, и были значительно длиннее; в отличие от лиры переключатель с колками, где закреплялись концы струн, располагалась не между стойками, а над ними (рис. 94, 97). Число струн колебалось от трех до семи. Длинные струны издавали густой и низкий звук, его считали лучшим аккомпанементом для исполнения лирических стихов, поэтому аттические живописцы рисовали с этим инструментом Сафо, Алкея (рис. 97), Анакреонта, Кидия и других поэтов³. Барбитон часто сопровождал песни, во время симпосиона и комоса⁴, а также песнопения в честь Диониса, поэтому самого бога и его спутников сатиров и силенов рисовали поющими в сопровождении барбитона⁵.

На лире и на барбитоне играли, сидя на стуле или на табурете, держа их под углом или параллельно полу (рис. 94), а так как на этих инструментах легко было аккомпанировать пению и танцу во время движения, лиру и, особенно часто, барбитон брали на праздничные шествия и играли на них при возвращении гостей с пирушки (рис. 82).

На кифаре играли почти всегда стоя и держали ее вертикально (рис. 96, 98, 100). Она была более звучной, более тяжелой и крупной, чем лира, не говоря уж о барбитоне. Весь корпус кифары делали из дерева,

¹ Beck F. Album of Greek Education. Sydney, 1975. P. 23.

² Paquette D. Op. cit. P. 175.

³ Webster T.B. Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P.53, 54.

⁴ См. изображения на аттических краснофигурных вазах: ARF. № 47, 129, 253, 320.

⁵ Ibidem. № 255; см. изображения дионисийского шествия на кратерах из Пантикапея и Синдской гавани: ОАК. 1861. С.31. Табл.4; ARV². P. 1185, 7; Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. С.108. Рис.9.

струны, обычно числом семь, крепились над боковыми стойками, их более сложное крепление на специальной надстройке давало лучшую, чем у лиры, возможность хорошо настроить инструмент. Сложность игры на кифаре сделала ее принадлежностью профессионалов или больших любителей музыки. Она звучала на мусических агонах, концертах, торжественных религиозных церемониях.

Конструкцию семиструнной кифары можно детально рассмотреть на клазоменском кратере, найденном на Березани (рис. 96) и на одной аттической амфоре (рис. 98). Там хорошо видно, как большой и тяжелый инструмент прижимали левым локтем к боку и закрепляли широкой лентой, охватывающей с одной стороны шею, а с другой – запястье исполнителя; более узкой лентой к кифаре прикрепляли плектрон.

Подавляющее большинство изображений музыкальных инструментов сохранилось на росписях чернофигурных и краснофигурных ваз, а также на скульптурах, не передающих цвет. Березанский кратер – редчайший рисунок с раскраской кифары. Корпус дорогих инструментов расписывали орнаментами, в данном случае, меандром; ленты брали ярких цветов. На рисунке кратера можно различить вышивку или тканый узор на лентах, а на их концах – кисти. Из письменных источников известно, что дорогие кифары и лиры покрывали золотом и инкрустировали слоновой костью и янтарем¹. В храмах такие драгоценные инструменты входили в число пожертвований; они включены в опись сокровищницы Парфенона V в. до н. э.²

Не известно, обладали ли какие-нибудь жители Северного Причерноморья столь дорогими кифарами и лирами, но во всяком случае здесь видели такие инструменты на привозных изображениях и в руках гастролеров, дававших концерты в театрах. Несомненно, прославленные музыканты, выступавшие на Боспоре (Polyaen. V. 44, 1; Athen. VIII. 41, 349 d), играли на первоклассных инструментах.

Так как лира и кифара были символами Аполлона, широко почитавшегося в Тире, Ольвии и на Боспоре, на монетах этих городов часто с одной стороны чеканили голову бога, а с другой – кифару (рис. 99), реже лиру³. Аполлон с лирой или с кифарой изображен на ольвийской

¹ Reinach S. *Lyra* // Daremberg Ch., Saghllo E. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. Paris, 1904. T.III, 2. P. 1442.

² Инвентарь сокровищ Парфенона 422–421 гг.// Известия ГАИМК. 1933. Вып. 78. № 568.

³ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 282–291, 311, 313, 317, 338, 339, 383, 387, 452, 454, 460; Он же. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 168, 226.

форме для отливки терракоты, на фронте ольвийского декрета в честь Антестерия¹, а также на привозных аттических вазах. Его рисовали играющим на лире рядом с двумя музами² и стоящим с кифарой около сестры Артемиды и матери Лето (рис. 100)³. На лекифе последней трети VI в. до н. э. сохранилось редкое архаическое изображение бородатого Аполлона (обычно он юный, безбородый) между Гермесом и Дионисом⁴. Сидя на табурете-дифросе, Аполлон играет на кифаре, частично раскрашенной белой краской, возможно, отмечающей костяные украшения корпуса инструмента (рис. 43). Вазописец запечатлел неординарный случай игры на кифаре сидя, а не стоя.

В IV–I вв. до н. э. лиру и кифару часто изображали в руках сирен и эротов (рис. 6). Сирена олицетворяла сказочное существо, зачаровывающее сладкоголосым пением. Мы видим ее поющую под аккомпанемент лиры на золотой диадеме IV в. до н. э. из Херсонеса и на форме того же времени для отливки украшения сосуда из Фанагории, а к золотой серьге из Пантикапея была подвешена фигурка сирены с кифарой⁵. Эрот с лирой неоднократно встречается на краснофигурных вазах, мегарских чашках и терракотах, найденных на Боспоре⁶. Так же, как сирена с кифарой, фигурка музицирующего Эрота прикреплена в качестве подвески к золотым серьгам из Феодосии⁷.

Последний из струнных инструментов – тригон. Он ближе всего к современной арфе, также имеет много струн, но размером гораздо меньше. Название тригона произошло от его треугольной формы. Судя по вазовым рисункам и терракотам, на нем играли преимущественно женщины, обычно держа инструмент на коленях. Вероятно, в эллинистический период тригоны и кифары стали делать более тяжелыми, потому что играющие на них нередко опирают свои инструменты на подставку.

¹ Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 82. Рис. 73; Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1988. № 1. С. 52.

² ОАМ. С.169. № 51.

³ ОАК 1909–1910. С. 93. Рис.114; АНО. № 79.

⁴ ИАК. № 13. 1903. С. 157. Рис.104; АНО. С. 38. № 9.

⁵ ГЗ. № 31; Кобылина М.М. Форма с изображением сирены // СА. 1967. № 1. С. 169–175; ДБК. Табл. 7, 15.

⁶ ДБК. Табл.73, 5; ОАК 1861. Табл. 5; ОАК 1869. С. 183. Табл. 2, 10; LIMC. Bd. 4. S.5 31. № 172; Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 93–94.

⁷ ДБК. Табл. 12 а.

Среди боспорских terra-cottas III–I вв. до н. э. есть немало фигурок с тригоном, стоящим рядом на невысокой колонке¹. Некоторые из них, представляющие полуобнаженную молодую женщину с медальоном на груди, вероятно, изображают Афродиту². Редкий рисунок сатира с тригоном сохранился на краснофигурной гидрии из Пантикапея³, а на малоазийском лагиносе III в. до н. э. из Ольвии нарисованы тригон и ксилофон⁴. Целый ансамбль музыкальных инструментов представлен на кувшине III в. до н. э. из Пантикапея; на нем изображены девятиструнная кифара, семиструнный тригон, сиринга и два плектрона⁵.

Господствующее место среди духовых инструментов принадлежало аулосу. Его в отечественной и зарубежной научной литературе называют флейтой, хотя на самом деле он ближе всего к современному гобою или кларнету⁶. На нем, как и на струнных инструментах, исполняли сольные пьесы, а также аккомпанировали пению и танцам. Наряду с кифаристами авлеты постоянно участвовали в музыкальных агонах. Фигуры победителей в нарядных одеяниях украшают панафинейскую амфору из Пантикапея (рис. 59) и фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии, на которой символом победы авлета служит подлетающая к музыканту Ника (рис. 101)⁷.

Выдающиеся музыканты совершенствовали свои инструменты. В V в. до н. э. поэт Фринид аккомпанировал своим стихам на девятиструнной кифаре, а его младший современник Тимофей Милетский играл на одиннадцатиструнной (Plut. Agid. 10); беотиец Пром, прославившийся в IV в. до н. э. своим мастерством во всей Элладе, сделал по словам Павсания (IX, 12, 4), замечательный аулос для исполнения любых мелодий.

Аулос состоял из трубки с несколькими отверстиями и мундштука. Трубку изготавливали из тростника, дерева или полый кости животного, чаще всего оленя или осла. Мундштук, составленный из язычка и одной или двух так называемых луковиц, вытачивался из дерева или кости

¹ Кобылина М.М. Указ соч. 1961. С. 94.

² Финогенова С.Н. Terra-cottas Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. Вып. 10. 1992. С. 239, 240.

³ Raquette D. Op. cit. P. 191.

⁴ Книпович Т.Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М., Л. 1955. С. 372. Рис. 16.

⁵ ОАК 1906. С. 90. Рис. 108.

⁶ Герцман. Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 42.

⁷ Радлов Н.Э. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России // ИАК. № 45. 1912. С. 76; Штерн Э.Р. Две хранящиеся в Одесском музее вазы строгого краснофигурного стиля. // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 93–100. Табл. 3, 2.

либо отливался из металла. Поллукс (IV, 75) в своем словаре указал пять видов аулосов. Современные ученые следующим образом определяют эти виды: сопрано (20–30 см), альт (40–50 см), тенор (около 50 см), баритон (около 80 см) и очень редко встречающийся бас длиной в 1 м или более¹. Таким образом, звучание аулосов соответствовало пяти тембрам человеческого голоса. Чаще всего изображали сопрано или альт. На полихромной пелике III в. до н. э., расписанной боспорским художником, Пан играет на редком, очень длинном двойном аулосе-басе², а сирена на золотой сереге из Пантикапея исполняет мелодию тоже на длинном аулосе, вероятно, баритоне³. Поэтому по длине аулоса можно было представить тембр инструмента.

Как правило, обе трубки аулоса художники рисуют одинаковой длины. Редкое изображение на пелике из Пантикапея (рис. 46)⁴ показывает, что иногда играли на инструментах разного тембра. Это подтверждается письменными источниками; Поллукс (IV, 80) отметил, что свадебная мелодия исполнялась на аулосах разной длины. Обычно авлет извлекал звук одновременно из двух трубок, но иногда музыкант исполнял мелодию на одной, отведя другую в сторону. Такой момент почти не привлекал внимание вазописцев, поэтому для истории античной музыкальной культуры важно выделить рисунок мастера Эпиктета, изобразившего в медальоне килика играющего на одной трубке авлета; фрагмент этого килика найден в Ольвии (рис. 102)⁵.

О широком распространении игры на аулосе в античных полисах Северного Причерноморья свидетельствуют находки этих инструментов⁶. Трудно определить, какие из них местного производства, а какие импортные, ведь они сделаны из трубчатых костей животных, одинаково распространенных в Греции и ее колониях. Лишь фрагменты дорогих аулосов из слоновой кости можно определенно считать привозными⁷. Находки показывают, на каких разнообразных инструментах играли местные музыканты: их аулосы имели различное количество отверстий

¹ *Paquette D.* Op. cit. P. 25.

² *Книпович Т.Н.* Указ. соч. С. 382. Рис. 20.

³ ДБК. Табл. 7, 14; ГЗ. № 114.

⁴ *Ашик А.* Боспорское царство. Одесса, 1849. Часть 3. С. 17. № 6; ДБК. Табл. 63; UKV. № 366.

⁵ *Горбунова К.С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 182.

⁶ *Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 73, 74.

⁷ Там же. С. 74; *Кругликова И.Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // МИА. № 59. 1957. С. 178.

(от двух до шести) и были сделаны либо из цельной кости, либо из трубочек, соединенных втулками. Один пантикапейский составной аулос включал элементы из трех различных материалов: кости, дерева и бронзы¹.

При игре на аулосе исполнитель зачастую надевал на голову своеобразную узду из кожаных и матерчатых лент (рис. 38, 52, 101). Греки называли ее форбеей или перистомией. Она охватывала затылок и верх головы, а на лице покрывала щеки и губы, около которых находилось отверстие для мундштука аулоса. Назначение форбеи сейчас не до конца понятно. Вероятно, она предохраняла исполнителя от чрезмерного нажима воздуха при сильном надувании щек и поддерживала губы около мундштука. Судя по изображениям, форбею надевали мужчины, в редких случаях женщины, а дети – никогда. Форбея отсутствует у музыкантов, принимающих участие в симпозионе, то есть в закрытом помещении. Видимо, в ней нуждались при громкой игре на открытом воздухе: в театре, на палестре, во время праздничных шествий, религиозных церемоний и военных действий. Однако при изображении подобных сцен исполнитель далеко не всегда имеет форбею.

Форбея хорошо видна на фрагментах двух краснофигурных ваз из Ольвии (рис. 52, 101) и на обломке канфара с острова Левка (рис. 38)². Последний украшен сценой дионисийского праздника с участием играющего музыканта, за спиной которого находится кожаный футляр с отделениями для двух трубок аулоса. Такие футляры изображали висящими на стенах комнат, где происходили симпозионы и звучали аулосы. Иногда на футляре можно различить притороченную к нему коробочку для хранения язычков аулоса; она нарисована на килике из Мирмекия³.

Другие духовые инструменты занимали довольно скромное место в античной музыке. На сиринге, составленной из нескольких склеенных воском трубок различной длины, в основном играли пастухи. Их бога Пана часто представляли с сирингой, называемой также флейтой или свирелью Пана. Среди ольвийских находок есть серебряный браслет эллинистического времени с фигуркой козлоногого Пана, играющего на таком инструменте (рис. 103)⁴, и две терракоты, изображающие спутника богини Кибелы Аттиса в виде фригийского пастуха с сирингой в

¹ Петерс Б.Г. Указ. соч. С.74.

² Штерн Э.Р. Указ. соч. Табл. 3, 2; АП. № 14.

³ Прушевская Н.М. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия // Труды Отдела истории искусства и культуры античного сектора Гос. Эрмитажа. Л., 1945. Т. 1. С. 121. Прим. 4.

⁴ Alexander Ch. Jewellery. The Art of the Goldsmith in Classical Times. New-Jork. 1928. P. 39. Tabl. 84.

руках (рис. 37)¹. Старый пастух в повести Лонга «Дафнис и Хлоя» (II, 35) показывает на этом инструменте юным пастушкам, «как надо играть для стада коров, какие напевы подходят для коз, а под какие овцы охотно пасутся. Нежно играл для овец, громко для стада коров, резко для коз» (перевод С. П. Кондратьева). Находки большого количества костей крупного и мелкого рогатого скота свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье греки держали большие стада, поэтому, наверное, и здесь опытные пастухи, играя на сиринге, приучали животных определенно реагировать на те или иные мелодии.

Труба у греков и римлян служила не для исполнения музыкальных пьес, а для подачи различных сигналов. Ее звуками оповещали горожан о военной опасности (Васch. XVII, 15), давали сигнал к началу праздничных игр, а также сражений на суше (Xen. Anab. I, 1. 17; Arr. Anab. I, 14; Diod. Sic. XVII, 11,3) и на море (Her. VIII, 11), извещали о конце морского боя и времени отплытия кораблей (Arr. Anab. VI, 3, 3; Diod. Sic. XVI, 12. 62). В словаре Поллукса (IV, 185) отмечены различные «части мелодии трубы»: выступление войска, призыв к началу боевых действий, отбой и отдых, сигнал к привалу. В Северном Причерноморье известно по рассказу Полиена о сигналах военных труб при осаде Феодосии в IV в. до н. э. (Polyaen. V, 23), а также о состязании трубачей на празднике в Херсонесе (IPE I². 493, 551). Звуки некоторых труб, по свидетельству Поллукса (IV, 88), слышались на расстоянии до 10 км.

К духовым инструментам относится также орган, изобретенный в конце эпохи эллинизма. Единственное его изображение в Северном Причерноморье сохранилось на росписи боспорского саркофага I в. н. э.²

Последняя группа греческих музыкальных инструментов – ударные. Из них ксилофон и кимвалы (металлические тарелки) звучали в древности сравнительно редко и на предметах искусства изображались эпизодически. В эллинистический период ксилофон встречается среди музыкальных инструментов на росписях малоазийских и итальянских ваз. Его схематический рисунок вместе с тригоном имеется на упомянутом кувшине-лагиносе из Ольвии. На пластинках из слоновой кости, украшавших саркофаг из кургана Большая Близница, изображены сирены с различными музыкальными инструментами, в том числе с кимвалами³.

¹ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 90.

² АДЖ. Табл. 92.

³ ДБК. Табл. 79. № 28; ОАК 1866. С. 8.

Стук кроталов (род кастаньет) и удары в тимпан (бубен) постоянно сопровождали танцы и раздавались при отправлении некоторых культов. Костяные, бронзовые или деревянные кроталы состояли из двух частей, которые прикреплялись к пальцам и ударялись одна о другую (рис. 104). По паре кроталов держали в каждой руке; это видно на чернофигурных и краснофигурных вазах, найденных в Ольвии и на Боспоре¹, на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (рис. 105)², на фигурном лекифе в виде сирены из Фанагории³. Кроталы и тимпан отчеканены на медных ольвийских монетах начала II в. до н. э.⁴

Тимпан, круглый бубен с металлическим или деревянным ободом, обтянутым кожей, обычно имел диаметр около 30 см, а на праздниках Кибелы, Диониса и некоторых других богов восточного происхождения гремели гораздо более крупные тимпаны. Большой тимпан рядом с Кибелой неоднократно изображен на местных и привозных северопрichernоморских терракотах⁵ и рельефах (рис. 36). Художники рисовали тимпаны в руках спутников Диониса сатиров и менад, и такие рисунки встречаются на вазах из Северного Причерноморья (рис. 55).

Музыканты, певцы и танцоры.

Античные авторы неоднократно писали об огромном влиянии музыки на чувства греков. Вот как Плутарх в «Застольных беседах» (VII, 5, 1) рассказал о выступлении знаменитого авлета и его хора. Музыка опьянила слушателей «сильнее всякого вина, и они уже не довольствовались выкриками и отбиванием такта, но вскакивали с мест и сопровождали эту музыку соответствующими телодвижениями, не подобающими достоинству благовоспитанного человека».

Философы осуждали чересчур эмоциональное с их точки зрения восприятие музыки аулосов, и потому Платон и Аристотель в своих проектах идеального государства вообще исключили аулос из состава музыкальных инструментов. И в реальности государственные власти стремились контролировать развитие и характер музыки, порой пытаясь насильственно удерживать ее в рамках норм, казавшихся им пристойными.

¹ АНО. С. 52; ДБК. Табл. 70, 1–2; ОАМ. С. 120. Рис. 21.

² ГЗ. № 90.

³ АП. № 45.

⁴ Анохин В.А. Указ. соч. С. 112. № 334.

⁵ Леви Е.И. Терракоты из цистерны Ольвийской агоры // КСИА. № 74. 1959. С. 11; АМ. № 75; Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1976. С. 106–112; Кобылина М.М. Указ. соч. С. 77, 78.

ми. Классический пример приведен Плутархом в жизнеописании Агида (гл. 10). В V в. до н. э. в Спарте запрещали играть на лирах и кифарах, имевших более семи струн, и потому дававших возможность сочинять и исполнять нетрадиционную музыку. Эфор Экреп демонстративно отсек две из девяти струн инструмента знаменитого кифариста Фринида; так же поступили спартанцы с прославленным во всей Элладе учеником Фринида поэтом и музыкантом Тимофеем Милетским, игравшим на одиннадцатиструнной кифаре в новой ладовой системе. По словам спартанского царя Агида, его соотечественники «опасались в музыке чрезмерной замысловатости, не желали, чтобы это ее дурное качество переступило рубеж, за которым возникает нестройное и неверное звучание в жизни и нравах, приводящее государство к внутреннему несогласию и разброду».

Это напоминает борьбу коммунистической партии и советской власти с творчеством Шостаковича, запрет играть Пятую симфонию и возмущение его оперой в официальной статье «Сумбур вместо музыки». Но как и в античности, так и теперь подобные попытки оказываются тщетными. Остановить развитие музыки, как и прочих искусств, невозможно, и казавшееся когда-то чрезвычайно смелым и необычным становится понятным и привычным. Подобно Шостаковичу, признанному еще при жизни классиком, Тимофей, выдающийся реформатор античной музыки и хоровой лирики, потрясал новизной своих сочинений в конце V – начале IV вв. до н. э., а в эпоху эллинизма он стал автором, изучавшимся в школе (Polyb. IV, 20), и на смену ему пришли другие музыкальные кумиры. Начиная с III в. до н. э. кифары с бóльшим, чем семь, количеством струн никого не удивляли, и их стали изображать среди обычных музыкальных инструментов, например, на кувшине III в. до н. э. из Пантикапея нарисована девятиструнная кифара¹.

В античной литературе упоминается множество имен знаменитых композиторов и исполнителей. Они ездили по всей Элладе, участвовали во всевозможных празднествах с музыкальными агонами, давали концерты в театрах и при дворах разных правителей. В IV в. до н. э. греки восхищались кифарадами Аристоником из Олинфа и афинянином Стратоником. Полиен (V, 44, 1) и Афиней (VIII, 349 d) сообщили об их концертах в городах Боспора и о том, как в театр собирались все жители, чтобы их послушать. В одной надписи римского времени сказано

¹ ОАК. 1906. С. 90. Рис. 108.

о прибытии в Херсонес из Нижней Мезии известного музыканта Гая Сильвана (IPE P². 365)¹.

Музыкальный агон на Пифийских играх в Дельфах около святилища Аполлона считался самым главным в Элладе. Музыканты состязались также на общегреческих Немейских и Истмийских играх, и лишь в Олимпии не было подобных агонов. Зато их включали во множество празднеств меньшего масштаба, о чем говорилось в главе о спортивных и музыкальных состязаниях. Уже в классический период на такие праздники съезжались музыканты из разных городов, и среди них были выдающиеся исполнители, увенчанные многими наградами. На краснофигурной пелике середины V в. до н. э. нарисован кифарист Алкимах на пьедестале почета; надписи на вазе указывают на его победы в Афинах и Марафоне, на Немейских и Истмийских играх². В эллинистический период на музыкальные агоны допускались женщины. В Дельфах на Пифиаде 134 г. до н. э. победила кифаристка и певица из города Кумы, за что ее увенчали венком, наградили тысячью серебряных драхм, поставили статую и дали проксению³. Ценные призы музыканты завоевывали и на других праздниках.

Греческие музыканты чаще всего выступали в роли аккомпаниаторов и гораздо реже исполняли чисто инструментальную музыку. Зачастую певец и музыкант совмещались в одном лице. На вазах такой поющий музыкант изображается с закинутой назад головой и открытым ртом (рис. 98). Конечно, аккомпанировать собственному пению можно было лишь на струнных инструментах, а пение под звуки аулоса всегда требовало отдельного музыканта. Например, на рисунке краснофигурной пелики из Ольвии мы видим, как авлет играет, глядя на стоящего перед ним поющего юношу с венком на голове (рис. 106).

В VII–V вв. до н. э. музыка сопровождала большинство стихотворных произведений, и поэты были одновременно композиторами. Безусловно выдающимся музыкальным талантом обладали авторы сольной и хоровой лирики такие, как Сафо, Алкей, Пиндар, Стесихор, а также великие греческие трагики Эсхил, Софокл и Еврипид, писавшие слова и музыку для сольных и хоровых партий в своих многочисленных пьесах.

Монодическую лирику исполнял один человек под аккомпанемент лиры или барбитона, причем отдавалось предпочтение последнему из-за его негромкого и низкого звучания. Поэтому классиков монодической

¹ Сапрыкин С.Ю. Из музыкальной и общественной жизни Херсонеса в римскую эпоху (К надписи IOSPE P². 365) //ВДИ. 2002. № 2. С. 81.

² Лазаров М. Антична рисувана керамика в България. София, 1990. С. 75. № 26.

³ Герцман Е.В. Указ. соч. С. 157.

поэзии Алкея и Сафо вазописцы рисовали именно с барбитоном (рис. 97)¹; во второй половине V в. до н. э. афиняне поставили на Акрополе статую Анакреонта с барбитоном в руках (АР. XVI, 306–308; Paus. I, 25, 1), и через несколько столетий греки помнили, как поэт «на своем барбитоне пробуждал нектар гармонией» (АР. XVI, 29). На краснофигурном лекифе из Ольвии представлен поэт или исполнитель лирических стихов, аккомпанирующий себе на трехструнном барбитоне². Он только что закончил строфу и, проведя плектроном по струнам, опустил руку (рис. 94). Рядом с ним на стене висит крестообразный ключ для подтягивания струн музыкальных инструментов. Монодическая поэзия предназначалась для небольшого круга слушателей обычно на симпозионе; стихи посвящались простым и понятным каждому темам о любви и вражде, о радостях и горестях частной жизни, о грусти по быстро уходящей молодости.

Иные задачи стояли перед авторами, писавшими тексты и музыку для хоровой лирики, ее исполняли на праздниках, посвященных богам и героям, и для этого требовались глубокие знания мифологии. В большинстве случаев хоры сочинялись для определенного праздника. В парфениях Алкмана, написанных для состязания хоров девушек на празднике в Спарте, названы даже имена исполнительниц, а эпиникии (победные оды) Пиндара и Вакхилида пели в честь определенных победителей, завоевавших призы на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских играх. Те же поэты писали стихи и музыку для самых разнообразных хоров: для гимнов разным богам, для пеанов, представлявших призыв о помощи или благодарность Аполлону, для дифирамбов, распевавшихся на дионисийских праздниках, для гипорхем, хороводов в честь Аполлона и Артемиды, для энкомиев, прославлявших выдающихся граждан, и для френов, надгробных плачей³.

Пеан сопровождался как струнными, так и духовыми инструментами, а дифирамб – преимущественно аулосом. Все перечисленные хоровые произведения сочиняли по определенным правилам. В дифирамбе запевала вел диалог с хором, и именно из этого жанра развилась греческая трагедия; прекрасный образец дифирамба содержится в хоре трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 64–165). Пеаны, первоначально об-

¹ ABF. № 311; ARF. № 261.

² Скржинская М.В. Изображение поэта на лекифе Одесского археологического музея // ВДИ. 1997. № 2. С. 130–137.

³ Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Перевод, комментарии и статьи о греческой хоровой лирике М.Л.Гаспарова. М., 1980.

ращенные к Аполлону, и дифирамбы, песни о Дионисе, начиная с классического периода, стали посвящаться разным богам.

При раскопках в Дельфах найдены стелы с записями текстов вместе с музыкой гимнов Аполлону¹. Правда, перевести ее на современные ноты затруднительно, потому что в античности умели точно указывать лишь высоту звука и очень приблизительно – его продолжительность². Поэтому музыкант многое привносил от себя, и не случайно Аристид Квинтилиан в трактате «О музыке» приравнивал значение композитора и исполнителя.

Наряду с пением греческие праздники сопровождалась танцами. Нередко они составляли единое целое; такой танцующий и поющий под музыку хоровод описан Алкеем в гимне Аполлону:

*Сложив хвалебный в оные дни пеан,
Велят дельфийцы отрокам, с пением
И пляской обходя треножник,
Юного звать в хороводы бога.*

Перевод В. Иванова

Хоровод женщин, движущихся и, наверное, одновременно поющих под звуки кифар, изображен на фрагменте клазоменского кратера, найденного на Березани, а на его верхнем фризе показаны танцующие под аулос мужчины в составе праздничного шествия (рис. 2, 96).

Гипорхемы, хоровые песни с танцами пантомимического характера, известны сейчас по фрагментам из сочинений Пиндара и Вакхилида. Первоначально исполнители воспроизводили мифологический сюжет о странствовании Лето, матери Артемиды, и Аполлона; они пели и жеста-ми изображали песни, язык и обычаи народов, у которых побывала Лето (Ном. Нумн. I, 159–164). Вообще хорошие танцоры прекрасно знали мифологию, потому что, как писал Лукиан в трактате «О пляске», большинство танцев изображали сцены из мифов, а значит в них заметную роль играла пантомима. Это подтверждается словами Аристотеля (Рое., I) о том, что танцоры посредством выразительных движений воспроизводят характеры, душевные состояния и действия. Описания античных авторов иллюстрируются росписями некоторых ваз. На килике выдающегося художника Эпиктета представлена танцовщица в небриде, шкуре молодого пятнистого оленя (рис. 104); вероятно она изображает сцену из мифа о Дионисе и его почитательницах менадах, одевавшихся в небриды.

¹ Грубер Р.И. Указ. соч. С.282; История греческой литературы. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 225.

² Герцман Е.В. Указ. соч. С. 303.

Состязания танцоров включались в некоторые праздники. Например, на Панафинейх выделялись призы исполнителям военного танца пиррихий; его танцевали под аккомпанемент аулоса сначала мальчики, затем юноши и, наконец, взрослые мужчины (Aristot. Athen. Pol. 60, 4)¹. Пиррихий в разных вариациях был известен всем эллинам, и, конечно, его танцевали в Северном Причерноморье. Пляска исполнялась либо одним танцором, либо двумя группами, представлявшими противников, они бывали одеты или обнажены, но непременно имели шлем, копье и щит. Платон в «Законах» (VII, 815 а) описал пиррихий как мимическое изображение войны; танцоры своими движениями имитировали нападение и оборону во время сражения: они подражали тому, «как человек спасается от ударов и метательного оружия, кидаясь в сторону, отступая, прыгая вверх и нагибаясь к земле», а затем показывали движения нападающих, бросавших стрелы и дротики и наносящих удары врагам.

По рассказу Ксенофонта (Anab. V, 29) и вазовым рисункам известно, что пиррихий танцевали также девушки. Они изображены на фрагментах расписных ваз из Пантикапея и Херсонеса². Полностью сцена с этим танцем сохранилась на кратере конца V в. до н. э. из кургана в Киевской области, куда ваза попала несомненно из какого-то города в Северном Причерноморье. Танцор в шлеме с конским хвостом нарисован в энергичном движении, в одной руке он держит расписной щит, в другой – копье, рядом стоят с одной стороны судья, с другой – аккомпанирующая на аулосе женщина в роскошном узорном хитоне и плаще (рис. 107)³.

Эллины считали обучение танцам столь же полезным, как и занятия гимнастикой (Xen. Symp. II, 16–19). На палестре наряду с атлетическими тренировками подростки учились танцевать. Поэтому понятно, почему танцевальное состязание мальчиков, описанное в «Застольных беседах» Плутарха (IX, 747 а–b), судили учитель гимнастики и брат писателя, который сам превосходно умел плясать пиррихий и выделялся этим еще тогда, когда посещал палестру.

¹ Neils J. The Panathenaia // Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Ancient Athens. New-Jersey, 1992. P. 15.

² ОАК 1876.С.161; Зедгендзе А.А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА № 159. 1979. С. 28. Рис. 2, 3; Вдовиченко И.И. Изображения военных женских танцев на вазах из Северного Причерноморья // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. № 3. Київ, 1999. С. 81–86.

³ Штителъман Ф.М. Античные сосуды, найденные в кургане скифского времени // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 40; ARV². P. 1346. № 3.

Наряду с пиррихием известны названия множества разнообразных плясок и отдельных фигур (Pollux. Onom. IV, 99–105). Мы видим их на бесчисленных произведениях античного искусства, но далеко не всегда можем отождествить с описанием определенных танцев у древних авторов. Почти все юноши и девушки умели танцевать. Они исполняли разные танцы на домашних праздниках, на пирах при дворе разных правителей и на всевозможных общественных празднествах. По изображениям видно, что греческие танцоры редко прикасались друг к другу, лишь в хороводах брались за руки. Во время некоторых танцев женщины надевали короткие хитоны, не достигающие до колен, в то время, как в повседневной жизни женские одеяния закрывали ноги до ступней. Вероятно, в коротких хитонах танцевали только гетеры и профессиональные танцовщицы, они же выступали в некоторых танцах частично или полностью обнаженными (рис. 105).

***Роль музыки, пения и танцев во время
празднеств в честь разных божеств***

Всякое греческое более или менее крупное празднество начиналось с торжественного шествия к храму или алтарю и сопровождалось музыкой и пением. Музыка обязательно звучала и во время жертвоприношения, создавая у участников ритуала определенное эмоциональное настроение сопричастности божествам. Кроме того, она заглушала стоны жертвенных животных¹. На краснофигурной ойнохое из Пантикапея показано, как ведут быка для жертвоприношения, вслед за ним идет женщина с лирой; она несет ее к алтарю, где будет играть во время заклания животного (рис. 108)².

Около алтаря хор пел гимн, обычно в сопровождении лиры или кифары. Часто эти гимны писались по заказу к определенным праздникам. Таковы, например, знаменитые гомеровские гимны Аполлону Делосскому и Пифийскому или гимн Зевсу, сочиненный Пиндаром для хора в Фивах. Гимны разным богам пели и в Северном Причерноморье. Сохранились две надписи с текстами гимнов, написанных элегическим дистихом: один, посвященный Ахиллу, исполняли в Борисфене в I в. н. э.³, другой сочинен в Херсонесе во II в. н. э. для праздника в честь

¹ Герцман Е.В. Указ. соч. 1995. С. 60.

² ДБК. Табл. 61, 7; UKV. № 305.

³ Шеллов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49–62.

Гермеса (IRE I². 436)¹. В первом прославляется «равный бессмертным Ахилл Эакид», покровитель острова, а второй написан по заказу гимнасиарха Демотела по случаю атлетических побед его подопечных.

В ионийских колониях на Боспоре и в Ольвии, вероятно, самые пышные празднества справлялись в честь Аполлона. Гомер в гимне этому богу писал, что, где бы ни собрались ионийцы, они услаждают Аполлона пением и пляской (Hymn. I, 149, 150). В VI–V вв. до н. э. в Ольвии существовал аристократический мужской союз мольпов, образованный по образцу такого же союза в ее метрополии Милете². Мольпы ведали сакральными делами при отправлении культа Аполлона Дельфиния и, возможно, сами исполняли, священные песнопения и танцы в честь бога; ведь наименование мольпов произведено от греческого слова *μολπή*, означающего либо просто пение, либо пение с пляской. Это слово употребил Гомер, описывая хоровод девушек и юношей, избраженный на щите Ахилла (II. XVIII, 606), и говоря о пении славного музыканта Фемиа (Od. I, 152).

Во всех северопричерноморских городах торжественно справлялись Дионисии и праздники в честь Кибелы. Они сопровождались бурными мелодиями аулосов и громкими ритмическими звуками тимпанов и кроталов. Аполлону же традиционно посвящали более спокойную музыку и песнопения в ее сопровождении, поэтому на привозных и местных памятниках искусства из Северного Причерноморья Аполлон представлен исключительно с лирой или кифарой. В дионисийских сценах участвуют авлеты и спутники Вакха силены и менады, играющие на аулосах (рис. 38, 39, 46) и сопровождающие свои шествия и танцы ритмическим стуком кроталов.

В реальной жизни не соблюдалось строгое разграничение инструментов на празднествах этих богов. Плутарх в трактате «О музыке» (гл. 14) писал, что уже в VII в. до н. э. авлеты сопровождали жертвоприношения и хоры в честь Аполлона, а поэты Алкман и Коринна упоминали о том, что этот бог играл на аулосе. В середине VI в. до н. э. авлетов включили в самый главный в греческий мусический агон на Пифийских играх. Там они обязательно исполняли ном из пяти частей, темой которого была борьба Аполлона с чудовищным змеем Пифоном и победа бога, в честь которой он, по преданию, установил в Дельфах Пифийские игры.

¹ Соломоник Э.И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 100. № 127.

² Карышковский П.О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42–51.

Этот один из древнейших образцов программной музыки играли в течение трех столетий по канону, установленному в VI в. до н. э. В программу нома входило пять тем: пролог иллюстрировал выбор места битвы бога с Пифоном, далее следовали основные части пьесы: вызов на бой, сражение и победа Аполлона, а в финале звучала мелодия танца, исполненного победителем (Pollux. IV, 84). Авлет воспроизводил трубный сигнал к бою, имитировал зубовой скрежет и бранные речи противников и заключал ном музыкой танца; границы отдельных частей пьесы определялись переменной ритма¹.

Еще в начале V в. до н. э. вазописцы рисовали Диониса с барбитоном², из чего следует заключить, что какие-то песнопения в честь бога сопровождались струнными инструментами. Это подтверждается изображениями спутников Диониса иногда аккомпанирующими своим песням и танцам на барбитоне, кифаре и тригоне. Подобные изображения изредка встречаются и на росписях ваз из Северного Причерноморья³.

Соперничество струнных и духовых инструментов отразилось в мифе о состязании Аполлона и силена Марсия. Победа Аполлона в этом соревновании запечатлена на краснофигурных вазах IV в. до н. э. из Херсонеса и Пантикапея⁴.

Греки рассказывали, как силен Марсий родом из Фригии, подобрал брошенный Афиной аулос. Богиня изобрела этот инструмент, но затем выбросила его, увидев, как при игре на нем безобразно раздуваются щеки и из-за этого над нею смеются другие богини. Марсий, спутник малоазийской богини Кибелы, став искусным авлетом, вызвал на музыкальное состязание Аполлона. Бог, игравший на кифаре или на лире, победил Силена и жестоко расправился с ним: он снял с побежденного кожу и повесил ее у истоков реки Меандр. Так утверждалось превосходство спокойных струнных мелодий над экстатическим характером музыки, исполнявшейся на духовых и ударных инструментах и сопровождавшей песни и пляски, посвященные богам восточного происхождения: Дионису и Кибеле.

Миф о состязании Аполлона и Марсия пользовался широкой популярностью в классический период. О нем упоминали в своих сочинениях Геродот (VII, 26) и Ксенофонт (Anab. I, 2, 8). На афинском акрополе стояла скульптурная группа Мирона, изобразившего Афины и Марсия (Paus. I, 2, 8); аттические художники рисовали сцены мифа на

¹ Грубер Р.И. Указ. соч. С. 321, 322.

² ARF. № 255.

³ Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. № 52. Шедевры древнего искусства Кубани... С. 108. Рис. 9.

⁴ ДБК. Табл. 57; ОАК 1904. С. 68. Рис. 104; LIMC. Bd.6. S. 371, 372. № 31, 34.

вазах. Находки таких ваз в Херсонесе и Пантикапее свидетельствуют об интересе к этому мифу в Северном Причерноморье, где широко справляли праздники в честь Аполлона и богов, спутником которых был Марсий.

На праздниках Кибелы, называемой также Матерью богов, выдающаяся роль отводилась громким звукам аулоса и тимпана; последний, как упоминалось выше, постоянно присутствует на изображениях богини. Не случайно скиф Анахарсис, справляя праздник Кибелы, взял тимпан (Нер. IV, 76). Таким образом, обряд, совершенный даже одним человеком, сопровождался ударами в бубен. На многолюдных же празднествах Кибелы звучало несколько тимпанов. Об этом писал Пиндар в дифирамбе фиванцам, говоря, как в честь Матери богов первыми грянут тимпаны, затем ударят кроталы, запыхают факелы, и женщины начнут танцевать с безумными криками «алала».

При появлении спутника Кибелы Аттиса раздавалась мелодия, исполнявшаяся на сиринге, которая была его атрибутом. Посвященную Аттису музыку играли также на струнных инструментах, о чем говорится в гимне, который цитирует отец церкви Ипполит (Ref. V, 9): «Аттиса хочу я воспеть, сына Реи, не трубами звонкими, не аулосом идейских куретов, но нежными звуками Феба-Аполлона». Таким образом, на праздниках Кибелы музыка, посвященная Аттису, контрастировала с музыкальной темой богини не только более спокойным тембром, но и характером звучания иных инструментов.

Зажигательная музыка аулосов в сопровождении громко стучащих тимпанов и кроталов сопутствовала вакхическим шествиям с танцами и питьем вина; это приводило их участников в исступление. О такой процессии, двигавшейся по улицам Ольвии, рассказано в новелле о Скиле в «Истории» Геродота (IV, 79). В херсонесских надписях говорится о шествиях со статуей Диониса и упоминается предводитель вакхической процессии, изображение которой представлено на рельефе местного мастера (IPE I². 343, 425).

В ритуальных танцах свиты Диониса участвовали мужчины и женщины, во время пляски отождествлявшие себя с сатирами и менадами, мифическими спутниками бога. Вазописцы изображали разные моменты этих танцев¹; очень выразительны, например, сцены с менадами на килике мастера Макрона (рис. 109). Изучая подобные рисунки, ученые пришли к выводу, что вакхические пляски в основном импровизиро-

¹ *Hedreen G.M.* Silens in Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance. Michigan, 1995. P. 113–114; *Green R., Handley E.* Images of the Greec Theatre. Texas, 1995. P. 15–21.

вались и не содержали определенной последовательности движений. Каждый танцующий исполнял собственную партию, включавшую традиционные движения: прыжки, повороты, скользящий и коленоприслоненный бег. К особенностям вакхических танцев следует отнести резкие движения головой, которые вызывали головокружение, способствовавшее вхождению в транс¹.

Философы и государственные деятели осуждали танцы, доводящие до иступления, однако признавали, что пляски с сильными телодвижениями освобождают возбуждение людей от внутренних конфликтов и помогают вернуть душевное равновесие. Это мнение разделяют и некоторые современные психологи. Они рассматривают древние оргастические танцы как выражение желания некоторых людей отделить дух от тела и мистически объединиться с божеством, освободившись на время от тягот повседневной жизни².

Танцы менад и сатиров на дионисийских празднествах украшают множество ваз из Северного Причерноморья³. Например, на чернофигурной ойнохое из Ольвии вазописец выразительно представил на фоне виноградной лозы двух танцующих женщин в плащах, а на краснофигурном стамносе из Пантикапея изображена менада, танцующая во время афинского праздника Ленеи, который справлялся также на Боспоре⁴.

Редкая иллюстрация пляски на празднике виноградарей уцелела на обломке клазоменской вазы (рис. 110); под аккомпанемент аулоса танец исполнялся в корзине с виноградом и прославлял Диониса, вероятно, открывая сезон изготовления вина. В Северном Причерноморье, как и повсюду, где греки занимались виноделием, существовали пляски виноградарей. Одну из них описал Лонг в повести «Дафнис и Хлоя» (гл. 36). Танцор показал, «как виноградные грозди срезают, как корзины несут, как сок из гроздей выжимают, как по бочкам его разливают, как, наконец, вино молодое пьют» (перевод С.П. Кондратьева).

Танцы сопровождали все жанры греческой драматургии, поэтому без них не обходилось ни одно представление в театре. Некоторые танцы, известные по описаниям античных авторов, изображены на аттических вазах: эммелия, включавшаяся в трагедию, сиккинида и кордакс,

¹ Вдовиченко И.И. Культурные танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 20, 21; Delavoua M.H. Les danses Dionysiaque en Grece Antique // Publications de l'Universite de Provence. 1995. P. 45.

² Lawrer L. The Dance in ancient Greece. Seattle–London, 1967. P. 96.

³ Вдовиченко И.И. Указ. соч. 1995. С. 21.

⁴ АНО. С. 37; АРК. № 46.

исполнявшие одетыми сатирами актерами в сатировских драмах и комедиях (рис. 53)¹.

На многих греческих празднествах происходили состязания хоров, которыеставляли разные общины полисов. Больше всего сохранилось сведений о таких хорах на праздниках Аполлона и Диониса². В Северном Причерноморье хоры, конечно, выступали на местных Дионисиях, Аполлониях и других праздниках. Как и всюду, они делились на три возрастных состава (мальчики, юноши и взрослые), на хоры мужчин и отдельно женщин и, вероятно, смешанные хоры. Однако в сохранившихся источниках об этом почти не упоминается. Можно указать лишь новеллу о Гикии, включенную в сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» (гл. 53). В новелле, действие которой относится к I в. до н. э., рассказано, что в Херсонесе пели хоры и водили хороводы во время ежегодного поминовения Ламаха, отца героини. Слово «хор», по-видимому, можно восстановить во фрагменте херсонесской надписи римского времени с перечислением мусических состязаний³.

Выступление хоров тщательно готовились заранее под руководством опытного наставника хородидаскала, зачастую он являлся не только учителем, но также автором слов и музыки. При наличии средств приглашали известных хородидаскалов, нередко из других городов. Это практиковалось уже в VI в. до н. э. В «Паросской хронике» под 508 г. до н. э. написано, что на соревновании афинских хоров «победил тот, который обучил халкидонянин Гиподик». Хорошие хоры ездили выступать на праздники в другие города Эллады. О подобной практике в начале V в. до н. э. свидетельствует «Жизнеописание» Пиндара, где говорится, что его учитель Аполлодор, «отъезжая с хором в чужую сторону, доверил свое училище подростку Пиндару, и тот хорошо управился»⁴.

Подготовка хора требовала значительных средств, которые предоставляли либо группа граждан, либо назначенный хорег, состоятельный гражданин полиса. В речи Лисия (XXI, 1–5) указаны траты одного человека на хор: для праздника Дионисий – 5000 драхм, для Таргелий – 2000, для Панафиней – 800, для детского хора – 15 мин. Хорег оплачивал со-

¹ *Kachler K.L.* Der Tanz im antiken Griechenland // *Antike Welt*. 1974. Heft 3. S. 3–14.

² *Каллистов Д.П.* Античный театр. Л., 1970. С. 21–22; *Герцман Е.В.* Указ. соч. С. 69–76, 161–162.

³ *Соломоник Э.И.* Указ. соч. С. 101.

⁴ Перевод М.Л. Гаспарова в кн.: Пиндар. Вакхилид. Оды и фрагменты. М., 1980. С. 5.

держание хористов, хородидаскала, обучавшего их петь и танцевать, и музыкантов-аккомпаниаторов, а также одевал хористов в нарядные одежды и даже золотые венки (Dem. XXI, 13, 16), стараясь, чтобы его хористы превосходили соперников пением, танцем и внешним видом.

В надписи с перечислением участников Сотерий, проходивших в 277 г. до н. э. в Дельфах, сохранилось единственное имя хородидаскала из Северного Причерноморья (Syll.³ 424; МИС. 11). Боспорянин Исил, сын Хрисолая, подготовил хор для этого праздника. Вероятно, он был хорошим мастером своего дела, так как Дельфы считались музыкальной столицей Эллады, и туда съезжались лучшие греческие музыканты. В той же надписи упомянуты три гиматиомиста. Они обеспечивали соревновавшихся костюмами (продавали или давали за деньги на прокат). По-видимому, они сами изготавливали эти наряды, будучи, говоря современным языком, художниками-модельерами. Вазописцы часто рисовали музыкантов, певцов и актеров в роскошных расшитых узорами одеждах, которые носили исключительно участники празднеств (рис. 54, 101).

Трудно сказать, привез ли Исил хор со своей родины или из другого города. Вместе с хором под руководством боспорянина на этом празднике выступали коллективы певцов, подготовленные уроженцами Милета, Беотии, Аргоса, Фессалии и других полисов. Возможно, хородидаскал Исил был родственником поэта-музыканта Исила, также боспорянина по происхождению. В своем пеане Асклепию поэт вспоминает, как он в молодости покинул родину и отправился лечиться в Святилище Асклепия в Эпидавре; там он остался навсегда и стал эпидаврским гражданином (МИС. 57).

Среди множества изображений танцев на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья можно выделить две культовые пляски окласма и калатиск. Первая исполнялась на дионисийских празднествах, а вторая посвящалась богиням плодородия Деметре и Артемиде¹. Калатиск, как видно по его названию, танцевали с корзинами (κάλαθος), наполненными злаками, овощами и фруктами. Возможно, эти корзины символизировали калафы, высокие уборы на головах танцовщиц.

Оба танца запечатлены на золотых бляшках последней трети IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на Тамани. Исполняя калатиск, девушка в калафе и коротком хитоне двигалась на носках, придерживая

¹ Шауб Ю.И. Культовые танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 225, 226; Он же. Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 134.

руками полы развевающейся одежды, а танцуя окласму, женщина в быстром движении смыкала руки над головой¹. В подобном движении представлены фигурки на перстне из Павловского кургана близ Пантикапея². Окласма в исполнении пятерых мужчин нарисована на краснофигурном кратере из Пантикапея³.

Разные моменты танца отразились на пергамской краснолаковой вазе из Ольвии⁴. Рельефные фигурки танцовщиц в коротких хитонах изображают одну со сложенными на груди руками, другую с протянутыми вперед, а третью с поднятой одной рукой, – их ноги также показаны в разных положениях. Этот танец посвящался Афродите или Эроту, потому что женщины танцуют у алтаря рядом с колонной, увенчанной статуэткой Эрота. Ритуальное почитание танцем богини Гекаты представлено на мраморной статуэтке из Пантикапея⁵. Прекрасный терракотовый рельеф из святилища Деметры в Нимфее отразил танец полуобнаженной девушки, почитательницы этой богини⁶; найденный в Пантикапее панафинейский амфориск вызывал воспоминания о танцах во время Панафиней⁷. Часто невозможно определить, какому божеству посвящен танец, изображенный на вазах и терракотах. Таковы культовые танцы у алтарей в исполнении юноши, которому аккомпанирует авлет⁸, или хоровод взявшихся за руки девушек, танцующих под звуки аулоса и кифары (рис. 111)⁹.

Начиная с V в. до н. э. танцовщицы стали излюбленными персонажами греческой коропластики. В Северном Причерноморье найдено немало подобных привозных и местных терракот¹⁰. Большинство танцовщиц в длинных одеждах, а покрывало порой закрывает даже голову и руки, иногда играющая на лице улыбка отражает радость танца¹¹.

¹ ГЗ. № 206, 208.

² Там же. № 108.

³ ОАК 1868. С. 80, 81. Табл. 5, 1.

⁴ ОАМ. С. 173. № 97.

⁵ *Акимов Л.И.* Новый памятник скульптуры из Пантикапея // ВДИ. 1983. № 3. С. 72–74.

⁶ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л. 1949. С. 177. Рис. 32.

⁷ *Горбунова К.С.* Миниатюрные панафинейские амфоры // Travaux du Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences. T. 26. Etudes et Travaux. 13. Warszawa. P. 116.

⁸ *Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1979. С. 42. Рис. 7.

⁹ ОАК 1869. С. 188. Табл. IV, 14.

¹⁰ *Кобылина М.М.* Указ. соч. С. 69, 106; САИ. 1974. Табл. 8, 19, 20, 26.

¹¹ Там же. Табл. 18, 2.

Терраотовые статуэтки передают то плавно скользящие движения, то быстрые повороты, от которых широко развевается одежда. Может быть, некоторые фигурки и рисунки на вазах изображают популярный в IV–III вв. до н. э. танец, во время которого танцовщица то закутывалась в плащ, то раскрывала его¹. Как и на вазах, некоторые танцоры представлены около алтарей, что указывает на культовый характер пляски; так, одна фанагорийская терракота, изготовленная из местной глины².

Наряду с вазописцами и коропластами ювелиры также обращались к изображению танцовщиц. Выше уже упоминались нашивные бляшки и перстень с исполнительницами окласмы и калатиска. К ним следует добавить золотые бляшки из кургана Куль-Оба, о которых говорилось выше при описании кроталов в руках танцовщиц (рис. 105). Редкая для Северного Причерноморья обнаженная фигура танцовщицы украшает сердоликовую печать IV в. до н. э. из Горгиппии³.

Несомненно хоры, певцы, танцоры и музыканты участвовали в каждом более или менее крупном празднике в греческих городах Северного Причерноморья, а мусические агоны традиционно сопровождали праздники Аполлона и Диониса, а также игры на Ахилловом Дроме потому что их справляли по программе панэллинских праздников, к тому же их мифический основатель Ахилл сам любил музицировать (Ном. II. IX, 185–189; Мах. Туг. XV, 7). Местное население получало возможность слушать первоклассную музыку во время выступлений гастролеров; кроме того, многие посещали праздники с музыкальными агонами в Элладе, так что эллины на северном краю ойкумены всегда имели представление о музыке, популярной в других городах.

Итак, мусические искусства на праздниках в полисах Северного Причерноморья играли столь же важную роль, как и в прочих греческих государствах. Местные жители были знакомы с искусством выдающихся исполнителей и композиторов и, конечно, подражали им. Вероятно, северопричерноморские греки имели свои пристрастия, а музыка и танцы обладали своими особенностями. Однако об этом, как и о подлинном звучании вообще античной музыки, мы не знаем ничего определенного. Ведь сейчас древнюю музыку невозможно воспроизвести, потому что нет ни хороших нотных записей, ни полностью сохранившихся инструментов, ни знания способов игры на них.

¹ Вдовиченко И.И. Указ. соч. 1995. С. 21, 22.

² Там же. С. 68.

³ Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 446.

Но даже если бы мы услышали те произведения, которыми восторгались в древности, наш слух не воспринял бы их как нечто замечательное. Музыкальное мышление за прошедшие века изменилось до неузнаваемости, и современные художественные нормы в корне отличны от античных. Поэтому отдаленная от нас двумя тысячелетиями музыка, по всей вероятности, показалась бы теперь бессмыслицей, и, в свою очередь, древние греки не поняли бы музыки нового времени¹. В этом музыка отличается от других видов искусства. Памятники изобразительного искусства и архитектуры переживают многие века, не теряя своей эстетической ценности и находя отклик в душе поколений, разделенных тысячелетиями. Сведения же об античной музыке, пении и танцах ограничиваются в основном исследованием их роли в жизни древних, в первую очередь на праздниках. Мы знаем довольно много текстов вокальных произведений, имена выдающихся композиторов и исполнителей, а также представляем весь набор античных музыкальных инструментов и характер ряда танцев.

¹ Герцман Е.В. Указ. соч. С. 305.

ГЛАВА XIV. ПРАЗДНИКИ, КАЛЕНДАРЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Названия многих греческих месяцев образованы от наименований отмечавшихся в них празднеств¹. Обычно в связи с календарными праздниками эллины определяли время начала и окончания разных работ, исполнения государственных и религиозных должностей, периоды школьных занятий, рассчитывали всевозможные сроки, запоминали даты рождений, свадеб, смертей и др. Таким образом, календарь играл важнейшую роль в жизни любого греческого полиса и имел большое значение при проведении религиозных празднеств. Поэтому в книге о праздниках в Северном Причерноморье кажется целесообразным посвятить отдельную главу существовавшим здесь календарям и определению времени.

Месяц у греков состоял из трех декад, и счет дней велся по дням декады. У греков и римлян отсутствовал еженедельный праздничный свободный день, подобно воскресенью у христиан или субботе у иудеев. Свободными от работы были дни государственных праздников, количество которых в каждом полисе было различным.

Сутки разделялись на 24 часа, но, в отличие от современных, часы оказывались разной величины, поскольку 12 часов, отводившиеся на дневное время, продолжались от восхода до захода солнца; на оставшуюся темную часть суток также приходилось 12 часов. Следовательно, продолжительность часа изменялась в зависимости от времени года и широты пункта, в котором находился тот или иной полис. Часы с постоянной продолжительностью впервые стали использовать астрономы и космографы (Strab. II, 5, 36. С. 133).

Простейшее определение времени дня у греков состояло в измерении тени человека количеством умещавшихся на ней ступней. Существовали также солнечные часы гномон. При раскопках в Северном Причерноморье фрагменты таких часов встречаются, начиная с эллинистического периода; обычно они сделаны из белого мрамора². Лучшее всего сохранились два образца таких часов римского времени. Часы из Мирмекия поддерживают две ножки в виде звериных лап, а часы из

¹ Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 24.

² Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 145. Табл. 47, 15.

Китея украшены головой быка. Циферблаты разделены на 12 секторов соответственно количеству часов светового дня. Радиальные линии на китейских часах сходятся в одной точке справа ниже, чем слева, что объясняется наблюдениями движения Солнца в районе Китея¹. Как и измерение собственной тени, солнечные часы имели существенные ограничения при использовании: они показывали время лишь в светлую часть суток и только в солнечный день. Ночью время определялось по положению звезд, что возможно лишь в ясную погоду.

С V в. до н. э. из письменных источников известно о водяных часах, клепсидрах. Они состояли из шара с трубкой вверх и мелкими дырочками вниз. Через трубку шар наполнялся водой, которая вытекала за определенное количество времени. Античные авторы пишут о клепсидрах главным образом в связи с их употреблением в суде. Там с их помощью отмеряли время, отведенное для речей истцов и ответчиков. Вероятно, клепсидра стояла в помещении ольвийского суда, фундаменты которого открыты на агоре, и в зданиях судов других северопричерноморских городов.

В повседневной же жизни время определяли приблизительно. День делили на четыре части: утро, начинавшееся с рассвета, затем часы между 9 и 12-ю назывались временем «наибольшего наполнения агоры», потому что тогда шла торговля и происходили важнейшие деловые и прочие встречи граждан. Дион Хрисостом начинает свою «Борисфенитскую речь» словами о том, как он встретил юношу Каллистрата, когда прогуливался по берегу Гипаниса «в час наибольшего наполнения агоры». После этого наступало полуденное время, и затем часы до заката. Ночь разделяли на три части: вечер, середина ночи и предрассветные сумерки. Таким образом, каждый отрезок суток приходился на разное время, в зависимости от сезона.

Греки, как и другие народы древности, очень дорожили светлой частью дня. В городе и деревне они вставали рано, едва начинало светать. Платон в «Законах» (VII, 807 e) предписывал хозяину дома подниматься до рассвета. Такая практика подтверждается словами Исхомаха в «Экономике» Ксенофонта (XI, 14), объяснявшего своей молодой жене, что она должна встать первой на рассвете и будить слуг.

После заката солнца деловая жизнь замирала. При слабом мерцании светильников нельзя было заниматься большинством ремесел; с наступлением темноты приостанавливались сельскохозяйственные работы, дети возвращались из школы, юноши из гимнаasia, прекращались тор-

¹ *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 95; *Он же.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 360.

говля, заседания суда и пр. Городские празднества с торжественными процессиями и жертвоприношениями в основном совершались днем, но иногда включали и ночь. Например, всенощное бдение при свете факелов с пятого на шестой день Панафиней сопровождалось песнями и танцами в исполнении юношей и девушек на Акрополе. По-видимому, в ту же ночь накануне отмечавшегося 28-го Гекатомбеона дня рождения Афины проходила и лампадодромия, состязание факелоносцев¹. Мистерии, посвященные Дионису и Деметре, нередко устраивались ночью (Aristoph. Ran. 341, 371, 448). Скиф Анахарсис видел в Кизике ночное празднество Матери богов и пообещал, что справит его таким же образом у себя на родине. Он совершил это неподалеку от Ольвии в Гилее (Her. IV, 76).

Календари многих полисов значительно отличались один от другого датами начала года, названиями месяцев и системой коррекции лунного и солнечного годов. Греки определяли начало года в зависимости от четырех положений Солнца: весеннего и осеннего равноденствия и зимнего и летнего солнцестояния, поэтому греческий год при переводе на современную хронологию охватывает части двух лет. Например, в Афинах первым месяцем считался Гекатомбеон, наступавший в новолуние после летнего солнцестояния. В Милете год начинался после весеннего равноденствия, в Беотии – после зимнего солнцестояния, а в Спарте – после осеннего равноденствия².

Сохранились календари далеко не всех античных полисов. Афины, Милет, Делос, Дельфы, Родос и некоторые другие принадлежат к числу тех государств, о которых известно, каковы были у них наименования всех месяцев и их последовательность. Наиболее полные сведения о всей системе календаря в античном Северном Причерноморье относятся к Боспору и Ольвии. Оба эти государства населяли выходцы из Милета. Сначала на новой родине все продолжали культурные традиции своей метрополии. Но со временем пути их политического, экономического и культурного развития стали расходиться. Это прослеживается, в частности, и на отношении к счислению времени.

Первоначально большинство северопричерноморских греков жили по милетскому календарю, в котором год начинался с весеннего равноденствия. Как и у всех эллинов, здесь год делился на 12 месяцев, ка-

¹ Parke H.W. Op. cit. P.49; Neils J. The Panathenaia. An Introduction // Goddess and Polis. New-Jersey. 1992. P. 15.

² Биккерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 16, 17; Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 99–106.

ждый из них длился от одного новолуния до другого 29 или 30 дней и соответствовал последней и первой частям теперешних месяцев.

Наблюдения небесных светил показывали, что количество дней в 12 греческих месяцах отстает от солнечного года. Поэтому раз в несколько лет один из месяцев повторялся. В Ольвии им был открывающий год Тавреон¹. Сейчас не известно, кто и как принимал решение о дополнительном месяце в том или ином году; можно лишь констатировать стремление греков согласовать гражданский календарь с естественным, регулируемым наблюдениями Солнца и звезд. Косвенным свидетельством астрономических наблюдений в Северном Причерноморье могут служить мраморные солнечные часы из Китея, на которых, как уже говорилось, радиальные линии расположены с учетом положения Солнца в небе этого района.

Возможно, астрономические наблюдения велись при храмах Аполлона, бога-покровителя календаря. В Ольвии и Пантикапее храмы Аполлона играли выдающуюся роль в жизни этих городов. Здесь могли храниться привезенные из Эллады звездные календари, в которых при помощи деления карты неба на знаки Зодиака указывалось ежедневное продвижение Солнца. Греческие астрономы разработали несложные способы перевода звездного календаря на любой местный гражданский².

Граффито на скифосе V в. до н. э., найденное в 1975 г. в Ольвии, содержит редчайшее перечисление всех месяцев: Тавреон (март – апрель), Таргелион (апрель – май), Каламайон (май – июнь), Панемос (июнь – июль), Метагейтнийон (июль – август), Боздромион (август – сентябрь), Кианепсион (сентябрь – октябрь), Апатурион (октябрь – ноябрь), Посейдион (ноябрь – декабрь), Ленеон (декабрь – январь), Антестерион (январь – февраль), Артемисион (февраль – март)³. Эта надпись сохранила наилучшее свидетельство о том, что ольвиополиты и жители других ионийских колоний Северного Причерноморья считали время по календарю, идентичному милетскому. Упоминание отдельных месяцев с теми же названиями в эпиграфических памятниках эллинистического

¹ Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 49; Русяева А.С. Календарь Ольвии Понтийской. История и методика исследования // ВДИ. 2003. № 2. С. 116.

² Биккерман Э. Указ. соч. С. 53.

³ Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Указ. соч. С. 37, 38; Русяева А.С. Календарь Ольвии... С. 112–117.

и римского времени показывает, что календарь в Тире и Ольвии всегда оставался неизменным¹.

Безусловно, жизнь боспорских городов также начиналась по милетскому календарю. Так продолжалось до рубежа II–I вв. до н. э., когда царь Митридат Эвпатор заменил этот календарь македонским². От него в надписях римского времени сохранились наименования всех месяцев (КБН. С. 846), а от первого уцелели лишь три начальных: Тавреон, начинавшийся, по-видимому, с мартовского весеннего равноденствия, и следовавшие за ним Таргелион и Каламайон. Единственный источник с упоминанием месяцев милетского календаря на Боспоре это граффити на стене святилища в Нимфее. Там авторы надписей, жившие во второй половине III – начале II в. до н. э., записывали даты отправления и прибытия кораблей³. Остальные месяцы можно восстановить по имеющимся эпиграфическим памятникам Милета и Ольвии.

Македонский календарь широко распространился в греческом мире после завоеваний Александра Македонского. Названия месяцев и начало года отличались от милетских. Год начинался с осеннего равноденствия, а после смерти императора Августа – со дня его рождения, 23 сентября. В боспорских надписях I–IV вв. неоднократно упоминаются все 12 месяцев: Диос (сентябрь – октябрь), Апеллайос (октябрь – ноябрь), Авдинайос (ноябрь – декабрь), Перитиос (декабрь – январь), Дистрос (январь – февраль), Ксандикос (февраль – март), Артемисиос (март – апрель), Даисиос (апрель – май), Панемос (май – июнь), Лойос (июнь – июль), Горпиейос (июль – август) и Гиперберетейос (август – сентябрь).

Введение нового календаря на Боспоре существенно повлияло на общественную и частную жизнь. Всем жителям надо было привыкать по-новому рассчитывать всевозможные сроки, датировать события и пр. Названия лишь двух месяцев, Панемоса и Артемисиона, оставались прежними, но они не совпадали по времени, перейдя на следующие по порядку месяцы. В связи с этим встает вопрос о том, передвинулись ли

¹ IPE I². 2, 4, 33, 35, 39, 40, 44, 45, 47, 49; HO. 42, 47, 75; *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 61.

² *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. №3. С. 42, 43; *Скржинская М.В.* Счисление времени в античных городах Северного Причерноморья // *Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой.* М., 2001. С. 364–366; *Габелко О.Л.* О летосчислении на Боспоре в правление Митридата Евпатора // *Древности Боспора.* № 10. М., 2006. С. 139.

³ *Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. №1. С. 87; *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире.* М, 1995. С. 259–260.

сроки традиционных боспорских празднеств и были ли введены новые – соответственно названиям месяцев. Возможно, сначала новый календарь и летосчисление коснулись лишь гражданского года, а религиозный оставался прежним, подобно тому, как теперь отмечаются праздники в православной церкви. Наверное, нововведение Митридата сначала вызывало неприятие местного населения, однако, введенное насильно новшество привилось, а календарь больше не изменялся до конца античности. По сравнению с милетскими другими стали не только названия месяцев, скорее всего, и числа не соответствовали прежним. Например, сражение при Платеях в 427 г. до н. э. произошло 4-го Боэдромиона по афинскому календарю и за 4 дня до окончания месяца Панемоса по бейотийскому. Сообщая об этом, Плутарх писал: «Несовпадению дней не следует удивляться, ведь даже теперь (II в. н. э. – М.С.), когда познания в астрономии стали основательнее, в разных местах по-разному исчисляются начало и конец месяца» (Plut. Arist. 19).

Херсонес, единственная дорийская колония в Северном Причерноморье, пользовался календарем своей метрополии Гераклеи Понтийской. В херсонесских надписях упоминаются пять месяцев: Гераклеос, Дионисиос, Латойос, Эвклеийос и Ликейос (IRE P². 357–359, 361, 402)¹. Из-за плохой сохранности дорийских календарей сейчас невозможно точно определить последовательность херсонесских месяцев и соответствие их нынешним. Предположительно Дионисиос начинался в феврале, Эвклеийос – в марте, Ликейос – в мае, а Латойос – в июле². Может быть, три первых буквы месяца, сохранившиеся в одном декрете, следует восстановить не как известный по другим надписям месяц Гераклеос, а как Герайос, то есть месяц, посвященный Гере, который в некоторых дорийских городах соответствовал сентябрю – октябрю³. Одни исследователи полагают, что год в Херсонесе начинался с Герайоса в осеннее равноденствие, а другие уверены, что с начала марта, и называют Эвклеийос последним месяцем года⁴.

Наименования месяцев в Ольвии и Тире говорят о том, что в милетских колониях, по крайней мере, в первые десятилетия их

¹ Суров Е.Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. №3. С. 154–158; Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным декрета 174 г. н. э. в честь Тита Кальпурния Аполлониды // ВДИ. 1995. №4. С. 62–63.

² Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996. С. 141–145.

³ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 17; Кадеев В.И. Указ. соч. С. 145.

⁴ Кадеев В.И. Указ соч. С. 144; Антонова И.А., Яйленко В.П. Указ. соч. С. 70.

существования, по традиции предков, устраивали ряд празднеств. Названия трех месяцев связаны с торжествами в честь Аполлона. Весной в Таргелионе отмечали дни рождения этого бога и его сестры Артемиды, принося им в жертву кашу «таргелос», сваренную из разных злаков и овощей. В Боздромиионе Аполлона чествовали как военного бога, помощника в битвах. В сентябре проходил соименный месяцу праздник Кианепсии, во время которого готовили для Аполлона блюдо из чечевицы, бобов и овощей. В этом месяце Аполлон олицетворял бога, способствовавшего урожаю плодов и злаков. Кианепсион, включавший осеннее равноденствие, считался поворотом к зиме, когда Аполлон, по верованиям эллинов, отправлялся на несколько месяцев к сказочному племени гипербореев, обитавшему где-то к северу от городов Северного Причерноморья.

Широко распространенный у ионийцев праздник Апатурии справляли в соименный месяц. Торжества проходили после завершения земледельческих работ. Во время Апатурий отцы вносили детей в списки граждан и представляли гражданской общине своих сыновей–подростков. В месяцах Ленеон и Антестерион прославляли Диониса, в Посейдионе – Посейдона и заключали год праздником, посвященным Артемиде.

Херсонесский календарь показывает, что здесь отмечали Дионисии, чтили Аполлона Ликейского и его мать Латону, поклонялись божеству с эпиклезой Эвклеос, то есть славный (это могли быть либо Зевс, либо Артемиде), и Гераклу, в честь которого была названа метрополия Херсонеса Гераклея Понтийская.

Должностные лица и выборные жрецы в Греции и Риме, как правило, исполняли свои обязанности один год. Постоянство их ежегодной службы дало толчок для использования этого срока в качестве хронологической единицы, и гражданский год стал тождественным по продолжительности срока службы одного из магистратов или жрецов, именем которого назывался данный год. Эти лица назывались эпонимами. В Афинах ими становились архонты, в других городах – жрецы, стратеги, пританы, цари и другие. Время их вступления в должность могло не совпадать с началом года. Например, в Риме эпонимами были два консула, приступавшие к своим обязанностям первого января. Эта дата начала нового года до сих пор принята в европейских и американских государствах. Однако названия сохранившихся в нашем календаре римских месяцев октябрь, ноябрь, декабрь (восьмой, девятый, десятый) указывают, что год некогда начинался с марта (Plut. Mor. 268 a).

В каждом городе существовали списки эпонимов¹, некоторые из них сохранились либо в надписях, либо переписаны в сочинениях античных авторов. Например, Диодор Сицилийский включил в свою «Библиотеку» список афинских архонтов от войны с персами (с начала V в. до н. э.) до 302 г. до н. э., а в Милете найдена стела со списком эпонимов, начиная с 525 г. до н. э.. Надпись на ней исполнена в 334 г. до н. э., а затем на свободном месте там ежегодно дополняли новые имена².

Для перевода античных дат в современные необходимо связать список эпонимов с абсолютной хронологией. Это бывает возможно, если в нем обнаруживается синхронизм с ранее известными датами. В списке эпонимов Милета такой оказалась запись об исполнении должности стефанофора Александром Македонским. Из других источников известно, что это было в 333 г. до н. э. Так удалось датировать весь ряд милетских эпонимов с 525 по 314 г. до н. э. и получить хронологическую канву для истории Ионии более, чем на двести лет.

Путем перекрестных сопоставлений надписей и свидетельств древних авторов установлен список афинских архонтов с 496 по 293 г. до н. э.³ Поэтому нам известны годы и даже месяцы издания афинских декретов в честь боспорских царей. Постановление о привилегиях, данных Спартоку и Перисаду, написано при архонте Фемистокле в восьмое пританство Эгеиды, т. е. в апреле 346 г. до н. э., а декрет в честь другого царя Спартока, сына Евмела, относится к февралю 288 г. до н. э., ибо в его заглавии сказано: «при архонте Диотиме в седьмое пританство Антигониды... в последний день Гамелиона» (МИС. 3, 4).

В начальный период существования Ольвии здесь, по образцу милетского, организовался аристократический союз мольпов, и хронология велась по именам стоявших во главе него айсимнетов. В III в. до н. э. функция эпонимов перешла к жрецам Аполлона Дельфиния, а в римское время эпонимами стали гражданские магистраты – первые архонты⁴. На Боспоре с классического периода годы назывались именами первых архонтов, а затем царей, которые сначала также именовались первыми архонтами. В Херсонесе эпонимами были лица, исполнявшие религиозную функцию «царей».

¹ Возможно, одна ольвийская надпись (IPE P². 201), исполненная на рубеже II и I вв. до н. э., представляет собой диахронный каталог ольвийских жрецов-эпонимов. См.: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 220.

² *Биккерман Э.* Указ. соч. С. 62.

³ Там же. С. 62, 65, 204, 205.

⁴ *Карышковский П.О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82–96.

К сожалению, ни один список эпонимов городов Северного Причерноморья не сохранился, поэтому точные годы документов, датированных эпонимами, удастся определить в редчайших случаях. Таков, например, договор о дружбе и союзе Херсонеса с правителем Понта Фарнаком I, который обязался оказать помощь херсонеситам при угрозе со стороны скифов (IPE I². 402). В надписи зафиксированы две даты: херсонесская определена именем царя-эпонима Аполлодора, сына Горгита, и понтийская, по принятому там счислению лет, – 157 год месяца Даисиоса. Месяцы и годы понтийской эры хорошо синхронизируются с современным летосчислением, поэтому дата договора определяется апрелем – маем 179 г. до н. э.

В эллинистический период в ряде греческих государств на Ближнем Востоке и в Малой Азии возникла датировка по эрам. Затем различные эры (от латинского слова аега – число, цифра) стали принимать правители во всем античном мире. Счет лет велся от определенной даты, а в качестве основной единицы счисления употреблялся единообразный год. Напомним, что до этого год у греков из-за вставных месяцев охватывал разные промежутки времени.

Счисление по эрам, заимствованное на Ближнем Востоке, впервые применил соратник Александра Македонского Селевк I, распорядившийся начать счет времени по годам своего наместничества в этом регионе (308– 280 гг. до н. э.). Его преемники продолжили эту традицию, и таким счислением пользовались много веков. Селевкидскую эру употребляли арабские астрономы, а в некоторых районах Ближнего Востока она дожила до XX века¹.

Эра, по которой мы живем до сих пор, была установлена в VI в. н. э. По ней отсчитываются годы от Рождества Христова², а первое число года восходит к римской традиции считать началом гражданского года дату вступления в должность консулов, которые давали имя году.

Упомянутый царь Фарнак I считал годы понтийской эры с 337/36 г. до н. э., когда на престол взошел основатель династии Митридат Киосский. Преемник Фарнака Митридат II перевел летосчисление в своем государстве на вифинскую эру, начинавшуюся в 297/96 г. до н. э. Когда понтийский царь Митридат VI Эвпатор подчинил себе Боспор, он ввел здесь в первой половине I в. до н. э. македонский

¹ Биккерман Э. Указ. соч. С. 66.

² Современные ученые установили, что на самом деле Христос родился между 6 и 2 годами до н. э. Обычно исследователи принимают дату 4 год до н. э. См.: Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С.600, 606.

календарь и летосчисление, принятое на его родине и в соседней Вифинии¹.

Древнейшие сохранившиеся боспорские памятники, датированные такой эрой, представляют золотые статеры, выпущенные при Фарнаке, сыне Митридата VI. На монетах с портретом этого царя стоят даты с 244 по 247 годы, что соответствует 54–51 гг. до н. э. В Боспорском царстве, чаще, чем в других государствах Северного Причерноморья, встречаются надписи с указанием числа, месяца и года. Точные даты называли в текстах на постаментах статуй, на почетных стелах и надгробиях, на документах об отпуске рабов на волю, в надписях с перечислением членов различных союзов и надписях о строительстве и восстановлении храмов и оборонительных сооружений.

В римский период Херсонес, Тира и, возможно, Ольвия вводили счисление лет по своим эрам. Херсонесская эра начиналась в 25 или 24 г. до н. э. Высказывается два предположения о событии, положившем ее начало. Согласно одной гипотезе, в 24 г. до н. э. херсонеситы победили царя Асандра, пытавшегося полностью подчинить Херсонес Боспору². По другому предположению, в 25 или 24 году император Август утвердил элевтерию (статус свободного города), которая была дана херсонеситам Цезарем, а затем отменена Антонием³.

Эра, принятая в Тире, начиналась в 56 или 57 г. н. э. Это устанавливается по двум надписям II в. с датами тирской эры и ссылкой на римских консулов тех лет (IPE I². 2, 4)⁴. Тирская эра начиналась, вероятно, с года дарования Римом элевтерии. Ведь надписи и монеты показывают, что римляне в I в. включили Тиру в орбиту своего политического влияния⁵.

Относительно Ольвии трудно сказать, принималась ли там местная эра. На ольвийских монетах I в. н. э. с изображением Зевса на аверсе и орла на реверсе имеются цифровые обозначения от 6 до 9. Некоторые ученые полагают, что это – даты ольвийской эры, начинавшейся в 46 г.⁶ Другие источники об ольвийской эре пока не найдены, и это заставляет думать, что в Ольвии счет лет по ее эре либо вовсе не существовал, либо велся недолго. Сохранившиеся надписи римского времени традиционно

¹ Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 68.

² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 75, 76.

³ Кадеев В.И. Херсонес Таврический. С.7,8.

⁴ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Указ. соч. С. 90–92.

⁵ Давня історія України. Т. 2. Київ, 1998. С. 415, 416.

⁶ Анохин В.А. К вопросу об ольвийской эре // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1971. № 4. С. 90.

датируются только именами эпонимов, которыми в этот период были первые архонты.

Датировки по эрам не отменили названий лет по эпонимам. В Херсонесе рядом с годом называли имя жреца Девы, в Тире – первого архонта, а на Боспоре – царя. Столь подробная датировка, нередко с перечислением ряда магистратов текущего года, характерна для официальных документов, особенно для почетных декретов. Например, гераклеец Папий в 129/130 г. н. э. получил в Херсонесе проксению «в царствование Девы в 155 году при жреце Тите Флавии Ксанфе, сыне Насона, месяца Латоя, 10-го дня». Постановление Совета и Народа Тиря об увенчании некоего Коккея золотым венком и рельефным изображением в 181 г. принято «за 5 дней до майских календ в консульство императора Коммода в третий раз и Актистия Бурра, а по счету тирян в 125 году при архонте Феодоре, сыне Воифа с товарищами, месяца Артемисиона, 30-го дня». В 82 г. н. э. в Пантикапее союз почитателей Зевса и Геры поставил в честь этих богов мраморную стелу «в царствование Тиберия Юлия Рескупорида... в 379 году, месяце Перитии, 20-го» (IPE I². 2; КБН. 76)¹.

Боспорские надписи показывают, как развивалось стремление все более точно определять время тех или иных событий не только в официальных документах, но и в повседневной жизни. Об этом свидетельствуют указания года, месяца и часто дня в надписях I–IV вв., сообщающих о постройке частными лицами молелен, храмов, склепов (КБН. 64, 335, 734, 1115 и др.) и об установке различных памятников, главным образом надгробных (КБН. 628, 656, 675, 975 и др.). Стоит отметить, что такие датированные надписи делали не только граждане, но и неполноправные жители Боспора (КБН. 710). В целом в эпиграфике Боспора чаще, чем других областях Северного Причерноморья, встречаются надписи с указанием числа, месяца и года. К настоящему времени их найдено около сотни. Это почетные стелы, манумиссии, надгробия, надписи о строительстве и восстановлении храмов и оборонительных сооружений, постаменты статуй, документы различных союзов.

Иная картина наблюдается в Ольвии. В эллинистический период, когда в боспорских надписях постоянно указывается имя правящего царя, в ольвийских декретах часто названо лишь число без месяца и даже без эпонима года, так что вскоре забывалось время издания постановления. Большие и чрезвычайно важные с точки зрения ольвиополитов декреты в честь Протогена и Антестерия датированы только двадцатым и шестнадцатым числом. Лишь в исключительных случаях (пока их известно

¹ Суров Е.Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154–158.

всего два) в ольвийских надписях эллинистического времени названы имя эпонима года, месяц и число (IPE P. 33, 35).

В римское время, когда повсюду распространилась точная датировка официальных документов, ольвиополиты указывали число, месяц и год по архонту-эпониму лишь в постановлениях Совета и Народного собрания. В надписях же коллегий стратегов, агораномов и частных лиц упоминается только эпоним года, и то далеко не всегда. Из этого можно заключить, что, в отличие от боспорян, ольвиополиты в частной жизни редко прибегали к точным датировкам тех или иных событий.

Греческие историки издавна пытались синхронизировать события, даты которых определялись по местным календарям. Боспорские историки, наряду с местной, вероятно, пользовались афинской хронологией. На это указывают главы из «Библиотеки» Диодора Сицилийского, где деяния боспорских царей V–IV вв. до н. э. датированы по афинским архонтам–эпонимам. Таким образом, история Боспора вводилась в контекст истории Эллады. Ведь благодаря политическому и экономическому влиянию Афин в античном мире их летосчисление было широко известно и синхронизировано со многими греческими календарями. Не случайно также, что события на Боспоре, датированные по афинским архонтам, приходятся на период наивысшего расцвета боспоро-афинских связей.

Начиная с трудов Эратосфена (276–194 гг. до н. э.), греческая книжная хронология по большей части строилась на датах Олимпиад. Таким образом, сохранялась идущая с глубокой древности традиция определения дат в связи с выдающимися праздниками. Имелось немало списков Олимпиад, в которых указывались разнообразные события во всем греческом мире. Наиболее полный список сохранился в «Хронике» Евсевия. Под первым годом 34-й Олимпиады (647/46 г. до н. э.) в нем названо основание Борисфена – поселения на о. Березань. Эта дата восходит к милетским документам о выводе колоний, и ее, безусловно, всегда помнили в Ольвийском полисе. В Тире и на Боспоре также хранились ныне утраченные сведения о годах основания милетскими колонистами поселений в устье Тираса и на берегах Керченского пролива. Древние милетские даты синхронизировали с местными списками эпонимов, а позже с тирской и боспорской эрами.

Итак, счисление времени в Северном Причерноморье было тесно связано с датами религиозных праздников и шло в русле развития хронологии в греческой ойкумене. В римский период жители Боспорского царства ближе всего подошли к бытующим в наше время представлениям о точной датировке события.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой работы перед читателем прошла череда праздников, которые составляли существенную часть жизни эллинов, поселившихся на самом северном краю греческой ойкумены. Конечно, картина получилась далеко не полная, отчасти потому что автор исследования, вероятно, не сумел извлечь все возможное из относящихся к теме источников, но главным образом потому, что уцелевшие письменные и материальные памятники в состоянии приоткрыть лишь сравнительно небольшую часть этой области античной культуры. Ведь праздник воплощался в разнообразных ритуалах, сопровождавшихся пением, танцами, устной импровизацией, а они с трудом поддавались описанию в античной литературе или воспроизведению на предметах искусства.

Что касается относящихся к праздникам изображений, то большинство из найденных в Северном Причерноморье представляют импортные предметы, и потому они характеризуют вообще греческий праздник, а не его местные особенности. В литературных и эпиграфических источниках не сохранилось ни одного описания местных праздников. Их называют в надписях обычно в связи с оглашавшимися во время торжеств награждениями, либо в каталогах победителей на местных агонах¹. Древние авторы говорят об интересующих нас праздниках лишь вскользь в связи с другими событиями. Геродот (IV, 76) в новелле о царе Скиле упомянул дионисийские шествия на улицах Ольвии, Павел Оросий (VI, 5,4) написал о разрушительном землетрясении на Боспоре во время праздника Деметры в 63 г. до н. э., а Диодор Сицилийский (XII, 25) рассказал о гибели боспорского царя Евмела, спешившего из Синдики на праздник в Пантикапей.

Археологические находки свидетельствуют о культах множества богов на северных берегах Понта, и каждому из них в древности посвящался свой праздник. Однако, точные наименования известны лишь относительно нескольких крупных праздников; это Дионисии в Ольвии и в Херсонесе, Парфении в Херсонесе, Апатурии на Боспоре, Гермеи в Горгиипии. С большой долей вероятности можно говорить, что празд-

¹ В тексте «Заключения» здесь и далее не даются ссылки на источники и научную литературу, которые были приведены в соответствующих главах; в примечаниях будут указаны лишь не использованные в основном тексте работы.

ники в местных гимнасиях назывались Гермейями, а игры на Ахилловом Дроме – Ахиллеями. Не сохранились официальные названия даже главных праздников Аполлона в Тире, Ольвии и на Боспоре.

Несмотря на скудость письменных источников и сравнительно небольшой круг материальных памятников, они все же смогли немало рассказать о греческих праздниках в Северном Причерноморье. Ведь местная религия и культура были частью великой античной цивилизации, и потому даже самое краткое упоминание в надписях, например, о Дионисиях вместе с находками остатков театра, статуэтками и моделями масок актеров дают возможность сопоставить это со всем тем, что вообще известно о праздниках такого рода. Сказанное объясняет, почему больше удалось описать те черты праздников в Северном Причерноморье, которые роднят их с торжествами в Элладе, чем местные особенности, отличавшие каждый праздник. Почти полное отсутствие сведений о праздничных обычаях соседних народов не позволяет узнать, оказывали ли они хоть какое-то влияние на проведение праздников в античных государствах на северных берегах Понта Эвксинского.

Присущие этому региону некоторые своеобразные черты праздников выделены на основании комплексного анализа разных источников. Так как здесь большинство колоний были милетскими, то в них первоначально всюду справляли сходные праздники, в которых превалировали ионийские ритуалы. Это подтверждается постройками древнейших храмов и алтарей в ионическом ордере вплоть до середины V в. до н. э., а также названиями месяцев, идентичными милетским: ведь греческие наименования большинства месяцев произведены от справлявшихся в них праздников.

Вскоре после возникновения колоний каждая пошла своим особым путем исторического развития, что в частности отразилось и на праздниках. Сначала во всех милетских колониях Северного и Западного Причерноморья главный государственный праздник посвящался Аполлону Врачу. В Ольвии его вскоре заменили иной ипостасью бога (Дельфиний) и соответственно другими ритуалами, а на Боспоре такой замены не было. Зато там на рубеже II–I вв. до н. э. ввели новый календарь, и вся система праздников стала кардинально меняться; в Ольвии же и в Тире таких решительных перемен не происходило.

Во многом по-иному справляли праздники в Херсонесе, придерживавшемся дорийских традиций своей метрополии Гераклеи. Херсонеситы на главном празднике Парфении чествовали Артемиду с эпиклезой Дева, считая ее покровительницей своего города.

Заключение

Сложение в Северном Причерноморье своей архитектурной школы¹ можно рассмотреть как косвенное доказательство развития местных особенностей праздников. Это проявилось в строительстве храмов; к ним направлялись праздничные шествия, около них совершался главный ритуал праздника – жертвоприношение, и трудно думать, что местные черты нес только храм, а не вместе с ним также и совершавшиеся здесь церемонии.

Характер государственного устройства тоже влиял на некоторые праздничные обычаи. Например, в Тире, Ольвии и Херсонесе, где преобладала демократическая форма правления, во время многолюдных празднеств выдающиеся граждане увенчивались золотыми венками, а в Боспорском царстве этого не было.

В V–IV вв. до н. э. во многих областях экономической и культурной жизни полисов Северного Причерноморья сказывалось заметное влияние Афин². Весьма вероятно это отразилось и на проведении праздников, ведь Афины повсюду славилась умением блестящей организации своих торжеств. В классический и эллинистический периоды многие граждане Боспора и Ольвии постоянно посещали Афины³, поэтому было не трудно заимствовать там опыт проведения того или иного праздника, например, Дионисий.

По своему значению праздники выстраивались в определенную иерархическую лестницу; ее вершину занимали главные государственные торжества, в которых принимала участие вся гражданская община. Не случайно именно о них уцелело больше всего сведений, и потому удалось в основных чертах описать главные государственные праздники Аполлона в Ольвии и Пантикапее, Артемиды – в Херсонесе, Афродиты – на азиатской части Боспора.

Дионисии входили в число любимейших праздников всех эллинов, и в этом отношении государства на северном краю ойкумены не составляли исключения. Так же, как всюду в Элладе и в ее колониях, здесь строили театры для агоний и других торжественных церемоний на Дионисиях, и во время этого праздника награждали своих граждан и иностранцев за выдающиеся услуги, оказанные государству. Церемония подобных на-

¹ Буйских А.В. О местной архитектурной школе в Северном Причерноморье // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 87–98.

² Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.

³ Скржинская М.В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. №2. С. 133–143.

граждений сопутствовала и другим важнейшим праздникам, например, Парфениям в Херсонесе и Ахиллеям на Тендровской косе.

Каждый греческий полис вкладывал большие средства в организацию государственных праздников; их устроители стремились порадовать своих соотечественников прекрасными зрелищами, музыкой, различными агонами, а также произвести впечатление всем этим на иностранцев (Thuc. VI, 16). О присутствии иностранцев на праздниках в Северном Причерноморье свидетельствуют декреты о венчании золотыми венками граждан из других городов во время главных городских торжеств. Судя по именам в почетных декретах, можно с уверенностью говорить о том, что греки с северных берегов Понта отправлялись на разные праздники в Причерноморье и Средиземноморье.

Большинство греческих праздников было открыто для участия всех полноправных членов государства, а также граждан тех полисов, с которыми существовал договор о равных гражданских правах. Это указано, например, в декрете об исополитии Милета и Ольвии. Однако, существовали и такие праздники, на которые допускали лишь посвященных. В основном это были мистерии, и их также справляли в городах Северного Причерноморья. Здесь известны мистерии Деметры и Кору, Диониса, Кабирова и Кибелы. Некоторые из посвященных в таинства, особенно жрецы, посещали праздники этих богов в Самофракии и в Элевсине, а затем повторяли на родине тайные обряды. Есть надежные свидетельства, что среди боспорян в течение многих веков находились мужчины и женщины, приобщенные к самым знаменитым в античном мире Элевсинским мистериям. Они, по свидетельству древних авторов, оказывали на посвященных высоко нравственное влияние, и оно, безусловно, ощущалось и в Северном Причерноморье.

Крупные праздники, как правило, сопровождались разнообразными агонами. Вероятно, древнейшие из них в колониях Северного Причерноморья появились на праздниках Аполлона, считавшегося у эллинов победителем на разных музыкальных и атлетических состязаниях. Изучение надписей показывает, что здесь практиковались все виды античных спортивных соревнований. Юные атлеты начинали выступать на праздниках, посвященных Гермесу в местных гимназиях, затем переходили на главные состязания своей родины, а лучшие ездили на праздничные агоны в другие города.

В этой работе впервые собраны вместе разнообразные свидетельства о том, что граждане государств Северного Причерноморья постоянно посещали крупнейшие торжества Эллады: праздники Аполлона в Милете, Дельфах и на острове Делосе, Панафиней, Анакии и Элевсинские мис-

Заключение

терии в Аттике, Истмийские игры близ Коринфа и мистерии Кабиров на Самофракии. Там собирались эллины из множества государств, и, участвуя в одном празднике, они, как никогда, ощущали свое этническое и культурное единство. Такие праздники давали возможность узнавать новости со всех концов ойкумены и затем сообщать их на родине; здесь обменивались всевозможными сведениями о торговле, войнах, мореходстве, о жизни народов в дальних странах, которые посещали греки. На панэллинских праздниках жители Северного Причерноморья в основном бывали зрителями, порой почетными, которых удостоивали наград или права занимать лучшие места в театре и на стадионе, о чем известно из афинских, дельфийских и делосских декретов. Некоторые граждане принимали активное участие в этих праздниках: они завоевывали призы на атлетических состязаниях, готовили хоры к праздничным выступлениям, исполняли тайные обряды во время мистерий.

Итак, праздники в античных государствах Северного Причерноморья, как и во всем эллинском мире, имели религиозное содержание и занимали важное место в жизни граждан. Во время главных праздников каждый чувствовал непосредственную причастность к своей общине, и таким образом праздник сплачивал всех граждан перед лицом отеческих богов. Это было особенно важно для полисов, находившихся в варварском окружении. Исполняя праздничные ритуалы, сходные с проводившимися в Элладе, эллины на краю греческой ойкумены ощущали свое религиозное и культурное единство со всем греческим миром.

Праздник давал всем психологическую разрядку и отдохновение от ежедневных трудов и забот. Следует отметить также существенное образовательное значение многих древнегреческих праздников. Во время драматических агонов зрители знакомились с новыми пьесами, а также вновь смотрели и слушали произведения классиков. На состязании рапсодов все заново вспоминали эпические поэмы Троянского и других циклов, а музыкальные соревнования давали возможность услышать лучших исполнителей современной и старинной музыки. Приуроченные к праздникам выступления ораторов и софистов приобщали слушателей к философским и политическим знаниям того времени.

Греческие праздники с их развитой системой разнообразных мусических и атлетических агонов давали многим гражданам возможность продемонстрировать свои таланты и способности, утвердить престижный статус в обществе и заслужить славу. Награды победителям, хотя и представляли в ряде случаев значительную материальную ценность, в первую очередь служили всеобщему признанию у себя на родине и за ее пределами.

Греки особенно гордились своими главными государственными праздниками, стремились их сделать красивыми и пышными, превзойти в этом своих соседей и соперников. В небольших полисах, какими были колонии Северного Причерноморья, образцами для подражания служили праздники в метрополии, в Афинах и главные панэгерии. Недаром в эллинистический период появилось немало праздников, «равных Пифийским», и среди них Ахиллеи под патронатом Ольвии.

Нам удалось только в общих чертах реконструировать ряд древнегреческих праздников. Каждое торжество имело особую программу и установившиеся традиции (Arist. Ath. Pol. 60); в то же время оформление праздников, музыка, танцы, агоны постоянно обновлялись, так что один и тот же праздник не оставался чем-то неизменным. Однако такие подробности почти не удастся проследить при исследовании праздников в Северном Причерноморье.

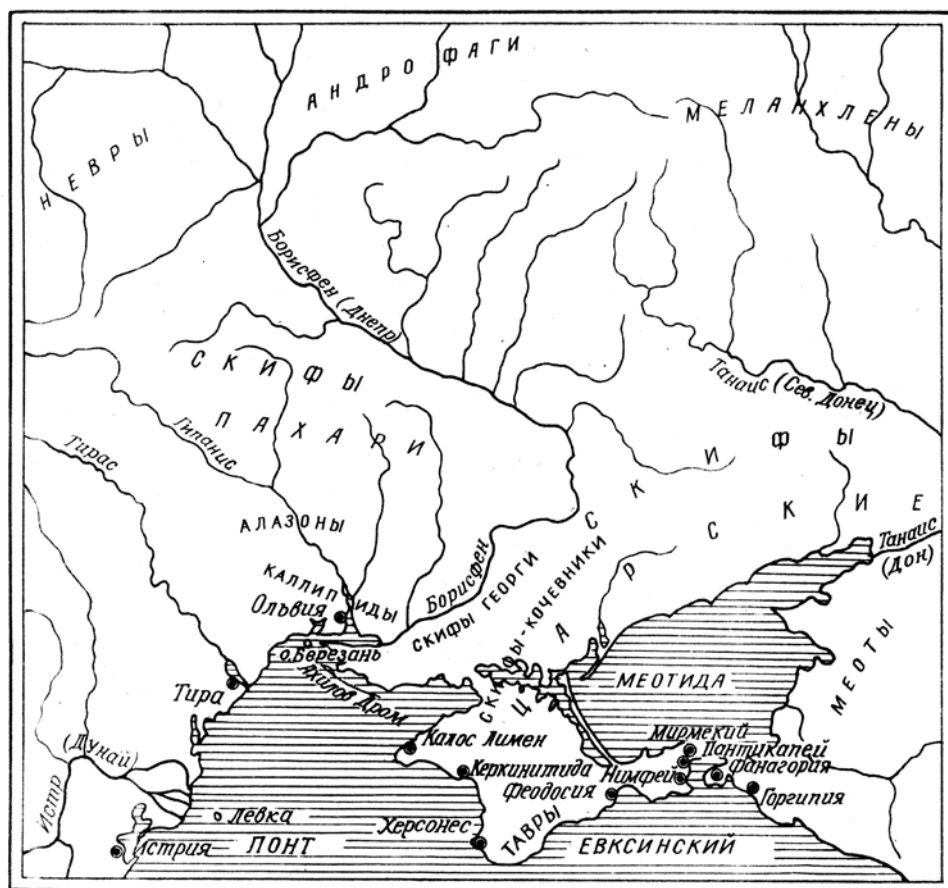

Рис. 1. Карта. Античные города Северного Причерноморья и их соседи в V–IV вв. до н. э.

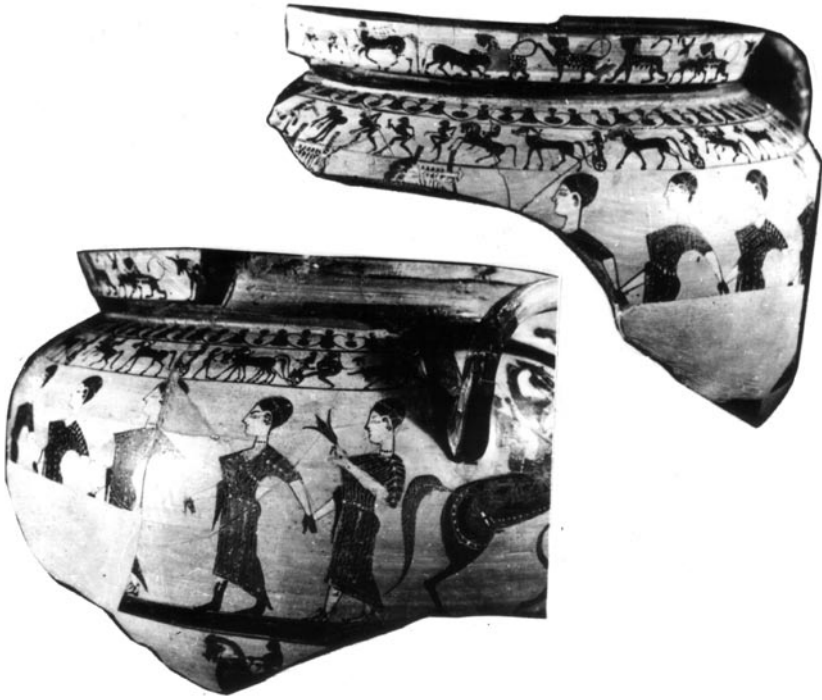

Рис. 2. Праздничное шествие. Фрагмент клазоменского кратера, найденного на о. Березань. Первая треть VI в. до н. э.

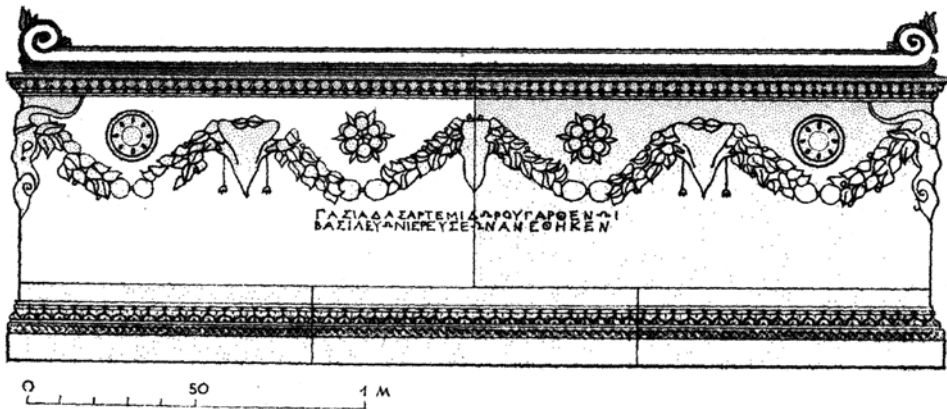

Рис. 3. Мраморный алтарь IV в. до н. э. из Херсонеса. Реконструкция И.Р. Пичикяна.

*Рис. 4. Известняковый алтарь V в. до н. э.
на Центральном теменосе Ольвии.*

*Рис. 5. Известняковый алтарь III–II вв. до н. э.
на Западном теменосе Ольвии.*

Рис. 6. Мраморный алтарь эллинистического времени из Ольвии. Реконструкция А.В. Круглова.

Рис. 7. Жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика из кургана Бакса близ Пантикапея. Конец V в. до н. э.

Рис. 8. Возлияние у алтаря. Рисунок на стеле с ольвийским декретом римского времени.

Рис. 9. Свинцовые букрании IV–II вв. до н. э. из Ольвии.

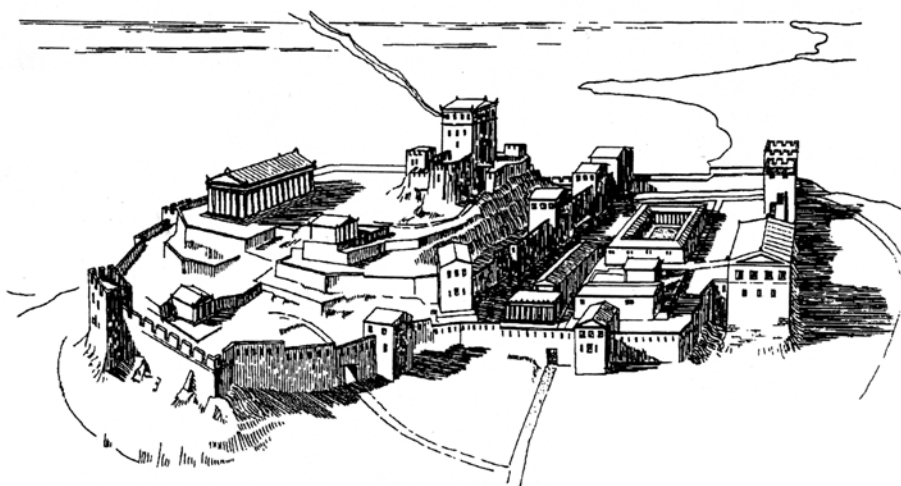

*Рис. 10. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея.
Реконструкция В.П. Толстикова.*

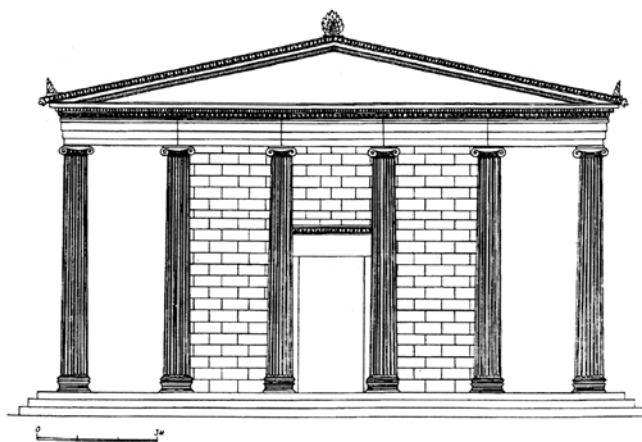

*Рис. 11. Пантикапейский храм Аполлона. V в. до н. э.
Реконструкция И.Р. Пичикяна.*

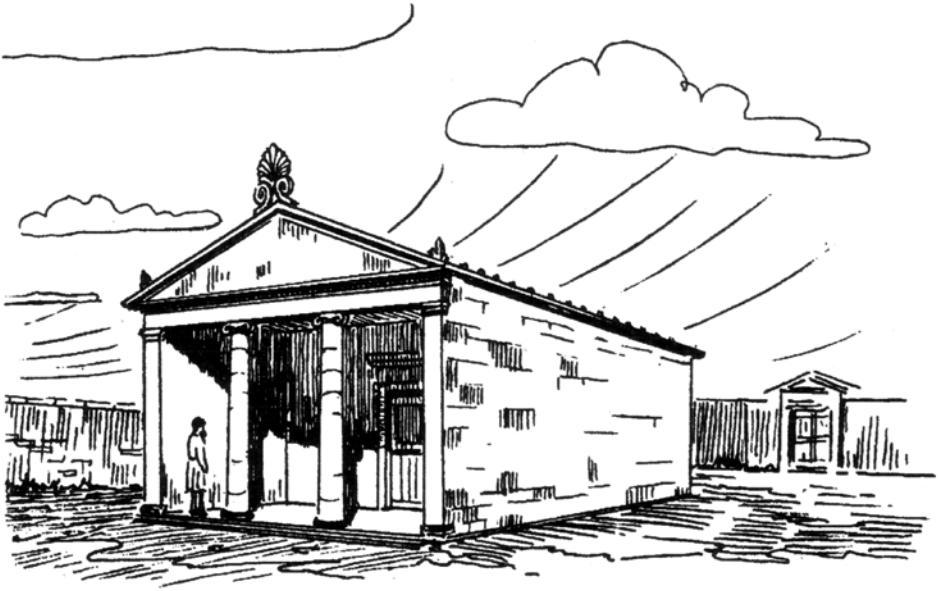

Рис. 12. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии в V в. до н. э. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

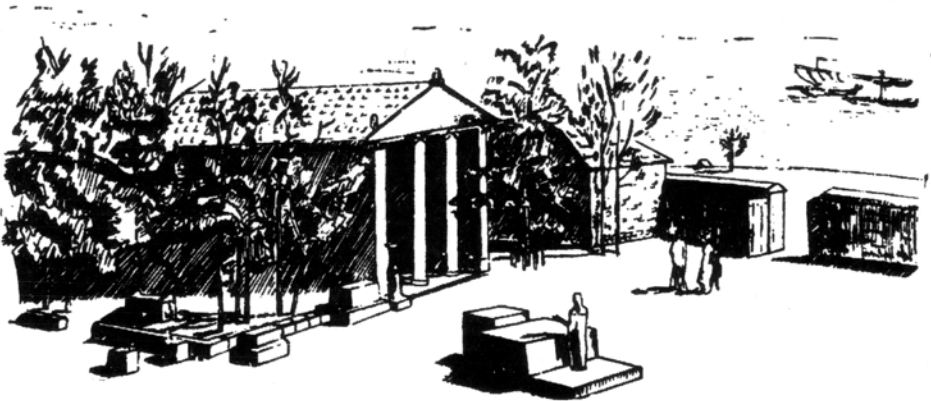

Рис. 13. Центральный теменос Ольвии с храмом Аполлона Дельфиния в V в. до н. э. Реконструкция А.Н. Карасева.

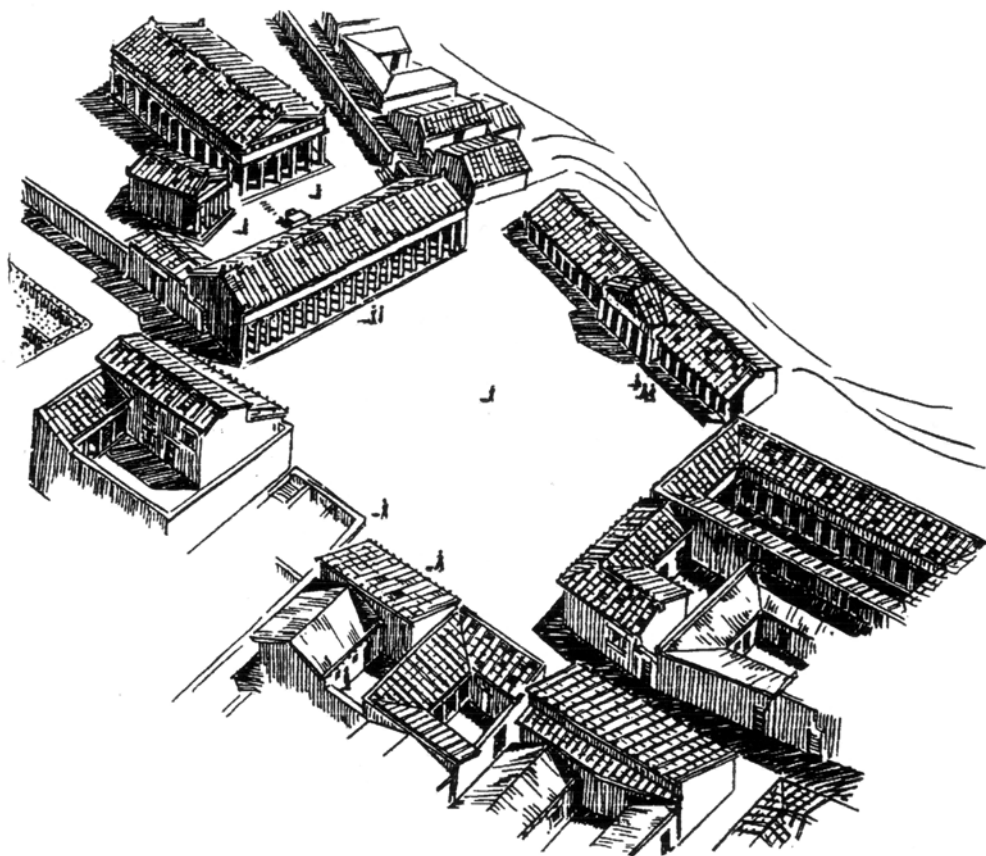

Рис. 14. Агора и Центральный теменос Ольвии с храмами Аполлона Дельфиния и Зевса в IV–III вв. до н. э. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Рис. 15. Ольвийские монеты в виде дельфинов. VI–V вв. до н. э.

Рис. 16. Прорисовка эмблемы Ольвии на монете IV в. до н. э.

Рис. 17. Серебряная монета с изображениями Деметры и эмблемы Ольвии с символами Аполлона и Зевса. III в. до н. э.

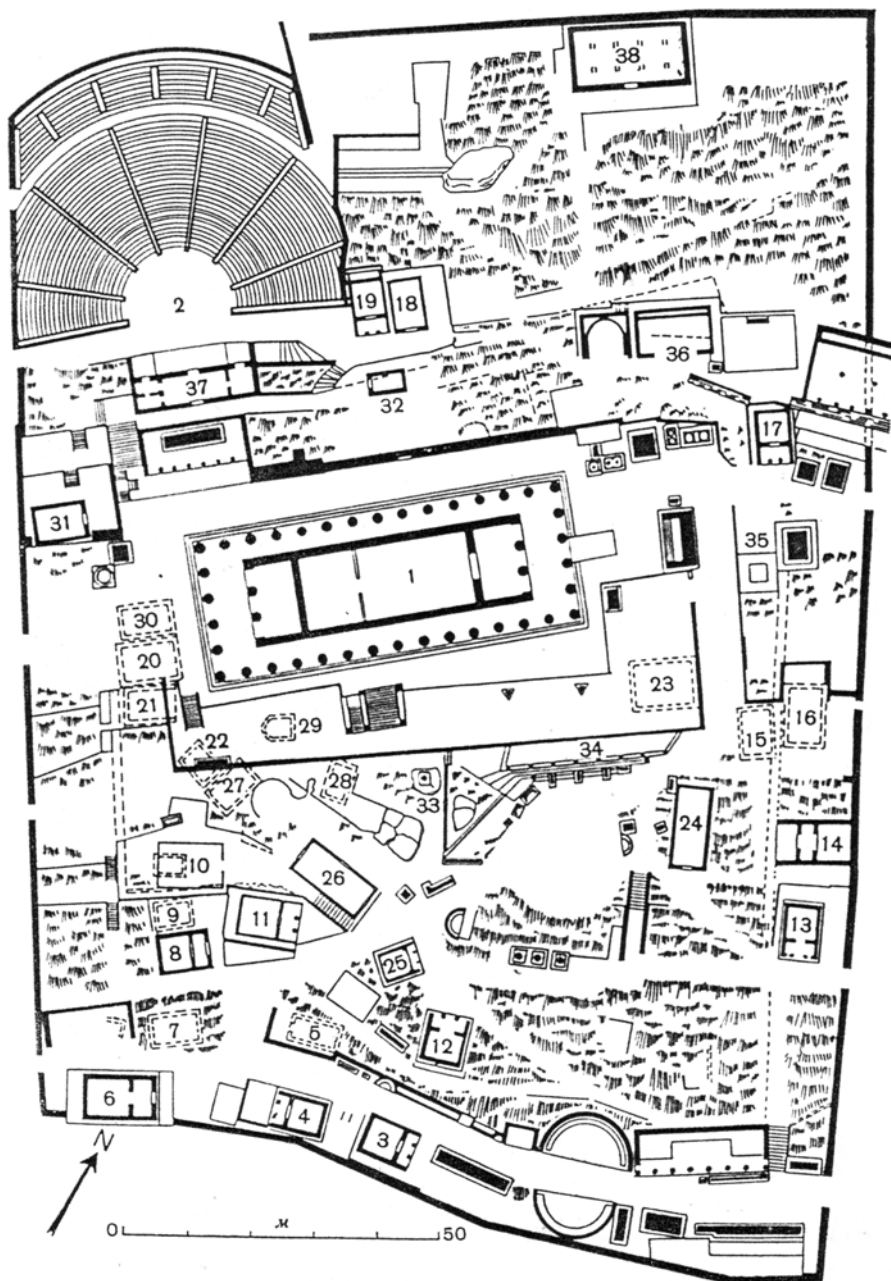

Рис. 18. План святилища Аполлона в Дельфах: 1. Храм Аполлона; 2. Театр; 3–17, 20–25, 31. Сокровищницы разных государств; 18, 19. Часовня и теменос Диониса; 26. Булеватерий; 27–30. Разрушенные постройки; 32. Часовня и теменос Посейдона; 33. Наксосский сфинкс; 34. Порттик афинян; 35. Колонна платейцев; 36. Монумент фессалийцев; 37. Сцена театра; 38. Лесха кнудян.

Рис. 19. Артемида,
поражающая лань.
Херсонесская медная монета
III в. до н. э.

Рис. 20. Ифигения около
кумира Артемиды.
Италийский кратер.
IV в. до н. э.

Рис. 21. Похищение кумира
Артемиды из таврического
храма. Италийская амфора.
IV в. до н. э.

Рис. 22. Афродита в раковине.
Афинский фигурный лекиф из
Фанагории. Конец V в. до н. э.

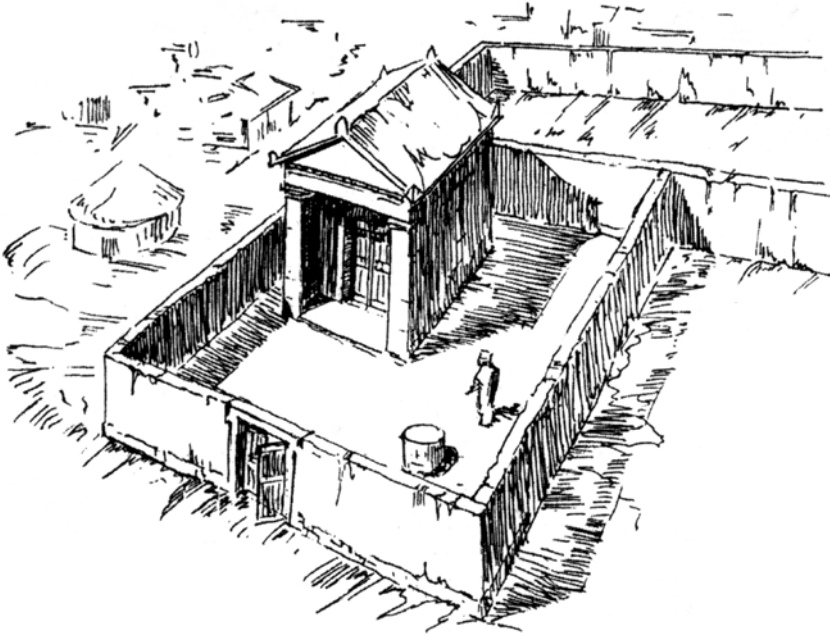

Рис. 23. Теменос с алтарем и храмом Афродиты в Борисфене. VI в. до н. э.
Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Рис. 24. Афродита Урания,
летящая на лебедь.
Известняковая стела из
Пантикапея. II в. до н. э.

Рис. 25. Афродита.
Мраморная статуэтка из Кеп.
II в. до н. э.

Рис. 26. Карта Аттики с пунктирным изображением пути праздничной процессии из Афин в Элевсин.

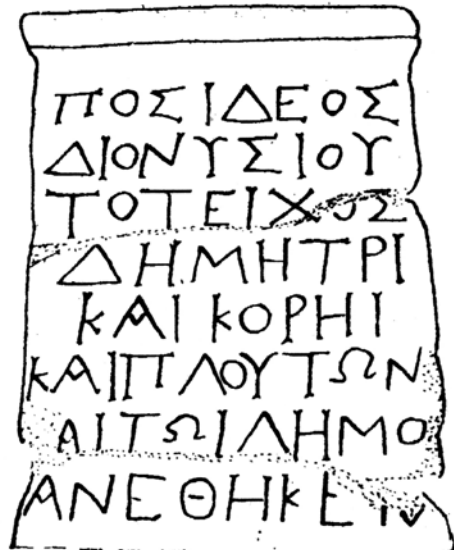

Рис. 27. Ольвийская надпись с посвящением Элевсинским богам. II в. до н. э.

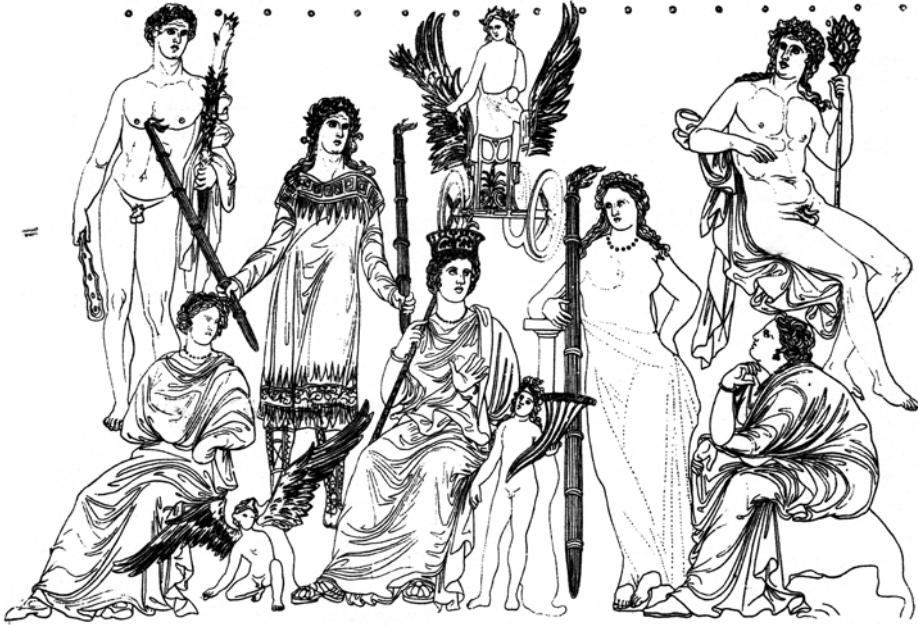

Рис. 28. Посвящение в Элевсинские мистерии. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

Рис. 29. Сцена из драматического представления на Элевсинских мистериях. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

Рис. 30. Деметра, Триптолем и Кора. Фрагмент краснофигурного сосуда IV в. до н. э. из Пантикапея.

Рис. 31. Посвящение в Элевсинские мистерии. Мраморный рельеф из Пантикапея. Рубеж V–IV вв. до н. э.

Рис. 32. Плутон, похищающий Кору. Ростись склепа Деметры. Пантикапей. I в. до н. э.

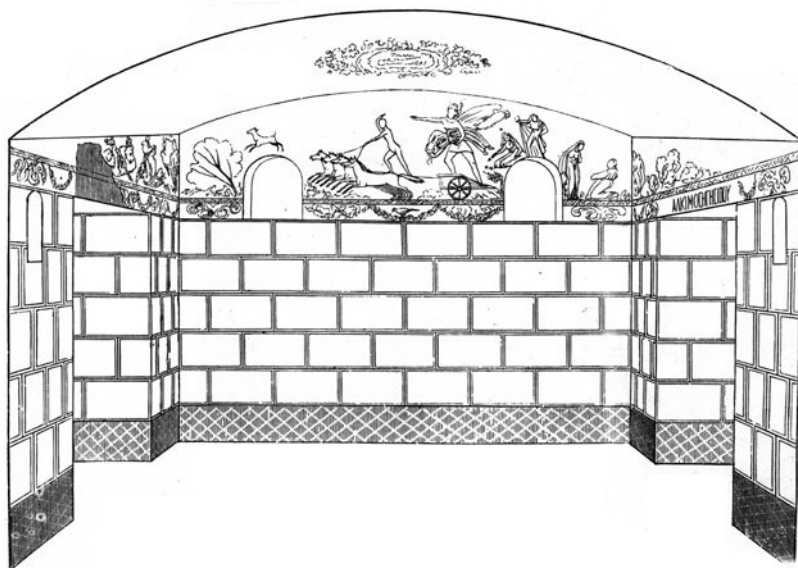

Рис. 33. Плутон, похищающий Кору. Фреска из склепа Алкима. Пантикапей. II в. н. э.

*Рис. 34. Кора. Ольвийская
терракота. III в. до н. э.*

*Рис. 35. Деметра. Ольвийская
медная монета. IV в. до н. э.*

*Рис. 36. Кибела. Мраморный
рельеф. Ольвия. III в. до н. э.*

*Рис. 37. Аттис с сирингой в
руках. Терракота. Ольвия.
I в. до н. э.*

Рис. 38. Праздник Диониса. Фрагмент краснофигурного канфара. Остров Левка. Конец VI в. до н. э.

Рис. 39. Праздник Леней. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.

Рис. 40. Бронзовое зеркало из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

Рис. 41. Ольвийский декрет в честь Каллиника со словами о награждении в театре на празднике Дионисии. Начало III в. до н. э.
Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

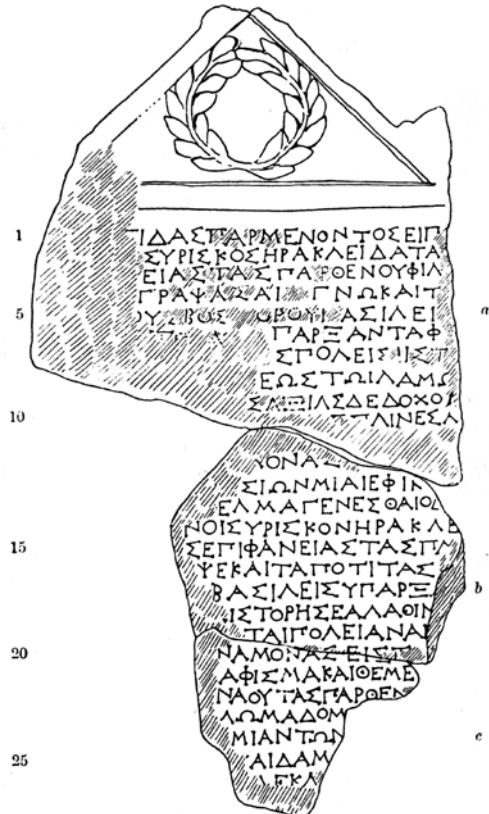

Рис. 42. Херсонесский декрет в честь историка Сирика с упоминанием праздника Дионисии. Вторая половина III в. до н. э.

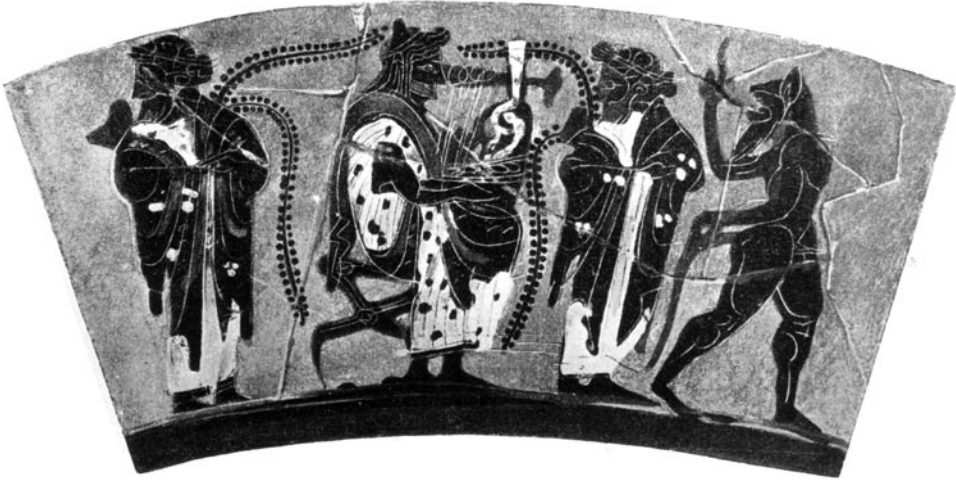

Рис. 43. Гермес, Аполлон, Дионис и Силен. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

Рис. 44. Встреча Аполлона и Диониса в Дельфийском храме. Прорисовка картины краснофигурного кратера из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

Рис. 45. Дионис. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.

Рис. 46. Дионис с тирсом и его спутники. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

Рис. 47. Терракотовые вотивные маски Диониса эллинистического времени из Пантикапея.

*Рис. 48. Терракотовая
вотивная маска Диониса
эллинистического времени
из Пантикапея.*

*Рис. 49. Терракотовая маска
сатира эллинистического
времени из Пантикапея.*

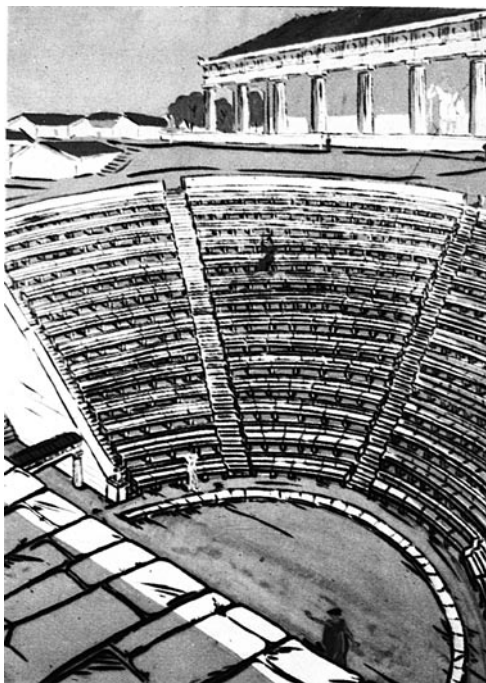

*Рис. 50. Ольвийский театр.
Реконструкция С.Д. Крыжицкого.*

*Рис. 51. Актер в костюме
Силена. Мраморный рельеф из
Пантикапея. IV в. до н. э.*

Рис. 52. Актеры в масках. Фрагмент краснофигурного кратера из Ольвии. Вторая половина V в. до н. э.

Рис. 53. Драматург Деметрий, авлет Проном, актеры и хористы. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.

Рис. 54. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.

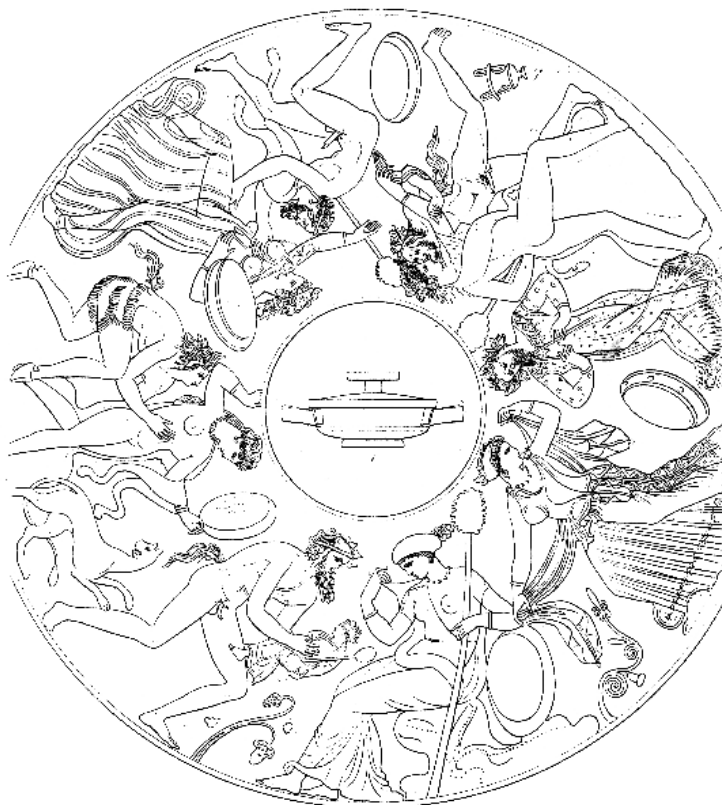

Рис. 55. Сцена из пьесы о детстве Диониса. Крышка краснофигурной леканы из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 56. Терракотовая трагическая маска из Пантикапея. I в. н. э.

Рис. 57. Терракотовая маска раба из Ольвии. IV в. до н. э.

Рис. 58. Бегун с факелом. Панафинейский амфориск из раскопок Боспора. Начало IV в. до н. э.

Рис. 59. Авлет, победитель мусического агона на Панафинейх. Чернофигурная амфора из Пантикапея. Рубеж VI–V вв. до н. э.

Рис. 60. Возница и апобат на колеснице. Панафинейская амфора. Середина IV в. до н. э.

Рис. 61. Кулачный бой. Панафинейская амфора из кургана у станицы Елизаветинской на Кубани. Конец V в. до н. э.

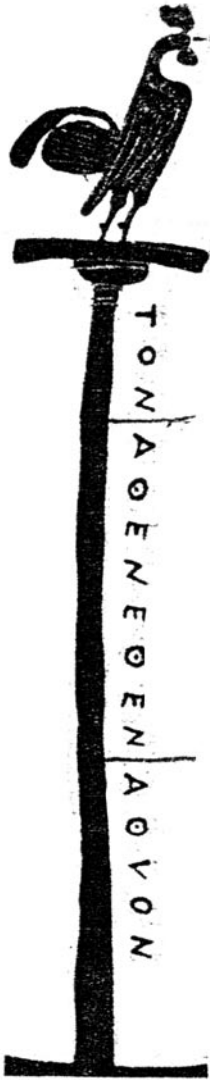

*Рис. 62. Колонна
с петухом и
призовая надпись
на панафинейской
амфоре. V в. до н. э.*

*Рис. 63. Афина. Панафинейская
амфора из Ольвии. III в. до н. э.*

*Рис. 64. Кифаред, победитель
мусического агона на Панафинях.
Панафинейская амфора из
некрополя Елисаветовского
городища на Дону.
Последняя треть V в. до н. э.*

Рис. 65. Кулачный бой и сражение Афины с гигантами. Чернофигурный кратер из Пантикапея. Середина VI в. до н. э.

Рис. 66. Бегуны с факелами у алтаря. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

Рис. 67. Афина и Тесей. Краснофигурная амфора из Нимфея. Середина V в. до н. э.

Рис. 68. Спор Афины и Посейдона. Краснофигурная гидрия из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

Рис. 69. Олимпийские боги. Кратер из кургана Бакса близ Пантикапея. Рубеж V–IV вв. до н. э.

Рис. 70. Голова статуи Афины из Парфенона. Золотая подвеска из кургана Куль-Оба. Первая половина IV в. до н. э.

Рис. 71. Вручение подарков невесте. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

Рис. 72. Вручение подарков невесте. Свадебный лебет из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

Рис. 73. Изображение чернофигурного свадебного лебета в сцене свадьбы. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

Рис. 74. Невеста с подругами в первый день свадьбы. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

Рис. 75. Невеста, принимающая подарки. Свадебный лебет из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

Рис. 76. Похищение Европы. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея. Первая четверть IV в. до н. э.

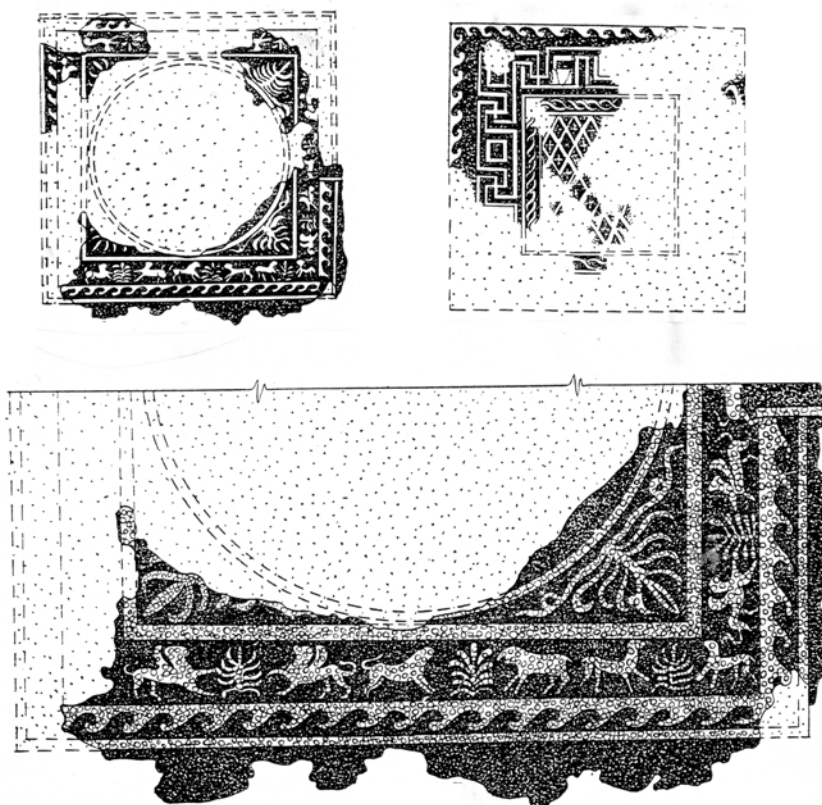

Рис. 77. Рисунки мозаичных полов ольвийских андронов эллинистического времени.

Рис. 78. Ольвийская мраморная стела ситонов. III в. до н. э.

Рис. 79. Танец во время симпозиона. Медальон краснофигурного килика из Вульчи. Первая четверть V в. до н. э.

Рис. 80. Симпозион. Краснофигурный килик из Вульчи. Первая четверть V в. до н. э.

Рис. 81. Симпосион. Фрагмент чернофигурного кратера из Пантикапея.
Последняя четверть VI в. до н. э.

Рис. 82. Возвращение с симпозиона. Чернофигурный килик из Ольвии.
Первая четверть V в. до н. э.

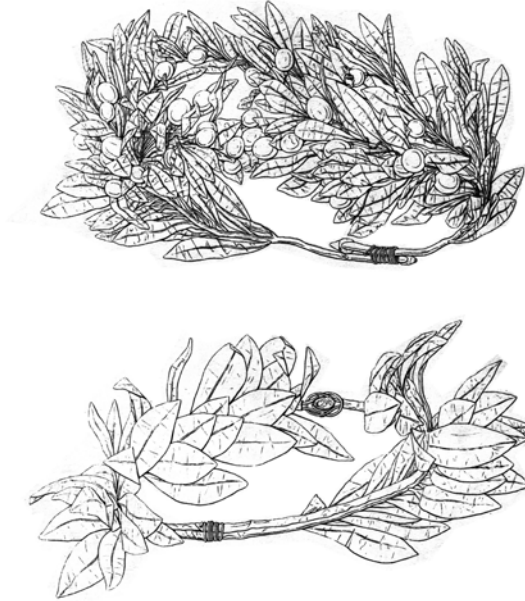

*Рис. 83. Золотые венки из некрополя
Пантикапея: верхний из кургана
Кекуватского, середина IV в. до н. э.;
нижний из погребения первой половины
III в. до н. э.*

*Рис. 84. Мраморная стела
с изображением венков,
полученных гражданином Тиры
в разных государствах. Рубеж
IV–III в. до н. э.*

*Рис. 85. Аттическая стела с изображением наград победителя
агонов на разных праздниках. II в. до н. э.*

*Рис. 86. Олимпийский чемпион
Киниск с венком победителя.
Реконструкция по римской копии
статуи, исполненной Поликлетом
в середине V в. до н. э.*

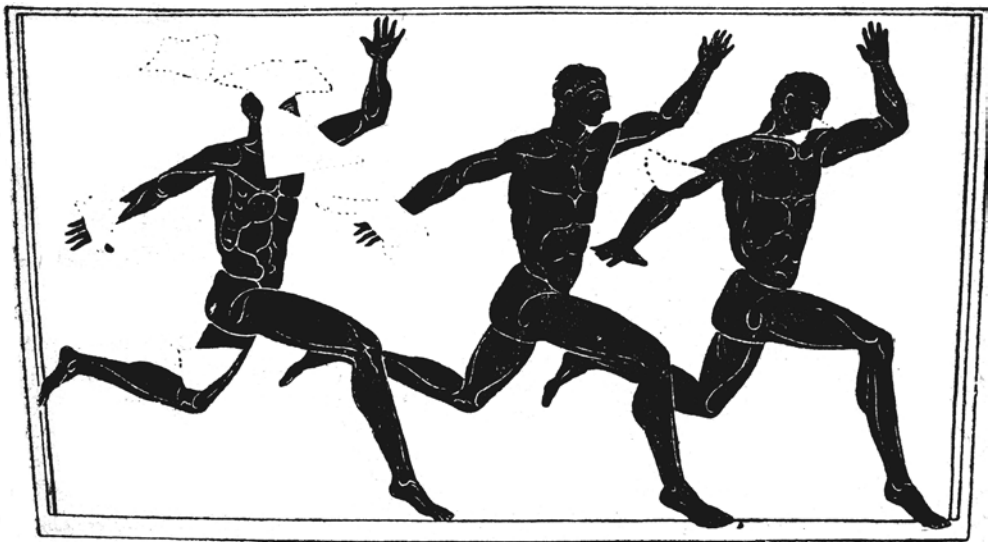

*Рис. 87. Состязание в беге. Панафинейская амфора из кургана Ак-Бурун близ
Пантикапея. Первая четверть IV в. до н. э.*

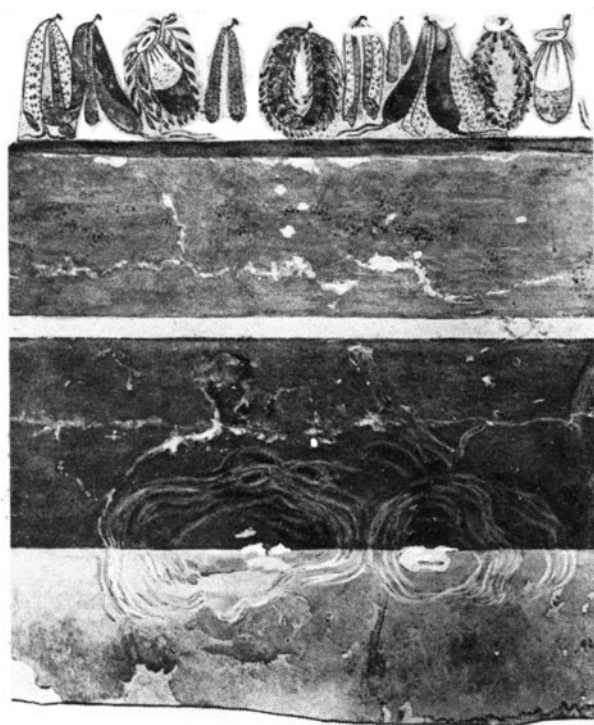

*Рис. 88. Венки и тени.
Фреска из боспорского
склепа. IV в. до н. э.*

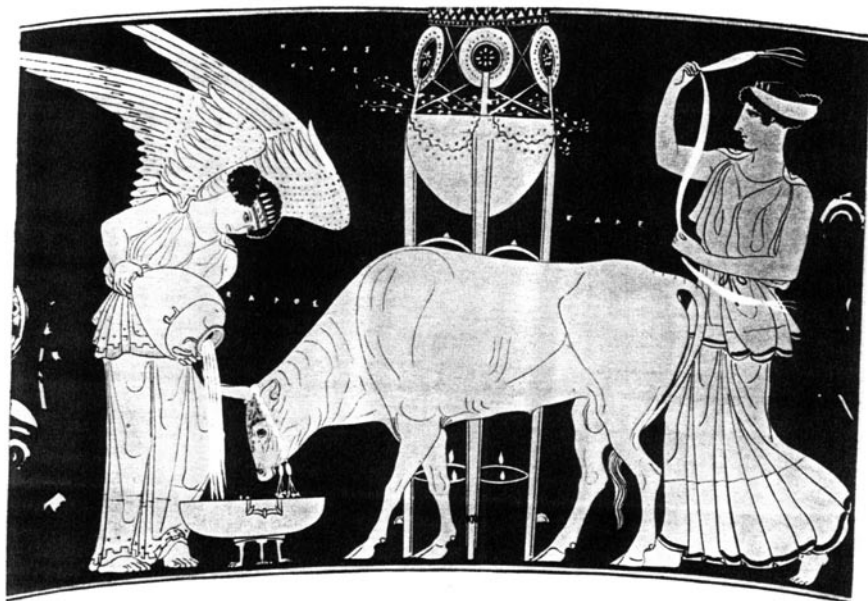

*Рис. 89. Жертвоприношение в честь победы на агоне с наградами в виде
треножника и тени. Краснофигурный стамнос.
Последняя треть V в. до н. э.*

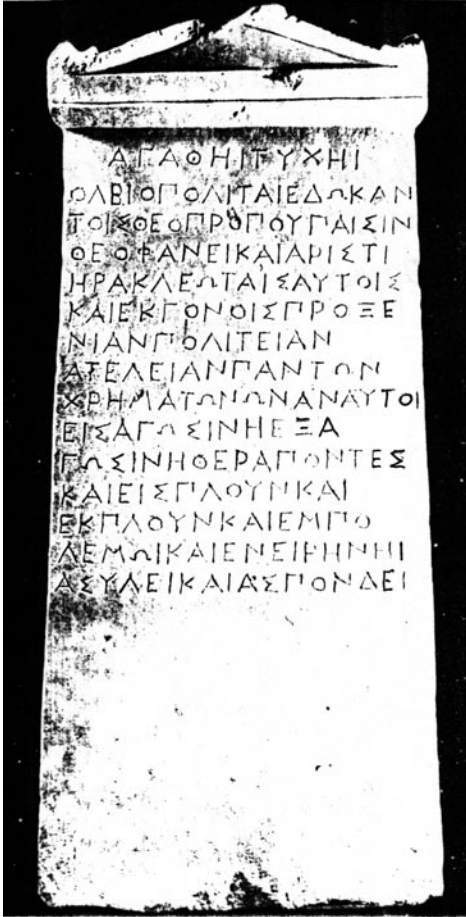

Рис. 90. Стела с текстом ольвийской проксении гераклеотам Феофану и Аристе. IV в. до н. э.

Рис. 91. Состязание колесниц. Чернофигурный онос из Борисфена. Конец VI в. до н. э.

Рис. 92. Амазонка в скифском костюме с горитом и скифским луком. Краснофигурный алабастр. Конец VI в. до н. э.

Рис. 93. Дискобол и прыгун с гальтерами. Чернофигурная амфора. Вторая половина VI в. до н. э.

Рис. 94. Исполнение стихов под аккомпанемент барбитона. Краснофигурный лекиф из Ольвии. Первая треть V в. до н. э.

Рис. 95. Бронзовый резонатор лиры в виде панциря черепахи с реконструированными стойками и струнами. Пантикапей. II в. н. э.

Рис. 96. Праздничное шествие женщин с кифарами. Рисунок на фрагменте клазоменского кратера из Борисфена. Первая треть VI в. до н. э.

Рис. 97. Поэты Сафо и Алкей.
Краснофигурный кратер из
Агригента. Первая треть
V в. до н. э.

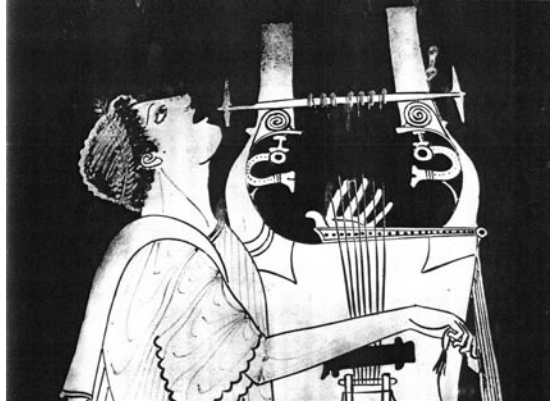

Рис. 98. Певец с кифарой.
Краснофигурная амфора из Нолы.
Начало V в. до н. э.

Рис. 99. Оттиск ольвийской серебряной монеты
с изображением кифары и Аполлона в венке.
Начало II в. до н. э.

Рис. 100. Аполлон с кифарой Артемида и Лето. Чернофигурная ольпа из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

Рис. 101. Авлет и Ника, символизирующая его победу на агоне. Фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии. Середина V в. до н. э.

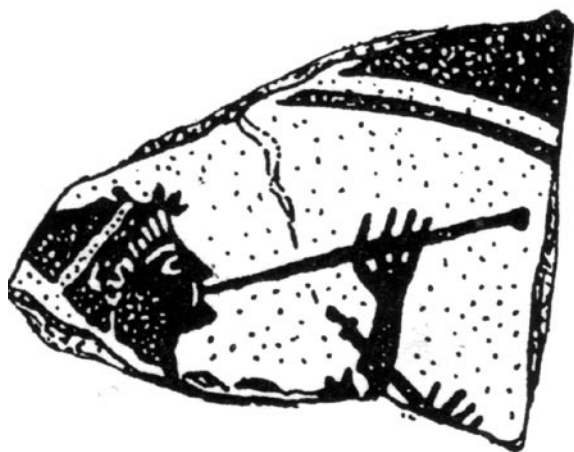

Рис. 102. Авлет, играющий на одной трубке аулоса. Фрагмент медальона краснофигурного килика из Ольвии. Середина V в. до н. э.

Рис. 103. Пан, играющий на сиригге. Серебряный браслет из Ольвии. III в. до н. э.

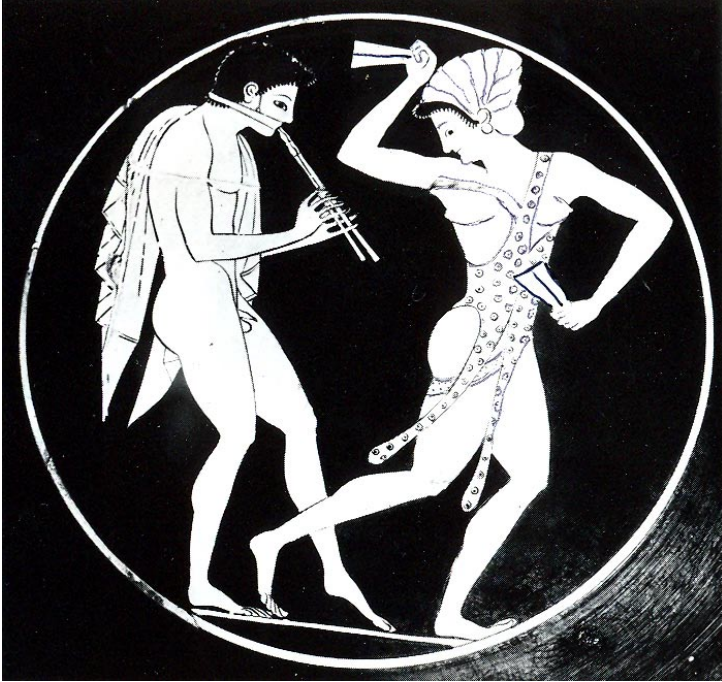

Рис. 104. Гетера с кроталами, танцующая под аккомпанемент аулоса.
Медальон краснофигурного килика из Вульчи. Начало V в. до н. э.

Рис. 105. Танец с кроталами. Золотая бляшка
из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

Рис. 106. Юноша, поющий под аккомпанемент аулоса. Фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии. V в. до н. э.

Рис. 107. Юноша, танцующий пиррихий. Краснофигурный кратер из скифского кургана. V в. до н. э.

Рис. 108. Шествие к жертвеннику. Краснофигурная ойнохоя из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

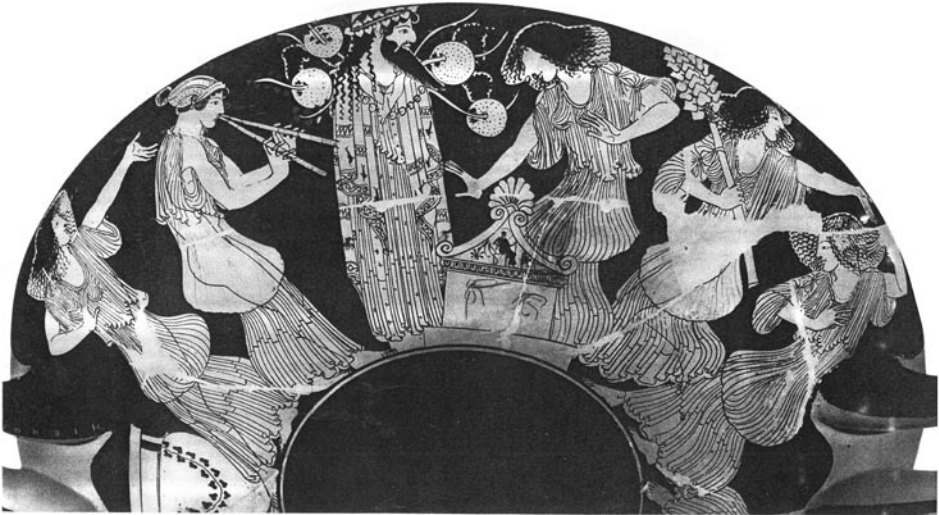

Рис. 109. Менады, танцующие у статуи и алтаря Диониса. Краснофигурный килик из Вульчи. Вторая четверть V в. до н. э.

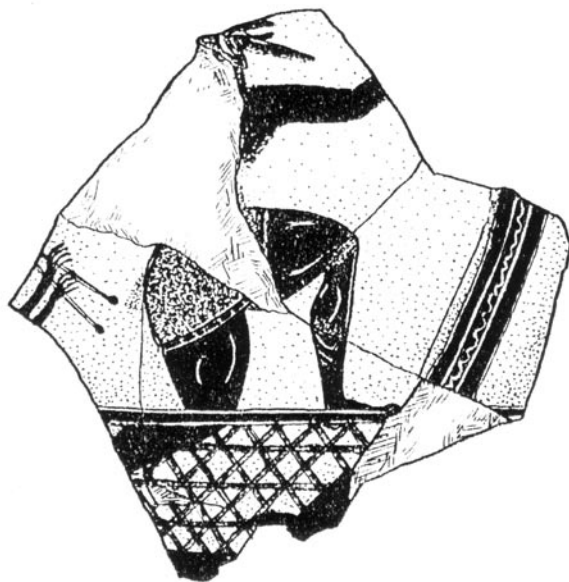

Рис. 110. Танец виноградаря. Обломок клазоменской вазы из Пантикапея. Третья четверть VI в. до н. э.

Рис. 111. Хоровод танцующих девушек. Килик из Пантикапея. V в. до н. э.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ¹

1. Карта. Античные города Северного Причерноморья и их соседи в V–IV вв. до н. э.
2. Праздничное шествие. Фрагмент клазоменского кратера, найденного на о. Березань. Первая треть VI в. до н. э.
3. Мраморный алтарь IV в. до н. э. из Херсонеса. Реконструкция И. Р. Пичикяна.
4. Известняковый алтарь V в. до н. э. на Центральном теменосе Ольвии.
5. Известняковый алтарь III–II вв. до н. э. на Западном теменосе Ольвии.
6. Мраморный алтарик эллинистического времени из Ольвии. Реконструкция А.В. Круглова.
7. Жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика из кургана Бакса близ Пантикапея. Конец V в. до н. э.
8. Возлияние у алтаря. Рисунок на стеле с ольвийским декретом римского времени.
9. Свинцовые букрании IV–II вв. до н. э. из Ольвии.
10. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Реконструкция В. П. Толстикова.
11. Пантикапейский храм Аполлона. V в. до н. э. Реконструкция И. Р. Пичикяна.
12. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии в V в. до н. э. Реконструкция С. Д. Крыжицкого.
13. Центральный теменос Ольвии с храмом Аполлона Дельфиния в V в. до н. э. Реконструкция А. Н. Карасева.
14. Агора и Центральный теменос Ольвии с храмами Аполлона Дельфиния и Зевса в IV–III вв. до н. э. Реконструкция С. Д. Крыжицкого.
15. Ольвийские монеты в виде дельфинов. VI–V вв. до н. э.
16. Прорисовка эмблемы Ольвии на монете IV в. до н. э.
17. Серебряная монета с изображениями Деметры и эмблемы Ольвии с символами Аполлона и Зевса. III в. до н. э.
18. План святилища Аполлона в Дельфах: 1. Храм Аполлона;

¹ Все включенные в список чернофигурные и краснофигурные вазы расписаны афинскими художниками.

Список иллюстраций

2. Театр; 3–17, 20–25, 31. Сокровищницы разных государств; 18, 19. Часовня и теменос Диониса; 26. Булевтерий; 27–30. Разрушенные постройки; 32. Часовня и теменос Посейдона; 33. Наксосский сфинкс; 34. Портик афинян; 35. Колонна платейцев; 36. Монумент фессалийцев; 37. Сцена театра; 38. Лесха книдян.

19. Артемида, поражающая лань. Херсонесская медная монета III в. до н. э.

20. Ифигения около кумира Артемиды. Итальянский кратер. IV в. до н. э.

21. Похищение кумира Артемиды из таврического храма. Итальянская амфора. IV в. до н. э.

22. Афродита в раковине. Афинский фигурный лекиф из Фанагории. Конец V в. до н. э.

23. Теменос с алтарем и храмом Афродиты в Борисфене. VI в. до н. э. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

24. Афродита Урания, летящая на лебеде. Известняковая стела из Пантикапея. II в. до н. э.

25. Афродита. Мраморная статуэтка из Кеп. II в. до н. э.

26. Карта Аттики с пунктирным изображением пути праздничной процессии из Афин в Элевсин.

27. Ольвийская надпись с посвящением Элевсинским богам. II в. до н. э.

28. Посвящение в Элевсинские мистерии. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

29. Сцена из драматического представления на Элевсинских мистериях. Краснофигурная пелика из Павловского кургана близ Керчи. IV в. до н. э.

30. Деметра, Триптолем и Кора. Фрагмент краснофигурного сосуда IV в. до н. э. из Пантикапея.

31. Посвящение в Элевсинские мистерии. Мраморный рельеф из Пантикапея. Рубеж V–IV вв. до н. э.

32. Плутон, похищающий Кору. Роспись склепа Деметры. Пантикапей. I в. до н. э.

33. Плутон, похищающий Кору. Фреска из склепа Алкима. Пантикапей. II в. н. э.

34. Кора. Ольвийская терракота. III в. до н. э.

35. Деметра. Ольвийский медная монета. IV в. до н. э.

36. Кибела. Мраморный рельеф. Ольвия. III в. до н. э.

37. Аттис с сирингой в руках. Терракота. Ольвия. I в. до н. э.

38. Праздник Диониса. Фрагмент краснофигурного канфара. Остров Левка. Конец VI в. до н. э.
39. Праздник Ленеи. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.
40. Бронзовое зеркало из Ольвии. Конец VI в. до н. э.
41. Ольвийский декрет в честь Каллиника со словами о награждении в театре на празднике Дионисии. Начало III в. до н. э. Прорисовка Ю. Г. Виноградова.
42. Херсонесский декрет в честь историка Сирика с упоминанием праздника Дионисии. Вторая половина III в. до н. э.
43. Гермес, Аполлон, Дионис и Силен. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.
44. Встреча Аполлона и Диониса в Дельфийском храме. Прорисовка картины краснофигурного кратера из Пантикапея. Конец V в. до н. э.
45. Дионис. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.
46. Дионис с тирсом и его спутники. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.
47. Терракотовые вотивные маски Диониса эллинистического времени из Пантикапея.
48. Терракотовая вотивная маска Диониса эллинистического времени из Пантикапея.
49. Терракотовая маска сатира эллинистического времени из Пантикапея.
50. Ольвийский театр. Реконструкция С. Д. Крыжицкого.
51. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф из Пантикапея. IV в. до н. э.
52. Актеры в масках. Фрагмент краснофигурного кратера из Ольвии. Вторая половина V в. до н. э.
53. Драматург Деметрий, авлет Проним, актеры и хористы. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.
54. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Краснофигурный кратер из Руво. Начало IV в. до н. э.
55. Сцена из пьесы о детстве Диониса. Крышка краснофигурной леканы из Пантикапея. IV в. до н. э.
56. Терракотовая трагическая маска из Пантикапея. I в. н. э.
57. Терракотовая маска раба из Ольвии. IV в. до н. э.
58. Бегун с факелом. Панафинейский амфориск из раскопок Боспора. Начало IV в. до н. э.
59. Авлет, победитель мусического агона на Панафинях. Чернофигурная амфора из Пантикапея. Рубеж VI–V вв. до н. э.

Список иллюстраций

60. Возница и апобат на колеснице. Панафинейская амфора. Середина IV в. до н. э.
61. Кулачный бой. Панафинейская амфора из кургана у станицы Елизаветинской на Кубани. Конец V в. до н. э.
62. Колонна с петухом и призовая надпись на панафинейской амфоре. V в. до н. э.
63. Афина. Панафинейская амфора из Ольвии. III в. до н. э.
64. Кифаред, победитель мусического агона на Панафинях. Панафинейская амфора из некрополя Елисаветовского городища на Дону. Последняя треть V в. до н. э.
65. Кулачный бой и сражение Афины с гигантами. Чернофигурный кратер из Пантикапея. Середина VI в. до н. э.
66. Бегуны с факелами у алтаря. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.
67. Афина и Тесей. Краснофигурная амфора из Нимфея. Середина V в. до н. э.
68. Спор Афины и Посейдона. Краснофигурная гидрия из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.
69. Олимпийские боги. Кратер из кургана Бакса близ Пантикапея. Рубеж V–IV вв. до н. э.
70. Голова статуи Афины из Парфенона. Золотая подвеска из кургана Куль-Оба. Первая половина IV в. до н. э.
71. Вручение подарков невесте. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.
72. Вручение подарков невесте. Свадебный лебет из Пантикапея. Конец V в. до н. э.
73. Изображение чернофигурного свадебного лебета в сцене свадьбы. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.
74. Невеста с подругами в первый день свадьбы. Свадебный лебет из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.
75. Невеста, принимающая подарки. Свадебный лебет из Пантикапея. Конец V в. до н. э.
76. Похищение Европы. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея. Первая четверть IV в. до н. э.
77. Рисунки мозаичных полов ольвийских андронов эллинистического времени.
78. Ольвийская мраморная стела ситонов. III в. до н. э.
79. Танец во время симпозиона. Медальон краснофигурного килика из Вульчи. Первая четверть V в. до н. э.

80. Симпосион. Краснофигурный килик из Вульчи. Первая четверть V в. до н. э.

81. Симпосион. Фрагмент чернофигурного кратера из Пантикапея. Последняя четверть VI в. до н. э.

82. Возвращение с симпосиона. Чернофигурный килик из Ольвии. Первая четверть V в. до н. э.

83. Золотые венки из некрополя Пантикапея: верхний из кургана Кекуватского, середина IV в. до н. э.; нижний из погребения первой половины III в. до н. э.

84. Мраморная стела с изображением венков, полученных гражданином Тиры в разных государствах. Рубеж IV–III в. до н. э.

85. Аттическая стела с изображением наград победителя агонов на разных праздниках. II в. до н. э.

86. Олимпийский чемпион Киниск с венком победителя. Реконструкция по римской копии статуи, исполненной Поликлетом в середине V в. до н. э.

87. Состязание в беге. Панафинейская амфора из кургана Ак-Бурун близ Пантикапея. Первая четверть IV в. до н. э.

88. Венки и тении. Фреска из боспорского склепа. IV в. до н. э.

89. Жертвоприношение в честь победы на агоне с наградами в виде треножника и тении. Краснофигурный стамнос. Последняя треть V в. до н. э.

90. Стела с текстом ольвийской проксении гераклеотам Феофану и Аристе. IV в. до н. э.

91. Состязание колесниц. Чернофигурный онос из Борисфена. Конец VI в. до н. э.

92. Амазонка в скифском костюме с горитом и скифским луком. Краснофигурный алабастр. Конец VI в. до н. э.

93. Дискобол и прыгун с гальтерами. Чернофигурная амфора. Вторая половина VI в. до н. э.

94. Исполнение стихов под аккомпанемент барбитона. Краснофигурный лекиф из Ольвии. Первая треть V в. до н. э.

95. Бронзовый резонатор лиры в виде панциря черепахи с реконструированными стойками и струнами. Пантикапей. II в. н. э.

96. Праздничное шествие женщин с кифарами. Рисунок на фрагменте клазоменского кратера из Борисфена. Первая треть VI в. до н. э.

97. Поэты Сафо и Алкей. Краснофигурный кратер из Агригента. Первая треть V в. до н. э.

98. Певец с кифарой. Краснофигурная амфора из Нолы. Начало V в. до н. э.

Список иллюстраций

99. Оттиск ольвийской серебряной монеты с изображением кифары и Аполлона в венке. Начало II в. до н. э.

100. Аполлон с кифарой Артемида и Лето. Чернофигурная ольпа из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

101. Авлет и Ника, символизирующая его победу на агоне. Фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии. Середина V в. до н. э.

102. Авлет, играющий на одной трубке аулоса. Фрагмент медальона краснофигурного килика из Ольвии. Середина V в. до н. э.

103. Пан, играющий на сиринге. Серебряный браслет из Ольвии. III в. до н. э.

104. Гетера с кроталами, танцующая под аккомпанемент аулоса. Медальон краснофигурного килика из Вульчи. Начало V в. до н. э.

105. Танец с кроталами. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

106. Юноша, поющий под аккомпанемент аулоса. Фрагмент краснофигурной пелики из Ольвии. V в. до н. э.

107. Юноша, танцующий пиррихий. Краснофигурный кратер из скифского кургана. V в. до н. э.

108. Шествие к жертвеннику. Краснофигурная ойнохоя из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

109. Менады, танцующие у статуи и алтаря Диониса. Краснофигурный килик из Вульчи. Вторая четверть V в. до н. э.

110. Танец виноградаря. Обломок клазоменской вазы из Пантикапея. Третья четверть VI в. до н. э.

111. Хоровод танцующих девушек. Килик из Пантикапея. V в. до н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.

АДЖ – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.

АНО – *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

АО – Археологические открытия

АП – *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.

АРК – Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1985.

ВДИ – Вестник древней истории

ДБК – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.

ГЗ – *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи У–IV вв. до н. э. СПб., 1995.

ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

КБН – Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965.

КПКЖ – *Лукиянов С.С., Гриневич Ю.П.* Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. №35. 1915.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МАР – Материалы по археологии России.

МГВ – *Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МИС – *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.

НО – Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968.

НЭПХ – *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2.

Список сокращений

- ОАК** – Отчеты Императорской археологической комиссии.
ОАМ – Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1993.
РА – Российская археология.
РД – Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
СА – Советская археология.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТС – Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г 1–11. М., 1970. Т. 1, 2.
АА – Archäologischer Anzeiger
ABF – Boardman J. Athenian Black-figure Vases. London, 1985.
AJA – American Journal of Archeology.
ARF – Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Archaik Period. London, 1985.
ARV² – Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963.
CIG – Corpus inscriptionum Graecarum.
GP – Goddes and Polis. The Panathenaic Festivals in Ancient Athens. Ed. J. Neils. New-Jersey, 1992.
GRA – Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975.
IG – Inscriptiones Graecae
IPE – Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
JHS – Journal of Hellenic Studies.
LIMC – Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd. 1–8. München, 1981–1997.
RCA – Metzger H. Les représentations dans la céramique attique du IV siècle. Paris, 1951.
RE – Pauly – Wissowa – Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894 sq.
SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum.
Syll³ – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. V. 1–4. Leipzig, 1915 – 1924. (3 ed).
UKV – Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin–Leipzig. 1934. Bd. 4.
WA – Worschipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Ed. J. Neils. Madison, 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
Глава I. Основные черты древнегреческих праздников.	7
Глава II. Праздники Аполлона.	29
Глава III. Праздники Артемиды.	46
Глава IV. Праздники Афродиты.	59
Глава V. Мистерии.	72
1. Мистерии – праздник посвященных в таинства.	72
2. Элевсинские мистерии – панэллинский праздник.	75
3. Участие жителей Северного Причерноморья в Элевсинских таинствах.	83
4. Праздники на Боспоре и в Ольвии по образцу Элевсинских мистерий.	101
5. Мистерии Кабиров в Самофракии и в Северном Причерноморье.	103
6. Празднества Кибелы и других богов восточного происхождения.	106
Глава VI. Дионисийские праздники.	119
1. Афинские праздники Диониса.	120
2. Праздники Диониса в городах Северного Причерноморья.	126
Глава VII. Праздники в театре.	140
1. Древнегреческие театры.	140
2. Театральные представления в Афинах.	142
3. Театр в эпоху эллинизма.	147
4. Театры в городах Северного Причерноморья.	150
5. Изображения актеров и театральных масок на предметах искусства из Северного Причерноморья.	155
Глава VIII. Праздники Афины.	163
1. Праздники Афины в городах Северного Причерноморья.	163
2. Празднование Великих Панафиней и участие в них жителей Северного Причерноморья.	166
3. Иллюстрации Панафиней на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.	176
Глава IX. Праздники разных богов и героев.	189

Глава X. Домашние праздники.	199
1. Свадьба.	199
2. Симпосион.	209
Глава XI. Венчание венком и объявления о наградах	
на праздниках.	219
1. Венок – символ античного праздника.	219
2. Вручение золотого венка – награда за гражданские и воинские доблести.	222
3. Призы за победы на праздничных агонах.	230
4. Объявление о постановке статуи.	238
5. Провозглашение почетного декрета с решением о постановке каменной стелы с текстом декрета	241
6. Дарование права проэдрии.	243
7. Похвала и праздничное угощение.	244
Глава XII. Спортивные и музыкальные агоны.	247
Глава XIII. Музыка, пение и танцы во время празднеств.	269
1. Музыкальные инструменты и их изображения на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья.	270
2. Музыканты, певцы и танцоры.	279
3. Роль музыки, пения и танцев во время празднеств в честь разных божеств.	285
Глава XIV. Праздники, календарь и определение времени.	295
Заключение.	307
Иллюстрации.	313
Список иллюстраций.	356
Список сокращений.	362

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ
В ЭЛЛАДЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Оригинал-макет С. Н. Блащук

Підписано до друку _____р. Формат 70х108/16

Ум.друк.арк. 20. Обл.вид.арк.

Наклад 300 прим. Зам. _____

Поліграф. д-ця Ін-ту історії України НАН України.

Київ-1, вул. М.Грушевського, 4.